

**ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ
ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
И ВОПРОСЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ**

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории имени Ш.Марджани

**ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ
ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
И ВОПРОСЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ**

**Историко-этнографический
атлас татарского народа**

Казань
ПИК «Дом печати»
2002

ББК 63.5(2)

Э91

Книга издана при финансовой поддержке Фонда НИОКР Республики Татарстан, договор № 01-1.9-140 (2002 г.)

Редакционная коллегия:

М.З.Закиев, Д.М.Исхаков, Р.Г.Мухамедова (руководитель темы), Ю.Г.Мухаметшин, С.В.Суслова, Р.К.Уразманова, А.Х.Халиков, Н.А.Халиков, М.Х.Хасанов.

Редакторы тома:

Р.К.Уразманова, Н.А.Халиков

Рецензенты:

кандидат исторических наук Р.Н.Мусина

кандидат исторических наук Р.Р.Салихов

ISBN 5-94259-057-5

Э91 Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Изд-во ПИК «Дом печати», 2002. – 248 с.

Монография завершает серию из шести томов Историко-этнографического атласа татарского народа. В ее создании принимали участие авторы предыдущих выпусков Атласа, посвященных всесторонней характеристике традиционного (сер. XIX - нач. XX вв.) хозяйства, ткачества, народного костюма, годового цикла обрядов.

Авторы глав, опираясь на методы этнографического картографирования и типологии, выделяют локальные комплексы традиционной культуры татар Поволжья и Урала. В работе рассматривается влияние природных, социально-экономических условий на сложение историко-культурных ареалов. Основное содержание настоящего тома - определение субэтнических, этноконфессиональных, этнографических, территориальных подразделений народа, анализ факторов их формирования.

Для широкого круга читателей - этнографов, историков, краеведов, музейных работников, преподавателей и студентов вузов.

ISBN 5-94259-057-5

© Коллектив авторов.

© Академия наук Республики Татарстан, 2002.

От редакторов

Данная работа является итоговым томом Историко-этнографического атласа татарского народа, к составлению которого коллектив этнографов из сектора археологии и этнографии Института языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР (позднее - отдел этнографии ИЯЛИ, сегодня - отдел этнологии Института истории им.Ш.Марджани АН РТ) под руководством Р.Г.Мухамедовой в 1971 г. К этому времени была осознана необходимость расширения и углубления источниковой базы этнографических исследований на основе проведения крупномасштабного обследования татарского населения Волго-Уральского региона по единым программам. В связи с трудоемкостью исследовательского процесса некоторые группы татар (живущие в Западной Сибири, Астраханской области и др.) на данном этапе в структуру Атласа не вошли.

Первые пятнадцать лет работы были годами сбора экспедиционных, музейных, литературных, архивных материалов. За эти годы было совершено 28 экспедиций, охватывающих около 450 населенных пунктов в квадрате 40° - 67° восточной долготы и 50° - 57° северной широты. Руководителями экспедиций являлись: в 1971-1976 гг. Р.Г.Мухамедова, а с 1977 по 1987 гг. - Ю.Г.Мухаметшин. В них принимали участие практически все этнографы отдела (Р.К.Уразманова, С.В.Суслова, Н.А.Халиков, Ф.Ш.Сафина, Ф.Л.Шарифуллина, Д.М.Исхаков). Неизменным участником был А.А.Мазанов, как художник-исследователь, отвечавший за сбор изобразительного материала.

Массовый и хорошо аннотированный полевой этнографический материал был собран авторами путем устной информации, анкетирования, фото и изо фиксации на обширном пространстве расселения татар в Поволжье и на Урале (карта 1). Изучалось в первую очередь сельское население, поскольку именно оно было носителем этнокультурных традиций.

Кроме того, были изучены фонды 25 музеев и более 20 архивов страны (1, с.181-183). Собран большой статистический, картографический и изобразительный материал. Эти сведения являются ценным, подчас уникальным, дополнением к экспедиционным материалам.

Сбор материала и его научная интерпретация проводились по трем хронологическим периодам: середина XIX в., конец XIX - начало XX вв., современность, то есть 60-80-е годы XX столетия. Выбор первой даты был обусловлен появлением достаточно многочисленного этнографического материала, преимущественно различных публикаций и рукописей. Второй период представляет особый интерес, поскольку это время характерно обилием доступного материала (архивного, печатного, вещественного, а также массовыми полевыми данными - результатами опроса информаторов). И, что особенно важно, на рубеже XIX- XX вв. в традиционной народной культуре, не взирая на нарастающие изменения, связанные со значительными этническими и социально-экономическими переменами, еще сохраняется множество архаичных черт, отображающих процессы генезиса, развития культуры. А благодаря третьему периоду (современность) представляется уникальная возможность проследить развитие этнокультурных процессов на протяжении полутора столетий.

С целью максимальной исторической достоверности и репрезентативности материал собирался и на первом этапе фиксировался на картах по волостной сетке: исследовались 1-2 селения на волость по административному делению России до 1917 г. Обобщенные и систематизированные данные переносились на уездные карты - основу Атласа. Знаковая нагрузка карт относится только к татарскому населению, как в уездах, где по численности татары преобладают, так и где их меньшинство. Благодаря этому удалось отобразить максимум информации при небольшом объеме, ограниченном типографическими возможностями.

Фиксация и картографирование материала проводились с учетом его количественной характеристики по трем градациям: явления единичные, бытующие и преобладающие. В первом случае подразумевались один - несколько случаев на фоне других массовых явлений. Бытующими считались два или более примерно равных по численности явления, либо насчитывающих от 10-15 и до 49%. К числу преобладающих относятся явления, господствующие в сравнении с другими, либо превышающие 50%.

В рамках Атласа проделана большая работа по описанию и систематизации основных элементов традиционной культуры татарского народа. На основе картографирования установлена территория распространения типов и вариантов элементов материальной и духовной культуры татар, выявлена их динамика, начиная со второй половины XIX в. Исследована хозяйственная основа татарского этноса, подробно проанализирована динамика численности, особенности расселения татар в Поволжско-Приуральском регионе в связи с этническими процессами. Все это дает возможность составить максимально полную характеристику традиционной культуры народа, свидетельствующую о ее богатстве, многообразии и вариативности в едином этнокультурном поле. Материалы и выводы Атласа позволяют ближе подойти к решению вопросов генезиса, развития и функционирования народной культуры как целостного явления, а также отдельных ее составных частей.

Предлагаемый вниманию читателей том имеет несколько особенностей. Он был подготовлен раньше, чем увидели свет основные тома Атласа, поскольку отражал определенный промежуточный этап в создании Историко-этнографического атласа татарского народа: подготовку комплексных карт по отдельным темам. Поэтому в создании монографии участвовали авторы будущих томов. Подготавливая соответствующие главы настоящего тома, они отработывали принципы создания своих томов, обосновывая комплексные карты и выделяя этнокультурные ареалы. Прделанная работа не утратила научного значения и интереса, не взирая на публикацию томов Атласа (2-7).

Монография состоит из трех разделов. Первый раздел содержит главы о влиянии экологических и социально-экономических факторов на сложение некоторых особенностей культуры поволжских татар (авторы Ю.Г.Мухаметшин, Н.А.Халиков). Второй раздел, по сути - центральный в работе, посвящен выделению этнотерриториальных групп народа и вопросам их формирования (Д.М.Исхаков). В главах третьего раздела приводятся этнокультурные комплексы на примере жилища (Н.А.Халиков), ткачества (Ф.Ш.Сафина), одежды (С.В.Суслова), праздников и обрядов (Р.К.Уразманова). Сноски на источники даются в конце каждой главы.

-
1. 50 лет поисков и открытий. Казань, 1989.
 2. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. Казань, 1993.
 3. Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала. Середина XIX - начало XX вв. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 1995.
 4. Сафина Ф.Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала (Конец XIX - начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 1996.
 5. Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX - начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000.
 6. Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. (Годовой цикл XIX - нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2001.
 7. Мухаметшин Ю.Г. Усадьбы, постройки и жилище татар Поволжья и Урала. Конец XIX - начало XX вв. Историко-этнографический атлас татарского народа. (в связи с уходом автора на пенсию, том готовится к печати его ответственным редактором Н.А.Халиковым).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава 1. Экологическая среда и традиционная культура татар Поволжья и Урала

Человеческие сообщества - будь то семья, сельская община, этнографическая группа или народ - существуют в конкретном пространстве, характеризуемом определенной суммой физико-географических, социально-экономических и политических условий. Именно эти организующие параметры определяли ход, направление и результаты эволюции сообществ (1, с.7).

Степень и направление влияния экологических, социально-экономических и других условий функционирования этносов в разные исторические эпохи неравнозначны. По справедливому замечанию Н.А.Бутинова, «...различие внешних природных условий вызывает различия в культуре, и влияние окружающей природной среды на человека тем непосредственней, чем тоньше культурный слой, отделяющий человека от этой природной среды, чем ниже уровень социально-экономического развития народа» (2, с.97). По мере эволюции общества возрастает значение социально-экономических факторов, политических условий и т.п., а степень влияния экологической среды падает. В современных индустриально развитых странах это влияние второстепенно на фоне детерминирующих условий: научно-технической революции, урбанизации, индустриализации и т.д.

Экологическая среда наряду с местными и диахронными особенностями социально-экономического и иного характера обуславливает локальные варианты этнической культуры, образа жизни и хозяйства. Иначе говоря, единство биосоциальной природы человека обуславливает общность черт культуры, различная окружающая среда через посредство уровня производства порождает, наряду с другими факторами, многообразие форм культуры (2, с.97).

Категории «экологическая среда», «хозяйство», «быт», «культура» в определенном сочетании входят в концепцию «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ): исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, характерный для народов с одинаковым уровнем социально-экономического развития и живущих в схожих естественно-географических условиях (3, с.2; 4, с.4). Еще в XIX столетии эту взаимосвязь подметил секретарь Казанского губернского статистического комитета: «... земледелие и скотоводство не имеют здесь особенно значительных оттенков. Они доведены до той степени, которая составляет весьма продолжительную эпоху в истории сельского хозяйства везде, у каждого народа» (5, с.2). Дальнейшее развитие этноэкологического направления в этнографических исследованиях народов нашей страны наметилось в середине 1970-х гг. в связи с выдвинутой В.П.Алексеевым концепцией «антропогеоценоза», суть которой сводилась к обусловленности феноме-

на группового (популяционного) долгожительства успешной этнокультурной адаптацией людей к природной среде их обитания. На основе этой теории в отечественной науке создалась новая дисциплина - этническая или культурная экология, расположенная на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией) и этнодемографией. В задачу этнической экологии входит изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических общностей в природных и социально-культурных условиях их обитания, использования этносами природной среды, их взаимодействия с этой средой и т.д. (6, с.14-41).

В настоящей главе с позиций этнической экологии рассматривается место природной среды в ряду факторов-условий формирования и функционирования этноса. В силу специфики экологической среды, особое внимание уделяется направлению и степени ее влияния на хозяйство и хозяйственную культуру, поселения и жилище. Представляет интерес механизм и некоторые результаты трансформации традиционной культуры в ходе миграций в новых природных условиях и изменения ландшафта вследствие хозяйственной деятельности.

Татары Поволжья и Урала в середине XIX- начале XX вв. входили в ХКТ пашенных или плужных земледельцев лесостепи и лесов умеренного пояса. В то же время этнос находился на стадии формирования нации и утверждения капиталистических производственных отношений, что подразумевало не только имущественное и социально-классовое деление общества, но также и развитие промышленности и других структур, характерных для капиталистической формации. В известной степени здесь налицо противоречие, ибо по замечанию Б.В. Андрианова, промышленная революция, иначе говоря, развитие капитализма деформирует и разрушает многие ХКТ, сохранившиеся от предшествующих эпох (7, с.33). Но волго-уральских татар и, прежде всего сельскую часть населения, в конце XIX в. составлявшую около 95% (8, с.4), указанный процесс затронул в своеобразной форме.

Сельскохозяйственное производство у татар и в условиях товарного производства сохраняет ведущую роль, лишь усложняясь и приспособляясь к потребностям рынка. Происходят, главным образом, структурные социально-экономические изменения и в меньшей степени - в технике ведения земледелия и скотоводства: новые системы земледелия, сельскохозяйственные культуры, породы скота получали пока еще небольшое и не повсеместное распространение. Менялся характер соединения земледелия с промыслами. Последние также трансформировали свою социально-экономическую природу (9, с.205): на смену домашним ремеслам все шире приходят кустарные промыслы. В отдельных районах в хозяйственной деятельности начинают преобладать не земледелие и животноводство, а кустарные ремесленные и отходнические промыслы. Однако кустарные промыслы по-прежнему входили в структуру крестьянского хозяйства: «... большую часть крестьянского спроса на промышленные изделия в конце 50-х годов (и позднее, на протяжении значительной части пореформенного периода - Ю.М., Н.Х.) по-прежнему покрывало собственное хозяйство крестьян и мелкая промышленность» (10, с.100). По сути, масса татарского крестьянства, в том числе и часть сельских буржуа и сельского пролетариата не порывала со своим наделом и земледельчес-

ким хозяйством. Поэтому, невзирая на отделение ремесла от земледелия, развитие мануфактурной и фабрично-заводской промышленности, экономической базой татарского этноса еще длительное время оставалось земледелие и животноводство. Соответственно, сельское население являлось главным носителем хозяйственно-культурного типа и хранителем хозяйственно-культурных традиций (11, с.8).

Имели значение и особенности этнокультурной и политической истории татар. Многовековой оседлый быт, обусловленный пашенным земледелием и стойловым скотоводством; устойчивый характер сельских поселений с налаженными хозяйственно-бытовыми связями; сохранение джиенных традиций - реликта родоплеменных отношений; искусственная и естественная консервация сельской общины; разрушение в середине XVI в. развитой городской культуры и перенос центра экономической жизни народа в сельскую местность - эти и другие причины способствовали формированию таких особенностей национального характера, как привязанность к земле, сельскому быту и родному аулу.

Наряду с ХКТ пашенных земледельцев, в Поволжье и Урале вплоть до начала XX в. еще сохранялись в различной степени элементы прежде распространенных ХКТ охотников и рыболовов (в лесной полосе) и кочевников-скотоводов (в степной зоне). Следы двух последних типов, как результат этнокультурного влияния соседей или сохранения давних хозяйственных традиций, и в рассматриваемое время прослеживались в культуре татар. В частности, охота была распространена преимущественно в местах их очагового расселения среди марийцев, удмуртов и башкир. Отдельные рудименты кочевнической культуры у казанских татар наблюдались в конных состязаниях на весеннем празднике сабантуй, у некоторых групп приуральских и зауральских татар в отгонной пастьбе скота на летовки *жәйләү*, у юго-восточных групп народа в бытовании твердого сыра *корт*, в традиции закруглять углы дома декоративными полотенцами, а также в особом распахном крае верхней одежды, «широком шаге» штанов, приспособленных для верховой езды и т.п.

С концепцией ХКТ тесно связано такое историческое понятие как «историко-этнографическая область» (ИЭО). Их общность основывается на приоритете единства хозяйственно-культурных традиций этносов, населяющих регион со сходными экологическими условиями. Для народов, входящих в ИЭО, общность природной среды в сочетании с единством исторического процесса означает близость хозяйственно-бытового уклада, сформировавшегося в ходе тесных этнокультурных контактов. Более того, ИЭО формирует историко-культурную среду для развития ХКТ (12, с.25).

Поволжье и Урал в разные исторические периоды входили в различные, устойчивые и протяженные во времени политические образования: Волжскую Булгарию, Золотую Орду, Казанское и Касимовское ханство, Русское государство. Первые четыре государственных образования, связанные общностью населения и преемственностью культуры, послужили тем организующим началом, в недрах которого и начали складываться элементы Волго-Уральской ИЭО. И в X-XVI вв., и позднее поволжские булгары и татары оказывали влияние на формирование общих черт в культуре народов Поволжья и Урала (13, с.29). С присоединением края к Русскому государ-

ству, местные народы окончательно входят в Историко-этнографическую провинцию «Европейская часть России». Этнокультурное участие русского народа в сложении ИЭО, имевшее место и ранее, со второй половины XVI в. несоизмеримо возрастает. В итоге в течение последних столетий складывается общий облик земледелия, скотоводства, промыслов, формируются многочисленные параллели в материальной и духовной культуре славянских, тюркских и финно-угорских народов.

Степень влияния физико-географических факторов на отдельные стороны хозяйства, быта и культуры в их пространственно-временном континууме далеко не равнозначна. Наиболее рельефно оно прослеживается в сфере сельскохозяйственной деятельности. Еще А.П.Щапов отмечал: «производство хлеба зависит от почвы, климата и вообще от дневной природы. Поэтому земледельческая колонизация и культура почти всецело подчинены физическим законам и условиям: по самому существу своему она не свободна так от природы, как торгово-индустриальные, ремесленные и фабрично-заводские поселения» (14, с.201). Особенности рельефа, климата, почв и т.д. определяли важнейшие составные элементы агрокультуры - системы земледелия, состав возделывавшихся полевых и огородных культур, пахотные орудия, способы переработки урожая и т.д. Земледельческие орудия в России до XX столетия были чрезвычайно разнообразны по конструкции и назначению, что обуславливалось, наряду с этнокультурными традициями, развитием фабричной и кустарной промышленности, также и различиями естественно-географических условий страны (15, с.461). Те же локальные особенности природной среды определяли отдельные стороны животноводства, например, возможность зимнего выпаса скота на подножном корме (тебеневку). От наличия и степени доступности растительного или минерального сырья зависели многие виды промыслов. Физико-географические факторы оказывали значительное воздействие на расселение, размеры и планировку поселений, характер их озелененности, водоснабжения, а в сельском строительстве обуславливали не только набор строительных материалов, но и многие конструктивные и функциональные параметры жилых и хозяйственных построек.

Как отмечалось выше, в зависимости от уровня социально-экономического развития этноса, проявлялось и действие экологической среды на культуру, которая была «в этом, адаптивно-адаптирующем процессе своего рода связывающим звеном между природой и человеческим обществом» (16, с.34). Так, ареальные особенности в традиционных блюдах татарской национальной кухни в значительной степени определялись видами выращиваемых продовольственных культур, степенью развития подсобных отраслей хозяйства (скотоводства, огородничества, собирательства), которые непосредственно обуславливались флорой и фауной, климатом, качеством почв и т.п. Опосредованное воздействие экологии на развитие традиционной материальной культуры выступало и в видах применяемых тканей, их цветовом колорите и т.д., определявшихся культивированием тех или иных технических прядильных культур, наличием растительных красителей. Подобная зависимость существует и в сфере духовной культуры. Достаточно упомянуть обряды вызывания дождя, пожелания урожая и т.п. Определенная взаимосвязь существует между природной средой и на-

родными праздниками: для нормального ведения земледельческих или других сельскохозяйственных работ необходим календарь и с течением времени к датам начала тех или иных сезонных работ были приурочены праздники (17, с.65; 18, с.377-378) (осенний сев на Спаса, сабантуй до или после сева). Иначе говоря, «природа не только обуславливает особенности социально-культурной деятельности в каждом регионе, но отражается в сознании и самосознании человеческих коллективов, их фольклоре, литературе, прочей художественной культуре» (19, с.21).

Остановимся на содержании понятия «экологическая среда» применительно к территории расселения поволжско-приуральских татар. В географическом аспекте эта территория разделяется на следующие районы: Окско-Сурское междуречье, Среднее Поволжье, Предкамье (с Заказаньем в его составе), Западное и Восточное Закамье, Пермское и Башкирское Приуралье, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, собственно Урал и Зауралье (карта I). Ландшафт перечисленных районов входит в 4 природные зоны: лесную, лесостепную, степную и горную с различными физико-географическими характеристиками. Эти отличия обуславливали особенности в хозяйстве, быту и культуре, причем нередко столь выраженные, что население, например, Предкамья и Нижнего Поволжья относилось к разным ХКТ (плужные земледельцы в Вятской губ. и скотоводы-рыболовы-овощеводы в Астраханской губ.).

В пределах конкретной природной зоны физико-географические отличия были менее заметны и более различались в меридиональном направлении, поскольку по мере удаления от влажного Атлантического океана вглубь Евразии континентальность климата (сухость и сезонно-суточные колебания) нарастала. Соответственно ощутимые различия наблюдались в хозяйстве, быту и культуре западных и восточных групп народа: в агротехнике и составе возделывавшихся культур, животноводстве, сельском домостроении. В последнем, например, несмотря на общность ряда типологических параметров в рамках Поволжско-Уральской ИЭО наблюдались существенные различия в формах отопительной системы, приемах строительной техники - срубной, каркасно-столбовой, каменной, глинобитной и т.д.

Рельеф Поволжья в целом равнинный или слабо холмистый, не препятствовал ведению основных отраслей хозяйства и не создавал труднопреодолимых бытовых неудобств. Исключение составляли предгорья и Уральские горы. Так, отдельные места Бугульминской возвышенности - голые и открытые ветрам, «... которые в зимнее время совершенно сдувают с них снег, а летом уносят землю, поэтому они бывают почти совершенно неспособны к возделыванию хлебов» (20, с.2). Распространенная сеть оврагов (0,5-0,9 км. на 1 км²), особенно в возвышенном Предволжье и Предкамье отнимала довольно большие площади пахотных угодий, вызывала чересполосицу в крестьянских наделах, затрудняя ведение правильного трехпольного севооборота, сказывалась в размещении поселений, их планировочных структурах и т.д.

Разнообразным и оказывавшим глубокое влияние был климат лесной, лесостепной и степной зоны. Северная лесная зона отличалась меньшей суммой активных средне-суточных температур (1500-2000°C), большим количеством осадков (500-600 мм) и толщиной снежного покрова (50-70 см), продолжительной зимой и коротким прохлад-

ным летом, затяжной весной и дождливой осенью. Напротив, южную степную зону характеризовали высокие летние температуры (сумма среднесуточных активных температур 2500-2600°C), сильные ветры и суховеи, короткая осень и весна, но с частыми возвратами холодов. Промежуточное и наиболее благоприятное положение в климатическом отношении занимала лесостепь. Климат во многом определял прочие явления природы и оказывал существенное влияние на хозяйственную деятельность и другие стороны жизни людей: особенности одежды, жилища, средства передвижения. Климат прямо и непосредственно определял урожай: «... валовые сборы хлебов по Европейской России почти всецело зависели от стихийных природных явлений» (21, с.123). Его зональные особенности сказывались в наборе сельскохозяйственных культур и годовом цикле земледельческих работ. В лесной и степной зоне выращивали разные культуры: на севере в полях господствовала озимая рожь, на юге - яровая пшеница, в первой зоне главной овощной культурой была репа, на юге - арбузы и т.д. Более того, разность климатических особенностей прямо или опосредованно обуславливала и такие существеннейшие свойства земледелия, как способы восстановления плодородия почв - паровую систему в лесной зоне и залежно-переложную - в степной (карта 2). Еще А.С.Ермолов, считал, что именно климат определял господство трехпольного севооборота, паровой системы земледелия в северной лесной зоне. Там хлеба созревают слишком поздно, чтобы успеть посеять озимое на этом же поле, отсюда - неизбежность перерыва в виде пара (22, с.166). Если условно опустить такие факторы, как прогресс земледелия в результате роста производительных сил, сокращения наделной земли и т.п., то доводы А.С.Ермолова кажутся не лишены основания. По тем же климатическим причинам различались способы переработки урожая: клади снопов и сушка их (в поле, огневым способом в овинах), способы молотбы. Особенности климата определяли многие черты сельского строительства: большую высоту срубов, крышу с развитыми свесами у жилищ на севере, отсутствие фундамента, земляные полы и плоские скаты крыши на юге; утепленные помещения для скота в лесной, северных областях лесостепной зон и открытые загородки в степной зоне.

Характер почвенного покрова в той или иной местности непосредственно влиял на земледелие и экономику деревни, а через них - на быт и культуру: разные по качеству почвы требовали разного количества труда для получения одинакового урожая (урожайность на степных черноземных почвах в благоприятных условиях в 2-5 раз превышала производительность малопродуктивных северных лесных почв) (23, с.59-60, табл.6). Понятно, что возможность получить больший урожай при одинаковых затратах труда и времени означала большую экономическую состоятельность и лучшие условия жизни, отражавшиеся и на культуре. В Предкамье, например, в основном почвы были малопродуктивными и земледелие не удовлетворяло нужд населения (24, с.344,377). Татарское население Касимовского уезда Рязанской губернии на правом берегу Оки на относительно плодородных землях занималось земледелием; на левом берегу, где господствовали почвы лесного типа, бесструктурные и почти бесплодные, предпочтение отдавалось промыслам, главным образом - отходничеству и торговле.

Преобладание того или иного типа почв в конкретном районе сказывалось на агрокультуре и других сторонах хозяйства и быта. Малоплодородные почвы лесной зоны, легкие в механическом отношении (песчаные и супесчаные) обрабатывались простыми и дешевыми сохами с одной лошадей, но непременно требовали навозного удобрения. Для сбора и хранения последнего приходилось строить хлева; сама транспортировка навоза на поля отнимала много времени и средств. Напротив, плодородные черноземные почвы степной зоны помногу лет эксплуатировались без всякого удобрения, но и глинистая структура и мощная дерновина залежей и перелогов требовали специальных орудий плужного типа и многочисленной упряжки. В.М.Черемшанский отмечал, что в степных уездах Оренбургской губ. плуг - сабан - господствующее орудие, поскольку соха на здешних почвах бесполезна (25, с.299). Но с учетом различных факторов, малоплодородные почвы лесной зоны в сочетании с достаточно увлажненным климатом при надлежащей обработке в среднем обеспечивали такие же урожаи, что и высококачественные черноземы в засушливом степном климате. Поэтому наилучшими почвенно-климатическими условиями обладали районы лесостепной зоны: общая биологическая продуктивность естественных угодий в лесной зоне составляет 75 ц/га, в степной 85 ц/га, а в лесостепной - 125 ц/га (26, с.145). Не случайно, именно в этих районах (Спасский, Чистопольский уезды Казанской, Мензелинский уезд Уфимской, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды Самарской губерний и далее на юго-восток) татарское население жило преимущественно земледелием и животноводством; промыслы играли лишь второстепенную роль и среди них преобладало сельскохозяйственное отходничество.

Любопытно рассмотреть зависимость между различными природными зонами и людностью поселений. Исследователи не без оснований связывают размеры населенных пунктов с плодородием почв: «Более высокое плодородие почвы давало возможность селиться плотнее, строить большие деревни» (23, с.32). Действительно, увеличение людности селений явственно идет в направлении с севера на юг: Слободской уезд Вятской губернии - в среднем 85 чел. на селение; Царевококшайский уезд - 199; Тетюшский уезд - 555; Чистопольский уезд Казанской губернии - 815; Ставропольский уезд - 1017; Новоузенский уезд Самарской губернии - 1245 (27, с.26-27). А.Воейков справедливо отмечал, что небольшая людность на северо-западе обуславливалась избыточной увлажненностью, заболоченностью и недостатком мест для селений и пашни в лесной зоне; а крупные селения на юго-востоке, напротив, были следствием плодородных почв и отсутствия воды (27, с.6).

Контрастно различался и растительный покров природных зон. В лесной полосе, подразделявшейся на подзоны таежную и широколиственных лесов, господствуют такие древесные породы, как сосна, ель, лиственница, а также липа, береза, осина. Три последних вида часто выступают как вторичные на местах вырубок, поэтому их удельный вес в лесах края постоянно возрастал. В лесостепной зоне преобладали дубравы и чернолесье - клен, осина, вяз, липа, береза. В лесостепном Зауралье господствовали березовые колки.

Трудно переоценить роль леса в крестьянском хозяйстве и быту. Собственно лес, как составная часть ландшафта, во многом определял хозяйственную культуру населения. Там, где это было возможно, татарские крестьяне еще в середине XIX в. практиковали подсеčno-огневую систему земледелия, выжигая участки леса под пашню (28, с.27-28). На полях, расчищенных из-под леса, применяли специализированные пахотные орудия с высоким приложением тягловой силы и пружинящей конструкцией корпуса, не боящихся корней древесной растительности: соху-черкушу и борону-суковатку. Показательно, что ареал бытования последней локализован в лесной зоне; нигде в лесостепном Предволжье и Окско-Сурском междуречье ее не было, за исключением покрытого лесами Городищенского уезда Пензенской губернии. Распространенное в прошлом бортевое пчеловодство непременно подразумевало наличие старого леса с большими деревьями. И, разумеется, лес играл выдающуюся роль в собственно крестьянском дворовом хозяйстве: «... для формирования такого важного признака типа жилища, каким является строительный материал, природные условия имели, по-видимому, решающее значение» (29, с.22). По этому поводу в этнографии татар Волго-Уральского региона достаточно указать на наблюдаемые особенности в типах жилищ в лесных ареалах, сходные с традициями «северного» строительства. Выразительным примером могут служить дома с высоким подизбьем и комплексы закрытого двора у пермских и чепецких татар (30, с.49-50; 31, с.36). Лес и вообще растения поставляли самый важный поделочный материал; (в крестьянском быту едва ли не все необходимое изготавливалось из дерева), а также топливо для избы, бани, овина; сырье для лесохимии (добыча угля, смолы, дегтя, скипидара, поташа) и ремесленных промыслов. Из различных растений получали пряжу, краски, дубильные вещества, лекарства и т.д.

Степная зона отличалась скудностью древесной растительности - леса здесь сосредотачивались близ водоемов, в поймах рек. Но обширные пространства степи, покрытые ковылем, типчаком и другой ксерофитной растительностью, служили прекрасными естественными пастбищами для широкомасштабного животноводства, издавна являлись местом кочевания различных степных народов. На юге региона и в низовьях Волги в многочисленных протоках речной дельты и мелководных заливах - ильменах необозримыми зарослями тянется камыш и рогоз, нашедшие широкое применение в хозяйстве и домостроительстве астраханских, отчасти оренбургских татар.

В зависимости от климата, рельефа и других причин различалась по районам плотность гидрографической сети и ее характер. В лесной зоне множество небольших речек и рек, болот и озер. По мере продвижения к юго-востоку их количество убывает, и здесь население тяготеет к нижнему течению Волги и Урала с их притоками. В Зауралье в основе гидросети место рек занимают обширные мелководные озера.

Реки Восточной Европы со смешанным дождевым и снеговым характером питания (23, с.7). К осени они, особенно мелкие реки и речки, заметно мелеют и пересыхают, а максимальный сток у них приходится на весенние месяцы: уровень Волги в среднем течении в половодье и межень различался на 10-11 м. Весной же речные долины заливаются и воды несут плодородный ил - основу богатейшей луговой растительности. Половодье в Астраханской губернии покрывало в ширину до 40 км низинных земель в

пойме Волги. Эти разливы обеспечивали местному населению, в том числе астраханским татарам не только изобилие рыбы, но и определяли специфические формы земледелия и бахчеводства на заливных землях и осушенных ильменях (32).

Особенности гидрографической сети определяли тип сельских поселений - приречный или приозерный, преобладание или отсутствие водяных мельниц и т.д. Характер местных рек и озер, близость грунтовых вод, водораздельный, приречный или приозерный тип поселений обуславливали и способы водоснабжения: при глубоком залегании грунтовых вод - колодцы с воротом, близком - колодцы с «журавлем», или воду брали из реки или ключа. Наконец, характер местных рек и озер: размеры, глубина, скорость течения и т.д. прямо сказывался на развитии рыболовства, способах лова и видах рыболовных снастей.

Экологическая среда Поволжья и Урала на протяжении столетий не оставалась неизменной. Результаты человеческой деятельности, сплошь и рядом бессистемные и хищнические, к началу XX в. были налицо. Неумеренная эксплуатация пашни в экстенсивной форме без надлежащего удобрения не позволяла восстанавливаться плодородию, вела к выпаханности почвы и неуклонному падению урожайности в старых земледельческих районах, в том числе в Окско-Сурском междуречье, Поволжье и Предкамье. Начался этот процесс еще во второй половине XVIII в. (33, с.282,287); уже в первой половине XIX столетия по России заметно снижение урожайности с сам 3,3 до сам 3,1 (34, с.70). Усиление и совпадение различных негативных тенденций земледельческого производства в первые пореформенные десятилетия вызвали явление, известное как «кризис трехпожья» в старых земледельческих губерниях. В 1890-е гг. те же процессы, выражавшиеся в резких колебаниях урожаев, распространились и на юго-восточные районы, поскольку здесь практиковались крайне экстенсивные системы земледелия, прежде всего - залежно-переложная. Так, в начале XX в. о Симбирской, Саратовской и Самарской губерниях писали: «...урожаи с каждым годом становятся меньше и область, которая могла бы служить житницей России, иногда не может прокормить себя» (35, с.3). Падение плодородия почвы здесь вызывало замену ценных сортов пшеницы-белотурки и кубанки на менее прихотливую, но и дешевую русскую пшеницу; с исчезновением целинных земель сокращалось бахчеводство (36, с.50-51).

В основе своей «экологические кризисы докапиталистической эпохи связаны с нарушением равновесия между веществом и энергией, которые человеческие коллективы получали в окружающей среде и увеличением численности населения» (37, с.71). Только в Среднем Поволжье с начала XVIII в. к середине XIX в. население увеличилось с 651 тыс. до 1987 тыс. человек (38, с.36). Рост плотности населения обуславливал сокращение размеров наделов. Крестьянское малоземелье обострялось обширным казенным, частновладельческим землевладением: в Вятской губернии, например, половина всей земельной площади в середине XIX в. принадлежала казне, уделу и помещикам (39, с.114). Недостаток земли вынуждал крестьян непрерывно эксплуатировать пашню, распахать под нее выгоны и сенокосы, тем самым сужая кормовую базу животноводства и, следовательно, сокращая количество навоза для удобрения. В свою очередь, плодородие почв без должного отдыха и удобрения продолжало падать, вы-

нуждая распахивать новые участки и т.д. По тем же и иным причинам кризис в земледелии отягощался кризисом животноводства: в Среднем Поволжье количество продуктивного скота с 1860-х по 1900 гг. сократилось на 22,8% (40, с.104). Нужно ли говорить, какое значение кризис земледелия и животноводства оказал на состояние крестьянского хозяйства, быт и культуру сельского населения.

Рассмотрим, как менялась ситуация в Поволжье и на Урале с обеспеченностью лесом и к чему это приводило. В середине XIX в. местное население было еще удовлетворительно обеспечено лесом: в Вятской и Пермской губерниях на душу мужского пола приходилось 44 га леса, в лесостепных уездах Казанской, Пензенской, Самарской, Симбирской, Саратовской губерний - 1,6 дес (23, с.13). Даже учитывая тот факт, что в основном леса принадлежали государству, уделу и частным владельцам, в пользовании крестьян в середине столетия лес еще был. Однако с течением времени площадь лесов в регионе сокращается. Уменьшение наделной земли и падение плодородия почвы вызвало интенсивное сведение леса под пашню. Крестьяне, после реформы 1861-1866 гг. получив лес в собственность, активно вырубали его для продажи с целью уплаты налогов. В это же время резко возрастает деятельность лесопромышленников, ради барыша хищнически сводивших сотни и тысячи десятин. Много леса шло на удовлетворение хозяйственных нужд (дрова, строительные материалы), в среднем составляя 2 куб. саж. на хозяйство ежегодно. Но наибольшее количество леса потреблялось винокуренными, сахарными заводами, лесохимической промышленностью и, особенно, заводами Урала. Для последних пережигали на уголь около 100 тыс. десятин леса ежегодно (41, с.288, 299; 42, с.26). Вырубка самым негативным образом сказывалась и на экологии, и на крестьянском хозяйстве, поскольку изменялся климат, пересыхали реки, выветривалась почва. Еще во второй половине XIX столетия отмечали: «... вся восточная часть по Волге, берега Урала и других рек были покрыты лесами. А теперь, когда лесов здесь не стало, реки обмелели, на те места, где рос могучий лес, надвигаются пески, а вода повсюду иссякает, отнимая у земли последние ее силы» (43, с.97). Все это сказывалось на очень многих сторонах быта и хозяйства. Голодала скотина, поскольку при нехватке дров топили соломой - основным кормом домашних животных большинства хозяйств (44, с.38). Сокращалась численность дичи, птицы, рыбы, лишаемых естественной среды обитания. В домостроении на смену качественному материалу все чаще приходили жерди и хворост: в частности, для скота вместо срубных хлевов сооружали плетневые полуземлянки; срубные овины и риги заменяли простейшие овины-шиши (45, с.98,116). Истребление липы подрывало основы рогожно-кулеткацкого производства и т.д.

Итак, налицо заметные и существенные различия экологической среды отдельных районов Поволжья и Урала. В целом физико-географические условия, наряду с факторами социально-экономического и иного порядка, обусловили ХКТ поволжских татар, в основе которого было пашенное земледелие, дополняемое животноводством и промыслами. В пределах ХКТ в различных районах края в силу местных экологических условий в хозяйстве, быту и культуре народа сложились специфические локальные черты. Таких отличий было тем больше, они резче выступали, чем

далее территориально проживали друг от друга группы татар. И, вместе с тем, по мере развития капитализма, увеличения отходничества, роста пролетариата и буржуазии, строительства железнодорожной сети, увеличения влияния городской культуры и т.п., хозяйственные и этнокультурные различия начинают стираться. Причем, это закономерная тенденция: «... чем более развита социально-экономическая формация, тем больше общих черт складывается в отдельных образах жизни и этнических культурах» (46, с.19). В качестве примера можно привести распространение европейского костюма среди татар-горожан и, отчасти, селян; увеличивающееся внедрение городской обстановки в интерьере деревенской избы и т.д.

Если в целом поволжские татары входили в ХКТ пашенных земледельцев, то внутри отдельных локальных и этнографических подразделений народа земледелие имело ряд различий, обусловленных особенностями экологической среды, социальными, экономическими и иными условиями. Особенно значимыми, и не только для земледелия, но и различных аспектов материальной культуры народа, были различия в способах восстановления плодородия почв (систем земледелия).

В середине XIX- начале XX в. у татар в разных районах Поволжья и Урала господствовали паровая и залежно-переложная системы земледелия (карта 2). Первая из них, в силу свойственных ей агротехнических особенностей, тяготела к лесной и северной части лесостепной зоны и позволяла с относительно небольшими энергетическими и финансовыми затратами эксплуатировать малоплодородные почвы лесного типа. Залежно-переложная система земледелия отличалась экстенсивностью. Некогда господствовавшая на широком пространстве лесостепи Поволжья, к концу XIX в. она сохранилась лишь в Заволжье, Южном Приуралье и Зауралье. Эту территорию расселения татар отличали две особенности: преимущественное вхождение в лесостепную и степную зону и удовлетворительное землеобеспечение, то есть два основных условия существования залежно-переложной системы земледелия. Однако экологическая среда в данном случае играла скорее косвенную роль; в тех же почвенно-климатических условиях в южных уездах Оренбургской губернии у многоземельных оренбургских казаков-татар господствовала переложная система, у татар - государственных крестьян, заметно хуже обеспеченных землей - паровая (47, с.20). Здесь уместно будет привести замечание Я.В.Чеснова о том, что система земледелия - прежде всего исторически сложившаяся система, с относительной экологической независимостью (48, с.69).

В тесной и прямой зависимости от господствующего способа восстановления плодородия почв были типы применявшихся пахотных орудий. Особенно заметно эта взаимосвязь прослеживается в середине XIX в., поскольку позднее на северо-востоке и востоке Урало-Поволжской ИЭО широко распространяются усовершенствованные сохи - односторонки и полусабаны, обладающие качествами орудий плужного и сошного типа и, поэтому, с одинаковым успехом применявшиеся в разных почвенных районах и при разных системах земледелия. А в середине XIX в., как, по-видимому, и ранее, орудия сошного типа, прежде всего двузубая соха с перекидной полицей, по своим конструктивным особенностям предназначенная для обработки лесных участков и старопахотных пашен, тяготели к лесной и лесостепной зонам с господствовав-

шей паровой системой земледелия (карта 2). Напротив, ареал орудий плужного типа - поволжского сабана - предназначенных для подъема степных черноземных залежей и перелогов совпадает со степной зоной и ареалом переложной системы земледелия.

В большой степени от природных условий зависело территориальное распространение одной из ведущих полевых культур земледелия татар - озимой ржи. Ее ареал практически совпадает с лесной и лесостепной зонами (карта 2) и это не случайно: в степной зоне юго-восточных районов с континентальным климатом, зимними холодами и незначительным снежным покровом (на Урале осадков больше, но снег сдувается со склонов ветрами) почва сильно промерзает, что затрудняет или делает невозможным возделывание озимых культур (49, с.36). Кроме того, в лесной зоне с коротким летом и пониженной суммой активных температур посевы озимых позволяют сокращать цикл отдыха земли на треть (озимое + яровое + пар) при трехполье по сравнению с двухпольем (яровое + пар). Была и другая закономерность: посевы озимых, лучше использующих осенне-весеннюю влагу и меньше страдающие от сорняков, удаются лучше; но большинство хлебов поспевают слишком поздно, чтобы успеть подготовить почву под озимой посев - отсюда неизбежный перерыв и необходимость трехполья (22, с.166). Следует назвать и третью причину совпадения изопрагмы ареала озимой ржи с северной границей степной полосы: юго-восточные и восточные районы со второй половины XIX в. были зоной товарного земледелия, ориентированного на возделывание пшеницы, вытеснявшей с полей имевшую лишь местный спрос и продовольственное значение озимую рожь. Пшеница требовала плодородных почв с хорошей механической структурой (чего не могли обеспечить выпаханные пашни трехполья с недостаточным удобрением в лесной и лесостепной зоне), поэтому ее ареал в конце XIX- начале XX вв. совпадает с ареалом залежно-переложной системы земледелия.

Можно говорить о двух комплексах агрокультуры, к концу XIX - началу XX вв. сложившихся у поволжских татар под влиянием экологической среды, социально-экономических условий, развития капитализма и иных причин. Первый из них тяготеет к лесной и лесостепной зонам и отличается суммой признаков (паровая трехпольная система земледелия, орудия сошного типа, озимая рожь), в разное время привнесенных в земледелие татарского народа и его предков. Второй комплекс, локализованный в степной зоне по ряду параметров (залежно-переложная система земледелия, плуг, культура пшеницы) можно считать более традиционным для агрокультуры татар, восходящим к отдаленному прошлому народа (28, с.162).

Экологическая среда оказывала влияние и на локализацию отдельных видов промыслов у татар. Лесные промыслы : рубка леса, лесосплав, лесохимия, изготовление рогож и т.д., разумеется, тяготели к лесным районам. Так, в Приуралье и на Урале у татар были развиты лесоразработка, мочальный и рогожный промыслы, в зауральских сосновых и березовых рощах - выжигание угля и выгонка смолы и дегтя (50, л.9об.-10; 51, с.68). Лесные промыслы в этих районах стимулировались нуждами промышленности: уральские металлургические заводы работали исключительно на древесном угле, а деготь и рогожи предназначались для заводских гужевого перевозок. Другим районом концентрации лесных, лесохимических и деревообрабатывающих

промыслов было лесистое Предкамье, где сказывалась и близость крупных торговых и промышленных центров - Казани, Нижегородской ярмарки и крупнейшего Волжско-Камского транспортного пути. Те же природные условия обусловили в Приуралье добычу строительного камня, мела и т.п..

Хорошо прослеживается зависимость между экологической средой и пчеловодством, особенно бортевым. Бортничество непременно подразумевало наличие массивов старого глухого леса, поэтому в отдаленном прошлом оно было широко распространено в лесной зоне. Так, в XVI-XVII вв. в Темниковском уезде находились многочисленные бортные ужожи, принадлежавшие мордве, татарам и русским (52, с.5). Прежде здесь были обширные леса, позднее сильно вырубленные. Вместе с ними исчезали и борти. Поэтому, к середине XIX в. бортничество сохранилось в основном в лесистом Пермском и Башкирском Приуралье. Не случайно, И.Ф.Штукенберг писал: «... все татары в Усть-Ике от Камы до Бугульмы имеют хорошее пчеловодство» (53, с.15). К концу XIX в. по мере сокращения лесов, вырубаемых для нужд промышленности, бортевое пчеловодство в Приуралье также приходит в упадок и сменяется пасечным.

Способы и приемы охоты, особенно в Приуралье и Зауралье, также во многом зависели от ландшафта конкретного района. В лесной зоне преобладали пассивные виды охоты - устройство ловчих ям, самострелов, постанка петель, пастей, капканов, привлечение зверя и птицы приманкой и т.п. (25, с.457; 54, с.17; 55, с.409-423). В степной полосе на открытых пространствах практиковали активные способы охоты: верхом на лошади, ловчими птицами и пр. Пассивные способы охоты у татар явно тяготеют к лесной охотничьей традиции: они характерны многим народам Сибири, а активные - восходят к степным приемам охоты.

Одной из причин возникновения локального многообразия хозяйства и культуры было освоение новых территорий и адаптация к местным условиям, что было следствием активных переселенческих движений татар: на протяжении второй половины XVI-XIX вв. шло массовое переселение татар в основном в Приуралье, Урал и Нижнее Поволжье. В итоге к началу XX столетия в восточных, юго-восточных и южных районах края образовалась почти миллионная группа поволжских татар (8, табл.3). Миграция представителей этноса в эти районы имела множество последствий.

Л.Н.Гумилев справедливо отмечал, что при миграции «в подавляющем большинстве случаев способность к адаптации весьма ограничена», что обусловлено стереотипами в области хозяйственной культуры, сельском зодчестве и т.д. По этой причине переселенцы стремились обосноваться в районах, в физико-географическом отношении напоминавших прежние места их обитания (56, с.94). Татары-мишари по возможности переселялись в Башкирское Приуралье, ландшафт которого напоминает Окско-Сурское междуречье; татары Предкамья - в близкую экологическую среду Восточного Закамья и Пермского Приуралья. В культуре переселенцев сохранялись и продолжали развиваться общие традиции, характерные для коренной территории. Так, присущие домостроительству пермских татар «северные» черты корнями уходят в строительную культуру Заказанья, откуда шло заселение приуральских районов. А у татар-мишарей южной части Осинского и Красноуфимского уездов хорошо

просматриваются лесостепные элементы зодчества, подобные традициям южных уездов Окско-Сурского междуречья (57, с.73-74,76). Природной же средой Приуралья обуславливались только некоторые, преимущественно второстепенные и локальные особенности усадеб и построек переселенцев.

Более контрастным был ландшафт для татар, выходцев из Предкамья и Среднего Поволжья, переселившихся в Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, из лесной в степную и полупустынную области. Помимо новых экологических условий, переселенцы попадали в этнокультурное окружение местного населения, часто находившегося в различной степени родства с поволжскими татарами, но значительно отличавшегося хозяйственными и культурно-бытовыми традициями. С течением достаточно длительного времени у переселенцев происходили изменения в хозяйстве и материальной культуре, причем степень и глубина трансформации находились в прямой зависимости от различий в экологической среде старых и новых районов обитания.

В непривычном ландшафте домостроительство отличало многочисленные нововведения. Рельефно, например, виден процесс адаптации строительной техники «лесного» типа у татар, переселенцев из Предкамья, в лесостепной и степной зоне Приуралья. Здесь в основе формирования усадеб и построек лежит природообразующий фактор, и лишь затем - этнически окрашенные черты (57, с.82-83,85-86). Помимо экологического фактора на сложение местной строительной культуры оказали влияние и межэтнические контакты как с окружающим населением, так и между представителями двух субэтносов татар. Не случайно в районах чересполосного проживания (Уфимская губерния, Бугульминский и Бугурусланский уезды Самарской губернии) самобытные черты в зодчестве казанских татар и татар-мишарей оказались в значительной степени стертymi (57, с.77-78).

Приуральские группы татар в новых местах расселения в той или иной мере вели земледельческое хозяйство. Но значительное место в структуре их хозяйства имело скотоводство (47, с.17-19; 58, с.78). В отличие от крестьян, занимавшихся преимущественно земледелием, оренбургские и верхнеуральские казаки скотоводство практиковали наряду с земледелием и держали заметно большие стада скота, причем, не только крупного рогатого, но и лошадей и овец (59, с.2-3). Многочисленное стадо определяло и специфические формы содержания скота: даже при обилии сенокосов невозможно было заготовить достаточное количество кормов впрок, поэтому скот с весны и до осени содержали на подножном корму (*жэйлэу*), а лошади и овцы зимой и тебеневали (*кышлау*). Потребность в уходе за скотом, заготовке молочных продуктов обусловили массовый выход населения с домашней птицей, необходимым скарбом и т.д. на летовки - *жэйлэу*, где жили на заимках - *улар*. Вблизи пастбищ располагались и участки пашни; здесь же производили весь цикл агротехнических работ, возвращаясь в постоянные населенные пункты уже с зерном. Изменения в структуре хозяйства повлекли инновации и в материальной культуре: распространение полуземляных построек для скота, примитивных жилищ на заимках, увеличение доли продуктов животноводства в рационе питания и т.д.

Еще в большей степени скотоводство превалировало у мешеряков и тептярей. В первой половине - середине XIX в. основу хозяйства тех и других составляло не по-

леводство: «... у башкир же и тептярей, в особенности в Верхнеуральском уезде, земледелие в младенчестве» (60, л.25об.). В это же время И.Дебу отмечал, что мещеряки и башкиры Уфимского уезда, а также татары и тептяри Верхнеуральского уезда земледелием почти не занимаются, предпочитая скотоводство, пчеловодство и охоту (61, с.55,58). Так же, как и казаки, тептяри и мещеряки держали много лошадей и овец, тебеневавших зимой; а тептяри Тептяро-Учалинской вол. Верхнеуральского уезда на летовках ставили и юрты (62; 63, с.43-62).

Правомерен вопрос, почему татары - земледельцы, переселившись на Урал и приуральские районы, обратились к животноводству с элементами кочевого скотоводчества. Вероятно, сказались древние скотоводческие традиции, в различной степени и формах сохранившиеся в культуре поволжских татар: это и любовь к коню и домашним животным вообще; и умелая обработка продуктов скотоводства - кожи, шерсти; разнообразные способы заготовки впрок молочных продуктов и другое (64, с.17). В данном случае мы встречаемся с регенерацией скотоводческих традиций, восходящих как к протоболгарскому прошлому предков татарского народа, так и средневековым, эпохи Золотой Орды и Казанского ханства, включениям кипчако-ногайского элемента (65, с.79), возродившихся в благоприятных природных условиях (многоземелье; пересеченная местность, затруднявшая земледелие, но позволявшая круглогодичный выпас скота на подножном корме). По видимому, сказалась и поздняя инкорпорация в среду татар-переселенцев групп кочевников ногайцев и калмыков, происходившая уже в новых районах расселения татар (66, с.23; 67). Имело место и этнокультурное влияние кочевых соседей - башкир и казахов: не случайно современники не разделяли хозяйство башкир и мещеряков (61, с.55). Чертами кочевого хозяйства и быта особенно отличались мишари: Н.Попов о мещеряках Пермской губернии писал, что «нравственным состоянием» они похожи на башкир, зимой живут в юртах, летом в вежах (68, с.105). В середине XIX в. И.Штукенберг отмечал, что в отличии от татар - «рачительных земледельцев», у мещеряков земледелие - ничтожно (53, с.12). Суммируя сказанное, можно считать, что в иных экологических условиях в многоземельном Приуралье у переселенцев-татар, особенно мишарей возродились и усилились древние традиции скотоводческих форм хозяйства и быта.

Более того, в Приуралье у татар складывался иной комплекс хозяйства, иное сочетание отраслей хозяйственной деятельности, особенностей агрокультуры и т.п. Обращает внимание совпадение ареалов преобладания залежно-переложной системы земледелия и скотоводства с элементами кочевничества (карта 2). Это закономерно: в обоих случаях требовались обширные земельные пространства, хозяйственное использование которых не было бы стеснено жесткими регламентациями (административными, общинными); они же хорошо дополняли друг друга - залежи служили сенокосами и выгонами и наоборот.

Иной и значительно более выразительный пример смены одного ХКТ другим представляют астраханские татары, прежде всего та их часть, которые в XVIII в. со времен персидского похода Петра I осели в низовьях Волги в Астраханском крае. Хорошо известны районы исхода представителей двух субэтносов поволжских татар: ка-

занских Казанской и Симбирской губерний и мишарей Пензенской губернии. В данном случае мы имеем редкую возможность наблюдать, как происходила трансформация ХКТ пашенных земледельцев в другой ХКТ.

Первым этапом на пути на юг у одной из групп переселенцев был Каменный Яр близ Царицина - Волгограда. В экологических условиях, ещё напоминавших средневожские районы, хозяйство местных жителей принципиально мало пока отличалось от хозяйства крестьян Казанской или Пензенской губерний. В его основе также было пашенное земледелие, дополняемое животноводством и промыслами. Новым, на уровне вспомогательных отраслей хозяйства, было рыболовство, бахчеводство и садоводство. Но уже на следующем и окончательном месте расселения в прикаспийских полупустынных и, одновременно, заливных лиманных землях происходит полная трансформация ХКТ. От земледелия остается лишь возделывание в небольших размерах проса, а основу хозяйства составляют скотоводство, рыболовство и бахчеводство (32, с.34-38; 69, л.361). На смену ХКТ действовали прежде всего два фактора. Во-первых, специфическая экологическая среда района: жаркий и сухой климат полупустыни и продолжительные весенние разливы дельты Волги заметно затрудняли ведение привычного пашенного земледелия. Даже посевы проса велись на осушаемых с большими затратами при помощи обваловки участках ильменей. В то же время местные условия особо не препятствовали разведению скота и, тем более, делали чрезвычайно выгодным выращивание арбузов - важной продовольственной, фуражной и торговой (меновая) культуры местного населения. А бескрайние водные пространства Волги и Ахтубы, лиманы и заливные ильмени предоставляли практически безграничные возможности для рыболовства.

Показательны особенности трансформации культуры астраханских татар-переселенцев: за сравнительно небольшой исторический срок - 250-300 лет - в новых экологических условиях прежде всего видоизменилось хозяйство, в меньшей степени - жилище. Переселенцы, по возможности, придерживались традиционной кухни и продуктов питания; с этой целью рыбу и арбузы обменивали у земледельцев Северного Кавказа и Кубани на зерно и муку.

Пример астраханских татар-переселенцев может служить некоей моделью характера и направления трансформации культуры в новых экологических условиях. Очевидно, что географическая среда определяет ориентацию в хозяйственной деятельности. Но едва ли правомерно считать, что смена хозяйственной культуры неизбежно сопровождается сменой быта и культуры вообще (70, с.96). Вслед за Н.А.Бутиновым и Ю.Н.Куражсковским (2, с.97; 26, с.5) следует признать, что влияние географической среды зависит и от уровня развития этноса: чем выше последний, тем менее сказываются природные условия на культуре этноса. Поэтому, у астраханских татар при почти полной смене ХКТ мало изменились образ жизни и культура, причем, не только духовная, но и материальная. В этом проявилась и этническая инерция.

* * *

Таким образом, природные условия Поволжья и Урала для татарского народа, в XIX - начале XX вв. имевшего преимущественно сельскую локализацию и относившегося к ХКТ пашенных земледельцев, играли важную роль и сказывались на многих сторонах хозяйства, быта и культуры.

Особенно тесно связанными с экологической средой были хозяйство и хозяйственная культура. Наглядно видна зависимость между ландшафтом и жилищем, причем влияние природных условий на поселения и усадьбы часто выступало опосредовано через особенности хозяйства и быта. Менее явственна, хотя и несомненна, обусловленность экологической средой характера одежды, пищи и т.д. Даже некоторые элементы духовной культуры - обряды земледельческой тематики, например, зависели от окружающей природы.

Вхождение поволжских татар в ХКТ пашенных земледельцев лесной и лесостепной полосы и в Волго-Уральскую ИЭО обусловило в значительной степени унификацию хозяйства, быта и культуры народа. Причем, прослеживается обратная зависимость: более всего самобытных, этнически окрашенных черт сохранилось в духовной культуре, пище, одежде, меньше - в жилище. Почти отсутствуют подобные элементы в хозяйстве. Наблюдаемые ареальные и локальные особенности хозяйственной культуры были предопределены в большинстве случаев зональными различиями ландшафта. Лишь второстепенные элементы: некоторые сельскохозяйственные культуры, клади снопов и т.д. имели этническую специфику. Точно так же в основе народного зодчества лежал природный фактор; отдельные субэтнические и территориальные особенности в поселениях и жилищах просматриваются только в конструктивных деталях, декоре, интерьере и т.п. Подобные черты либо отражали собственные этнические традиции, либо были результатом инокультурного влияния.

Заметные изменения в хозяйстве, в меньшей степени - в быту и культуре, происходили при миграциях татар в новые географические южные и юго-восточные районы. Под воздействием местных природных условий и окружающего населения происходит трансформация хозяйственной культуры. Так, на южном Урале у переселенцев значительно возрастает роль животноводства, отчасти под влиянием местного полукочевого населения, отчасти вследствие регенерации давних скотоводческих традиций народа. В контрастно отличающихся экологических условиях Нижнего Поволжья у переселенцев-татар происходит почти полная смена ХКТ: помимо земледелия основными занятиями становятся скотоводство, бахчеводство и рыболовство. Но материальная и, особенно, духовная культура переселенцев отличалась известной этнической инерцией и оказалась в значительно меньшей степени подвержена трансформации.

1. Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады отделений комиссии Географического общества СССР. Этнография. Л., 1967. Вып.3. С.3-17.

2. Бутинов Н.А. Проблема «природа-культура» в этнографической науке // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л., 1984.

3. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. К истории хозяйственно-культурной дифференциации человечества //IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). М., 1973. Вып.97. С.2-11.
4. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области //СЭ, 1955. № 4. С.4-12.
5. Вечеслав Н. Экономический быт крестьян Казанской губернии //Труды Казанского губернского статистического комитета. Казань, 1870. Вып. 1-2.
6. Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты //Этническая экология: Теория и практика. М., 1991.
7. Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс //СЭ, 1968. № 2. С.23-33.
8. Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань, 1993.
9. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М., 1957.
10. Яцунский В. П. Основные этапы генезиса капитализма в России //Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. Избранные труды. М., 1973.
11. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования //СЭ, 1972. № 2. С.8-15.
12. Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г.Левина) //СЭ, 1970. № 6. С.3-25.
13. Кузеев Р.Г. Этнические процессы и ступени консолидации тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона (эпохи феодализма и капитализма). Препринт доклада. Уфа, 1887.
14. Щапов А.П. Сочинения. СПб., 1906. Т.2.
15. Новиков Ю.Ф. О некоторых закономерностях развития техники обработки почвы в России //Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сб.V.
16. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища //Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
17. Подольский Р. Дети Земли. М., 1977.
18. Татары. М., 2001.
19. Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье (до середины 1980-х годов). Чебоксары, 1991.
20. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Бугульминский уезд. Самара, 1887. Т.5.
21. Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974.
22. Ермолов А.С. Культурные районы в России и русские севообороты //Сельское хозяйство и лесоводство, 1873. Июнь. С.161-166.
23. Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV - середина XIX вв. М., 1983.
24. Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Мамадыш и Мамадышский уезд. Казань, 1904. Вып. VI.
25. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
26. Куражковский Ю.Н. Очерки природопользования. М., 1969.
27. Воейков А. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. СПб., 1909.

28. Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX - начала XX вв. М., 1981.
29. Рабинович М.Г. Древний ландшафт и жилище //СЭ, 1969. №2. С.42-60.
30. Мухаметшин Ю.Г., Халиков Н.А. Поселения, усадьбы, строительная техника жилища (конец XIX - начало XX вв.) //Пермские татары. Казань, 1983. С.42-67.
31. Мухамедова Р.Г., Мухаметшин Ю.Г. Жилище чепецких татар в конце XIX- начале XX вв. //Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С.30-59.
32. Халиков Н.А. Средневожские татары в Астраханском крае: традиции и инновации в хозяйственной культуре //Астраханские татары. Казань, 1992. С. 33-48.
33. Слободин В.М. О кризисе трехполюя в России в XIX в. //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 года. Таллин, 1971. С.280-287.
34. Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. //История СССР, 1959. №1. С. 53-79.
35. Природа и население России. СПб., 1906. Ч.3. Вып. 2.
36. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Бузулукский уезд. Самара, 1885. Т.3.
37. Данилова Л.В. Преобразование природного в социальное при натуральной системе производственных сил //Проблемы взаимодействия общества и природы. (Тезисы I Всесоюзной научной конференции). М., 1978.
38. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII -первой половине XIX вв. (По материалам ревизий). М., 1971.
39. Латышев Н. Земледелие и ремесленная промышленность государственных крестьян Удмуртии в первой половине XIX века //Записки Удмуртского НИИ языка, литературы и фольклора при Совете министров Удмуртской АССР. Ижевск, 1951. Вып.15.
40. Смыков Ю.И. Животноводство Среднего Поволжья в период капитализма (60-90-е годы XIX в.) //Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978. С.98-113.
41. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. М., 1951. Т.III.
42. Цейтлин М.А. Лесная промышленность России и СССР. (Экономические очерки). Лесозаготовки и лесопиление крепостной России. Л.,1940.
43. Энгельгарт А.П. Черноземная Россия. Очерк экономического положения края. Саратов, 1902.
44. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Свияжский уезд. Казань, 1886. Вып.1.
45. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Ставропольский уезд. М., 1884. Т.2.
46. Марков Г.Е. Функции этнической культуры в системе образа жизни и жизненных укладов //Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.
47. Халиков Н.А. Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья //Приуральские татары. Казань, 1990. С. 19-28.
48. Чеснов Я.В. Социально-экономические уклады и традиции в агроэтнографии //СЭ, 1972. №4. С. 64-72.
49. Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала. Середина XIX- начало XX вв. Казань, 1995.
50. Государственный архив Оренбургской обл., ф.168, оп.1, ед.хр.40;
51. Миронова О. География Уфимской губернии. Краткое описание Уфимской губернии в физическом, этнографическом, промышленном и административном отношениях. Уфа, 1907.

52. Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. Вып. I.
53. Статистические труды И.Ф.Штукенберга. Т.1. Описание 24 губерний. Ст. XV. Описание Пермской губернии. СПб., 1858.
54. Луппов П.Н. Приуральский край. Сборник для народного чтения. СПб., 1902.
55. Орлов А.П. Отчет о действиях Казанского губернского статистического комитета за 1885 и 1886 годы. Казань, 1888. Вып. II.
56. Гумилев Л.Н. Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий географического общества СССР. Этнография. Л., 1967. Вып. 3. С. 90-107.
57. Мухаметшин Ю.Г. Общетерриториальные и локальные комплексы усадеб и построек татар Приуральского региона // Приуральские татары. Казань, 1990. С. 71-92.
58. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Уральская полоса. СПб., 1911. Вып. V.
59. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Юго-восточная скотоводческая и рыболовная полоса. СПб., 1911. Вып. VI.
60. Государственный архив Оренбургской области. Ф.6, оп.8, ед.хр.117.
61. Дебу И. Топографические и статистические описания Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.
62. Адельгужин А.А. Сближение наций (Из истории Учалинского района) // Серп и молот, 1985. № 152.
63. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. СПб., 1848. Т. XIV. Ч. 2.
64. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
65. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
66. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1904. Вып. 5.
67. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1884.
68. Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно напечатанию Санкт-Петербургского вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 г. в г. Перми. Пермь, 1904. Ч. 2.
69. Государственный архив Астраханской обл., ф.857, оп.1, ед.хр.26.
70. Козлов В.И. Этнос и территория // СЭ, 1977. № 3.

Глава 2. Этносоциальные особенности хозяйственных традиций волго-уральских татар

В сложении особенностей хозяйства, помимо экологической среды, особенно тесно связанной с земледелием, животноводством, охотой, рыболовством, важную роль играли иные факторы, прежде всего - социально-экономические и политические. Очень многое в хозяйстве и хозяйственной культуре поволжских татар: ориентация на те или иные сферы и виды деятельности, этнические (на уровне субэтносов или локальных групп) и территориальные различия зависело от социального и экономического положения крестьянства в феодальном обществе и особенностей распространения капитализма; от форм землепользования и размеров наделов, степени тяжести повинностей и податей и др. Рассмотрение некоторых из этих факторов - условий формирования облика хозяйства татар Поволжья и Урала, направление и степень их влияния и составляет цель и содержание настоящей главы.

Объектом исследования служат этносоциальные особенности хозяйства представителей двух крупных субэтносов народа: казанских татар и татар-мишарей. В силу ряда причин, о чем речь пойдет ниже, для первых ограничимся территорией Среднего Поволжья и Предкамья, для мишарей - Окско-Сурским междуречьем. Касимовские татары, имевшие сложный социо- и этногенез на основе казанско-татарских, мишарских и кипчакско-ногайских компонентов, к затрагиваемым нами вопросам имеют меньшее отношение.

Татары Поволжья и Урала в середине XIX - начале XX вв. в социально-экономическом аспекте находились на стадии формирования нации. В недрах татарского общества утверждался капиталистический уклад. Производительные силы этноса достигли достаточно высокого уровня развития в торговле и промышленности (образование фабрично-заводских предприятий наряду с прежними мануфактурами, активное торговое предпринимательство и т.д.); в сельском хозяйстве развивались рыночные отношения, сопровождавшиеся порайонной специализацией. Оформлялись капиталистические производственные отношения, выразившиеся в росте торгово-промышленной и земледельческой буржуазии, промышленного и аграрного пролетариата.

Россия прошлого была сельскохозяйственной страной: в 1913 г. доход от сельского хозяйства составлял 4,6 млрд. руб., от промышленности - 2,3 млрд. руб. (1, с.205). С социально-экономической точки зрения земледелие и крестьянскую промышленность отличали мелкобуржуазный, мелкотоварный уклад, выражавшийся соединением рабочей силы и средств производства (2, с.64). Все это было отражением особенности развития капитализма в России: в сельское хозяйство, прежде всего - в земледелие, рыночные отношения проникли значительно позднее, чем в промышленность; торгово-предпринимательское

земледелие и животноводство начинают развиваться преимущественно в пореформенный период и в тех районах, где для этого существовали благоприятные условия.

Крупные промышленники и купцы-татары сосредотачивались в немногих экономических центрах: Казани, Касимове, Уфе, Оренбурге, Троицке и т.д. Подавляющая часть, около 95% татар Поволжья и Урала, в том числе и торговцы, проживала в сельской местности. Такое положение, по крайней мере - юридически, зафиксировано в материалах Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. Из этой среды вышло немало видных предпринимателей. Так, крестьянин Старо-Тимошкинского приказа Симбирской губ. А.Акчурин начинал со скупки и перепродажи шерсти, а его сыновья в середине XIX в. стали крупными купцами и фабрикантами (3, с.5-6). Или оренбургский купец-миллионер А.Хусаинов, будучи крестьянином, начинал с лоточной торговли (4, с.35-36). Но, повторимся, общим для почти всех татар разных социальных и имущественных категорий была принадлежность к крестьянскому сословию.

Из сельских татар 88,7%, по данным той же переписи, основным видом хозяйственной деятельности называли земледелие, остальные - другие виды заработков вне своего надела. Учитывая несовершенство переписи, число занятых неземледельческими промыслами должно было быть большим: в Европейской России даже в середине XIX в., по данным статистических исследований, многие крестьяне только числились таковыми, круглый год или большую его часть занимаясь промыслами, местными кустарными ремеслами, отходничеством, торговлей и т.д. (5). Однако специфика татарского общества состояла в том, что и мелкая сельская буржуазия и малоимущие бедняки, тем более - среднее крестьянство, не порывали с сельскохозяйственным производством. Очень часто сторонние, вне своего надела приработки служили средством поддержать именно крестьянское земледельческое хозяйство. Характерный пример: основой существования сельских касимовских татар (Рязанская губ.) была хорошо оплачиваемая частная служба в С.-Петербурге и других крупных городах. Но где бы они ни работали, всегда возвращались домой в определенный срок к началу земледельческих работ (6, с.343,406; 7, с.45-46).

Преимущественно сельскую локализацию имел и такой важнейший вид хозяйственной деятельности татар, как различные промыслы. В силу известных причин (см. ниже), крупной фабрично-заводской (условно говоря - «городской») промышленности поволжские татары почти не имели. Большинство ремесленных промыслов, в том числе ориентированных на широкий рынок, будучи «деревенскими», во многом определялись местными природными и социально-экономическими условиями. Не были исключением и такой распространенный вид деятельности, как отходничество, а также мелкая и средняя торговля. Эти виды хозяйственной деятельности, зачастую не имея непосредственно субэтнической специфики, характеризовались определенной пространственно-временной локализацией, а сравнение их с хозяйством других народов Поволжья и Урала позволяет увидеть некоторые национальные особенности.

Большинство поволжских татар в средние века и новое время подразделялись на две крупные категории: государственных (до XVIII в. - ясачных) крестьян и служилых людей. Первые этнически были преимущественно казанские татары - бывшее феодаль-

но-зависимое население Казанского ханства и чернососшные крестьяне русских писцовых книг. Служилое сословие в эпоху ханства составляли феодалы различных рангов (князья, беки, мурзы), а также тарханы, казаки и т.д., продолжая числиться таковыми и в Русском государстве до начала 2-й четверти XVIII в. Татары-мишари Окско-Сурского междуречья в прошлом почти исключительно были служилыми людьми.

Землепользование ясачных/государственных крестьян было общинным. После присоединения Поволжья с татарского тяглового населения поземельный налог взимался в форме ясака, восходившего к податной системе Золотой Орды и Казанского ханства (8, с.147-148,150-151; 9, с.327). В начале XVIII в. многообразные формы исчисления податей были заменены подушным налогообложением и наделением земель по ревизским душам мужского пола. Нововведение, в известной степени, положительно сказалось на увеличении пашни, сняв экономические ограничения, поскольку прежнее обложение (по сохам) было поземельным и с увеличением распашки росли подати (10, с.136; 11, с.7). В XIX в. по мере возрастания численности населения, сокращения наделной земли и прогрессирующего роста налогов землепользование и налогообложение по ревизским душам заменялось переделами по наличным душам. Ранее других и в больших размерах новую форму вводили в Поволжье татарские общины, страдавшие от малоземелья.

Служилое сословие у волго-уральских татар формировалось в отдаленном прошлом. Служба основывалась на военно-ленном (сойюргалном) праве, восходившем через Казанское ханство и Золотую Орду к традициям восточного феодализма (12, с.104). В Русском государстве в эту категорию вошли представители татарской феодальной знати - князья, мурзы и др., а также выходцы из крестьян и служилых людей низшего разряда - казаков. Все они наделялись вотчинными и поместными правами, налоговым иммунитетом, причем правительство учитывало, что вотчины были обычным видом кормления феодалов эпохи ханства (13, с.107).

Образование служилого сословия у казанских татар и мишарей происходило по разному. Феодальная знать в Казанском ханстве - князья, мурзы - имели вотчинные права, по социальному положению напоминая русских бояр. После падения ханства крупные феодалы исчезают: большая часть их была физически истреблена, некоторые крестились и влились в состав русского господствующего класса. Поэтому в середине XVII в. в Казанском уезде известен лишь 31 мурза, причем у них вотчинные земли зачастую не превышали наделов ясачных крестьян (14, с.46-47). Немногочисленный слой служилых татар низшего разряда складывался преимущественно во 2-й половине XVI-XVII вв. из ясачных крестьян и размерами землевладения они мало отличались от последних (15, с.181).

Служилое сословие у татар-мишарей Окско-Сурского междуречья (мордовско-мещерские земли) формировалось параллельно сложению русского дворянства. В северо-западной Новгородской и северо-восточной Владимиро-Суздальской Руси эта социальная группа начинает образовываться во 2-й половине XII-XIII вв. (16, с.36). Очевидно, по мере включения с XIII в. мордовско-мещерских земель в сферу влияния и состав русского государства, практика верстания на службу начинает распространять-

ся и на мишарей: уже в начале XIV в. местные князья - татары воюют на стороне русских (16,с.41). В середине XV в. впервые упоминаются и служилые татары-казаки (16,с.43). До этого времени речь может идти лишь о наследственном и достаточно крупном вотчинном землепользовании. С XV в. на Руси начинает распространяться и помещичья форма условного служилого землевладения (17,с.428), на основании которой верстались на службу и казаки. Изначально служилое сословие у татар-мишарей отличалось многочисленностью (15,с.94), что было следствием активной политики Русского государства (казанские, сибирские и ливонские войны) и непрерывных набегов степных воинских людей. Начиная с золотоордынского времени, часть служилых татар Окско-Сурского междуречья составляли кипчако-ногайские, казанские, крымские выходцы - феодальная знать с подвластными людьми: известные по документам «мордовские беляки» по существу, князья-вотчинники, владевшие феодем по происхождению безусловно, а не за службу (16,с.37). В составе Русского государства они, как и аристократия бывшего Казанского ханства, быстро обрусели. Гораздо более многочисленными были служилые мишари низшей группы. Будучи служилыми «по прибору» и юридически относясь к дворянскому сословию, на деле они составляли категорию помещиков без зависимого населения (поместья «с неживущей землей»), известных еще и как однодворцы. Часто при верстании служилый человек получал в поместье свою же собственную землю (15,с.94). Обычно размер реальной земельной дачи был меньшим, чем поместный оклад. Подобные помещики в экономическом и хозяйственном отношении мало отличались от окружающего податного населения. Особенно много их было среди темниковских мишарей (18,с.21-22; 19,с.397).

По мере укрепления Русского государства и изменения приоритетов во внутренней и внешней политике, правительство все менее испытывает потребность в службе «инородцев» и берет курс на сокращение сословия служилых татар. Одним из методов была насильственная христианизация: указы 1628; 1649, 1713 гг. запрещали мусульманам владеть крещеными людьми; за отказ креститься отбиралось зависимое население, помещики переводились в однодворцы, в XVIII в. - в ясачные крестьяне. В 1724 г., а окончательно - в 1786 г. большинство служилых, как и государственные крестьяне, было обложено подушной податью. И хотя соционимы «мурза», «тархан» и другие сохранялись еще долго, с первой четверти XVIII в. служилое сословие татар в Окско-Сурском междуречье и Поволжье прекратило существование.

Важно напомнить, что при всем сходстве между служилыми казанскими татарами и мишарями было одно существенное отличие: последних насчитывалось значительно больше (в середине XVII в. служилых «инородцев» в Казанском уезде исчислялось 478 чел. (14,с.46), в мишарских землях - по меньшей мере 1700 чел. (20,с.56-57) и просуществовали они дольше, чем служилые казанские татары. Большинство у казанских татар в это время составляло ясачное крестьянское население. Такое положение, как увидим ниже, не могло не отразиться на быте, культуре представителей двух субэтносов.

Часть представителей бывшей феодальной знати, не принявшая православия, переходит в купечество. Не случайно, депутат Екатеринбургской законодательной комиссии 1767 г. отмечал, что служилые мурзы «издавна» производят торги (21,с.55).

Этот процесс усилился с разрешением во второй половине XVIII в. служилым людям переходить в торговое сословие: во второй четверти XIX в. татарских купцов в Казанской губ. насчитывалось 688 чел., в Рязанской - 238, в Вятской - 126, в Нижегородской - 18, а в Сеитовой слободе Оренбургской губ. (1792 г.) - даже 1820 чел. (21, с.60), среди которых было немало выходцев из мурз, князей и других представителей верхнего слоя служилого сословия.

Как отмечалось выше, большая часть служилых татар, прежде всего - однодворцев, были переведены в государственные крестьяне, хотя по прежнему владели землей по наследству (по четвертному праву); в XVIII в. они были введены в подушный оклад, а в XIX в. стали облагаться оброком. Переселившиеся в Приуралье и на Урал в XVII-XVIII вв. служилые татары, преимущественно этнические мишари, в 1799 г. вошли в состав иррегулярного башкиро-мещеряцкого войска, упраздненного в середине XIX столетия. С этого времени и служилые мишари Приуралья официально были приравнены к государственным крестьянам.

Размеры крестьянского землепользования у татар Поволжья и Урала заметно различались в отдельных районах и у разных категорий населения. Так, в конце XVIII в. норма надела для государственных крестьян была установлена в 15 дес. на душу, которая полвека спустя была сокращена до 8 дес. В середине XIX в. земельный надел крестьян в Казанской губ. составлял около 6 дес., в Вятской губ. - 5 дес. (22, с.107; 23, с.169) Если в средневожских губерниях в 1860 г. на душу приходилось 4 дес., то в 1900 г. - уже 2,4 дес. (24, с.150). Несколько лучше были обеспечены землей крестьяне Приуралья: в середине XIX столетия - около 10 дес., в конце века - около 5 дес. (24, с.150; 25, с.111).

Изначально землевладение татарских служилых людей в массе не было крупным и уступало, например, поместьям русских дворян: в конце XVI в. русские служилые люди имели не менее 100 четвертей земли, татары - не более 15-20 четв., причем зачастую на пустошах и без крестьян (16, с.62). Различались размеры поместий и внутри сословия: в Казанском уезде лишь 5% служилых татар относились к крупным землевладельцам: с 40-100 и более четв.; 60% имели поместья менее 25 четв. (26, с.66). С течением времени вследствие правительственных мероприятий, направленных на ликвидацию службы нерусских народов, сокращается и землевладение служилых татар. Их четвертное землевладение было наследственным (земли жалованы по «фамилиям») и спустя определенное время «с тех фамилиев уже великое число душ умножилось» (27, с.389). Помимо демографического фактора - роста населения, семейных разделов на сокращении наделов сказывались продажи, заклады земли. Уже во второй половине XVII в. служилые татары жаловались, что из-за безземелья испытывают «в хлебопашестве великую нужду» (27, с.389). Так, из 90 темниковских служилых татар, упоминаемых под 1675 г., 70 чел. были однодворцами без крестьян; по меньшей мере 10 чел. вообще не имели земли; почти 30 чел. владели наделами в 1-6 четв. (0,5-3 дес.) (28, с.418-426). В Казанском уезде в это же время землевладение служилых татар в среднем составляло 2 дес. (26, с.19). Ограничивались в размерах наделы и без того немногочисленных средних землевладельцев: у саратовских служилых татар, например, в ходе Генерального межевания рубежа XVIII-XIX вв. были

отобраны все земли, кроме 15 десятин. В результате к концу XVIII в. землепользование служилых и ясачных татар не только уравнилось, но и отличалось в меньшую сторону у служилых. По данным Генерального межевания у бывших ясачных крестьян - казанских татар в Лайшевском уезде на душу приходилось 12,8 дес., в Мамдышском уезде - 11,8 дес., в Царевококшайском уезде - 14,8 дес., а у бывших служилых мишарей Сергачского уезда - 8 дес., Курмышского уезда - 6,6 дес. (29, табл.3). Размеры землевладения сокращались и в дальнейшем: в середине XIX в. в Симбирском уезде у некоторых прежде служилых людей на душу приходилось менее десятины земли (30, с.270). Помимо этой тенденции, развитие социального и имущественного неравенства в бывшей служило-татарской деревне приводило к перераспределению земельных наделов: в одном обществе разница в обеспечении землей могла колебаться от 11 до 422 четв. на владение (19, с.404).

Заметно выделялись количеством земли служилые татары Приуралья. Мишари здесь владели угодиями на правах собственности: указами 1818, 1832 и 1836 гг. размеры наделов им были определены в 30 дес. на душу; почти столько же земли имели татары-казаки. Даже к началу XX в. у тептярей и служилых татар Оренбургской губ. на наличную душу приходилось не менее 25 дес. Земли (25, с.111).

Выше упоминалось, что служилые татары, прежде всего - однодворцы - до тех пор, пока несли воинскую повинность, от денежных налогов и многих натуральных повинностей были освобождены. Как собственники земли, они не платили и феодальной ренты-оброка (государственный поземельный налог). Но по мере ликвидации служилого сословия, бывшие фискальные привилегии ликвидируются. В 1672 г. отменяются тарханские права. В 1724 г. бывшие служилые, переведенные в государственные крестьяне, начинают, наряду с подушной податью, платить и оброк. Дольше всего привилегиями пользовались выходцы из бывших господствующих слоев татарского общества. Так, татары Саратовской губернии, по происхождению мурзы и князья, отказались платить оброчную подать, когда правительство в конце XVIII в. попыталось сделать это (тем не менее, в 1872 г. были все же обложены поземельным налогом, как и государственные крестьяне) (19, с.395). Приуральские татары-казаки поземельный налог не платили вплоть до начала XX в., а приуральские мишари до ликвидации башкиро-мещеряцкого войска (середина XIX в.) податей не вносили вовсе.

Что касается ясачных (государственных) крестьян, то они, помимо подушной подати, за пользование землей издавна платили в казну оброк и выполняли ряд повинностей.

При всех социальных и местных различиях в размерах налогообложения, податную политику правительства отличала тенденция к непрерывному росту налогов. В 1724 г. подушная подать составляла 0,74 руб., столетие спустя (в 1839 г.) - 3,3 руб.; за это же время сумма оброка выросла с 0,4 руб. до 3 руб. (9, с.248; 31, с.48-50). В 1886-1887 гг. подушная и оброчная подати были заменены выкупными платежами, в совокупности более чем на треть превышавшими прежние налоги. В итоге в середине - второй половине XIX в. на душу приходилось 10-20 руб. всевозможных выплат (19, с.418, 429; 32, с.41; 33, с.55-56). О тяжести податей свидетельствовали хронически растущие налоговые недоимки. В Казанской губ., например, в 1831 г., они достигали

2,5 руб. на душу (23, с.56); в татарских селениях Тетюшского уезда в 1883 г. - свыше 50 руб. на двор (34, с.33).

Заметный след в истории поволжских татар, прежде всего - мишарей, оставило учреждение в 1718 г. Казанского адмиралтейства и образование категории приписных к работам в корабельных лесах людей - «лашман». В лашманы записывали некрещеных татар - преимущественно служилых мишарей Казанской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Воронежской губ. (35, с.10). В год основания Адмиралтейства их насчитывалось 56 тыс. (27, с.233,234), столетие спустя - 234 тыс. чел. (27, с.236). Работа в корабельных лесах продолжалась на протяжении многих поколений татар. Верстались мужчины от 15 до 60 лет на шесть зимних месяцев из расчета 1 конный и 1 пеший с 9 дворов и один человек на год с 25 дворов (27, с.233,234). Оплачиваемая чисто символически, лашманная повинность была, по сути, натуральной барщиной (36, с.125; 37, с.126). Инспектор по Адмиралтейству Свечин в 1762 г. писал, что приписанные к корабельным лесам «претерпевают отягощение и разорение...». Сами лашманы в прошениях к Екатерине II и в Сенат указывали «на тягостное изнурение и бедность от употребления к тем работам» (38, с.54-55).

Приписка к корабельным работам была вторым, после насильственного крещения и лишения поместий, сильным ударом для служилых татар (15, с.115). Положение татар-лашман было еще сложнее, чем татар ясачных. Длительный отрыв часто на значительные расстояния (по мере сокращения корабельных лесов в Казанской губ. лашман посылали в Вятскую, Костромскую губ. за 400 и более верст от места жительства), не позволял систематически заниматься каким-либо местным промыслом. В то же время это способствовало росту подвижности населения, развитию предприимчивости, социальной и хозяйственной активности, усвоению русского языка, что позднее отразилось в заметной мобильности мишарского населения, развитому у них отходничеству.

От размеров обеспечения земель, тяжести податного гнета или повинностей наподобие лашманной и иных причин зависела хозяйственная ориентация крестьянства. Малоземелье в Среднем Поволжье, усугубляемое неплодородными выпаханными почвами, в сочетании с чрезмерными налогами вынуждало крестьян искать дополнительные, вне своего надела, приработки на стороне. Та же зависимость хорошо просматривается на примере русского крестьянства: наибольшее развитие промыслов у них приходилось на густозаселенные, со скудной истощенной почвой Московскую, Владимирскую, Костромскую, Ярославскую и соседние губ. (39, с.187).

При прочих равных условиях на приоритет, отдаваемый крестьянами тому или иному виду приработков, сказывалось еще и наличие ремесленных традиций, сырья и рынков сбыта. Этим условиям, в частности, отвечали районы Заказанья и Предкамья, где и существовали издавна у татар кустарные ремесленные промыслы. У татар-мишарей Окско-Сурского междуречья отсутствие последних условий способствовало росту отходничества. Наконец, несмотря на доступность сырья и близость рынков сбыта, у многоземельных приуральских татар, прежде всего - тептярей, мещеряков и казаков - промыслы распространения не получили (40, с.21-22). Даже государственные крестьяне-татары восточных губерний к сторонним приработкам прибега-

ли в меньшей степени, чем крестьяне центральных и западных губерний региона. Таким образом, предпочтение, отдаваемое крестьянами отдельным видам сторонних заработков, складывалось в определенную традицию: в старых ремесленных центрах - в Заказанье, например, крестьяне предпочитали кустарное производство. Там, где крестьяне жили преимущественно земледелием, как в Закамье и Южном Приуралье, кустарные ремесла развития не получили, несмотря на доступность сырья и рынки сбыта - уральский промышленный район. Здесь преобладали отход и неквалифицированные «черные» работы (41, с.16). Эта тенденция была общей для края: в Вятской «ремесленной» губ. сельскохозяйственными работами по найму занимались 10,6% промысловиков, а кустарей было 42,9%; в «земледельческой» Самарской губ. 47,3% и 20% соответственно (41, с.18).

С отдаленного времени классовому обществу поволжских татар соответствовало имущественное неравенство. С середины XIX в. в складывавшемся в нацию обществе социально-классовое расслоение становится заметным и в сельском хозяйстве. Деревня все более размежевывается на сельскую буржуазию и пролетариат с одновременным сокращением середняцкой прослойки.

Сферы деятельности и вложения капитала мелкой сельской буржуазии у татар были разнообразными: от организации собственного земледельческого хозяйства с применением труда батраков до ростовщичества, спекуляции землей и эксплуатации кустарей. Можно проследить своеобразную специализацию: в земледельческих уездах (Спасском, Чистопольском Казанской губ., Самарском, Бугульминском, Самарской губ. и далее на юг и юго-восток) преобладала организация предпринимательского земледелия в своих хозяйствах, а также купля-продажа (аренда) земли; в уездах с развитой ремесленной деятельностью (Казанский, Мамадышский, Лаишевский, Царевококшайский Казанской губ., Елабужский, Малмыжский Вятской губ.) мелкая буржуазия активно участвовала в организации или координации кустарных ремесел, снабжении сырьем и сбыте готовой продукции. Наблюдаются и субэтнические особенности: у казанских татар представители мелкой буржуазии предпочитали эксплуатировать односельчан и ближайшую округу, вкладывать капиталы в местную «промышленность» и торговлю; татары-мишари более ориентировались на прибыль от сторонних приработков (см. ниже).

Для татар была характерна особая привязанность к земле и крестьянскому наделу. Далее мы остановимся на причинах этого явления, а пока напомним, что для малоимущих слоев татарской деревни было типично сочетание земледельческого труда на своем наделе и разнообразных приработков на стороне, как местных, так и отходнических. Так, кустари в Среднем Поволжье в большинстве случаев не порывали с земледелием (42, с.207). Крестьяне в Предкамье с октября по май работали на кумачевых мануфактурах, на лето они возвращались к сельскохозяйственному труду и производство останавливалось (43, с.137).

В промыслах также наблюдались определенные территориальные и субэтнические различия. Казанские татары Предкамья больше ориентировались на местные кустарные промыслы; мишари Окско-Сурского междуречья - на отходнические заработки (карта 3). Иллюстрацией могут служить жители д.Муравлейка Сергачского уезда Ни-

жегородской губ., где в начале XX в. из 25 дворов в отход шли 17 чел., а местными, в том числе кустарными промыслами не занимались вовсе (44, с.97, табл.65). Или в Приуралье, где кустарные промыслы у казанских татар все же имели место, мишари занимались преимущественно работами по найму в городах и соседних селах (45, с.163). Разумеется, на подобной дифференциации сказывалось наличие или отсутствие сырья и другие причины, о чем упоминалось выше, но с известной степенью вероятности в этом можно усматривать и проявление своеобразной субэтнической традиции.

Обратимся вновь к татарскому населению юго-восточных районов края. Если государственные крестьяне Приуралья и Урала по уровню, характеру и направлению развития хозяйства во многом не отличались от татар Поволжья, то этого нельзя сказать о представителях служилого сословия - мещеряках и казаках. В их обществах, в целом экономически более устойчивых и зажиточных, имущественная и классовая дифференциация, по-видимому, не зашла еще так далеко, как у крестьян. Многоземелье и определенные привилегии позволяли им успешно вести сельское хозяйство, причем, больше на натуральных началах: у тех же оренбургских казаков, по свидетельству П.Н.Распопова, скотоводство было очень развито, но почти исключительно для своих нужд (46, с.XXXI). Однако и в их среде на протяжении второй половины XIX в. развиваются процессы имущественной и классовой дифференциации, сопровождавшиеся обнищанием части населения. Так, если источники середины XIX в. отмечают, что оренбургские татары, крестьяне и казаки, занимаются почти исключительно хлебопашеством (47, с.46) (следует понимать - сельским хозяйством натурального характера), то в конце столетия они работают уже на заводах и золотых приисках Верхнеуральского, Троицкого и других уездов (25, с.127). Последний факт явно свидетельствует о появлении обедневшей прослойки татар, которых теперь не могло прокормить собственное хозяйство. Здесь следует отметить еще одну характерную деталь хозяйства оренбургских казаков: в их станицах почти полностью отсутствовали местные кустари-ремесленники; все необходимые работы и изделия производили пришлые из западных и центральных губерний мастера (25, 128). В этом, по-видимому, сказалась хозяйственная ориентация татар-казаков на земледелие и скотоводство, представлявшие больше экономических выгод, чем кустарные промыслы. Последние, как мы уже видели, были прежде всего уделом безземельных или малоимущих слоев населения. У имевших много скота казаков почти единственным и весьма распространенным видом промысла были извоз.

Представляет значительный интерес вопрос о формах землепользования у поволжских татар, имевших и субэтнические различия: преимущественно уравнилельно-общинное у казанских татар и подворно-наследственное у татар-мишарей. Сложение этих особенностей восходит к отдаленному прошлому; формы землепользования с течением времени претерпевали существенные изменения и оказали заметное влияние на хозяйство, отчасти - быт и культуру народа.

Характерной особенностью положения татар была относительная экономическая независимость и личная свобода крестьянства. В Среднем Поволжье со времени Волжской Булгарии верховным собственником земли был хан и в его лице - государство, а

феодалные отношения строились на принципах военно-ленной системы (49, с.130,150). Те же поземельные и феодалные отношения сохранялись и продолжали развиваться в Казанском ханстве: «...сойюргал представляет наиболее типичные отношения казанского феодализма» (50, с.12). В отличие, например от позднего русского поместья, держатель сойюргала не занимался непосредственно организацией сельскохозяйственного производства, что представляло крестьянам личную свободу и относительную самостоятельность в вопросах землепользования и решения хозяйственных проблем.

В Казанском ханстве, как, по-видимому, и ранее мелкое крестьянское землепользование существовало в виде общинной (джиенной) собственности (13, с.17; 50, с.25). Община была совокупным юридическим владельцем, с которым государство или держатель сойюргала осуществляли необходимые податные и другие отношения. Не случайно эту устоявшуюся традицию русское государство сохранило для местных народов и после присоединения Поволжья. Такое положение хорошо прослеживается на примере русского Севера, где среди черносошных крестьян до XVIII в. община владела преимущественно распределением податей и другими финансовыми и административными делами, но не поземельными отношениями, то есть крестьяне распоряжались землей фактически на правах собственности (51, с.6,12).

В этом проявлялся дуализм сельской общины: частное владение пахотной землей, сенокосом, огородом - результат развития классового общества и имущественного неравенства, сочеталось с общинным пользованием выгонами, лесом, что восходило к общинно-родовой коллективной собственности (52, с.203). К XVI в. в русской деревне повсеместно сосуществовали и общинно-волостная организация и подворное земле-владение (53, с.101). Сходный характер имела и одновременная сельская община казанских татар - джиен. По мере роста населения и сокращения земельных фондов, развития классового неравенства, усилившегося вмешательства государства подворно-наследственное землевладение сменяется общинным уравнительным землепользованием, а община - джиен уступает место аульной общине. В средней полосе России этот процесс начинается в XVI в., в XVIII в. утверждается окончательно (54, с.94).

У татар-мишарей общины-джиена не было; в большинстве случаев у них изначально община была соседской аульной. Формировалась мишарская община не из кровных родственников, а из служилого люда, выходцев из разных мест и в разное время получивших земельные пожалования. Сельские коллективы мишарей не были стабильными: формирование субэтнуса сопровождалось массовыми передвижениями населения в эпоху монгольского нашествия, в ходе образования служилого сословия, по мере строительства сторожевых линий и т.д.

Между землевладением крестьян и служилых людей были и другие существенные отличия. У первых община была юридическим лицом, защищавшим интересы своих членов от посягательств извне, принимавших новых общинников и т.д. (53, с.106). Что касается служилых татар, то они сами отстаивали свои поземельные интересы: об этом говорят многочисленные жалобы и челобитные, подаваемые от физических лиц, редко - «с товарищи» и почти никогда - от жителей селения-общины. Далее: если в государ-

ственной деревне правительство препятствовало выходу земли из тягла, то у служилых земля отчуждалась свободно, поскольку не несла оброчных платежей.

Общинная поземельная собственность была характерна прежде всего для населения бывшего Казанского ханства, то есть преимущественно казанских татар. Так, например, в Мамадышском уезде Казанской губ. с более чем 100 тыс. татарского населения, землю в собственности (по четвертному праву) имели лишь 7 дворов мурз (19, с.413). У преобладающей части татар-мишарей, составлявших служилое сословие низшей категории (однодворцы), землепользование вплоть до XIX в. было подворно-наследственным. И хотя у последних общественные и некоторые поземельные вопросы также решались сообща, всей сельской общиной (земля переверстывалась по жеребьевке смотря по качеству ее и т.д.), частное владение землей предоставляло больше экономической и хозяйственно самостоятельности.

Была еще одна причина сложения субэтнических различий в формах землепользования и социальных прерогатив сельской общины. Казанские татары издавна были преимущественно податным населением (ясачными/государственными крестьянами), у которых община служила, особенно с рубежа XVIII-XIX вв., и инструментом пропорционального наложения и взимания налогов; мишарское население в Поволжье до начала XVIII в., а в Приуралье - еще дольше, феодальные повинности несло в виде службы; община у них была призвана выполнять социально-регулирующую и административную функции и лишь затем - фискальные и поземельные задачи. С течением времени по мере сокращения и отмены службы, замены ее феодальной рентой (податями и повинностями наподобие лашманной) община у мишарей приобретает те же поземельно-фискальные функции, что и у казанских татар. Но длительное бытование специфически отличной формы землепользования наложило отпечаток на отдельные стороны социальной организации, хозяйства и культуры татар-мишарей.

Нечто похожее с функциями общины происходило и у населения Урала, служилых казаков и мещераков. Первоначально при обилии земель ими пользовались «по захватному способу» - каждый пахал и косил, сколько мог (55, с.34). Община в этом случае играла регулируемую, а не поземельно-распределяющую функцию: отводились предпочтительные участки под залежь, выгон и т.д. (55, с.18), назначались сроки путины осетровых и решались прочие общехозяйственные задачи. По-видимому, аналогичное положение сохранялось у татарских крестьян в Среднем Поволжье в эпоху Казанского ханства и позднее: «пашня наездом» в XVI-XVII вв., «окольные пашни» у пермских татар, пестрополье в приуральских уездах, как будто бы, говорят об этом: неупорядоченный севооборот означал отсутствие жесткой агротехнической и поземельной регламентации землепользования. По мере нарастания малоземелья начинают переделаться лучшие или ближние земли (55, с.37-38); трехполье подразумевает уже полную общинную регламентацию и принудительный порядок севооборота (56, с.422), наблюдаемые в XIX в. в западных и центральных регионах края.

В чем же конкретно заключалось влияние формы землепользования и организации сельского общества на особенности татарской деревни? Регулярными переделами общинное землепользование в известной мере маневрировало земельным фондом

сельского мира, способствовало уравниванию размеров надела среди крестьян, предупреждая их распыление (57, с.5). Следует подчеркнуть и такое важное свойство общины, как ее коллективизм; в ней «...несомненно развиты очень высокие нравственные начала взаимопомощи» (51, с.50), выражавшиеся в различных видах совместного труда - помочи, общественные работы, наем пастухов и многое другое. Коллективизм общины выражался и во временном облегчении податей с экономически слабых хозяйств. Конечно, те же помочи часто были плохо прикрытой формой эксплуатации кулаками односельчан, а общинная поддержка слабых хозяев, зачастую, обуславливалась и стремлением в перспективе не потерять вовсе конкретное тягло. Однако в целом это не умаляет коллективистских особенностей крестьянской общины, в том числе и в сложении этой черты национального характера. Не случайно же современник отмечал, что даже в промышленности и торговле татары ведут дела на «началах товарищества» (19, с.394) .

Поскольку сельская община имела экономический базис, то ей соответствовала и собственная надстройка, отличная от надстройки общества, в недрах которого она существовала - так называемая народная культура. Такой общине была характерна своеобразная двойственность: с одной стороны она обуславливала известный застой в развитии общества - мира, консервировала патриархальный образ жизни; с другой выступала хранительницей культурно-бытовых традиций (58, с.54). Иначе говоря, сельская община служила своеобразным этническим резерватом. У татарской общины было и еще одно свойство: в противодействие национально-колониальному гнету самодержавия она несла и защитную функцию, консолидируя родной язык, культуру, быт. Все это придавало особую устойчивость общинным принципам в татарской, равно как и в чувашской и марийской деревне (59, с.83).

Развитие общины шло противоречиво: с одной сторон, вследствие имущественной и социально-классовой дифференциации и концентрации угодий в руках зажиточного меньшинства происходило ее разложение; с другой - круговая порука членов общины в податных обязательствах, заинтересованность господствующих классов способствовали ее сохранению (56, с.420). Землепользование в общине имело и ряд отрицательных черт: это и чересполосица, и вред частых переделов, лишавших крестьян заинтересованности в надлежащей обработке и удобрении земли на длительную перспективу - в наши задачи не входит анализ подобных негативных свойств. Но одна особенность очерченного круга имела далеко идущие последствия.

Известно, что община фактически привязывала крестьянина к земле и наделу, поскольку для выхода из нее нужны были, наряду с уплатой налоговых недоимок, решение сельского схода. Этому же препятствовал как сам мир, не желавший терять лишнее тягло, так и кулаки, фактически заправлявшие в деревне и не заинтересованные в сокращении реальных и потенциальных должников и батраков. По этой причине казанские татары в Среднем Поволжье отдавали предпочтение местным видам внеадельных приработков, в том числе - кустарным промыслам. В известной степени это было все-российской особенностью: «Поскольку население было привязано к земле, в деревнях России развивалась мелкая промышленность» (9, с.135). По той же причине в порефор-

менное время в Казанской губ. наиболее распространенными были поденная и сдельная формы найма, а не наем на определенный срок (60, с.167). У казанских татар имел место и отход, но кратковременный и не дальний. Если же уходили из Казанского, Мамадышского, Царевококшайского уездов Казанской губ. на долгое время, то это были в основном средние и крупные торговцы: «уходящие в отдаленные места получают всегда хорошие барыши и все люди с достатком» (61, с.343). В справедливости этого убеждает и район исхода - преимущественно Заказанье, центр торгового капитала. Последний факт относится к середине XIX в.; в дальнейшем, по мере развития капитализма, имущественного и социального разложения деревни, отходничество казанских татар возрастает. Но это было уже результатом общеисторического процесса.

Иные социально-экономические и хозяйственно-культурные особенности имело подворно-наследственное землепользование. Некогда значительные по размерам частные земельные наделы с течением времени из-за семейных разделов, продаж и т.д. сильно измельчали; из-за хищнической эксплуатации пашни упало плодородие почвы и в большинстве случаев в XIX в. эти наделы бывших служилых татар уже не могли прокормить крестьянина. А поскольку у татар-мишарей, в отличие от казанских татар, община не столь выражено играла сдерживающую роль, то для первых было характерно массовое обращение к сторонним приработкам, часто в форме длительного отхода. Так, у татар Касимовского уезда Рязанской губ., также владевших землей по четвертному праву, в конце XIX в. местными промыслами занимались 169 душ мужского пола (из них только 39 - ремесленными), а отходническими - 697 душ (62, с.496) (19,5% и 80,5% соответственно). Характерный штрих: татары-мишари в меньшей степени развивали местные кустарные промыслы в сравнении с казанскими татарами. И здесь дело, как нам представляется, не в отсутствии сырья для ремесленного производства - известно, что, например, в Казанском, Мамадышском, Лаишевском уездах Казанской губ. на привозном сырье успешно существовали многие традиционные ремесла: рогожно-кулеткацкий, скорняжный, деревообрабатывающий и другие промыслы. Очевидно, помимо не столь глубоких традиций ремесленных производств, на предпочтение, отдаваемое татарами-мишарями отходническим промыслам, влияло и отсутствие жесткой общинной регламентации, меньшая зависимость от своего надела. У владевших землей на правах собственности мишарей, в отличие от казанских татар-общинников, рано начался и процесс имущественного расслоения из-за концентрации земли в одних руках и сокращения у других односельчан. Многоземельные четвертные татары имели землю в собственности, а малоземельные переходили к уравнительно-общинному землепользованию или сдавали свои наделы в аренду.

Община, поддерживая слабые хозяйства, несколько сдерживала расслоение деревни; ограничивая хозяйственную самостоятельность, не способствовала выдвижению предприимчивых крестьян (57, с.16,33). Более активно подобные процессы шли в среде татар-мишарей. У последних немаловажную роль в развитии отходнических промыслов играла и психологическая мобильность, способность оторваться за пределы своего мира (63, с.57), обусловленная их историей (лашманство, например), лучшим знанием русского языка и т.д.

Рассмотренные выше процессы особенно рельефно проявляли себя до середины XIX в. включительно. Позднее, с широким развитием капитализма в деревне они во многом утратили значение: почти перестает играть регулирующую и сдерживающую роль община («Проникновение капитализма в сельское хозяйство подрывало общину и быстрыми темпами пролетаризировало низшие группы крестьянства» (64, с.29); происходит концентрация земли в руках кулаков не только в мишарской, но и в казанско-татарской деревне; и в Среднем Поволжье и Прикамье обедневшие татары начинают все активнее прибегать к отходническим видам промыслов. Во второй половине XIX - начале XX вв. резко усиливается миграция татар в Сибирь, Казахстан, промышленные центры (65, с.28). Рассмотренные выше процессы в «чистом» виде происходили в XVII - первой половине XIX в. в недрах феодальной деревни края. В это время при отсутствии рынка и спроса на рабочие руки в условиях господства феодальных мануфактур и крепостного труда, разорение части крестьян не только вело к пауперизации, но и вынуждало крестьян, как разбогатевших, так и потерявших возможность прокормиться на своей земле, искать приложения капитала или рабочих рук в промыслах или торговле. Отсюда, в частности, устоявшееся мнение о «торгашестве» татар («Будучи от природы дурными земледельцами, татары изыскивают всякие способы заработка легчайшим образом, увеличивая без нужды число торговцев» (66, с.15).

В национальной истории народа, прежде всего казанских татар, на протяжении столетий в Среднем Поволжье и Прикамье существовали два государства: Волжская Булгария и Казанское ханство. Традиция государственности предков поволжских татар насчитывала более чем полтысячелетия, поскольку в золотоордынское время Булгария в качестве улуса сохранила территорию, автономию и многие социально-политические институты. Сохранялись и продолжали развиваться хозяйственные и культурно-бытовые традиции Волжской Булгарии (67, с.68,69; 68, с.109,111,182,183,188; 69, с.55,56). Следовательно, с известными и в нашем случае - несущественными оговорками, Казанское ханство можно считать преемником домонгольской Булгарии (70, с.186,187). Оседлый образ жизни, разделение труда, сложение феодальных центров, образование государства у болгар сопровождалось появлением городов - центров администрации, ремесел, торговли и культуры. Если болгарское, казанско-татарское, буртасское и мишарское село развивалось в основном в рамках натурального хозяйства, то города - Биляр, Булгар, Казань, Ошель, Сувар, позднее - Арск, Тетюши, Лаишев и другие были центрами концентрации специализированных ремесел - кузнечного, гончарного, ювелирного, косторезного, кожевенного (9, с.104; 49, с.100). Такие ремесла подразумевали соответствующий уровень подготовки мастеров, сложный инвентарь и инструментарий, трудоемкий производственный процесс. Поэтому ремесленники более ориентировались на массовое производство унифицированной продукции, предназначенной для рынка. Города одновременно были и крупными рынками - местом обмена между городской ремесленной и деревенской сельскохозяйственной продукцией. Стимулировало развитие городских ремесел у болгар и казанских татар и потребность в массовых изделиях (ножи, топоры, оружие, посуда, украшения) для торговли с соседями, откуда поступали сырье и экспортные товары: пушнина, мед, воск, шкуры.

Одним из негативных последствий присоединения Поволжья к Русскому государству, вслед за потерей татарами собственной государственности, было разрушение городской культуры и массовое переселение в сельскую местность. На долгое время они были оттеснены от крупных рынков; некоторые прежде широко распространенные производства - гончарное, косторезное, кузнечное - почти полностью исчезают, другие виды - ювелирный, кожевенный, обувной, валяльно-войлочный заметно сокращаются и обслуживают теперь в основном сельскую округу в заказной форме (кустарное ремесло). Крупномасштабные ремесленные производства становятся сферой деятельности русских кустарей и концентрируются преимущественно в городах, пригородных селениях и на оживленных торговых путях: кузнечный промысел - близ Казани, гончарный и ювелирный - в Лаишевском уезде Казанской губ. и т.д. Татарские ремесленники сельских районов Заказанья продолжали участвовать в обработке лыка, кожи, шерсти. В XVIII в. на базе этих ремесел возникают крупные производственные центры, достигшие стадии рассеянной и собственно мануфактуры: валяльно-войлочный и скорняжный в починке Шемордан и округе в Мамадышском уезде, рогожно-кулеткацкий в Царевококшайском уезде, ткацкий - в Казанском уезде, обувной - в приказанских селах.

Иным было положение в буртасско-мишарских землях в правобережье Волги и в Окско-Сурском междуречье. В силу разных причин предки татар-мишарей своей устойчивой государственности не успели создать. Первые княжества возникают у них лишь во второй половине XIV в. (67, с.110). Булгаро-буртасские городища - феодальные центры или гибнут с монголо-татарским нашествием (Золотаревское, Юловское) или существуют только в золотоордынское время (Наровчат, Темников)(49, с.166,167). Так, здания в Наровчате-Мухше сооружались преимущественно в золотоордынское время (69, с.100). Поэтому замечание А.Х.Халикова о том, что «...сведения о ремеслах и занятиях тюркоязычного населения Окско-Сурского междуречья у нас крайне скудны» (49, с.175), следует понимать и как отсутствие самих ремесел, особенно тяготеющих к городской культуре и городам. Впрочем, ремесла у предков мишарей - буртасов, конечно же, были: гончарное, металлургическое, кузнечное, деревообрабатывающие, а также ткачество, косторезное дело и т.д. - их свидетельства видны на памятниках X-XIII вв. Но здесь мы видим скорее не результат имманентного развития, а болгарского влияния. По-видимому, монгольское нашествие и гибель при этом городищ - ремесленных центров, переселение буртас на северо-запад, а позднее - многократные переселения на сторожевые линии и в Приуралье, интенсивная кипчакизация не способствовали развитию специализированных «городских» ремесленных промыслов. Не случайно в XIX в. ремесла татар-мишарей имели более сельский характер: плотницкий, скорняжный, портновский, коновальный, причем - чаще в виде отхода (!). Так, в Темниковском, Шацком уездах Тамбовской губ., в Керенском, Городищенском уездах Пензенской губ. основными промыслами были рубка и пилка леса, плотницкий, столярный и портновский промыслы (71, с.250, 251, 257, 263 и др.). Ведущей сферой деятельности вне крестьянского надела у мишарей были различные виды отходничества (карта 3).

Политический фактор, в частности отношение самодержавия к нерусским народам в Поволжье и Урале, самым существенным образом сказывался на развитии хозяйства поволжских татар. Помимо прочего, в основе этой политики лежали два момента. Во-первых, подрыв экономической мощи татарских феодалов, а позднее - промышленников и предпринимателей с целью ослабить их влияние на собственный и местные народы. Во-вторых, создание преимуществ для развития русского помещичьего и вотчинного хозяйства, благоприятных условий для русского торгово-промышленного капитала на новом волго-уральском рынке. Достигалось это как политическими, так и экономическими средствами: насаждением в крае помещичье-вотчинного, монастырского, удельного и государственного землевладения; лишением татарских феодалов зависимого крестьянства; борьбой против «неуказной» промышленности - нарождавшейся сельской буржуазии, причем не только татарской, но и русской.

Мелкие предприниматели, очевидно, причиняли много беспокойства представителям крупного торгово-промышленного капитала. Так, купцы Кунгура жаловались на многочисленные мыловаренные, кожевенные и другие «безоброчные» промыслы крестьян, чинившие им «...всёкрайнее в торгах помешательство и обиду» (72, с.253). Разгар борьбы привилегированных компаний и предпринимателей с крестьянскими и слободскими «промышленниками» приходится на 2-ю половину XVII-XVIII вв., время начала формирования капиталистического уклада в недрах феодальной России. Борьба эта опиралась на законодательную и судебно-полицейскую поддержку государства. Впрочем, последнее отличалось непостоянством в силу менявшихся внутри- и внешнеполитических интересов. Так, петровские указы и постановления 1711, 1719, 1723 гг. разрешали «всем желающим, независимо от чина», устраивать промышленные заведения. Но уже в 1732 и 1734 гг. законодательно было запрещено заводить полотняные мануфактуры крестьянам, что прямо касалось и татарских предпринимателей Казанского и сопредельных уездов. Пик запретов приходится на середину столетия, сильно ограничивая и торговлю крестьян. Несмотря на всю непоследовательность, протекционистская политика правительства давала свои результаты. В частности, «постоянно висевшая...над крестьянскими мануфактурами угроза закрытия и конфискации мало должна была, конечно, прельщать крестьянскую буржуазию, как выраставшую из среды самих крестьян-промышленников, так и богатевшую на торговле» (72, с.XVI). Действие указов было несколько ослаблено только во второй половине XVIII в.; по промышленности, в частности, было окончательно отменено в 1767-1775 гг., а в 1763 г. были сняты ограничения на торговлю казанским служилым татарам.

На это же время приходится развитие «промышленности» крестьян: депутат Екатерининской законодательной комиссии сообщал, что «...в разных уездах многие крестьяне, о с о б е н н о ж е т а т а р ы (разрядка наша - Н.Х.) завели в деревнях разные заводы...» (43, с.130) (мастерские, предприятия по переработке сырья). Позднее из таких крестьянских «заводов» выросли весьма крупные предприятия, преимущественно кумачные, кожевенные, мыловаренные, а также медеплавильные, поташные. Характерно, что концентрировались они преимущественно в Казанской и Вятской губ. (73, с.44-50).

К рубежу XVIII-XIX вв. в Прикамье насчитывалось около 25 текстильных мануфактур, 30 кожевенных предприятий, принадлежащих татарам, в том числе служилым людям. Большинство из них были мелкими (73, с.44-50). Но к середине XIX столетия некоторые «крестьянские заводы» достигли весьма крупных размеров: такими стали суконные фабрики Акчуриных в Ст.Тимошкино и Гурьевке Симбирской губ. с годовым производством в 175 и 346 тыс. рублей (74, с.28,29). Современники отмечали заметное положение татар в фабрично-заводской промышленности, в том числе текстильной («В Симбирской губернии суконные фабрики, принадлежащие татарам, считаются лучшими» (75, с.175). И все же с течением времени лишь немногие крестьянские «заводы» стали крупными предприятиями; другие, не выдержав конкуренции с фабричной продукцией, пострадав от протекционистской политики и иных причин, прекратили существование.

Поэтому крестьянский буржуа, особенно в XVIII в., предпочитал вкладывать капиталы в торговлю, а не в промышленность: первая при отсутствии социальных и политических гарантий позволяла быстро свернуть дело и спасти капитал (72, с.XXXVI); кроме того, оборот капитала в торговле совершался значительно быстрее, чем в промышленности. Сказывалась и своеобразная этническая традиция, восходящая к болгарским временам: недаром многие современники подчеркивали особую склонность татар к торговле. Наконец, господство торгового капитала и торговой буржуазии (русской и национальной) в дореформенной полуфеодальной России обуславливалось и узостью рынков сбыта, и нехваткой свободной рабочей силы (76, с.94) для развития промышленности (вспомним, что в петровские времена, например, все мануфактуры обслуживали только армию и флот). Это была общая закономерность: до упрочения капиталистической мануфактуры в экономике господствовал торговый капитал (77, с.32 и др.).

Татары в Среднем Поволжье и Прикамье практически монополизировали всю мелкую и разносную торговлю (75, с.175; 78, с.75,149,187). Весьма типичной была их деятельность в качестве прасолов (держали в своих руках, например, скупку яиц в крае) (79, с.235; 80, с.164). Показателен пример каринских татар Слободского уезда Вятской губ., подчинивших себе весь местный рынок пушнины (81, с.23-24). По сути, скупщики-прасолы были представителями мелкого торгового капитала, сложившегося в XVII-XVIII вв. в условиях формирования общероссийского рынка из разбогатевших посадских людей, крестьян, а у собственно татар - и из представителей служилого сословия. Фигура скупщика на местных рынках и в мелкой ремесленной промышленности края у татар продолжала господствовать и в XIX в. (82, с.57, прим.3).

Препятствуя商ово-промышленному предпринимательству татар в Поволжье, правительство в то же время поощряло ориентацию татарского купеческого капитала на торговлю с Востоком. Одной из важных причин этого было стремление получить новые рынки сырья и сбыта для нарождавшейся российской промышленности. Учитывались давние торговые связи татар с населением юго-восточных районов, народами Средней Азии, использовались их религиозная и культурная близость и знание местных обычаев. В результате они сконцентрировали 3/4 торгового оборота

России со Средней Азией; первые торговые караваны татарских купцов уходили в Хиву, Бухару, Индию еще в середине XVIII в. (83, с.42-43).

Примером такой политики и, одновременно, свидетельством предпринимательской традиции казанских татар может служить история Сеитовой слободы - Каргалов близ Оренбурга. Основанная в середине XVIII в. татарскими купцами как торговый центр на границе со Средней Азией, очень скоро в благоприятных условиях (поддержка оренбургской и центральной администрации, обширный восточный рынок) слобода становится крупным центром юго-востока Европейской России не только в торговле (сеитовские татары «...явились главными факторами и посредниками в торговых сношениях России через Оренбург со Средней Азией»(84, с.350), но и в переработке сельскохозяйственного сырья, а сама Каргала по численности населения, культуре, архитектуре приближается к городу.

Татарские купцы в XVIII в. держали в своих руках всю торговлю в двух крупнейших пограничных центрах - Оренбурге и Троицке (21, с.63). Важно отметить, что по происхождению местное купечество было казанскими татарами, в том числе - крестьянами: в середине XVIII в. в Оренбурге торговало 38 каргалинских купцов - выходцев из-под Казани, 20 собственно казанских и 13 касимовских торговцев (85, с.241). Купцы Казани и Заказанья вообще играли видную роль в торговле с Востоком: среди них была категория торговцев «бухарюртучи» и сохранилась фамилия Китаевых (21, с.64-65).

По-видимому, не препятствовала царская администрация и традиционной посреднической торговле татар с марийцами, удмуртами, приуральскими и сибирскими народами. На их территории продолжали существовать центры торговли, возможно еще болгарские фактории: Карино в Слободском уезде и Кестым в Глазовском уезде Вятской губ., Ичкино в Шадринском уезде Пермской губ. В конечном итоге, многие крупные торговые центры поволжских татар расположились именно в периферийных и контактных зонах расселения народа: Карино, Кестым, Каргала, Оренбург, Троицк, Ичкино. Исключением были лишь Казань и Касимов, но из двух последних центров множество торговцев так или иначе участвовали в пограничной торговле.

Торговая буржуазия была, разумеется, и среди татар-мишарей. Со второй половины XVI в. благодаря политике царской администрации, направленной на устранение конкуренции казанских купцов, торговля в Окско-Сурском междуречье переходит в руки русских и местных купцов. Способствовало этому и прохождение через район крупных торговых путей на Москву и низовья Волги, Нижний Новгород и Казань (49, с.176). Не случайно, в крупном торговом селе Сасово Тамбовской губ., располагавшемся на старинном тракте, была крупная ярмарка (71, с.245, 246). Однако, ни масштабы торговых операций, ни сфера влияния купцов - мишарей не идут в сравнение с русским и казанско-татарским торговым капиталом (в середине XIX в., например, в Пензенской губ. из 378 купцов татар было 25 чел.(86), или 6,6%: в Казанской губ. из 2022 предпринимателей и торговцев татар было 688 (52, с.228), или 34%) (в % пересчитано нами - Н.Х.). Интересы буржуазии, как и наемных рабочих среди мишарей в большей мере были направлены на крупные города и столичные центры.

Попытки татарской буржуазии организовать промышленное производство в крупных размерах и в Предкамье и в Окско-Сурском междуречье, как уже говорилось выше, наталкивалось на организованное и законодательно поддержанное сопротивление русской буржуазии. Поэтому татарам удалось в Поволжье развернуть лишь мануфактурную промышленность на базе развитых местных кустарных промыслов и преимущественно в местностях с татарским же населением. Лишь в немногих случаях к XIX в. эти производства переросли в крупные мануфактурные центры, как в починке Шемордан Мамадышского уезда Казанской губ. или фабрики, наподобие полотнянно-суконной в Ст.Тимошкино Симбирской губ. В то же время для татарской буржуазии было весьма характерным слияние торгового и промышленного капитала, что являлось общероссийской закономерностью: во второй половине XVIII- первой половине XIX в. происходит переход купеческих капиталов в промышленность (9, с.225). Например, в 1803 г. служилый татарин М.Маматов из д.Портинур Малмыжского уезда Вятской губ., распродал в Бухаре крупную партию товаров, там же закупил хлопчатобумажную пряжу (21, с.64), скорее всего - для своей мануфактуры: казанско-вятский кумачевый район работал на привозной бухарской пряже (43, с.135). Точно так же и каргалинские купцы в XIX в. вкладывали капиталы в местную обрабатывающую промышленность (4, с.22). Крупные купцы Абсалямов, Апанаев, Бикбов, Юнусов и другие одновременно были и владельцами кожевенных, мыловаренных мануфактур.

* * *

Подведем итоги. История формирования субэтнотосов поволжских татар наложила отпечаток на особенности землепользования и социальной организации. Казанские татары, со времен Волжской Булгарии и Казанского ханства бывшие феодально зависимым и податным (ясачные /государственные крестьяне) населением, пользовались землей на общинно-уравнительных началах. Казанско-татарская община длительное время сохраняла патриархальные родоплеменные черты и до XIX в. оставалась, по сути, верховным коллективным землевладельцем. Такая община тормозила имущественное и классовое развитие сельского общества, препятствовала нововведениям в хозяйстве, культуре и быту деревни. С другой стороны община казанских татар содействовала сохранению традиционной национальной культуры, духа коллективизма и взаимопомощи, свойственных джиенной организации. Привязывая крестьян к наделу и аулу, казанско-татарская община способствовала и развитию местных промыслов и ремесел.

Татары-мишари Окско-Сурского междуречья со средневековья складывались как служилое население, владевшее землей на военно-ленном праве (подворно-четвертное землевладение). Община служилых мишарей изначально была аульно-соседской, выполняя прежде всего административные и лишь затем - поземельные функции. Однодворцы, по крайней мере юридически, не зависели от надела и сельского мира. А возможность отчуждать землю в сочетании с тяготами службы и лашманной повинности обусловили значительное развитие имущественного и социального неравенства. Татары-мишари были более мобильными и активными в хозяйственной деятельности, основное внимание уделяя не местным промыслам, а приработкам на стороне - отходничеству. Лишенная этноконсервирующей функции (как в патриархальной джиенной

общине казанских татар), аульная община была более открыта инокультурному влиянию: многочисленные русско-мордовские инновации хорошо заметны в языке, быте и культуре мишарей (87, с.251). Сказалось и то, что представители субэтноса давно вошли в сферу русского политического и культурного влияния («раньше, чем другие народы Поволжья, встали на путь сотрудничества с русскими» (16, с.29).

Казанские татары, в отличие от мишарей, имели свои государственные образования - Волжскую Булгарию и Казанское ханство, что в условиях оседлого земледельческого быта способствовало сложения городов и городской культуры. В середине XVI в. они были утрачены. Татары стали «сельским» этносом: в 1714 г. лишь 0,7%, в 1857 г. - 2% их были горожанами (65, табл.4). Подобная кардинальная перемена сказалась и на хозяйстве народа, в частности - на особенностях развития ремесел и промышленности: средневековые города были центрами высокоразвитых специализированных кустарных ремесел, местом концентрации торгово-ремесленного населения (17, с.438-439). В эпоху генезиса капитализма в России на этой базе, обеспеченной квалифицированной и свободной рабочей силой, капиталом, расположенной непосредственно у рынков сбыта и сырья на важных транспортных путях складывается промышленность. Поэтому из локализованных на селе ремесленных промыслов, хотя и достигших высокого уровня развития и специализации, в ряде отраслей переросших в стадию мануфактуры, крупной фабрично-заводской промышленности татарский капитал создать не смог. Численность даже вполне современных фабрик и заводов - в текстильной или кожевенной промышленности, например, была намного меньше, чем принадлежавших русским предпринимателям.

Помимо потери государственности и разрушения городской культуры на процессе сложения национальной промышленности сказывался и политический фактор. В XVII-XVIII вв. интересы перешедших в купечество представителей бывшего феодального класса татар и нарождавшейся буржуазии, в том числе - крестьянской, сталкивались со все возрастающим противодействием русского торгово-промышленного капитала. Протекционистская политика правительства, серией законов и постановлений препятствовавшая развитию «инородческой» промышленности, в сочетании с национально-колониальным гнетом самодержавия ставили татарских предпринимателей в неблагоприятные условия. В таком положении особо привлекательной сферой вложения национального капитала была торгово-посредническая деятельность. Сказывалась и традиционность этой отрасли у татар и их предков, восходившая к временам Волжской Булгарии. В XVII-XIX вв. татары практически монополизировали мелочную торговлю и прасольскую деятельность в крае; занимали они господствующее положение и в торговле с Казахстаном, Средней Азией и странами Востока.

Хозяйство, культура и быт татар-мишарей Окско-Сурского междуречья изначально имели сельский характер. Ремесленные промыслы у них чаще ориентировались не на рынок, а на работу по заказу и обслуживали непосредственные нужды крестьянства. Высокая хозяйственная активность вне своего надела у мишарей была направлена преимущественно на различные виды сторонних приработков. Если, сообразно особенностям развития российского капитализма, казанско-татарский торго-

вый капитал стремился вкладывать средства и в местную промышленность, то у татар-мишарей интересы как собственной буржуазии, так и низших слоев общества были направлены за пределы своей округи, на столицы и крупные города России.

Падение Казанского ханства и исчезновение городской культуры в середине XVI в. для поволжских татар имело и еще одно далеко идущее последствие. Верхний слой национального феодального общества, истребленный физически либо влившийся в состав русского дворянства, фактически перестает существовать. Культура социальных верхов, бывшая эталоном и предметом подражания для всего общества, в значительной степени сходит на нет. Уцелевшие многочисленные представители мелкого дворянства, преимущественно служилые однодворцы, наряду с сельской буржуазией сами были, главным образом, выходцами из крестьянской среды. Поэтому национальная культура поволжских татар в XVII-XIX вв. имела сельский характер. Лишь в Заказанье у зажиточного населения еще сохранялись и продолжали развиваться элементы полугородской культуры, базировавшейся на былых традициях. Татарское население Казани было немногочисленным (в начале XVIII в. - 1,5 тыс., в середине XIX в. - 6,9 тыс. чел.) и само подвержено русско-европейскому влиянию. В Уфе, Оренбурге, Нижнем Новгороде, Троицке и других городах татары начали селиться лишь во второй половине XVIII и не могли оказывать существенного влияния на культуру этноса. Все это не способствовало динамичному, разностороннему и самобытному развитию национальной культуры. Дисперсное расселение татар в обширном Волго-Уральском крае, в удалении от национальных культурных центров, способствовало весьма активным инокультурным заимствованиям от окружающего населения. А в конце XIX - начале XX вв. быстрыми темпами через посредство русских распространяется и общеевропейская культура (в костюме, интерьере и т.д.). Впрочем, это тема самостоятельного культуроведческого исследования.

-
1. Дробижев В.З. и др. Историческая география СССР. М., 1973.
 2. Чеснов Я.В. Социально-экономические уклады и этнические традиции в этнографии //СЭ, 1972. № 4. С.64- 73.
 3. Юсупов А.И. Далекое и близкое. Ульяновск, 1969.
 4. Баталов Ф.З., Попов С.А. Каргала (Материалы по истории с.Каргала Оренбургской области. 1777-1970 гг.). 1973. (Рукопись).
 5. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858. Вып. I.
 6. Баранович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб., 1860.
 7. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань, 1991.
 8. Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве //Из истории классовой борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье //Уч. зап. Казанского ун-та. Казань, 1962. Т.122. Кн.2. С.143-161.
 9. Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957.
 10. Бурганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989.
 11. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903.

12. Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения //Сборник научных работ. Вторая научная конференция молодых ученых города Казани. Казань, 1966.
13. Фирсов Н. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.
14. Мустафина Д.А. Социальное положение крестьян Казанского уезда во второй половине XVII века //Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С.34-52.
15. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI - начала XIX в. М., 1990.
16. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. Казань, 1922.
17. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т.II.
18. Сташевский И.Д. Служилое сословие //Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т.III.
19. Трирогов В. Община и подать (собрание исследований). СПб., 1882.
20. Алишев С.Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI-XVIII веков //Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С.52-69.
21. Губайдуллин Г. Из истории торгового класса приволжских татар //Известия Восточного факультета Азербайджанского гос. университета. Востоковедение. Баку, 1926. Т.1. С.49-74.
22. Латышев Н. Земледелие и ремесленная промышленность государственных крестьян Удмуртии в первой половине XIX века // Записки Удмуртского НИИ истории, языка, литературы и фольклора при СМ Удм.АССР. Ижевск, 1951. Вып.15. С.102-120.
23. Софронов М.Г. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П.Д.Киселева. - Дисс....канд.ист.наук. Казань, 1952.
24. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. СПб., 1912.
25. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXVII. Оренбургская губерния. СПб., 1903.
26. Ермолаев И.П. Социально-экономическое состояние Казанского уезда в середине XVII в. (По материалам писцовой книги Семена Волынского) //Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С.13-20.
27. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1952. Т.III.Ч.2.
28. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1950. Т.I.Ч.2.
29. Гилязов И.А. Землевладение и землепользование татарских крестьян Среднего Поволжья во второй половине XVIII в. //Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С.69-86.
30. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч.1.
31. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.-Л., 1946. Т.I.
32. Двадцать пять лет Советской Удмуртии (1920-1945). Ижевск, 1945.
33. Смирнов Н. Экономический быт крестьян Саратовского и Кузнецкого уездов Саратовской губернии. М., 1884.
34. Труды статистической экспедиции, снаряженной в 1883 г. казанским земством. Казань, 1884.
35. Исторический обзор разных названий государственных крестьян //Журнал министерства государственных имуществ, 1857. Ч.62. Вып.2.
36. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. Историко-экономический очерк. М., 1957.

37. Цейтлин М.А. Лесная промышленность России и СССР. (Экономические очерки) // Лесо-заготовки и лесопиление крепостной России. Л., 1940.
38. Источники по истории Татарстана (XVI-XVIII вв.). Казань, 1994.
39. Шапов А.П. Сочинения. Т.2. СПб., 1906.
40. Халиков Н.А. Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья // Приуральские татары. Казань, 1990. С.12-28.
41. Шаховский Н.В. Земледельческий отход крестьян. Спб., 1903.
42. Смыков Ю.И. Развитие мелкой промышленности в пореформенной деревне Казанской губернии (60-80-е годы XIX в.) // Вопросы истории Татарии. Известия КФАН. Казань, 1962. С.189-217.
43. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947.
44. Глотов С.В. Сергачская деревня // Производительные силы Нижегородской губернии. Н.Новгород, 1929. Вып.2. С.5-98.
45. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
46. Распопов П.Н. Оренбургская губерния в современном ее состоянии. Статистический очерк. Оренбург, 1884. С.XXXI.
47. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. СПб., 1848. Т.XIV. Ч.2.
49. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
50. Мухамедьяров Ш.Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958.
51. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903.
52. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
53. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII - начало XIX вв. М., 1984.
54. Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII- начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С.128-148.
55. Кауфман А.К. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907.
56. Алаев Л.Б. Община // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. С.418-424.
57. Риттих А.А. Крестьянское землепользование. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903.
58. Шаров В.А. Бытовые функции сельской общины марийского края // Материальная и духовная культура марийцев. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1981. Вып.5. С.44-54.
59. Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). М., 1984.
60. Даишев С.И. Отходничество в Казанской губернии // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1967. Вып.1. С.166-173.
61. Лаптев М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861.
62. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Касимовский уезд. Рязань, 1890. Т.VII. Вып.2.
63. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858. Вып.1.
64. Хромов П.А. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963.

65. Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань, 1993.
66. Риттих А.А. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV-ая. Казань, 1870.
67. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
68. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
69. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.
70. Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С.186-200.
71. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Центральная хлеботорговая полоса. СПб., 1911. Вып. IV.
72. Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX вв. // Труды историко-археологического института АН СССР. М.-Л., 1935. Т. XV. Вып. I.
73. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977.
74. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов. СПб., 1873.
75. Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. Историко-статистический очерк и справочный указатель. Казань, 1884.
76. Милов Л.В. О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история, 1987. № 2. С.81-94.
77. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII - начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.
78. Романов Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. Вып. I.
79. Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге от Твери до Астрахани. Н.Новгород, 1901.
80. Тарапыгин Ф.А. Образовательное путешествие по Волге. Пг., 1914.
81. Гришкина М.В. Особенности проникновения товарно-денежных отношений в удмуртскую деревню XVII-XVIII вв. // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С.20-26.
82. Демкин А.В. Русское купечество XVII-XVIII вв. Города Верхневолжья. М., 1990.
83. Гилязов И.А. Развитие торговли у татарского населения Среднего Поволжья во второй половине XVIII в. // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С.35-44.
84. Фирсов Н. Иностранное население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. Казань, 1869.
85. Апполова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XX вв. М., 1960.
86. Памятная книжка Пензенской губернии за 1868 и 1869 годы. Пенза, 1869.
87. Мухамедова Р.Г. К проблеме этногенеза татар-мишарей // Tatarica. Vammala, 1987.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава 3. Общие методологические аспекты проблемы структуры этноса

В теоретическом плане вопрос о сложности строения этносов и существования в их структуре определенной иерархии этнических и этнокультурных таксонов в отечественной этнографической науке был поставлен относительно недавно (1; 2; 3; 4; 5). Опираясь на общеметодологические построения, которые содержатся в указанных исследованиях, в настоящем разделе предпринимается анализ проблемы выделения в структуре волго-уральских татар этнокультурных и этнических таксонов всех уровней с конечной целью обосновать их дифференциацию на этнографические группы. Другой важной задачей является исследование формирования этнографических подразделений волго-уральских татар. Наконец, рассматриваются и такие имеющие существенное значение параметры изучаемых этнографических групп, как особенности их расселения и динамика численности.

Ранее всестороннее исследование данной проблемы сдерживалось как трудностями теоретического характера, так и другими факторами. Среди последних необходимо отметить две группы причин. Во-первых, этноним «татары» исторически закрепился за татарским населением весьма обширного ареала (Волго-Уральский регион, Западная Сибирь, Крым и т.д.), комплексное этнографическое описание которого, позволяющее судить об этнокультурной дифференциации татар не умозрительно, а на научной основе, оставалось незаконченным. Во-вторых, в некоторых районах проживания татар, (например, на северо-западе Приуралья, в Западной Сибири, в Астраханской области) до сих пор продолжают этнические процессы, затрудняющие однозначное определение этнических границ татарского народа.

К настоящему времени благодаря многолетнему полевому этнографическому изучению прежде всего татар Волго-Уральского региона эти затруднения во многом преодолены. Вопрос же об отношении волго-уральских татар к остальным группам с этнонимом «татары» специально не обсуждается (о нем подробнее см.: 6, с.11-25). Наш исходный тезис заключается в том, чтобы татар Волго-Уральской ИЭО считать ядром татарской нации, которая, следовательно, включает в себя и другие группы.

§1. Теоретико-методологические аспекты. Понятийный аппарат

В связи с тем, что в литературе по проблеме дифференциации этноса на таксоны этнического и этнокультурного порядка имеются разногласия, с целью достижения более однозначной трактовки наиболее спорных моментов считаем целесообразным обсудить вначале методологические основы дискутируемых вопросов, включая и их понятийный аспект.

В литературе предлагается различать этнические и этнографические (этнокультурные) общности (3, с.46-47; 4, с.81-84). Основным критерием их разграничения Ю.В.Бромлеем было предложено считать наличие (у первых) или отсутствие (у вторых) самосознания (4, с.64-65). При таком подходе получается, что указанные два типа общностей имеют самостоятельные «измерения» и собственные таксоны, состоящие из нескольких уровней. Действительно, Ю.В.Бромлей полагал, что наряду с основными единицами классификации этнических общностей - этносами, имеются и такие таксоны, которые в иерархии занимают как более нижний, так и более высокий уровни, чем этносы. К первым Ю.В.Бромлей относил субэтносы, которые обладают групповым самосознанием, но по сравнению с этносами этнические свойства у них выражены меньше (3, с.48-49; 4, с.81-83). Ниже субэтносов идут уже элементарные этнические единицы - отдельный человек, семья (4, с.81,83). Более высокий уровень таксонов, чем этносы, образуют метаэтнические общности (3, с.46-47; 4, с.82-83).

Этнографические общности, как полагает ряд исследователей, состоят также из нескольких уровней таксонов, которые по восходящей выстраиваются следующим образом: историко-этнографические районы - подобласти - области - провинции - группа провинций (1, с.216; 7, с.19). Ю.В.Бромлей этот перечень предпочитает начинать с этнографической группы (4, с.84-85). Однако при этом возникает определенное нарушение единства основ содержания выделяемых понятий. Как отмечает Н.А.Томилов, при введении в указанный ряд этнографической группы, в числе этнографических общностей оказываются как общности, обозначающие «группы населения» (этнографические группы), так и общности, которые скорее являются «географическими ареалами» (8, с.10). Из этого противоречия Н.А.Томилов предлагает выйти путем признания этнографической группы географическим ареалом (8, с.10-11). С этим вряд ли можно согласиться. Выход, на наш взгляд, нужно искать в другом направлении.

Начнем с того, что не все исследователи придерживаются принципа разграничения этнических и этнографических общностей. Так, С.А.Арутюнов среди таксонов этнических общностей, выделяемых ниже уровня этноса, называет субэтносы и этнографические группы (9, с.26). Да и Ю.В.Бромлей не исключал возможности взаимопереходов между общностями двух типов (4, с.87), то есть его разграничение не является слишком жестким. И такая трактовка имеет смысл. Дело в том, что субэтническое самосознание может, видимо, основываться лишь на определенном этнокультурном своеобразии. А этнографическая группа, в свою очередь, имея культурно-бытовую специфику, способна аккумулировать их на уровне группового самосознания. Поэтому, не отрицая в принципе возможности разграничения этнических и этнографических общностей, мы придерживаемся мнения, что такое разграничение не может быть ни абсолютным, ни распространяемым на все этносы. Отсюда вывод: этнографические группы вполне могут быть структурными подразделениями субэтносов.

Выделение и самих этнографических групп сопряжено с определенными трудностями. Ясно, что оно связано с наличием культурно-бытовых и языковых особенностей. Но какова должна быть степень их выраженности? Предлагалось, например, в основу выделения этнографических групп положить не отдельные элементы культуры и языка, а

определенные комплексы (10, с.98). Но вряд ли для каждого конкретного случая степень такой «комплексности» может быть совершенно одинаковой. Тем более, что системообразующую роль при выделении культурных ареалов могут играть и отдельные компоненты культуры, правда, накладывающие в той или иной степени свой отпечаток на другие стороны культуры (4, с.86). Представляется поэтому правильным мнение Ю.В.Бромлея о возможности существования лингво-этнографических, конфессионально-этнографических и хозяйственно-культурных групп (4, с.86). К последней разновидности этнографических групп близка, видимо, выделяемая некоторыми исследователями этносоциальная группа (10, с.100). Следует, правда, отметить, что такие группы хозяйственно-культурного типа точнее было бы именовать этносословными, так как в их основе обычно лежит обособление каких-то групп этноса на основе сословной принадлежности.

Не вызывает сомнения существование по меньшей мере двух типов этнографических групп. Р.Г.Кузеев и Н.Н.Моисеева предложили именовать их «генетическим» и «территориальным» типами (10, с.99). Указанные авторы первый тип этнографических групп связывают с сохранением родоплеменной структуры, которая в данном случае и выступает системообразующим фактором. «Территориальный» же тип, по их мнению, характерен для периферийных зон, где на основе межгруппового и межэтнического смешения формируется особое локально-этнографическое образование (10, с.89). Кстати, специфику маргинальных зон, связанную со «структурализацией» этноса, отмечают и другие исследователи (11, с.174). Принимая идею о двух типах этнографических групп в целом, мы тем не менее склоняемся к тому, что для каждого конкретного этноса смысловое наполнение этих групп будет скорее всего различным. Так, под «генетическими» можно понимать те этнографические группы, которые сформировались еще в период феодализма и в дальнейшем в той или иной мере смогли сохранить свою этнокультурную и территориальную целостность. Территориальными группами можно считать те новообразования, которые сложились позже в результате широкого расселения представителей «генетических» групп и их межгруппового смешения или же в процессе этнического и этнокультурного взаимодействия первых с представителями других этносов. Разумеется, такая дифференциация несколько условна. Например, «генетическая» группа в историческом плане может возникнуть на основе «устоявшейся» территориальной группы. Наконец, следует подчеркнуть еще один момент: возможно существование и таких групп, которые в силу относительно недавнего начала формирования в полностью сконсолидированные этнографические группы еще не сложились, но по некоторым признакам к ним приблизились. Быть может, их необходимо выделить в особый тип «формирующихся» этнографических групп. Тем не менее, полноценные этнографические группы должны обладать одним важным признаком - территориальной целостностью (12, с. 142), что не всегда характерно для «формирующихся» этнографических групп.

Очевидным является существование внутренних подразделений этнографических групп, которых уместно было бы именовать этнографическими подгруппами (или просто подгруппами). Однако критерии вычленения в рамках отдельных этнографических групп таксонов еще более нижнего уровня на сегодня еще остаются мало разработанными.

Отдельного обсуждения требует вопрос о соотношении этнокультурных (этнографических) и этнических общностей с языковыми общностями разного уровня. Б.В. Андрианов и Н.Н. Чебоксаров высказывали мнение, что «между основными историко-этнографическими и языковыми общностями ... соответствие наблюдается редко» (7, с.22). В качестве исходного этот тезис вполне приемлем, однако, саму проблему не решает. Более продуктивным необходимо признать подход В.А. Никонова, констатировавшего важность выяснения закономерностей, приводящих «к соответствиям или несоответствиям... вместо увлечения поисками всеобщих соответствий» (13, с.22). Можно согласиться с тем, что язык может выполнять ареалообразующую функцию (14, с.388; 4, с. 86; 10, с. 49). Однако вопрос о том, какие факторы - языковые, этнокультурные или этнические, и в какой пропорции должны при этом учитываться, остается неясным. Было, правда, предложено при выделении этнографических групп исходить из принципа «определения степени и глубины корреляции культурных и языковых границ» (10, с.98). Однако, из-за сложности установления такой корреляции использование данного принципа остается малоэффективным. По-видимому, в настоящее время языковая специфика может быть просто констатирована в общем контексте этнокультурного своеобразия этнических и этнографических общностей. Тем не менее и при отсутствии жесткого взаимоувязывания языковых и этнокультурных, а также этнических таксонов, проведение целенаправленного анализа данной проблемы остается актуальным.

§ 2. Историографический обзор

Первая развернутая этнографическая классификация этнокультурных таксонов татар Волго-Уральского региона появилась лишь в 1960-х гг. (15, с.44-48).^{*} По признанию Н.И. Воробьева, в основу этнокультурной дифференциации татар Среднего Поволжья и Приуралья им были положены языковые и культурно-бытовые различия, существовавшие внутри татарского населения региона (16, с.9, 39). Но в то же время у Н.И. Воробьева наблюдается некоторое смещение двух «разрезов» этноса - собственного этнического и этнокультурного. Это хорошо видно из сравнения тех таксонов разного уровня, которые были выделены данным исследователем:

1-й уровень - татары Среднего Поволжья и Приуралья как особый этнос - «народ»;

2-й уровень - две «основные группы» (казанские татары и мишари), составляющие этот этнос;

3-й уровень - «крупные территориальные группы» в составе «основных групп» (7 - у казанских татар и 4 - у мишарей);

4-й уровень - «подгруппы» в рамках отдельных (не всех) «крупных территориальных групп».

^{*} Позже эта классификация без изменения вошла в коллективную монографию «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (М., 1967). В связи с тем, что автором этой разработки был один и тот же исследователь - Н.И. Воробьев, а материалы 1963 г. сохранились лишь в виде тезисов, мы далее будем ссылаться на развернутый вариант публикации, содержащийся в указанной монографии (16, с.38-56).

Верхний уровень, как видно, составляет этнос, а два последних уровня иерархии - скорее этнокультурные образования. Второй же уровень в типологии Н.И.Воробьева имеет промежуточный характер, но ближе к образованиям этнического характера. Кроме того, в этой классификации неясным осталось положение крещеных татар, отнесенных Н.И.Воробьевым к числу «крупных территориальных групп», но вне рамок «основных групп» (16, с.39). При таком подходе крещеные татары в иерархии таксонов заняли фактически второй уровень.

При более подробном рассмотрении в анализируемой классификации обнаруживаются и другие недостатки. Начнем с того, что выделение средневожско-приуральских татар в качестве особого этноса (народа) не было обосновано; по этому вопросу Н.И.Воробьев остался на уровне традиционного подхода. При подразделении «этноса» татар Среднего Поволжья и Приуралья на две группы (казанские татары и мишари) исследователь исходил из отличий, имеющих между ними в «быту» и языке. Однако сколько-нибудь системного сравнения элементов культуры мишарей и казанских татар мы не находим (хотя разрозненные материалы по отдельным сторонам духовной и материальной культуры приводятся). Создается впечатление, что при отсутствии системно организованного сравнительного этнографического материала Н.И.Воробьев свой вывод о двух «основных» группах базировал больше на выводах диалектологов и на имеющемся бытовом противопоставлении между казанскими татарами и мишарями по известной оппозиции: «мы - они».

Выделение двух последних уровней таксонов, также по данным языка и «быта», при ближайшем рассмотрении во многом оказывается умозрительным. Это видно как на примере казанских татар, так и мишарей. Из выделенных Н.И.Воробьевым в составе казанских татар 7 групп (северо-западная, елабужская, юго-восточная, приуральская, пермская, чепецкая и касимовская) более или менее обоснованы критерии вычленения 3-х групп: северо-западной, пермской и чепецкой. Правда, характеристике северо-западной группы Н.И.Воробьев ограничился такими весьма неопределенными признаками, как: «наиболее древняя», имеющая «наиболее типичный быт», «компактно расселенная» (16, с.39-41). Вопреки заявлению, выводы диалектологов во внимание не были приняты. Между тем в зоне локализации северо-западной группы диалектологи еще в 1950-е годы выделяли нагорный говор с тремя подговорами и заказанский говор (также с тремя подговорами) (см.: 17; 18, с.326,328). Елабужская группа была охарактеризована лишь по относительно позднему (в XVI-XVII вв.) формированию и некоторой близости в культуре с удмуртами. Юго-восточная группа, кроме времени формирования (XVIII-XIX вв.), характеризовалась еще и подверженностью влияния башкир и казахов (16, с.41), но без точного раскрытия степени и форм этого влияния. При характеристике приуральской (или тептярской) группы также наблюдается противоречивость подходов исследователя, обнаруживаемая при обращении к критериям выделения отдельных подгрупп в составе данной группы. Так, выделив в составе приуральской группы челнинско-мензелинскую подгруппу, Н.И.Воробьев отметил близость части ее к закамской подгруппе, относящейся к иной (юго-восточной) группе. В то же время остальная часть челнинско-мензелинской подгруппы считается им близкой к тептярям северо-западной Башкирии

(особая подгруппа в рамках приуральской группы). Явно недостаточно аргументировано и мнение Н.И.Воробьева о «привязке» к тептярям северо-западной Башкирии так называемых учалинских тептярей, локализованных на юго-востоке республики и имеющих значительные своеобразия в языке (19, с.14; 20, с. 340-342). Из поля зрения Н.И.Воробьева полностью выпал и вывод диалектологов, сформулированный еще в начале 1960-х гг. о распространении в пределах северо-западного Приуралья (в ареале проживания представителей приуральской группы) двух говоров (мензелинского и бирского) среднего диалекта (21). Касимовская группа казанских татар была описана Н.И.Воробьевым как неоднородная: с одной стороны она имела близость по языку и быту с остальными группами казанских татар, а с другой, как в говоре, так и в быту имелось много мишарских элементов (22, с.45). Тем не менее, эта группа была причислена к казанским татарам. Видимо, в данном случае Н.И.Воробьев просто следовал за диалектологами, отнесшими касимовский говор к среднему диалекту татарского языка (22).

Что касается внутренних подразделений мишарей, то при выделении в их составе 4-х территориальных групп (окской, правобережной, левобережной и приуральской), Н.И.Воробьев сам же вынужден был признать, что из-за слабой изученности культуры и языковых особенностей мишарей вычленение этих групп следует считать «до некоторой степени условным и неокончательным» (16, с.46). Однако языковая специфика мишарей к этому времени была уже исследована достаточно полно (см., например: 23; 24). К сожалению, выводы диалектологов Н.И.Воробьевым не были учтены в полной мере (особенно это относится к подразделению мишарей по языковым особенностям на носителей «чокающих» и «цокающих» типов говоров). В итоге этнокультурная дифференциация мишарей, предложенная Н.И.Воробьевым, оказалась основанной скорее на географическом принципе, нежели на этнографическом материале. Объяснялось это, в основном, слабой изученностью в тот период традиционной культуры татар-мишарей.

Более удачной оказалось внутреннее подразделение крещено-татарской группы. В ее рамках были выделены 6 подгрупп (предкамская, восточно-закамская, елабужская, чистопольская, молькеевская, нагайбакская). Была высказана мысль и о существовании еще одной - бакалинской подгруппы кряшен, правда, не вполне четко (16, с.53).

В целом классификацию Н.И.Воробьева, содержащую достаточно стройную картину этнокультурной дифференциации средневожско-приуральских татар на таксоны разного уровня, безусловно, следует оценивать положительно. Недостатки же этой классификации, заключаются в двух моментах. Во-первых, Н.И.Воробьевым не были предложены четкие критерии выделения этнокультурных и этнических таксонов в составе средневожско-приуральских татар. Во-вторых, им в должной мере не был поставлен вопрос о соотношении этнографического и языкового материала.

В дальнейшем в ряде работ казанских этнографов проблема этнокультурной дифференциации татар Волго-Уральского региона была поставлена более углубленно. Так, Р.Г.Мухамедова предложила новые подходы к членению татар-мишарей правобережья Волги. При этом татары-мишари были определены ею как «этнографическая группа» средневожско-приуральских татар (25, с.5). В составе данной этнографической группы она выделила 9 «групп» (сергачскую, хвалынскую, карсунскую, кузнецкую, керенскую, лямбирскую, темниковскую, инсарскую и буинскую) (25, с.25-

27). Хотя указанные группы носят чисто географические наименования, они были выявлены по культурно-бытовым особенностям. Правда, в ее классификации обнаруживается терминологическая нечеткость: группой именуется как таксон более высокого уровня, так и более низкого. Такая нечеткость не случайна. Дело в том, что этнографический материал вообще привел Р.Г.Мухамедову к выводу, что мишари имеют фундаментальную двучленность. Она пишет: «наиболее самобытными в культурно-бытовом отношении являются мишари сергачской и темниковской групп». Эти две группы были ею определены как «основные»; другие же рассматривались как возникшие на основе смешения первых двух (25, с.27). Тем не менее, вывод, который напрашивается, а именно вхождение остальных «групп» в состав одной из двух «основных групп», не последовал. Видимо, анализируемая ситуация была не такой простой, что видно из попытки Р.Г.Мухамедовой взаимоувязать этнокультурные и языковые материалы. Так, она отметила, что «в языке северных групп, например, буинской, преобладают элементы сергачской («ц-оканье»), а южных (кузнецкой, кулаткинской и др.) - элементы темниковской группы («ч-оканье») (25, с.32). Но полного соответствия языкового и этнографического материала не обнаружилось. Например, представители лямбирской группы, являясь по языку «чокающими», по элементам культуры имели довольно значительное сходство с «ц-окающей» сергачской группой (25, с.27). Совпадения языковых и культурных параметров были более характерны для «низового» звена: три из выделенных этнографическим путем групп (темниковская, лямбирская и инсарская) совпали с ареалами отдельных говоров (соответственно, с темниковским, лямбирским и рузаевским) (25, с.32, прим.109). Но и здесь полного совпадения не было: носители сыркыдинского говора в этнокультурном плане были объединены с татарским населением керенской группы (25, с.32). В целом, несмотря на некоторую незавершенность, классификация Р.Г.Мухамедовой оказалась гораздо более обоснованной, чем схематическое подразделение мишарей, предложенное Н.И.Воробьевым. Особенно значимым можно считать вывод о делении татар-мишарей правобережья р.Волги на две основные этнокультурные группы, сформировавшиеся на основе разных этнических компонентов.

Новые моменты в этнокультурном членении татар-кряшен (в пределах территории Татарстана) были предложены Ю.Г.Мухаметшиным. Общий подход его к крещеным татарам заключается в том, что он считает их «одной из территориальных групп казанских татар» (26, с.154). В рамках данной «территориальной группы» были выделены 4 «локальные группы»: западнопредкамская, елабужская, западнозакамская (чистопольская) и восточнозакамская (26, с.157). Отметим, что как определение кряшен «территориальной группой», так и вычленение вышеназванных 4-х групп (с определением «локальные») в целом соответствуют классификации Н.И.Воробьева. Однако Ю.Г.Мухаметшин углубил эту классификацию. В частности, им было выяснено существование внутри «локальных групп» еще более мелких «подгрупп». Например, западнопредкамские кряшены были подразделены на северную и южную подгруппы (26, с.157). Был поставлен и вопрос о близости северной части восточнозакамской группы с кряшенами елабужской группы (26, с.157). Таким образом, предложенная Ю.Г.Мухаметши-

ным схема деления кряшен на этнокультурные группы разного уровня выглядит так: казанские татары (без определения таксономического положения) - кряшены как территориальная группа - отдельные локальные группы - подгруппы. Схема, как видим, достаточно стройная. Но и она не лишена определенных недостатков. К их числу прежде всего следует отнести неполную аргументированность вывода об отнесении кряшен к казанским татарам. Во-первых, часть западноказанских кряшен, по признанию самого Ю.Г.Мухаметшина, является христианизированными мишарями; они имели и некоторые культурные особенности (26, с.70,117-121,144). Во-вторых, существуют и другие группы кряшен, которые не могут быть отнесены непосредственно к казанским татарам (например, молькеевские кряшены). Далее, группа крещеных татар формировалась не только за счет христианизированных казанских татар или мишарей, но и за счет нетюркского в основе населения, вошедшего в состав татар в результате ассимиляции. Эти моменты Ю.Г.Мухаметшиным также отмечаются (26, с.156). Наконец, нельзя не обратить внимания на наличие в культуре кряшен слоя, связанного с христианством и русской культурой, что придает специфичность этой группе (26, с.29). Все это показывает, что вопрос о положении крещеных татар в этнической структуре средневолжско-приуральских татар нуждается в дальнейшем обсуждении и уточнении.

В 1970-1980 гг. был предпринят более или менее системный анализ особенностей культуры ряда групп средневолжско-приуральских татар. Эта работа проводилась в рамках «Историко-этнографического атласа татарского народа» и нашла отражение в нескольких сборниках.

Анализ статей сборника, посвященного чепецким татарам (27), позволяет заключить, что вопрос о месте чепецких татар в этнической и этнокультурной структуре средневолжско-приуральских татар не нашел однозначного решения. С одной стороны, Р.Г.Мухамедова в статье вводного характера чепецких татар называет «группой», относя ее к общности татар Среднего Поволжья и Приуралья (27, с.5). С другой стороны, в совместной статье Р.Г.Мухамедовой и Ю.Г.Мухаметшина на основе материалов по традиционному жилищу сделано заключение о том, что несмотря на наличие «региональной специфики», народное жилище находит аналогии главным образом в среде казанских татар (27, с.58). В то же время данные по свадебной обрядности, проанализированные Р.К.Уразмановой, показали ее близость с обрядностью, характерной как для казанских татар, так и татар-мишарей (27, с.84-85,92-93). В одном исследователи были едины: чепецкая группа состоит из двух «подгрупп» (нукратской и верхочепецкой), а последняя - из двух «кустов» («кусты» были выделены не по всем разделам культуры). Таким образом, выделение чепецких татар в качестве самостоятельной этнографической группы, состоящей из двух подгрупп, и, возможно, из еще более низкого уровня этнокультурного таксона типа «куста», можно считать относительно полно фундированным, однако, вопрос о вхождении выделенной группы в этнокультурный таксон более высокого ранга - в состав общности казанских татар или мишарей, остался открытым.

В сборнике, посвященном пермским татарам, содержится достаточно полная характеристика этой группы, включая и языковые особенности. Во введении пермские татары названы «своеобразной территориальной группой» татар Волго-Уральского региона (28, с.3). По особенностям хозяйства и материальной культуры, а также и по духов-

ной культуре (в первую очередь, по специфике общественных праздников и обрядов), пермские татары «тянут» к казанским татарам (28, с.35,89-90,99,114, 117,127). В то же время по отдельным элементам культуры имеется близость с мишарями (28, с.90, 99, 117, 135). Наличие специфики в культуре пермских татар позволяет определить ее скорее как этнографическую группу. По некоторым данным внутри этой «группы» могут быть выделены две «зоны» («первая» и «вторая») - так они условно названы Ю.Г.Мухаметшиным - 28, с.90). В некоторых статьях сборника делаются определенные заявки на выделение этнокультурных таксонов еще более низкого уровня, чем «зоны» (см.:28, с.89-90,119 и др.), но они терминологически не определены и географически локализованы не четко. В целом группа пермских татар может быть отнесена к этнокультурной общности казанских татар, но с определенными оговорками.

В монографии Ф.Л.Шарифуллиной, посвященной исследованию материальной культуры касимовских татар, был рассмотрен и вопрос о месте их в этнокультурной структуре средневожско-приуральских татар. Касимовские татары ею были определены как «группа поволжских татар» (29, с.106). В то же время она склоняется к мнению о том, что несмотря на наличие в культуре касимовских татар ряда элементов, характерных как для казанских татар, так и для мишарей, рассматриваемая группа в культурном плане имеет «неповторимый облик» (29, с.107). Аналогичная формулировка содержится и в другой работе, в которой касимовские татары называются «самостоятельной этнической единицей в составе поволжских татар» (30, с.24). В отчетливой форме вопрос о месте касимовских татар в иерархии этнокультурных общностей средневожско-приуральских татар Ф.Л.Шарифуллиной все же не был сформулирован; полученный ответ поэтому носит несколько расплывчатый характер. В то же время заслуживает внимания ее вывод о существовании в составе «группы» касимовских татар трех «территориальных подгрупп» (двух «аймаков» - Белого и Черного, а также подгруппы «Черные зыбыны» - см.: 29, с.51-53, 102).

В сборнике «Приуральские татары» ставится вопрос об определении места татарского населения весьма обширного региона - Приуралья, в этнокультурной структуре «татарской нации». При комплексном анализе этнокультурной ситуации в Приуралье обнаружилось серьезные трудности этнокультурной (в том числе и языковой) дифференциации татарского и башкирского населения северо-запада Приуралья (31, с.4). Общий вывод заключается в том, что ни в культурно-бытовом, ни в языковом отношениях между татарским и башкирским населением данной зоны различий нет; этническое самосознание также не четкое. Однако рассматриваемый ареал носит не переходный характер, а образует локальный вариант татарской культуры (31, с.10). Тем не менее, в сборнике проблема определения статуса татарской этнокультурной зоны Приуралья в общей структуре историко-этнографической области татар Волго-Уральского региона однозначного решения не нашла. Предварительные подходы суммируются следующим образом. Часть исследователей (Ю.Г.Мухаметшин, Р.К.Уразманова, Ф.Ш.Сафина) склоняется к тому, чтобы видеть в культуре татар Приуралья некую качественную специфику, сводящуюся к ее «смешанности». Правда, Ю.Г.Мухаметшин отмечает «незавершенность» формирования в рассматриваемом ареале «этнографичес-

кой целостности» (31, с.87). Другие исследователи (Н.А.Халиков, С.В.Суслова) акцентируют внимание на локальной дробности этнокультурных параметров при явственной близости их к культуре казанских татар (в основном), мишарей и кряшен (особенно четко такой вывод прослеживается у С.В.Сусловой). Обращает на себя внимание то, что в отдельных статьях, содержащихся в сборнике, употребляется довольно сложный, но не единообразный терминологический аппарат: Ю.Г.Мухаметшин выделяет районы - подрайоны (или зоны) - локальные участки; С.В.Суслова употребляет понятия «ареал» - зона - отдельные включения; Р.К.Уразманова выделяет этнокультурную группу - локальные подгруппы - отдельные ареалы; Н.А.Халиков отмечает районы (или зоны) - локальные группы - группы, имеющие «некоторые отличия». Однако при отсутствии качественной однообразности этих терминов, они не образовали взаимосвязанную «сеть» и иерархия этнокультурных образований Приуралья осталась не выявленной.

В 1991 г. был издан сборник «Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья» (32). Авторы этого издания вопрос культурной дифференциации волго-уральских татар рассматривают применительно к области первоначального складывания их основных этнических формирований - к Среднему Поволжью. В ряде основных моментов выводы большинства исследователей об этнокультурном членении татар в Среднем Поволжье совпали. Так, в рамках рассматриваемого района у татар были выделены два основных этнокультурных ареала - казанско-татарский и мишарский (для обозначения этих ареалов Р.К.Уразманова употребляет термин «комплекс» (32, с.94,99), а Ю.Г.Мухаметшин - «этнографический комплекс» (32, с. 131)). Правда, по разным элементам культуры границы ареалов совпали лишь приблизительно, главным образом потому, что некоторые исследователи (Ю.Г.Мухаметшин и Ф.Ш.Сафина - см.: 32, с.76, 131) кроме двух указанных этнокультурных ареалов выделили еще и третий - смешанный или переходной («приволжско-заволжский» - по Ю.Г.Мухаметшину и «центральный» - по Ф.Ш.Сафиной). Внутри больших этнокультурных ареалов были более или менее последовательно обозначены таксономически нижестоящие этнокультурные образования. По материалам одежды и украшений в пределах казанско-татарского (центрального) этнокультурного ареала были намечены «этнокультурные зоны» кряшен (их две; но по одежде еще отдельную зону представляют молькеевские кряшены). Они вычленились по отношению к татарам-мусульманам. В западном (мишарском) этнокультурном ареале обнаружены 4 «зоны» - северная (сергачская), южная (темниковская), северо-западная (касимовская) и заволжская (последняя сформировалась не полностью) (32, с.45-66). Анализ общественных праздников и обрядов позволил Р.К.Уразмановой говорить о существовании внутри казанско-татарского «комплекса» 5 «ареалов» и об обособленном положении кряшен (фактически последние в значительной мере могут претендовать на статус самостоятельного «ареала»). Мишарский «комплекс» не дал четких внутренних «ареалов», тем не менее, удалось зафиксировать существование 3-х самостоятельных «ареалов» (в Сергачском, Ставропольском и Чистопольском уездах соответственно), да еще примерно на таком же уровне обособленности оказались касимовские татары (32, с.78-103). Изучение ткачества показало бытование в восточном (казанско-татарском) ареале 5 «комплексов» заказанского, чепецкого

(с глазовским вариантом), сарапульского и двух кряшенских (предкамского и елабужского). В западном (мишарском) ареале таких «комплексов» обнаружено 3 («цокающих» и «чокающих» мишарей, а также касимовских татар). В центральном ареале отдельно выделяются комплексы чистопольских и молькеевских кряшен, кроме того, самостоятельный комплекс образуется на стыке двух основных ареалов - Тетюшский, Свияжский, Цивильский, Спасский и Чистопольский уезды Казанской, часть Симбирской и Самарской губерний (32, с.67-77). На основе исследования усадеб и хозяйственных построек, Ю.Г.Мухаметшин сделал предварительный вывод о существовании в пределах казанско-татарского (предкамского) этнографического комплекса двух «локальных комплексов» (или этнографических групп): заказанской и чепецкой. Равный им статус имеют западнопредкамские и елабужские кряшены (видимо, как одна группа - см.: 32, с.137). В свою очередь, часть этих групп была подразделена на отдельные «участки» или территориальные (этнографические) подгруппы. Таковых в заказанской группе было выделено 3 (центральная, южная и восточная), а в чепецкой - 2 (нуратская и чепецкая). Наконец, сами подгруппы могут состоять из отдельных «локальных районов». Их 3 (казанский, западный, северный) в составе центральной подгруппы и 2 (юкаменский и кестымский) - в составе чепецкой подгруппы. В рамках мишарского (Окско-Сурско-Приволжского) этнографического комплекса нижестоящие этнокультурные таксоны Ю.Г.Мухаметшиным не были выделены (возможно, из-за незавершенности анализа). Это же относится и к Предволжско-Заволжскому (смешанному) комплексу. Тем не менее заметим, что в составе последнего комплекса оказались касимовские татары, население Елатомского уезда Тамбовской губ., сергачские мишари, северные от Симбирска уезды Предволжья, Западное Закамье и смежные территории Заволжья (Ставропольский и Самарский уезды Самарской губ.) (32, с.126-137).

Таким образом, несмотря на достаточно детальное рассмотрение вопроса об этнокультурном районировании татар в Среднем Поволжье, и в данной работе не удалось добиться унифицированного подхода к этнокультурной дифференциации татар, что объясняется как теми теоретическими затруднениями, о которых уже говорилось, так и сложностью вычленения этнокультурных таксонов лишь у части татар Волго-Уральской ИЭО.

Еще в двух сборниках (33; 34), на основе комплексного подхода рассматриваются этнокультурные особенности двух групп кряшен - молькеевской и нагайбаков, занимающих особое положение не только в структуре волго-уральских татар в целом, но и среди подразделений самих кряшен. В итоге детального анализа традиционной культуры в первом из них было доказано, что молькеевские кряшены сформировались на «стыке» чувашского и татарского этносов, причем сам «татарский» их компонент сложился под воздействием этнического элемента, связанного с кыпчакско-ногайским миром (33, с.15). Значительную роль в сложении нагайбаков сыграли ногайско-кыпчакские группы, находившиеся, однако, в составе «арских» татар, то есть казанско-татарского субэтноса. Кроме того, обособлению нагайбаков от остальных татар способствовало как наличие в их составе ассимилированных тюркских (но не волжско-уральского происхождения) и нетюркских компонентов, так и, особенно, вхождение их в казацье сословие при постепенном территориальном отделении от основных групп волго-уральских татар (34, с.4-18).

Глава 4. Проблемы этнокультурной дифференциации волго-уральских татар

§ 1. Основные принципы этнокультурного районирования

При вычленении таксонов этнического и этнокультурного характера в составе общности татар мы будем опираться как на проведенный общетеоретический анализ проблемы, так и на результаты историографического обзора. Предпочтение отдается изложению основных принципов культурно-этнической дифференциации.

Наивысшая этническая единица, с которой мы имеем дело - это общность волго-уральских (средневожско-приуральских) татар. Данная общность выступает в двух ипостасях - как этническая и как этнографическая (этнокультурная). В первом «разрезе» она именуется нами «ядром татарской нации». При рассмотрении во втором «плане» - этнокультурном или этнографическом - эта же общность может называться «историко-этнографической областью татар Волго-Уральского региона». В содержательном плане данная этнокультурная «область» будет состоять из тех элементов культуры, которые являются общими для всех волго-уральских татар. Языковым выражением существования этнической и этнокультурной общностей волго-уральских татар является татарский литературный язык, основанный как на среднем, так и на западных диалектах народно-разговорного языка (18, с.583; 21, с.74). М.З.Закиевым высказывалось мнение о том, что еще до формирования современного татарского литературного языка возник «общенародный разговорный язык», вобравший «наиболее общие черты основных (среднего и западного - Д.И.) диалектов (35, с.148; см. также: 36, с.22-23). Несмотря на то, что данный тезис еще нуждается в дополнительном обосновании, он должен быть принят во внимание. Но уже при рассмотрении круга вопросов, связанных с ядром татарской нации, приходится констатировать следующее немаловажное обстоятельство: единые с татарами по культуре и языку так называемые северо-западные башкиры, при наличии собственного этнического самосознания не могут рассматриваться в системе этнической структуры татар Волго-Уральского региона; они могут входить лишь в этнокультурную и языковую общности волго-уральских татар. Однако конкретное «размежевание» этих различающихся между собой структур сильно затрудняется запутанностью в ряде районов северо-западного Приуралья этнической идентификации (31). Данное обстоятельство будет проявляться и на нижеследующих уровнях рассматриваемых нами таксонов.

На следующей ступени в этнической структуре ядра татарской нации выделяются основные этнические подразделения средневожско-приуральских татар, которых мы

предлагаем именовать субэтносами. Их, по нашему мнению, три: казанские татары, мишари и касимовские татары. В ракурсе этнографического членения субэтносы будут давать определенные этнокультурные ареалы, которые можно называть подобластями (казанско-татарская, касимовская и мишарская подобласти). Имеется и языковое «выражение» субэтнических общностей: на западном диалекте татарского народно-разговорного языка говорят мишари, а на среднем - казанские татары (подробнее см.: 37). Сложнее с касимовскими татарами. Некоторые лингвисты разговорный язык касимовских татар определяют в качестве говора среднего диалекта татарского языка (22). Другие исследователи высказывают несколько отличное мнение. Так, Н.А.Баскаков место народно-разговорного языка касимовских татар в диалектной системе татарского языка склонен обозначать как «среднее положение» между средним и западными диалектами (38, с. 159; близкую точку зрения см.: 39; 40). Видимо, в данном случае можно полагать, что междиалектный характер говору касимовских татар придает самостоятельный статус, близкий к уровню диалекта.

Но на субэтническом уровне полного соответствия этнического и языкового «разрезов» не наблюдается. Во-первых, в Приуралье в ряде районов мишарские говоры испытали сильное воздействие со стороны носителей среднего диалекта и во многом потеряли свои специфические черты, сблизившись в языковом отношении с казанскими татарами (19; 41, с.9-15; 42, с.8, 16-18; 43, с.114). Во-вторых, для территории северо-западного Приуралья характерна, как мы уже указывали, этническая неоднородность носителей среднего диалекта, подразделяющихся на «татар» и «башкир» (44; 45). Этнокультурные материалы во многом дают аналогичный результат (подробнее см.: 31).

На субэтническом уровне имеются еще две достаточно неординарные проблемы. Первая связана с результатами взаимодействия трех субэтносов. Дело в том, что субэтносы сформировались в географически определенных ареалах, в пределах которых они и дают четкие этнокультурные подобласти. Но в результате миграционных процессов часть представителей субэтносов достаточно широко расселилась, испытав этнокультурное воздействие друг друга. Теоретически можно предположить, что на этой основе могут сформироваться новые подобласти, характерной чертой которых является смешанность основных этнокультурных параметров. Аналогичный результат может получиться и при ассимиляции в районах миграции значительных групп иноэтнического населения. В целом такие «вторичные» подобласти можно рассматривать как этнографические общности переходного типа между «первичными» подобластями. Однако в некоторых случаях такие подобласти именно в силу смешанного характера их этнокультурных параметров способны приобрести самостоятельное значение. Поэтому данная проблема требует специального изучения.

Вторая из трудных проблем связана с существованием конфессиональных различий внутри этнокультурной общности волго-уральских татар. По нашему мнению, конфессиональная общность крещеных татар (кряшен) целиком не «вмещается» в рамки ни одного из трех субэтносов или подобластных этнокультурных ареалов. Но отдельные группы кряшен так или иначе можно рассматривать и внутри субэтносов и их этнокультурных ареалов. Возникающую таким образом трудность мы предлагаем преодолеть сле-

дующим образом. Во-первых, крещеных татар в целом предлагается именовать субконфессиональной общностью. При этом будет учтен как «сквозной» (по отношению к трем отмеченным выше субэтносам) характер группы, дающий возможность поставить крещеных татар на один уровень с субэтносами, так и наличие у нее выраженных черт субэтнического характера (особое этноконфессиональное самосознание). Ясно, что имея одинаковое с субэтносами положение, общность крещеных татар в содержательном плане от них будет отличаться. Наиболее важным отличием можно, видимо, считать присутствие крещеных татар как отдельной общности при этнографической классификации и проблематичность их объективизации в этническом «разрезе» средневожско-приуральских татар (тем не менее необходимость учета последнего плана проблемы с повестки дня не снята). В целом нужно подчеркнуть, что в этнокультурном отношении крещеные татары ближе всего к вышеуказанным «вторичным» подобластям.

Далее обратимся к более детальному обоснованию наших тезисов. Как уже указывалось, выделение субэтносов связано с наличием группового самосознания. По нашему мнению, по отношению к казанским татарам и мишарям такое осознание шло на основе реальных языковых и культурно-бытовых различий. Известно, что носители западного (мишарского) и среднего (казанско-татарского) диалектов по языку различают друг друга до сих пор. В прошлом имелись и достаточно заметные этнокультурные различия между казанскими татарам и мишарями, фиксировавшиеся на уровне массового самосознания (часть их в начале XX в. обобщил Г.Н.Ахмаров - см.: 46). Невозможно полностью согласиться и с мнением некоторых исследователей об отсутствии в прошлом среди мишарей правобережья Волги следов «мишарского» самосознания (об этом писали: 48, с. 125). Напомним, что в 80-х гг. XIX в. Е.А.Малов отмечал, что пензенские мишари считают себя «коренными мишарями» (48, с.6). В середине XIX в. мишарское население Нижегородской губ. именовало себя «мещеряками» (49, л.1). Да и по переписи 1926 г. часть татар-мишарей Пензенской губ. отнесла себя по национальности к «мещерякам» (50, табл.Х). По данным Ф.Н.Гайнутдинова, в 1930-х гг. горьковские мишари хотя и называли себя «мусульманами», не отказывались и от названия «мишари» (51, л.31). В конце 1940-х гг. среди тех же татар зафиксировано выражение «мишарский народ» (52, с.205). В то же время нужно признать, что далеко не все татарское население, выделяемое на основе этнографических и диалектологических исследований в качестве мишарей, имело специфическое «мишарское» самосознание. Судя по материалам, собранным Г.Н.Ахмаровым в конце XIX - начале XX вв., часть мишарей называла себя «настоящими» или «коренными» татарами, приписывая этноним «мишар» другим группам (46, с.32-38). Этот феномен обнаружен при полевых исследованиях в правобережных районах Волги и нами (см.: 53).

Известно также, что так называемые «темниковские» мишари предпочитали именовать себя в начале XX в. *тәмән* (45, с.32). Некоторые следы функционирования самоназвания *тәмән* фиксировались как в 1930-х гг., так и в 1960-х гг. (51, л.31; 23, с.126). Да и в Приуралье среди переселенцев отмеченное самоназвание бытовало довольно устойчиво (54, с.239; 45 и др.). Но тут важно подчеркнуть не это, а механизм оппозиции по принципу «мы - они». Все дело в том, что казанские татары всех носителей западно-

го диалекта были склонны считать мишарями. В свою очередь мишари выделяли себя в некоем противопоставлении к казанским татарам. Не последнюю роль при этом играло длительное бытование в определенных ареалах расселения мишарей особого этнонима. Внутриэтническая дифференциация средневожско-приуральских татар на субэтноты казанских татар и мишарей основывалась именно на существовавших культурно-бытовых и языковых различиях, фиксировавшихся на уровне группового самосознания. Вместе с тем, в результате консолидационных процессов большая часть мишарей уже в конце XIX - начале XX вв. своим родным языком считала татарский. А согласно переписи 1926 г. они себя по национальности называли татарами (за исключением части пензенских мишарей). В Приуралье консолидационные процессы протекали более замедленными темпами, но и там к концу XIX - началу XX вв. были созданы предпосылки для быстрейшего их завершения (итоги см.: 31). Поэтому выделение субэтнотсов казанских татар и мишарей актуально больше в историческом плане.

Комплекс данных, связанных с вычленением субэтнотса касимовских татар, был проанализирован ранее (см.: 55, с.72-75; 29; 30). Подчеркнем лишь некоторые существенные моменты этой проблемы. Нам представляется, что касимовские татары осознавали себя в качестве особой этнической единицы в результате противопоставления прежде всего мишарям, как ближайшим татароязычным соседям. В литературе некоторые факты этого плана известны. Так, Е.А.Малов в конце XIX в. указывал на то, что мишари касимовских татар не считали «своими» (48, с.8). В 1920-х гг. Дж.Валидов сообщал, что и касимовские татары себя отнюдь не признавали мишарями (38, с.54). Наши полевые материалы полностью подтверждают эти выводы (56; 53). Видимо, оппозиция по типу «мы - они» между мишарями и касимовскими татарами во многом строилась на основе языковых различий. Одним из особенностей языкового поведения касимовских татар было их «двуязычие»: по наблюдениям Л.Т.Махмутовой, в 1950-х гг. молодое поколение касимовцев разговаривало не только на своем, местном говоре, но и умело вести разговор «по-мишарски». Наличие в традиционной культуре касимовских татар специфических черт, о чем уже говорилось, также способствовало конкретизации группового самосознания. Механизм действия этого самосознания был, надо думать, весьма своеобразным. Так, по мнению Л.Т.Махмутовой, касимовские татары всех татар, за исключением себя, склонны были «называть мишарями» (22, с.4).

Правда, абсолютизировать обособленность касимовских татар было бы неверно. Еще Б.А.Куфтин писал, что «...с большим распространением грамотности в белом аймаке получает преобладание литературное казанское наречие» (57, с.141). Да и Ф.Л.Шарифуллина пришла к выводу, что в конце XIX - начале XX вв. отмечается сильное влияние на традиционную культуру касимовских татар со стороны казанско-татарской культуры, особенно ее общегородского слоя (29; 30). Эти наблюдения важны тем более, что мы в лице касимовских татар имеем дело с численно небольшой и относительно сильно урбанизированной группой. Поэтому, определение касимовских татар в качестве субэтнотса правомерно в исторической ретроспективе (но оно актуально и для конца XIX - начала XX вв.).

На основе этностатистических источников нам удалось проследить изменения численности субэтнотсов волго-уральских татар за период около двух столетий (таблица 1).

Таблица 1. Динамика численности субэтносов волго-уральских татар в XVIII-XIX вв.

Субэтносы	Годы, численность (тыс.чел. и %)							
	1719	1744	1762	1782	1795	1833	1857	1897
казанские татары, %	175,5	217,4	267,4	345,6	417,8	712,7	994,7	1621,3
	67,3	66,5	67,8	68,0	68,0	70,5	70,6	72,8
касимовские татары, %	5,8	4,9	4,5	5,2	5,2	6,1	6,4	5,7
	2,2	1,5	1,2	1,0	1,0	0,5	0,4	0,2
мишари, %	79,5	104,8	124,8	158,5	193	300,1	414,8	622,5
	30,5	32,0	31,0	31,0	31,0	29,0	29,0	27,0

Источники: см. в: 58.

Как показывают приведенные в этой таблице данные, в XVIII-XIX вв. казанские татары составляли до 2/3, а мишари чуть менее 1/3 от общей численности волго-уральских татар. Доля же касимовских татар была незначительной и имела тенденцию к постепенному снижению (о причинах этого явления см. далее). Постепенное увеличение удельного веса казанских татар в XIX в. объясняется особенностями этнических процессов, прежде всего в северо-западном Приуралье. На этом вопросе мы остановимся ниже. Имеющиеся о численном соотношении субэтносов волго-уральских татар цифры позволяют заключить, что наряду с другими факторами консолидация волго-уральских татар вокруг казанско-татарского субэтноса объясняется и демографическими причинами - многочисленностью последних.

Разбирая кряшенскую проблему, следует подчеркнуть конфессиональный характер рассматриваемой общности. Отсюда вытекает ряд последствий. Главное из них заключается в том, что продолжительное пребывание в лоне православной церкви привело к обособлению крещеных татар от татар-мусульман не только в религиозной, но и в культурно-бытовой сферах. Более того, приобретение крещеными татарами черт эндогамности привело к их этнической изоляции от остальных татар. Поэтому многие новые явления, характерные для этноса в целом в XVII-XIX вв., не проникали в среду кряшен (особенно те, что были связаны с мусульманским миром). Кроме того, темпы развития общности кряшен были более замедленными, городской слой у них практически отсутствовал, влияние городской культуры было незначительным. Кряшены, вплоть до 1920–1930-х гг. одевавшиеся в домотканые одежды, даже внешне отличались от татар-мусульман. Православная церковь и миссионеры приложили максимум усилий для предохранения кряшен от влияния со стороны татар-мусульман. Да и политика мусульманских клерикальных кругов на изоляцию татар от влияния всего русского и от кряшен, как иноверцев, также способствовала консервации обособленного положения кряшен среди общей массы татар (26, с.28). Во второй половине XIX в. часть кряшенской интеллигенции начала выступать с тезисом о том, что «кряшены...не есть татары, а представляют из себя отдельную нацию» (59, с.273). И некоторые миссионерствующие исследователи предпочитали видеть в кряшенах отдельное «племя» (60). Не случайно, конечно, образование в 1919 г. в Казани

при губернском отделе национальностей особого «кряшенского» подотдела (61). Во время же переписей 1920 и 1926 гг. группа «кряшен», как известно, фигурировала в числе этнической единицы. Причем этноконфессионализм «кряшен» *керәшен* осознавался крещеными татарами как этноним.

Одним словом, оснований считать крещеных татар особой (субконфессиональной) общностью более чем достаточно. Другое дело, какая эта общность - этнографическая или этническая. Мы склоняемся к мнению о том, что кряшены являются этнокультурной (этнографической) общностью. Именно поэтому, несмотря на субконфессиональный статус этой общности, какого-либо единого «кряшенского» диалекта не существует, хотя в языке отдельных групп общие черты имеются (62, с.10). Этнографический характер общности подтверждает и рассмотрение «генетического» аспекта кряшенской проблемы. Как показали диалектологические исследования, языковые особенности крещеных татар Заказанья можно связывать с теми диалектными особенностями, которые характерны для основной массы татар этого района (62; 63). Даже такая своеобразная группа крещеных татар, как «нагайбаки», имевшая свое групповое самосознание, в языковом плане близка к татарам Заказанья (62, с.39). И это, видимо, не случайно: скорее всего нагайбаки по своему происхождению были связаны с заказанскими кряшенами (64, с.3; 65, с.13; 66, с.65-66; 62, с.38). Этнографические исследования также позволяют утверждать, что большинство будущих кряшен к моменту их крещения находилось уже в общем массиве татарского населения (26). Кроме того, в конце XIX-начале XX вв. наблюдалось массовое отпадение кряшен в мусульманство, когда более 40 % их приняли ислам (67, с. 97). Эти «новые мусульмане», практически идентичные по культурно-языковым параметрам с остальными татарами-мусульманами, усиливают впечатление об этническом единстве кряшен с остальными татарами. В то же время было бы неверно отрицать иноэтнические включения в состав крещеных татар (26, с. 26-28, 155-157; 62). Но в целом картина от учета фактов такого рода существенно не меняется.

Опираясь на уже отмеченные источники, нами была восстановлена динамика численности крещеных татар в XVIII-XIX вв. (таблица 2).

Таблица 2. Динамика численности кряшен в XVIII-XIX вв.

Годы	1719	1744	1762	1782	1795	1833	1857	1897
численность кряшен, тыс.чел.	17	23	30,3	35,1	40	68,7	86,3	110
%	6,5	7	7,6	7	6,5	6,7	6	4,9

Источники: см. в: 58.

Согласно этим сведениям, максимальный показатель удельного веса крещеных татар среди волго-уральских татар был достигнут после сильнейшего давления на татар-мусульман в первой половине XVIII в. с целью насильственной их христианизации. В дальнейшем, в связи с началом постепенного отпадения крещеных татар в мусульманство, удельный вес кряшен в общей численности татарского населения Волго-Уральского региона начал сокращаться, составив к концу XIX в. менее 5 %.

Теперь перейдем к этнографическим группам, по нашей классификации образующим внутреннюю структуру субэтнических общностей татар Волго-Уральского региона. Очевидно, субконфессиональная общность крещеных татар имеет свои структурные подразделения, которые также целесообразно именовать этнографическими группами, хотя надо признать, что кряшенские этнографические группы имеют определенные отличия от тех групп, которые выделяются в рамках субэтносов.

В этнокультурном отношении выражением существования этнографических групп волго-уральских татар являются определенные культурные ареалы - районы. А этнографическим подгруппам, на которые в ряде случаев могут подразделяться указанные группы, будут соответствовать этнокультурные подрайоны.

Весьма важно различать «генетические» (первичные) и «территориальные» (или «вторичные») этнографические образования. В связи с тем, что формирование средневекового татарского этноса происходило главным образом в Поволжье (16, с.8-21; 68, с. 79-85; 69, с.166-187; 70, с.142-192), первый тип групп и подгрупп следует искать прежде всего в указанном ареале. Однако было бы ошибочным не учитывать достаточно раннее участие приуральского населения как в этногенезе татарского народа, так и прямое «вливание» его в состав татарского этноса на этапе позднего феодализма и капитализма. Поэтому ограничение локализации групп и подгрупп «генетического» типа лишь Средним Поволжьем было бы не вполне точным. В то же время ясно, что многие «вторичные» этнографические образования татар сложились во второй половине XVI-XVIII вв. именно в Приуралье.

§ 2. Этнокультурные общности татар Волго-Уральской историко-этнографической области

Сложная этнокультурная структура волго-уральских татар может быть раскрыта во всей полноте лишь на основе картографирования элементов их традиционной культуры. Нами ставится задача более детального обоснования выделения этнокультурных таксонов всех уровней в составе этнокультурной общности татар Волго-Уральского региона. Предстоит также выяснить их типологическую принадлежность и место в этнокультурной структуре рассматриваемой общности.

Этнокультурные общности субэтнического уровня

На основе наложения друг на друга комплексных карт была получена сводная карта, характеризующая этнокультурные общности субэтнического уровня (карта 4). Эти общности вычленяются в рамках историко-этнографической области татар Волго-Уральского региона как определенные «сгустки» культурных изоглосс в масштабе подобластей. Общий вывод, вытекающий из анализа сводной карты, вполне согласуется с теоретическими подходами, предложенными нами ранее. Так, достаточно отчетливо выделяются казанско-татарская и мишарская этнокультурные подобласти. Самостоятельный характер крещено-татарской этнокультурной общности также не вызывает сомнений. Новым результатом следует признать выявление обширного ареала со смешанной культурой. К нему примкнули касимовские и часть нукратских (Слободской уезд Вятской губ.) татар. Но между этими двумя «островными»

ареалами есть значительная разница: татарское население Слободского уезда по большинству культурных параметров входит в казанско-татарскую подобласть, занимая обособленное положение в основном в силу специфики свадебной обрядности; с касимовскими татарами ситуация иная - у них наблюдается смешанность практически по всем параметрам культуры. Именно поэтому касимовско-татарскую подобласть можно считать самостоятельной этнокультурной общностью.

Следует разобраться и с этнокультурным ареалом смешанного характера. Важнейшей особенностью данного ареала является то, что внутри него изопрагмы, характеризующие отдельные аспекты традиционной культуры, дают большой разброс и фактически внешние границы смешанной зоны сильно колеблются в зависимости от того, какой элемент культуры кладется в основу картирования. Такой «неустоявшийся» характер культуры рассматриваемой подобласти позволяет видеть в ней образование более позднее и «вторичное» по отношению к другим подобластям. В смешанной подобласти достаточно явно выделяются (карта 4) две зоны - средневожская (I) и приуральская (II), в содержательном отношении явно различающиеся. Первая зона отражает в основном взаимодействие казанско-татарской и мишарской подобластей. Приуральская зона имеет более сложную структуру: в ней наряду с культурным взаимовлиянием двух основных средневожских подобластей обнаруживается как результат их смешения в Среднем Поволжье (то есть перенос культурных особенностей, характерных для зоны I, при исторически хорошо известном продвижении татарского населения на восток), так и воздействие более раннего местного населения Приуралья (известного главным образом как башкиры, но не только).

Таким образом, в составе этнокультурной общности волго-уральских татар выделяются следующие подобласти: казанско-татарская, мишарская, касимовско-татарская, крещенотатарская и смешанная (с двумя зонами). Первые три из них связаны с субэтнотатами волго-уральских татар, а крещенотатарская - с субконфессиональной общностью кряшен. Первичными подобластями являются казанско-татарская и мишарская. Касимовско-татарская в эту группу может быть отнесена лишь с оговорками. Остальные подобласти относятся к числу вторичных. Особенностью крещенотатарской подобласти является отсутствие у нее сплошной территории, что связано с историей образования группы крещеных татар.

Теперь обратимся к выявлению этнокультурных общностей нижеследующего порядка - уровня этнографических групп.

Этнокультурные общности уровня этнографических групп

Соответствующие этнографическим группам этнокультурные ареалы - районы, представлены на карте 5. Они выделяются в пределах подобластей. При этом, однако, необходимо иметь в виду следующее. Во-первых, при вычленении этнокультурных районов смешанная подобласть начинает дробиться и некоторые ее части оказываются в составе первичных подобластей; отчетливее проявляются и переходные (смешанные) районы. У некоторых немногочисленных подразделений (например, у касимовских татар) этнокультурные районы уровня этнографических групп не обнаруживаются. В итоге касимовско-татарская подобласть сближается с районом. Во-вто-

рых, густота культурных изоглосс у разных этнокультурных районов оказывается неодинаковой - они гуще у более древних (первичных) районов по сравнению со вторичными. Наконец, и на уровне этнокультурных районов далеко не все параметры культуры совпадают друг с другом (особую дробность обнаруживают изоглоссы, связанные с традиционными праздниками и обрядами). Поэтому этнокультурными районами приходится признавать те ареалы внутри подобластей (в некоторых случаях - между ними), в пределах которых изопрагмы, отражающие разные элементы культуры, дают относительно большее совпадение.

В казанско-татарской подобласти выделяются 4 таких района: центральный, чепецкий, пермский и сарапульский (последний - смешанный). Показательно, что татарское население Нагорной стороны (*Тау ягы*),* на субэтническом уровне вошедшее в состав смешанной подобласти, на уровне этнографической группы оказалось в общем этнокультурном пространстве с татарами Предкамья. Тем не менее, следует подчеркнуть несколько обособленное положение рассматриваемого населения в культурном плане в рамках центрального района. Сарапульский район занял самостоятельный статус в силу его переходного положения между чепецким, центральным и пермским районами.

В мишарской подобласти обнаруживаются 2 района: южный (темниковский) и переходной (смешанный) - темниковско-пензенский. Последний является переходным прежде всего в отношении к северному (сергачскому) району, выделяемому в рамках смешанной подобласти (зона I). Кроме того, особым районом в составе последнего является касимовский. Довольно обширный переходный район между остальными районами зоны I и районами казанско-татарской подобласти был обозначен нами как средневожский смешанный ареал (район).

Во II зоне смешанной подобласти по многим параметрам культуры, хотя и не вполне совпадающим территориально, наиболее отчетливо выделяется тептярско-башкирский район. Самостоятельными районами являются оренбургский и зауральский (последний - в значительно большей мере) Еще два ареала видятся в качестве переходных: среднеуральский - между пермским, тептяро-башкирским и зауральским; юго-восточный - между двумя последними, оренбургским и, частично, средневожским.

В крещенотатарской подобласти можно отметить 5 районов: молькеевский, чистопольский, казанско-татарский, елабужский, нагайбакский. Два последних не вполне самостоятельны и имеют определенное тяготение к казанско-татарскому этнокультурному ареалу.

По типологической принадлежности три этнокультурных района, выделенных в составе казанско-татарской подобласти - центральный, чепецкий и пермский, относятся к числу генетических (первичных). Сарапульский район скорее всего более поздний (территориальный или вторичный). В рамках мишарской и смешанной подобластей к типу генетических относятся южный (темниковский) и северный (сергачский) районы. Темниковско-пензенский оказывается вторичным по отношению к только что отмеченным двум районам. Касимовский район, как уже было указано,

* Это территория Свияжского и Тетюшского уездов Казанской губ. с примыкающей к ним частью Буинского и Симбирского уездов Симбирской губ. (во второй половине XVI - середине XVIII вв. они образовывали Свияжский уезд).

можно с некоторыми оговорками причислять к генетическому типу, памятуя тем не менее, что он, видимо, все же более «молодой» по сравнению с основными этнокультурными районами, выделенными в Среднем Поволжье (за исключением средневолжского смешанного, который относится к числу вторичных). Все этнокультурные ареалы, обнаруживаемые в зоне II смешанной подобласти, можно считать более поздними (вторичными). Однако высокая «плотность» культурных изопрагм, выделяющих тептярско-башкирский район, позволяет считать его образованием, близким к генетическому типу. Это связано со значительным участием в формировании данного района местного этнокультурного компонента.

Этнокультурные районы, выделенные в пределах крещенотатарской подобласти, ближе к формированиям вторичного типа. Правда, относительно более первичным по отношению к елабужскому и нагайбакскому ареалам, выступает казанско-татарский район, что явно связано с историей сложения группы крещеных татар.

Этнокультурные общности уровня этнографических подгрупп

Прежде чем приступить к обзорной характеристике полученных данных, обобщенных на карте 6, сделаем несколько предварительных замечаний. В целом подрайоны выявляются в рамках этнокультурных районов. Однако, во-первых, не все районы дифференцируются на подрайоны, во-вторых, в некоторых случаях подрайоны охватывают части смежных районов (это характерно прежде всего для смешанных ареалов). Кроме того, обычно подрайоны локализируются по небольшому числу параметров культуры (иногда - по одному-двум). Последнее обстоятельство не только делает их границы весьма зыбкими (по одному элементу культуры подрайон может входить в один, по другому - в другой район), но и увеличивает возможность субъективных ошибок при проведении таких границ. Тем не менее, этнокультурные подрайоны объективно существуют и имеют свое собственное место в иерархии этнокультурных общностей. Более того, без выявления подрайонов характеристика этнокультурных районов была бы далеко не полной. Наконец, подрайоны, как и этнокультурные таксоны вышестоящих уровней, могут быть двух типов - генетического (первичного) и территориального (вторичного). Естественно, что типологическая принадлежность подрайонов определяется тем, в состав какого - генетического или территориального района они входят.

Структура подразделения районов, относящихся к казанско-татарской подобласти, представлены на карте 6.

В рамках центрального района выделяются шесть подрайонов (I-VI). Согласно географическому положению этих подрайонов, предлагаются следующие их обозначения: I - северный, II - восточный, III - южный, IV - приказанский, V - западный (нагорный), VI - юго-восточный несколько выходит за пределы центрального района, охватывая и смежную часть сарапульского района. Кроме последнего (VI), все остальные подрайоны можно считать генетическими, правда, приказанский (IV), имеет довольно четкие признаки переходности - прежде всего, между южным и западными подрайонами.

Чепецкий район делится на два подрайона - I (нукратский) и II (верхочепецкий или глазовский).

Пермский район также состоит из двух подрайонов - северного (I) и южного (II). Структурные подразделения как чепецкого, так и пермского районов, являются генетическими. Подрайон II чепецкого района исторически более поздний, чем нукратский.

В пределах южного (темниковского) района мишарской подобласти более или менее явственно обнаруживаются четыре подрайона: I - северный (лямбирский); II - восточный (кузнецко-хвалынский), охватывает и часть средневолжского смешанного района; III - западный, IV - юго-восточный (заволжский). Причем восточный (II) подрайон. Следует отметить, что по нескольким элементам культуры выделяются лишь I и II подрайоны, остальные - по одному признаку, что делает их границы весьма зыбкими. Северный (лямбирский) подрайон имеет некоторые черты первичности; кузнецко-хвалынский подрайон как и подрайоны III, IV ближе к вторичным образованиям, хотя и не лишен признаков образования генетического типа.

В смешанной подобласти деление районов на подрайоны целесообразно рассматривать по зонам. В рамках I зоны на правобережье Волги в части средневолжского района довольно отчетливо просматривается подрайон I (буинско-симбирский). Самостоятельный характер приобретает соседний ареал, так как он «выталкивается» при проведении границ кузнецко-хвалынского и буинско-симбирского подрайонов. Этот подрайон обозначим как II (корсунско-сенгилеевский). Похоже, что он занимает переходное положение между несколькими ареалами (прежде всего, между буинско-симбирским и кузнецко-хвалынским подрайонами). На левом берегу Волги в пределах той же зоны намечаются два подрайона - III (чистопольский) и IV (ставропольский).

В приуральской зоне (II) этнокультурные подразделения выделенных ранее районов отличаются значительной дробностью - тут локализируются девять подрайонов (I-IX). Ядровое положение, несомненно, занимает I подрайон (северо-западный), в значительной мере повторяющий очертания тептяро-башкирского района. Однако от последнего некоторые ареалы отошли к другим подрайонам - в основном, за счет смешанных районов. Так, вычлениются западный (II) и центрально-приуральский (III) подрайоны (оба - на основе части тептяро-башкирского и юго-восточного смешанного районов). По некоторым признакам, на оставшейся территории последнего и части оренбургского района выявляется юго-западный (IV) подрайон. В итоге самостоятельным подрайоном (V - южным) оказывается остальная территория оренбургского района. Таким же образом определились границы VI (северного) подрайона (путем расширения ареала среднеуральского смешанного района к югу через включение смежных территорий тептяро-башкирского и зауральского районов). Рядом вырисовывались контуры VII (северо-восточного) подрайона (за счет частей последних двух ареалов). Основная часть зауральского района подразделилась на два подрайона (VIII - северно-зауральский и IX - южно-зауральский). Все отмеченные выше подрайоны, за исключением северо-западного, вторичны. Северо-западный подрайон, согласно более раннему определению, ближе к этнокультурным формированиям генетического типа. Из-за позднего образования большинство подрайонов приуральской зоны имеют весьма рыхлые границы, проведенные по одному-двум параметрам культуры.

Крещенотатарская подобласть в ряде районов (молькеевский, чистопольский, нагайбакский) на таксоны уровня подрайонов не дифференцируется. Тем не менее, в рамках казанско-татарского и елабужского районов этнокультурные подрайоны обнаруживаются. В казанско-татарском ареале выделяются подрайоны: северный (А) и южный (Б). В юго-восточный подрайон (В) объединяются часть кряшен Восточного Закамья казанско-татарского района (север Мензелинского уезда) и елабужский район. На остальной территории определяются границы восточно-закамского подрайона (Г). Между некоторыми из указанных подрайонов имеется частичная близость (например, между северным и юго-восточным ареалами). По-видимому, кряшенские подрайоны повторяют в некоторой степени ареалы аналогичного уровня, характерные для центрального района казанско-татарской подобласти.

Глава 5. Этнографические группы волго-уральских татар: опыт системного анализа

Наряду с субэтносами этнографические группы образуют важнейшую составную этнической структуры волго-уральских татар. Проведенный в предыдущей главе анализ этнокультурных аспектов дифференциации рассматриваемой общности, позволяет поставить на научную основу проблему выделения в ее составе этнографических групп. Одним из условий, обеспечивающих объективность критериев вычленения этнографических групп, является учет языкового (диалектологического) фактора. Поэтому этот вопрос нуждается в самостоятельном изучении применительно к этнографическим группам (связь субэтносов с диалектами татарского народно-разговорного языка была рассмотрена выше). Естественно, при этом необходимо принять во внимание уже отмеченную относительную самостоятельность этнокультурных и языковых процессов. Кроме того, при характеристике вопроса взаимосвязи культурных и языковых факторов следует признать факт существования у волго-уральских татар географических особенностей, оказывающих влияние на эту взаимосвязь. Суть данных особенностей заключается в том, что подразделения народно-разговорного языка уровня этнографических групп и подгрупп (говоры и подговоры) находят большее соответствие этнокультурным общностям волго-уральских татар аналогичного уровня (районы и подрайоны) главным образом в Среднем Поволжье. В Приуралье положение иное. В этой зоне одни и те же говоры могут быть присущи как татарам, так и башкирам. Да и представители разных субэтносов здесь могут иметь общий говор. Наконец в Приуралье в силу влияния разных причин (территориальная обособленность, особенности этнического окружения, продолжительность контактов с этим окружением и т.д.) даже представители одной этносословной группы могут быть носителями разных говоров. Поэтому для этого ареала учет языковых особенностей при их совмещении с результатами этнокультурной группировки, нуждается в дополнительном обосновании исходя из истории формирования, специфики самосознания, сословной принадлежности.

§ 1. Этнографические группы в составе субэтноса казанских татар

В центре этнической территории казанских татар - в Предволжско-Предкамском ареале - нами был выделен центральный этнокультурный район с шестью подрайонами. В языковом отношении эта зона также неоднородна - в ее рамках локализованы 7 говоров среднего диалекта (3 - в Предволжье: нурлато-кайбицкий, камско-устыинский, буинско-тарханский; 4 - в Предкамье: ашитский, шошминский или малмыжс-

кий, мамадышский и лаишевский) (см.: 69; 70; 71; 72). Вместе с тем, нельзя преувеличивать языковые различия в Предволжско-Предкамском ареале. Дж.Валиди, например, отметив некоторые отличия диалектного характера в языке татар Предволжья и Предкамья, одновременно подчеркнул наличие многих общих моментов между говорами, распространенными на рассматриваемой территории (39, с.57). Употребление диалектологами таких понятий, как «группа нагорных» и «группа заказанских» говоров (71, с.613-614) свидетельствует о большой близости между собой предволжских и предкамских групп говоров. Известно также, что нагорные говоры испытали заметное воздействие мишарского диалекта и, в определенной мере - чувашского языка (71, с.67). В то же время группа заказанских говоров характеризуется несколько иным влиянием (73; 74; 75). Нельзя не учитывать и наличие между Предволжьем и Предкамьем мощной водной преграды, до некоторой степени затруднявшей общение татарского населения этих двух территорий. Да и возникновение со второй половины XVI в. двух крупных административно-территориальных единиц - Свияжского и Казанского уездов - первого в Предволжье, второго в Предкамье, не могло не наложить отпечатка на этнокультурные и языковые процессы, происходившие в их рамках. Напомним, что эти уезды просуществовали до административных реформ 70-х гг. XVIII в., то есть более двух столетий.

Однако вряд ли правомерно считать татарское население Предволжья и Предкамья двумя самостоятельными этнографическими группами. Скорее всего, «двучленность» Предволжско-Предкамской зоны не выходит за рамки особенностей культуры субэтнического уровня (вхождение татар Нагорной стороны в смешанную, а Предкамья в казанско-татарскую подобласти). Конечно, данная особенность не может не повлиять на специфику культуры нижеследующих этнокультурных таксонов. Тем не менее, по комплексу признаков Предкамско-Предволжский ареал образует единый этнокультурный район. Татарское население, имеющее культурные особенности, присущие этому району, может считаться отдельной этнографической группой. За ней целесообразно сохранить название *центральной группы*.

Наша попытка совместить этнокультурные подрайоны с ареалами распространения отдельных говоров Предволжья и Предкамья (карту говоров этой зоны см.: 75, с.7), не увенчалась успехом: частично совпали лишь территории восточного и южного подрайонов с ареалами мамадышского и лаишевского говоров соответственно. Причем относительно большее соответствие наблюдалось во втором случае. В итоге, этнографическими подгруппами были определены носители тех культурных особенностей, которые характерны для этнокультурных подрайонов. Правда, здесь имеется одно исключение - оно связано с юго-восточным подрайоном (татарское население Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губ.). Прежде всего заметим, что население этих уездов в значительной своей части состояло из крещеных татар. Последние, как особое этнокультурное формирование, не входят в состав юго-восточного подрайона. Кроме того, в этих же уездах жили и представители самостоятельного тептяро-башкирского района (подробнее о них см.: 76). Диалектологические исследования подтверждают данный вывод. Так, Д.Б.Рамазанова, выделившая тептярско-

башкирскую часть населения Елабужского и Сарапульского уездов (с некоторыми другими татарскими группами) как носителей агрызского подговора мензелинского говора, отмечает близость языка северной половины рассматриваемой территории к заказанским говорам (77, с.60; 78, с.35). Аналогичное мнение высказывала и Ф.С.Баязитова (79, с.216). Лишь оставшуюся часть татарского населения, живущую главным образом в соседней с Мамадышским уездом территории Елабужского уезда, можно считать собственно носителями культурных особенностей юго-восточного подрайона. Их и можно было бы считать отдельной этнографической подгруппой центральной группы. Юго-восточная этнографическая подгруппа представляется относительно более поздним (вторичным) формированием, чем и объясняется смешанность (переходность) ее культурных параметров (кроме прочих компонентов, в сложении этой подгруппы участвовали и чепецкие татары, что отразилось на культурной специфике юго-восточной подгруппы - см.: 80, с.11; 81; 82, с.26; 83, с.91).

Языковая и этнокультурная неоднородность центральной этнографической группы говорит о сложности ее этнических компонентов и древности ее формирования. Эта группа восходит, по меньшей мере, к периоду Казанского ханства. Некоторые из входящих в нее этнографических подгрупп отражают деление этого государства на «даруги», бывшие отдельными княжествами: южная подгруппа входила в состав Ногайской даруги, восточная - Зюрейской. Приказанская подгруппа по одним элементам культуры «тянет» к западной подгруппе, по другим - к южной. Возможно, что та ее часть, которая локализуется западнее Казани, совместно с западной (нагорной) подгруппой относились к Галицкой даруге (см.: 54, с.225). Можно высказать предположение о том, что такое «раздвоение» приказанской подгруппы связано с проникновением в ареал ее локализации этнических групп кыпчакско-ногайского происхождения, сосредоточенных на территории Ногайской даруги Казанского ханства (об этом подробнее см.: 84).

Несколько иная ситуация наблюдается при рассмотрении северной подгруппы - она занимает территорию двух даруг - Алатской и Арской. Тут возможно несколько объяснений. Во-первых, при выделении северной подгруппы использованный нами материал мог оказаться недостаточно представительным. Во-вторых, нельзя исключить и то, что применительно к рассматриваемой подгруппе даружное деление являлось более поздним и прошло по уже сложившемуся этническому формированию. Так, Н.Б.Бурганова считает, что малмыжский говор (основная территория Арской даруги) характеризуется диалектными явлениями, идущими с запада (особенности ашитского говора) и с юга (признаки мамадышского говора) (75, с.9). Последние два говора были распространены соответственно на территориях Алатской и Зюрейской даруг. Но в целом вопрос о взаимосвязи этнокультурных подгрупп центральной группы казанских татар с административно-политическими образованиями периода Казанского ханства (даруги) требует дальнейшего изучения (о некоторых аспектах этой весьма сложной проблемы см.: 84).

О выделении в составе субэтнуса казанских татар следующей - чепецкой этнографической группы, писал еще Н.И.Воробьев (16, с. 44-45). Проанализированные нами материалы позволяют согласиться с этим мнением: население чепецкого этнокультурного района явно образует отдельную этнографическую группу (*чепецкая груп-*

на). По языковым особенностям эта группа является представителем самостоятельного (нукратско-глазовского) говора (85; 86). В данном случае языковые и этнокультурные границы совпадают. В связи с тем, что чепецкая группа достаточно хорошо исследована (см.: 27; 87; 88), остановимся лишь на ключевых моментах ее этнической истории. Ряд исторических данных говорит о том, что предки чепецких татар до середины XV в. входили в состав центральной группы субэтноса казанских татар (84, с.31-42). А в XVI в. известны случаи вливания в ряды чепецкой группы выходцев из Заказанья (87, с.27). Не случайно у части чепецких татар был распространен тот вариант сабантуя, который бытовал в ряде татарских деревень западной зоны Казанского уезда (89, с. 97). Однако территориальное обособление чепецких татар от центральной группы произошло довольно рано - не позже середины XV в. (27, с.62; 88, с.177). Фактически эта группа сформировалась одновременно с центральной этнографической группой (если и позже, то ненамного). В условиях удаленности от последней чепецкие татары выработали ряд специфических культурных черт. К тому же, у чепецких татар ясно прослеживаются несколько этнических компонентов. Один из них, составивший суперстрат чепецких татар, был связан по происхождению с кыпчаками. Другой компонент, известный с ХУП в. как «бесермяне», был скорее всего болгарского происхождения, но несколько смешанный с южными удмуртами (27, с.60-68; 87). Бесермянский компонент является субстратным. При довольно значительной территориальной удаленности от центральной группы, между кыпчакским и бесермянскими компонентами с давних пор (не позже середины XV в.) начался процесс этнического смешения. Этот процесс стимулировался частичной генетической близостью контактирующих групп, а также длительным совместным проживанием, одинаковой конфессиональной принадлежностью (часть бесермян, крещеных в первой половине XVIII в., в дальнейшем этнически обособилась). К началу XX в. чепецкие татары не менее чем на 1/3 (с учетом смешанных браков - еще более) являлись бывшими бесермянами, к тому времени почти полностью утратившими свою этническую специфику. Практически к началу XX в. был завершен процесс этнического взаимодействия бесермянского и кыпчакского («татарского») компонентов чепецких татар. По переписи 1926 г. в Глазовском уезде бесермяне, вошедшие в состав татар, отдельно не выделялись. Лишь в Слободском уезде в крупном селении чепецких татар Карино (Нукрат) бесермяне в 1926 г. себя выделили в качестве особой этнической единицы. Но это было связано скорее уже не с этническими процессами, а с социальной неоднородностью населения этого села. Раннее начало формирования чепецких татар позволяет отнести эту группу к типу генетических. Исторически татарское население Глазовского уезда образовалось за счет выходцев из Слободского уезда Вятской губернии (миграция происходила в XVII - начале XVIII вв.). Но этнокультурные процессы среди татар Слободского и Глазовского уездов имели отличия. В нукратском подрайоне (Слободской уезд) закрепились особенности, больше характерные для культуры суперстрата, а в Глазовском - модифицированный вариант культуры субстрата. Отсюда и деление чепецкой группы на две этнографические подгруппы - нукратскую и верхочепецкую (глазовскую).

Пермской этнографической группой в составе субэтноса казанских татар надо считать татароязычное население пермского этнокультурного района. Она всесторонне исследована (28; 90; 92; 93; 94), что избавляет нас от необходимости подробного рассмотрения истории ее формирования. Язык этой группы имеет статус отдельного говора (пермский говор) среднего диалекта (90). Часть пермских татар в некоторых работах считают и носителями свердловского говора того же диалекта, при этом подчеркивая его близость к пермскому говору (95, с.70). В целом языковые и этнокультурные границы у пермских татар достаточно хорошо совпадают. Но у этой группы имеется одна особенность, связанная с ее локализацией в Приуралье. Речь идет о том, что часть носителей пермского говора и элементов культуры пермского района по этнической принадлежности считаются башкирами (это население в основном расселено в бассейне р.Тулвы в Осинском уезде Пермской губ. - современная территория Бардымского района Пермской обл., частично - в Красноуфимском уезде той же губернии).

У пермских татар можно выделить три этнических компонента - поздний - поволжско-татарский, затем ногайско-кыпчакский и ранний - тюрко-угорский (подробнее об этом см.: 94). Последние два компонента в одинаковой степени участвовали в формировании как татар, так и башкир Пермского края. Более того, в ряде документов XVII в. башкиры Осинского уезда Пермской губ. также называются «татарами». Поэтому этническая дифференциация тюркоязычного населения 4-х уездов Пермской губ. (Пермского, Осинского, Кунгурского, Красноуфимского) на «татар» и «башкир» была во многом условной. Некоторые исследователи полагают, что деление в Пермском крае татароязычного населения на «башкир» и «татар» было связано с вхождением с XVII в. этих двух групп в две разные административные единицы - первых - в Уфимский уезд и вторых - в Кунгурский уезд. Действовал следующий механизм - оказавшиеся в Кунгурском уезде стали ясачными и получили название «ясачных татар», а попавшие в ведомство г.Уфы (в более раннее время - г.Осы, ставшего центром Осинской «дороги» Уфимского уезда) были наделены вотчинными правами и именовались «башкирами» (45, с.147). Такой фактор, несомненно, действовал. Но разделение по административной линии было не единственной причиной деления тюркского населения Пермского края на два этнических образования. Нельзя, например, не заметить, что пришлые из Среднего Поволжья татары-мигранты XVII-XVIII вв., судя по источникам, в большем числе осели в Кунгурском уезде (28, с.155-161; 92; 96, с.52; 97). По ревизским материалам за 1760-е гг. видно, что между «татарами» и «башкирами» Пермского края поддерживались весьма интенсивные брачные связи: из 1211 браков, зафиксированных среди пермских татар, 204 (17%) приходилось на браки татар с «башкирами». Но при этом татары своих женщин за башкир, видимо, не выдавали (во всяком случае, в нашем источнике указаний на это не содержится - см.: 98). Как видим, «татары» в данном случае выступают в определенной степени как самостоятельная группа. Могут иметь место и некоторые другие факторы, усилившие дифференциацию единого в своей основе населения Пермского края (см., например, мнение М.А.Усманова о роли в этих процессах ногайского компонента - 99, с.52).

Часть пермских «башкир» в результате этнических процессов к началу XX в. стали считать себя татарами. Из 3377 «башкир» Пермского уезда (деревни Кояново и Култа-

ево, имевших особую близость к соседним татарам) по переписи 1926 г. 968 человек отнесли себя к татарам. Несколько позже и остальные стали считать себя татарами (92, с.10). Поэтому для начала XX в. «башкир» Пермского уезда (так называемые «мулгайнинцы») нужно считать частью пермских татар. И для более раннего времени они скорее в этническом отношении были татарами, являясь «башкирами» лишь в сословном смысле. Примерно так же изменялась этническая идентификация «башкир» Красноуфимского уезда: к началу XX в. население ряда деревень (это: Бишково, Коянково, Озерки, Рахмангулово, Усть-Баяк, Усть-Бугальш) местные статистики считали башкирами по сословию, но по «национальности» определяли их «татарами». По переписи 1926 г. жители более десятка деревень Красноуфимского уезда (кроме отмеченных выше, за исключением д.Озерки, еще следующие селения: Гайна-Бисерть, Еманзельга, Бехметково, Биткинино, Кургат, Урмикеево и Азигулово (в последней - более половины жителей) предпочло отнести себя к татарам. Другая группа, назвавшаяся в 1926 г. «башкирами» (деревни: Сызги, Озерки, Азигулово (вторая половина населения), Артя-Шигир, Уфа-Шигир, Акбашево, Аракаево, Перепряжки), в конце 1950-х гг. считала себя уже татарами (92, с.12-20). Можно думать, что «башкирский» компонент татар Красноуфимского уезда уже в начале XX в. был ближе к татарам и, несмотря на незавершенность их перехода к этому времени к татарской этнической идентификации, они должны рассматриваться как часть пермских татар. Проблематичным является вхождение этой группы в состав башкирского этноса и в более ранний период.

Вместе с тем, часть башкир бывшего Осинского уезда сохранила за собой этноним «башкиры», продолжая во время переписей и в советский период фиксироваться как башкиры. Правда, по полевым материалам диалектологов видно, что татароязычное население Бардымского района Пермской обл. имеет очень расплывчатое этническое самосознание, предпочитая себя называть «башкирскими татарами» (44, с.147). Сложность этнической идентификации данной группы отразилась и в том, что некоторые исследователи предпочитают ее представителей именовать «татаро-башкирами» (100, с.253). Действительно, в языковом и этнокультурном планах это население является частью пермского этнокультурного района. Имея нечеткое самосознание, оно очень близко к пермским татарам. Однако учитывая, что население Бардымского района Пермской области продолжает считаться в официальной статистике «башкирами», а самое главное, отнесло себя к башкирам во время переписи 1926 г., мы не можем в полной мере считать их частью пермской этнографической группы. Хотя очевидна и вся условность деления татароязычного населения Пермского края на «башкир» и «татар».

Таким образом, к пермским татарам для начала XX в. мы будем относить татароязычное население Пермского, Кунгурского, Осинского и Красноуфимского уездов Пермской губ., за исключением «башкир» бывшего Осинского уезда. В целом группа пермских татар сформировалась довольно рано - не позже середины XVII в. В этом плане она могла бы считаться «генетической» группой. Но в XVII-XVIII вв. местное тюркское население переживало процесс этнического взаимодействия с пришлыми татарами из Среднего Поволжья, выступавшими как представители вполне сформировавшейся этнической общности. Последнее обстоятельство придает группе пермских татар характер некото-

рой «территориальности». Специфическая особенность этой группы - промежуточность по типологической принадлежности, имеет весьма важное последствие, которое сводится к следующему: эта группа по мере углубления в прошлое будет иметь более расплывчатые параметры и неясную этническую принадлежность. Для современного периода пермские татары имеют нечеткую этническую границу лишь в некоторых районах.

В пределах группы пермских татар могут быть выделены *северная и южная* подгруппы, соответствующие двум этнокультурным подрайонам. Южная подгруппа характеризуется большим присутствием «башкирского» компонента и этнокультурной смешанностью населения, особенно на территории Красноуфимского уезда (см.: 92, с. 12-20). Часть татароязычного населения Осинского и Красноуфимского уездов Пермской губ. по культуре характеризуется как отдельный район (среднеуральский смешанный район). Тут мы имеем дело с влиянием этнокультурных подразделений татар, локализованных южнее. Изучение истории формирования татароязычного населения Красноуфимского и Осинского уездов подтверждает этот вывод (92).

Теперь обратимся к тем группам, которые в этническом отношении могут быть отнесены к субэтносу казанских татар, но по культуре входят в смешанную подобласть. Исторически эти группы образовались за счет переселенцев в обширный регион Южного Приуралья из Среднего Поволжья в XVI-XVIII вв. Но в Приуралье переселенцы перемешались не только друг с другом, но и с более ранним местным тюркским населением. Некоторые аспекты этой проблемы мы уже рассматривали в связи с пермскими татарами. Как нами уже указывалось, аналогичная ситуация была характерна в целом для всего северо-западного Приуралья. Поэтому при строгом подходе отнесение приуральских татар в состав субэтноса казанских татар вызывает некоторые затруднения. Причин тому по меньшей мере две. Во-первых, переселенцы, будучи выходцами из различных групп и подгрупп казанских татар средневожского ареала, сильно перемешались между собой и уже в силу этого в структуре этнических подразделений казанских татар должны занять самостоятельное положение. Во-вторых, наличие у приуральских татар местного («башкирского») компонента усиливает обособленность приуральской группы и выводит ее отчасти за рамки субэтноса казанских татар.

Но при определении места приуральских татар в этнической структуре волго-уральских татар мы все же должны учитывать как генетическое родство татарского населения Предволжско-Предкамского и Приуральского ареалов (в т.ч. и близость их ранних этнических компонентов), так и языковую и этнокультурную общность татарского населения указанных районов. В целом, чтобы подчеркнуть особое положение татар Приуралья (без мишарей) в составе субэтноса казанских татар, мы сочли необходимым определить статус основных подразделений татар Приуралья в ранге этнографических групп.

Наиболее многочисленную группу татар Приуралья, входящую в состав субэтноса казанских татар, образуют тептяри - в прошлом особая сословно-этническая группа. Н.И.Воробьев выделял их под наименованием приуральской группы казанских татар. Но представители этой группы в северо-западной части Приуралья (основная территория расселения тептярей) были теснейшим образом связаны с другой сословно-этни-

ческой группой - башкирами. Этническое взаимодействие представителей этих двух групп на северо-западе Башкирии продолжается и сейчас (см.: 101; 102, с.26; 103; 104, с.24-39; 33). Поэтому, данную этнографическую группу целесообразно именовать *тептярско-башкирской*. Этой группе будет соответствовать тептяро-башкирский этнокультурный район. Фактически подавляющее большинство представителей тептярско-башкирской группы разговаривает на мензелинском и очень близком к нему, бирском говорах* среднего диалекта (сводную характеристику см.: 21; 43; 79; 44). Не исключено, что последний говор выделяется в качестве особой единицы благодаря воздействию языковых особенностей местного компонента - башкир**. Показательно, что из-за близости мензелинского и бирского говоров для их дифференциации диалектологи были вынуждены прибегнуть к фактору самосознания (109, с.10).

В состав тептярско-башкирской группы можно включить и некоторые другие подгруппы, территориально оторванные от основного массива (это тептярское население Бугурусланского и Бузулукского уездов Самарской губ., Оренбургского, Верхнеуральского уездов Оренбургской губ. и Златоустовского уезда Уфимской губ.). При этом, однако, нарушается одно из основных требований, предъявляемых к этнографической группе - территориальная ее целостность. Правда, тептярско-башкирская группа относится к числу особой - этносословной разновидности этнографических подразделений. Для этносословных групп, по нашему мнению, допустима некоторая экстерриториальность. К тому же, окраинные группы тептярей являются или выходами из центральной зоны их расселения, или же состоят из тех же компонентов, что и основное ядро тептярско-башкирской группы. В целом же, окраинные подразделения тептярей можно рассматривать как обособленные части единой этносословной общности - тептярско-башкирской группы.

Важно подчеркнуть, что во всех случаях, когда башкиры на северо-западе Приуралья действительно отделяют себя до настоящего времени от татар (этническое самосознание!), несмотря на существование языковой и культурно-бытовой общности, мы должны рассматривать первых как представителей башкирского, а вторых, как татарского этносов. Хотя эта грань на северо-западе Приуралья уже давно была довольно неопределенной, что требует конкретного анализа этнической ситуации в каждом отдельном случае.

По типологической принадлежности тептярско-башкирская группа относится к «территориальному» типу. Она начала формироваться со второй половины XVI в. на базе

* Мензелинский говор является основным и занимает большую территорию (Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губ.; Бугульминский уезд Самарской губ.; Мензелинский, Белебеевский, Уфимский, Стерлитамакский (частично) и Бирский (частично) уезды Уфимской губ.). Бирский говор распространен в центральной части Бирского уезда Уфимской губ. (см.рис.12 в работе Д.Б.Рамазановой - 44, с.142).

** Эти башкиры имели определенные этнические особенности по сравнению с носителями мензелинского говора. Во-первых, в конце XVIII в. их селения в основном состояли из сословно однородного населения (вотчинников) (см.: 105). По переписям 1920 и 1926 гг. часть этих башкир своим родным языком указала «башкирский» (106; 107). Во-вторых, носители бирского говора в основном (за исключением племени танып) состояли из кыпчакских родоплеменных групп (племена елан, уран, урман-герей, иректе (см. работу Р.Г.Кузеева - 108, с.316-376).

двух сословных групп - вотчинников («башкир») и припущенников («тептярей»). При чем первоначально у каждой группы была своя этническая основа - у вотчинников она состояла из местного тюркского населения (которое состояло из башкир), а у припущенников - из пришлых групп в основном казанско-татарского населения. Как в XVII, так и в XVIII-XIX вв., вотчинники и припущенники образовывали отдельные сословные группы, хотя в XIX в., особенно во второй его половине, эти группы стали объединяться в одну, правда, не совсем на равных началах. Но сословные перегородки не смогли предотвратить этнического смешения представителей обеих групп. В результате такого смешения и сформировалась в основном в XVIII-XIX вв. этносословная тептярско-башкирская группа (подробнее см.: 110; 111; 76; 67; 82). Эта группа имеет и некоторые признаки «генетического» типа (например, давность начала формирования, довольно четкое отделение от соседних групп, культурно-бытовая общность в основных районах расселения). Данное обстоятельство в значительной степени связано, видимо, с наличием в составе тептярско-башкирской группы субстратного местного компонента.

Хотя абсолютное большинство представителей тептяро-башкирской группы признали себя по переписи 1926 г. татарами, в некоторых зонах расселения этого населения в этнических процессах имелась своя специфика. В основном следует обратить внимание на локальное своеобразие этнических процессов в среде тептярско-башкирской группы. Однозначная картина наблюдалась на территории Республики Татарстан. В юго-восточных районах республики, куда вошли представители тептярско-башкирской группы (территории бывших уездов: Елабужского, Сарapulьского - Вятской губ., Мензелинского - Уфимской губ., Бугульминского - Самарской губ.) все они отнесли себя во время переписи 1926 г. к татарам (см. подробнее: 110; 111; 67).

За пределами Татарстана ситуация была более сложной. Так, в той части Самарской губ., которая сохранила старое название, по переписи 1926 г. большинство представителей тептярско-башкирской группы назвалось татарами, но часть предпочла отнести себя к башкирам (население деревень Нижнее Кутлумбетово, Новое Султангулово, Старое Мукменево Бугурусланского уезда, Кундузлы-Тамак, Ишмурзино, Красная Мечеть (Кызыл Мечеть) Бузулукского уезда (112). Однако во время последующих переписей в этих селениях фиксировались одни татары. Оставшиеся на территории Оренбургской губ. тептяри также называли себя во время переписи 1926 г. татарами. Нам думается, что в конце XIX - начале XX вв. «башкирское» население Бугурусланского и Бузулукского уездов Самарской губ. являлось уже частью татарского этноса. Тептярско-башкирская группа жителей этих уездов в этнокультурном отношении была несколько неоднородной (об этом говорит вхождение их как в юго-восточный смешанный, так и оренбургский районы). Но последние были близки между собой (это видно и из того, что территории двух смешанных подрайонов - западного и юго-западного, частично перекрыли ареал двух отмеченных выше районов). Материалы диалектологов дают аналогичный результат: тептярское и тептярско-башкирское население Оренбургского, Бугурусланского и Бузулукского уездов является носителем абдуллинского говора среднего диалекта и смешанного говора, возникшего в результате взаимодействия первого говора с каргалинским говором. В этом ареале сложно говорить об устойчивых

этнокультурных границах. Поэтому тептярско-башкирское население указанных уездов можно рассматривать не только как часть тептярско-башкирской группы (в качестве ее юго-западной подгруппы), но и как некоторое самостоятельное образование, но с очень «рыхлыми» параметрами (формирующаяся подгруппа). Последнее связано с достаточно поздним началом сложения юго-западной подгруппы (не ранее XVIII в., скорее даже во второй половине этого столетия - см.: 113, с.11-14).

Близкое положение имеют еще две группы населения, размещенные на юго-востоке и северо-востоке Республики Башкортостан (по дореволюционному административно-территориальному делению, соответственно Верхнеуральский уезд Оренбургской и Златоустовский уезд Уфимской губ.). Учалинские тептяри (Верхнеуральский уезд) во время переписи 1926 г. назвали себя по национальности «тептярями», «татарами», «тептяро-татарами». Позже они считались татарами, в том числе и по паспортам (114). Но где-то с конца 1950-х гг. во время переписей эта группа стала причисляться к башкирам, хотя ее представители и не забыли свою тептярскую принадлежность. В этнокультурном отношении они являются представителями зауральского района (верхнеуральско-троицкий подрайон). По языковым особенностям они образуют особый говор (смешанный, татарско-башкирский), в большей мере относящийся к диалектной системе башкирского языка (20, с.342). Учалинские тептяри начали формироваться как особая подгруппа не ранее 40-х гг. XVIII в. (115, с.104-107). К тептярско-башкирской группе их можно причислять только по этносословной принадлежности (как юго-восточную ее подгруппу). Златоустовские тептяри в 1926 г. определили свою национальность как «татары» и «тептяро-татары» (116). В одном населенном пункте (д.Абдуллино) население разделилось на «башкир» и «татар» (у такого деления имелись свои причины - см.: 117, с.12-14). Во время последующих переписей златоустовские тептяри продолжали считать себя татарами (лишь в д.Абдуллино сохранялось деление на две части). По культурным особенностям они относятся к зауральскому району, но на уровне подрайона входят в состав северо-восточного подрайона, объединяющего и часть территории тептярско-башкирского района. Поэтому их связь с тептярско-башкирской группой более очевидна. Язык их, образующий златоустовский говор среднего диалекта*, подвергся существенному влиянию башкирского языка. По-видимому, златоустовских тептярей надо считать северо-восточной подгруппой тептярско-башкирской группы. Время ее формирования - конец XVII - XIX вв. (117, с.4-18).

Северо-западную часть Республики Башкортостан следует выделить отдельно. Она соответствовала к 1926 г. территории примерно 3-х кантонов (Бирского, Уфимского и Белебеевского), образованных на основе соответствующих уездов бывшей Уфимской губ. В этой зоне во время переписи 1926 г. представители тептярско-башкирской группы назвали себя «татарами», «тептяро-татарами», «тептяро-башкирами» и реже «башкирами» (118). Обращаем внимание на то, что мы имеем в виду только тех «башкир», которые были тесно связаны с тептярями и тяготели к татарскому этносу. В дальнейшем это население в основном называлось татарами, частично - башкирами.

* Этот говор общий для тептярей, мишарей и соседних башкир (115, с.4-18).

Однако никакой устойчивости в отнесении себя к той или иной группе у представителей тептярско-башкирского этнографического подразделения не наблюдалось: если, например, население того или иного населенного пункта в 1959 г. отнесло себя к башкирам, в 1970 г. оно могло быть записано татарами и наоборот. Как мы уже неоднократно подчеркивали, отсутствие на территории расселения тептярско-башкирской группы этнических границ между татарами и башкирами есть реальный факт, поэтому отделение по переписи 1926 г. этих двух групп друг от друга достаточно условно. Хотя, во время статистических подсчетов, связанных с определением численности татарского населения по переписи 1926 г., мы старались все группы, назвавшие себя «башкирами», не включать в состав татар (кроме тех, кто имеет татарское происхождение или признало себя татарами в 1930/80-х гг.).

На юго-западе Республики Башкортостан (эта территория в 1926 г. относилась к Стерлитамакскому кантону) этническая ситуация в целом была более четкой, границы между татарами и башкирами - более определенными. Но в смешанных татаро-башкирских селениях (обычно на западе и северо-западе уезда) этническая дифференциация татар и башкир была сходной с северо-западной частью Башкортостана (119).

Итак, тептярско-башкирская этносословная группа является одним из крупных и достаточно монолитных в этнокультурном отношении подразделений субэтноса казанских татар. Культурное своеобразие этой группы обусловлено не только участием в ее формировании выходцев из среды различных групп и подгрупп казанских татар, которые в Приуралье перемешались между собой, но и ассимиляцией в составе татар к началу XX в. около 140-160 тыс. башкир (заметим, что эти ассимиляционные процессы напоминали и консолидацию этнически очень близких между собой групп). Несмотря на специфичность культурного облика рассматриваемой группы, по ряду элементов культуры (таких этнически представительных, как одежда, обряды и праздники) она сближается с средневожскими группами казанских татар. Именно это обстоятельство и сыграло решающую роль при отнесении тептярско-башкирской группы к субэтносу казанских татар.

Ичкинская группа в классификации Н.И.Воробьева не упоминается. *Ичкинские татары* расселены в Зауралье: по дореволюционному административно-территориальному делению их селения входили в состав Шадринского уезда Пермской губ. (деревни Ичкино, Кызылбаево, Кырчино, Сибиркино, Терсяк) и Челябинского уезда Оренбургской губ. (Ачликулево, Альменево, Вишняково, Иванково, Тузово, Учкулево). Ф.Ю.Юсупов к этому списку добавляет еще селения Черная речка (*Кара елга*), Октябрь, Усманово и Усть-Багаряк (120). Первые две деревни возникли, видимо, лишь в XX в., а последние две, по нашему мнению, не относятся к ичкинским татарам. Еще П.С.Паллас выделял эти населенные пункты отдельно, называя их жителей «багаряцкими татарами» (121, с. 360). А во время переписи 1920 г. население этих двух деревень, в отличие от ичкинских татар, назвало себя мишарями (122, с.75-84). На бытовом уровне ичкинские татары называют себя «ичкинцами» - *эickenнәр* (120, с.60). По этнокультурным особенностям входят в зауральский район (образуя, наряду с некоторыми другими группами, северный подрайон). Ичкинские татары являются носителями самостоятельного - ичкинского говора средне-го диалекта (123, с.60-135). Но этот говор испытал определенное влияние как со стороны

западного и восточного диалектов татарского языка, так и башкирского языка (123, с.63-66). В основном, этнокультурные границы северного подрайона совпадают с ареалом распространения ичкинского говора.

В литературе первые сведения об этой группе появились в середине XVIII в. в трудах П.И.Рычкова, сообщившего о проживании ичкинских татар в Исетской провинции Оренбургской губ. (124, с.370). Академик И.Фальк называет их «итскимскими магометанскими татарами» (125, с.325, 339). П.С.Паллас, в 1770 г. лично побывавший в некоторых населенных пунктах этой группы, называет их «ичкинскими казаками» (121, с.760). П.И.-Рычков отметил 3 селения представителей этой группы (Ичкин, Терсяк и Сибирки), а П.С.Паллас побывал в деревнях Ичкин и Могильная. В 1784 г. это население было сосредоточено в 5 «юртах» (Ичкинском, Кызылбаевском, Терсякском, Могильном и Алабужском). После 1784 г. первые 3 юрта (заметим, что к Кызылбаевскому юрту относилась еще деревня Кырчино, а к Ичкинскому - деревня Сибиркино) отошли к Шадринскому уезду Пермской губ. (126, л.223 об.), а последние 2 юрта (с деревнями Учкулеево и Вишняково) стали числиться в составе Челябинского уезда Оренбургской губ. (127).

Основными этническими компонентами ичкинских татар явились, видимо, выходцы из различных групп казанских татар. Во всяком случае в начале XIX в. сами ичкинские татары указывали, что «предки и прадеды наши и деды...были служилые татары...и мурзы...из Казанской и Уфимския уездов» (в подлиннике так - Д.И.) (128, л.1, 5 об.). Некоторые факты, в частности, название одного из населенных пунктов ичкинских татар - Терсюк, указывают на возможность участия в их формировании пермских татар (о названии «терсяк» см.: 92, с.17). Об этом же свидетельствуют и другие данные. Так, академик И.Фальк указывает, что ичкинские татары «перешли сюда 150 лет (назад - Д.И.) из Казани и Перми» (125, с.325). П.С.Паллас и И.Г.Георги также говорят об их переселении со стороны Казани. После введения в Приуралье в конце XVIII в. кантонной системы, объединенные в составе первого - мишарского кантона (Челябинский уезд) и III - башкирского кантона (Шадринский уезд) ичкинские татары стали именоваться мишарями и даже башкирами. Но от этого их этническое самосознание не изменилось: в 1819 г. ичкинские татары в специальном прошении писали, что «родовое...их название татар неизвестно почему переименовано...называют (их) мещеряками». Чиновник, занимавшийся этим делом в 1824 г., констатировал: «восстановить в первобытное предков их состояние...с наименованием по-прежнему татарами, которое мещерятское звание не по роду их, на них возложено» (128, л.5-7). Но в XVII - первой половине XVIII вв. ичкинских татар с мишарями, тем более с башкирами, не путали.

Ичкинская группа относится к типу территориальных этнографических групп. Начало ее формирования относится по разным данным к концу XVI - началу XVII вв. По сведениям процитированных выше путешественников XVIII в. получается дата 20 - 70-е гг. XVII в. В некоторых документах приводится дата получения ичкинскими татарами жалованных грамот - около 70-х гг. XVII в. (128, л.1 об.).

В своих преданиях ичкинские татары указывают точную дату переселения в Зауралье - в 1585-1586 гг. (123, с.160, 475). Последняя дата может быть связана с крупным походом Московского государства против Сибирского ханства (129, с.207). Но

возможна и другая датировка. Известно, что в 1650 г. после основания острожков Усть-Миасского и Исетского «из Казани были переведены сюда иноверцы, которые по требованию казаков все приняли православную веру» (130, с.11). Причем казаки этих «острожков» (наряду с основанными в 1668 г. Терсютским и Шадринским острожками) стали известны как исетские казаки. Они называли себя и беломестными казаками (130, с.12). В то же время в 1684 г. и ичкинские татары называли себя «беломестными казаками» (128, л.1об). Возможно, устойчивое сохранение у них самоназвания *эцкеннәр* связано с их былой принадлежностью к привилегированному служилому сословию. Правда, в дальнейшем они считались и ясачным населением (123, с.62). Но еще в 1726 г. ичкинцы служили при драгунском полку, в 1736 г. их использовали против восставших башкир (128, л.1-2). Позже, как уже отмечалось, они оказались в составе башкирского войска.

Одно из селений ичкинских татар (Трех-Озерки Челябинского уезда) в 40-х гг. XIX в. вошло в состав земель оренбургских казаков и население этой деревни было причислено к казачьему сословию. Однако, чтобы не дробить единую по происхождению группу, в дальнейшем жителей этой деревни будем причислять к составу ичкинских татар. По переписи 1926 г. ичкинцы все называли себя татарами (131, с.76). Поэтому, безусловно утверждение отдельных исследователей о том, что ичкинские татары считают себя сейчас башкирами (132, с.136-137). Татарское самосознание у них устойчиво сохраняется (об этом свидетельствуют как материалы переписей 1950-1980-х гг., так и полевые данные, собранные казанскими этнографами; см. также: 123, с.60).

До сих пор мы имели дело с вполне оформившимися этнографическими группами казанских татар. Но в структуре этого субэтноса имеются и не сложившиеся в полном смысле в этнографические подразделения (группы, подгруппы) единицы. Они сосредоточены в смешанной подобласти - в приуральской ее зоне.

Речь идет прежде всего о двух районах - юго-восточном смешанном и оренбургском. Примерно на этой территории Н.И.Воробьев выделял юго-восточную этнографическую группу (16, с.41). Ее территорию он охарактеризовал следующим образом: «...занимает территорию, расположенную полосой к югу от р.Камы восточное р.Шешмы, главным образом в бассейне р.Зай; далее полоса тянется к юго-восточному углу территории ТАССР, затем выходит за ее пределы, достигает г.Оренбурга (Сеитова слобода), отсюда простирается, с одной стороны, по Северному Казахстану, с ... другой - проникает за Урал...» Таким образом, речь идет о татарском населении Мензелинского уезда Уфимской, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского уездов Самарской и Оренбургской губерний. Уже говорилось о расселении на части этой территории представителей тептярско-башкирской группы. Тем не менее, в литературе встречается мнение о том, что «оренбургских татар» следует считать самостоятельной «территориальной» группой волго-уральских татар (133, с.103). Действительно, ареал распространения юго-восточного и оренбургского этнокультурного районов в содержательном плане не уместится в понятие «тептярско-башкирская группа». Это связано с историей его заселения. Во-первых, татары в рассматриваемые районы начали переселяться относительно поздно - не ранее 30-40-х гг. XVIII в. При-

чем значительная часть мигрантов, а в Оренбуржье даже преобладающая доля, была так или иначе связана с правительственной колонизацией. Во-вторых, далеко не на всей этой территории (например, в западных частях Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов) к моменту заселения их татарами, имелось более раннее тюркское население. А там, где такое население было (например, башкиры в Оренбуржье), оно обладало существенными культурно-бытовыми особенностями, затрудняющими этнокультурные контакты между пришлым татарским и местным башкирским населением. В-третьих, в юго-восточных районах, локализованных частично на стыке двух зон (I и II) смешанной подобласти и недалеко от совершенно иной историко-этнографической области (Казахстан и Средняя Азия), встретились миграционные потоки выходцев из среды различных субэтносов волго-уральских татар, испытав и некоторое воздействие населения Казахстана. Все эти факторы отразились на этнокультурном облике, особенностях расселения татар и на их сословном составе. В общем плане об этом можно отметить следующее:

1) У представителей этой группы, в отличие от остального татарского населения Приуралья, слабее выражено влияние башкир. В то же время в нескольких районах имелись «некоторые черты полукочевого хозяйства и быта» (133, с.103), что связано не только с влиянием соседних тюркских народов (башкир, казахов), но и, возможно, с определенными этническими особенностями тех компонентов, которые вошли тут в состав татарского населения.

2) Смешение казанских татар с мишарями, а также их чересполосное расселение, привели к выработке новых этнокультурных параметров. Диалектологи, во всяком случае, такие факты отмечают. Так, камышлинский говор, распространенный на территории Бугурусланского и Бузулукского уездов Самарской губ., выделявшийся как особый говор в составе среднего диалекта татарского языка, имел и определенные особенности, присущие западному диалекту (см.: 134; 135, с.129). Взаимовлияние западного и среднего диалектов татарского языка в Оренбуржье отмечает З.Р.Садыкова (113, с.17-18 и др.).

3) В связи с тем, что при освоении Оренбуржья и примыкавших к нему территорий, кроме вольной была значительной и правительственная колонизация, татарскому населению этого ареала было присуще деление на множество сословных групп. Кроме традиционного подразделения на «ясашных» и «служилых», татарское население юго-восточных районов делилось еще на «чемоданных (ямских)», «мещан», «купцов», «казачков», «тептярей», «тархан», «башкир», «мещеряков», «нагайбаков» (113, с.15).

4) Управление потоком мигрантов со стороны правительственных органов привело к тому, что расселение татар оказалось довольно дисперсным, хотя и имевшим определенные «сгущения».

По нашему мнению, татарское население ареала распространения юго-западного и оренбургского этнокультурного районов следует считать не консолидированной этнографической группой субэтноса казанских татар. Против консолидационных процессов действовали следующие факторы: относительно позднее заселение; дисперсность расселения; сословная пестрота. В то же время имелись и факторы, действовавшие в направлении усиления внутригруппового сплочения: наличие ареалов компактного расселения

татарского населения; активная межпоселенная миграция в пределах сословных групп (например, казаков): регулярные связи между целым рядом селений по характеру деятельности (между «ямскими» татарами); наличие крупных поселений торгового характера (Сеитова Слобода), являвшихся центрами «притяжения» татарского населения значительных территорий. В результате действия указанных противоречивых тенденций, к концу XIX - началу XX в. в культуре татар Оренбуржья был выработан ряд общих элементов. Но в целом сохранились как «родство и преемственность ... с основными группами татарского этноса», так и внутренняя неоднородность их культуры (133, с.103). Об этом же говорит и выделение в ареале юго-западного и оренбургского этнокультурного районов нескольких подрайонов (западного, юго-западного, южного). Причем часть территории тептярско-башкирского района сомкнулась с частью территории юго-западного смешанного района (центрально-приуральский подрайон). При языковой характеристике татарского населения Оренбуржья видим такую же картину. З.Р.Садыкова пишет, что здесь довольно устойчиво сохраняются «основные черты «материнских» диалектов и говоров...не образовался единый говор, не завершилась нивелировка говоров даже соседних населенных пунктов» (113, с.16).

Тут были распространены абдуллинский (Бугурусланский и Бузулукский уезды Самарской губ.), каргалинский (Оренбургский и Орский уезды Оренбургской губ.) и смешанный (каргалинско-абдуллинский - в районе стыка двух говоров) говоры среднего диалекта татарского языка. Как мы уже отмечали, абдуллинский говор характерен и для тептярско-башкирского населения данного ареала. За этой неконсолидированной этнографической группой предлагается закрепить название *юго-восточной группы* (по Н.И.Воробьеву, но в несколько более узком понимании).

Юго-восточную группу в целом описывать довольно трудно. Поэтому, далее предлагается характеристика наиболее крупных составных частей этой группы. К ним можно отнести татар-казаков, сеитовских татар и «ямских» татар. Анализ начнем с татар-казаков, с которыми связана значительная, если не основная, часть этнокультурной специфики татар юго-восточной группы.

Специально вопрос о татарах в составе казаков до сих пор в литературе не поднимался. Н.И.Воробьев также не выделил эту весьма своеобразную часть татар юго-восточной группы. Между тем татары входили в состав Оренбургского (большая часть) и Уральского казачьего войска. Как известно, формирование оренбургских казаков было связано с основанием в 30-40-х гг. ХУШ в. Оренбургской военной линии (главным образом по рекам Уралу, Самаре и Сакмаре). Оренбургское казачье войско было организовано из казаков и служилых людей разного рода, отчасти и ясачного населения, приписанных к городам Уфе, Самаре и прилегающих к ним крепостей.

С самого начала формирования группы оренбургских казаков в их состав вошло и татарское население (130, с.28-31). П.И.Рычков сообщает, что недалеко от пригорода Алексеевска «имеется Татарская слобода, называемая Мочинская...Татара...все служат казачью службу обще с нынешними Самарскими и Алексеевскими казаками» (124, с.312). Эти казаки относились к ставропольской дистанции и находились довольно далеко от основной группы оренбургских казаков. Кроме того, по Самарской дистанции (тоже в

некотором отдалении от оренбургских казаков) татары-казаки числились еще при крепостях Борской и, возможно, Бузулукской (основаны в 1737 г. - см.: 124, с.322-323). В Уфимском уезде жили крещенные казаки-нагайбаки, о которых речь пойдет далее.

Наряду с русскими татары-казаки отмечаются в крепостях Озерной (основана в 1736 г.) и Красногорской (основана в 1741 г.) (см.: 124, с.331-332; 136, с.152). По данным академика И.Фалька (сведения за 1760-е гг.), они жили еще в крепостях Пре-чистинской (основана в 1743 г.) и Орской (основана в 1742 г.) (125, с.232, 250). Основанный в 1742 г. редут Никольский также имел татарское население (137, с.62). В 1770–начале 1780-х гг. к Оренбургскому казачьему войску была причислена и часть татарского населения Сеитовой слободы (130, с.67; 136, с.95). По V ревизии (1795 г.) в окрестностях г.Оренбурга числилось много селений, жители которых - татары, являлись казаками (полностью или частично). Это следующие населенные пункты: Сеитова слобода; д.Зубочистенская (при креп. Татищенской); Нижеозерная крепость, слобода Чеснокова (при этой крепости); деревни Верхние и Нижние Чебенки; крепость Орская; крепость Ильинская; редут Никольский; станция Гирьяльская при крепости Красногорская; сельцо Чанышево; д.Ново-Умерово; д.Аблязово (жители - служилые «мещеряки») (138). Татары деревень Верхние и Нижние Чебенки были из сеитовских татар и татар Вятской губ.; деревни основаны в конце XVIII в. (113, с.10). Чесноковская слобода была основана в 1800 г. сеитовскими татарами (136). В 1819 г. из этой же слободы татары были переселены в редуты Гирьяльский и Никольский. Туда же (в 1819 г.) переселились жители д.Ново-Умерово (139, л.65,89; 127, с.74). В 1800 г. к казакам была причислена часть татар д.Абдуллово, в 1799 г. - татары д.Нижнее Ибраево Оренбургского уезда (140). Очевидно, они были»из сеитовских татар (141; 142, с.269). В 1824 г. в Алабайтальский отряд переселились татары-казаки из Гирьяльской и Никольской станиц (143). Вообще, в конце XVIII - первой трети XIX вв. внутри всех населенных пунктов татар-казаков из Оренбургского казачьего войска происходила интенсивная межпоселенная миграция (140; 143; 144). В результате произошла внутренняя консолидация татар-казаков.

Еще одной составной частью оренбургских казаков являлись «кундровские» и «солтанаульские» татары (ногайцы). Они около 1745 г. были переведены из Казанской губернии на территорию Оренбургской губернии (подробнее см.: 145, с.10; 146, л.4 об.; 147; 148, с.329). Переселенцы были поселены около редута Желтого - отдельной Кундровинской слободой (1745 г.), а в 1768 г. в Воздвиженской крепости и в Никольском редуте (125, с.232; 148, с. 329). Эти ногайцы сильно перемешались с средневожско-приуральскими татарами и уже в XIX в. не отличались от остальных татар- казаков (147, с.5). Говор их в целом сходен с говором остальных татар-казаков (113, с.95.).

В конце XVIII - первой трети XIX в. группа оренбургских татар-казаков в основном сформировалась. Однако в 40-х гг. XIX в. начался следующий этап истории этой группы. Он был связан с получением Оренбургским казачьим войском сплошной территории. При этом в состав оренбургских казаков были включены крестьяне д.Ахуново (из мишарей; часть населения стала казаками) Верхнеуральского уезда; Новое Аджитарово, Токтыбай, Булатово, Казбаево и Аминево Троицкого уезда (население

первого селения состояло из мишарей, последнего - из тептярей); д.Трех-Озерки (ичкинские татары) Челябинского уезда Оренбургской губ. В 1843 г. в Зауралье, частично и на территорию Оренбургского уезда, были переселены и нагайбаки. В Оренбургском уезде они были расселены в станицах Ильинской, Неженской, Гирьяльской и Алабайтальской (137, с.61; 113, с.11; 149, л.37). Последние отпали в мусульманство и оказались в общем составе татар-казаков, исповедовавших ислам.

Таким образом, основное ядро оренбургских татар-казаков сформировалось в 30-90-х гг. XVIII в. преимущественно за счет казанских татар (113, с.11). Одним из этнических компонентов их стали ногайцы. Вошедшие же в их состав в 40-х гг. XIX в. новые группы из мишарей, ичкинских татар и тептярей с остальными татарами-казаками в этнокультурном плане полностью так и не слились.

Среди уральских казаков татары в 70-х гг. XIX в. составляли около 5,5% от общей численности (150, с. 313). В преданиях казаков, записанных от атамана Ф.Рукавишника, эти сведения восходят скорее всего к данным П.И.Рычкова (148, с.291). В 1721 г. говорится: «...прадеды и деды их...пришли...русские с Дону и из иных городов, и татары из Крыму и Кубани и из других магометанских народов...» (151, с.65). Таким образом, скорее всего татары в составе уральских казаков имелись с самого начала формирования уральского (яицкого) казачества. Возможно, что татарская группа в составе уральских казаков имела определенную этническую специфику (ногайское происхождение). В конце XVIII в. среди уральских казаков отмечаются кундровские татары (152, с.132). Этнокультурная специфика татарского населения в составе Уральского казачьего войска отмечалась как в XVIII, так и в XIX вв. Например, П.И.Рычков сообщает, что уральские казаки наряду с другим скотом, содержат «немало верблюдов, ...а особливо находящиеся в корпусе их татары» (124, с.299). В первой четверти XIX в. А.Левшин писал о том же: «Большая часть татар и калмыков в уральском войске состоящих, летом кочуют в кибитках со всем скотом своим, а на зиму возвращаются в дома» (153, с.53). Выход уральских казаков-татар на летовку зафиксирован и полевыми наблюдениями Ю.Г.Мухаметшина (154, лл.11-12). Возможно, этнокультурная специфика этой группы была связана также наличием в ее составе выходцев из среды казахов. Во всяком случае в отдельных татарских населенных пунктах (в д.Мухраново) потомки казахов имеются (154, л.11 об, 12). Выше отмечалось и участие ногайцев в сложении группы татар - уральских казаков.

Однако в формировании уральских татар-казаков волго-уральские татары сыграли скорее всего основную роль. Так, в крупном селении Мухраново жители отмечают переселение предков «со стороны Казани» (154, л.11 об.). Действительно, по материалам 1762-1782 гг. видно, что в «Мухранове хуторе» жили тогда «ясачные и служилые татары» (155, с.162). З.Р.Садыкова также отмечает, что селения Мухраново и Мустаево основаны татарами из «Уральского и Астраханского краев» и беглецами из «Казанского края». В начале XIX в. из с.Мухраново выселилась д.Ново-Кинделька (Кундузлы). Татарское население (например, с.Озерки) других населенных пунктов уральских казаков также было связано с волго-уральскими татарами (113, с.13). Именно поэтому язык жителей всех

этих селений относится к каргалинскому говору среднего диалекта (113, с.140-141). Эта часть уральских казаков в XIX - начале XX вв. постоянно называлась татарами (155; 156).

В 30-х гг. XIX в. татары, входившие в состав Уральского казачьего войска, жили в 15 селениях*, а также в г.Уральске (где была особая «Татарская слобода»). Наиболее значительные группы татар имелись в селениях Мухрановском, Мустаевском, Озерском, Кушумском и Богдановском. В 60-х гг. XIX в., как впрочем и позже, татары-казаки продолжали жить во многих из этих селений.

Второй крупной составной частью татар юго-восточной группы являются сеитовские татары - население основанной в 1745 г. Сеитовской (Каргалинской) слободы. Так как история основания этой слободы достаточно известна (см.: 16, с.42; 113, с. 5-6), мы остановимся лишь на тех этнических компонентах, которые легли в основу сеитовских татар. Безусловно, это население должно быть отнесено к казанским татарам: при основании Сеитовой слободы там поселились выходцы из центральной (82%) и чепецкой (18%) этнографических групп (в основном - из района Заказанья - см.: 158, лл.1-293; 159). В конце XVIII в. в слободе отмечена незначительная группа касимовских татар (159; 160). Кроме того, с середины XVIII в. в Сеитовой слободе поселялись «бухарцы», «хивинцы», «персы», «кашгарцы», «турки», правда, крайне малочисленные, но частично навсегда оставшиеся среди татар (в конце XVIII в. их насчитывалось 61 чел. мужского пола, но жены у многих были татарками (159, л.229). О «бухарцах» в слободе сообщали и отдельные исследователи XVIII в. (см.: 125, с.233; 148, с.136). Отдельные случаи поселения в конце XVIII в. мишарей среди сеитовских татар также имели место (140). Однако абсолютное большинство сеитовских татар были выходцами из среды субэтноса казанских татар.

Жители Сеитовой слободы в первое время после основания относились к сословию «купцов» и «мещан» (так называемые «торговые татары» - см.: 161). Однако в дальнейшем часть населения (менее состоятельные жители) попали в сословие «крестьян». В 1788 г. татары Сеитовой слободы из крестьян, мещан и купцов (всего 2674 чел.) были причислены к «иррегулярным войскам» (указ сената об этом последовал в 1792 г. - см.: 162, л.516). В начале XIX в. часть казаков перешла в «башкирское» звание и оказалась в составе башкирско-мещеряцкого войска (139). Последнюю группу иногда в источниках именуют «башкирцами». Но местная администрация прекрасно знала что это были за «башкирцы» (142, с.268).

Сеитовские татары принимали активное участие в освоении юго-восточных районов. Нами уже было отмечено участие представителей этой группы в формировании татарской части оренбургских казаков. Кроме того, сеитовские татары расселялись и севернее - на территории Уфимской губернии. Так, по материалам конца XVIII в. сеитовские татары отмечены в 4-х самых южных селениях Стерлитамакского уезда: Сухом Изяке, Арсланово, Зириклях и Зяк-Ишметеве (160). Во второй половине XIX в. последнее селение относилось к Бурзянской волости Оренбургского уезда, а остальные - к Покровской во-

* Это следующие населенные пункты: форпосты Мухраново, Озерский, Глинский, Козулбинский, Чижинский 1-й, Катальковский, хутора Мустаево, Кинделинский, Пороговский, Комосовский, Кеушумский, Богдановский, Прорвинский, Карташовский, Чесанский (157).

лости Стерлитамакского уезда. Тогда же в ревизских материалах указывается на проживание сеитовских татар в деревнях Балыклы, Денискино, Атачево и Стерлибаш того же уезда (163; 139, л.31). Еще две деревни - Яширган и Айдаралино (Белебеевский уезд Артюховская волость) были также основаны сеитовскими татарами (43, с.56). Все эти населенные пункты близко примыкали к другим татарским селениям Оренбургского уезда Оренбургской губ. Поэтому район проживания сеитовских татар в южной окраине Уфимской губ. в этнокультурном отношении близок к Оренбуржью.

Роль сеитовских татар в формировании юго-восточной группы была весьма значительной. Именно она была констатирована диалектологами, назвавшими один из основных татарских говоров Оренбуржья каргалинским. Фактически сеитовские татары и стали своеобразным ядром, вокруг которого сформировалась основная часть юго-восточной группы - оренбургские татары.

Третьим элементом татар юго-восточной группы были «чемоданные» (ямские) татары. Еще в 1743 г. правительством было предложено населить «иноверцами» из Уфимского уезда дорогу от Оренбурга до Казани (до Кичуевского фельшанца) с тем, чтобы они содержали «почтовой дороги почтовых лошадей». В 1749 г. этим «иноверцам» были обмежеваны земли по Ново-Московской дороге. Селения их находились на расстоянии от 20 до 40 верст (то есть на расстоянии дневного перегона). Почтовую «гоньбу» это население исправляло «безденежно», за что было освобождено от «рекрутских поборов» (подробнее см.: 164; 165; 166). Татары-ямщики, по данным на начало XIX в., населяли 5 селений в Оренбургском (Биккулово, Дюсметево, Мустафино, Сарманаево, Юзеево), 5 - в Бугурусланском (Наурузово, Кутлумбетово, Якупово, Тирес-Усманово, Шалты) и 4 - в Бугульминском (Альметеве, Карабаш, Дымская и Кандыз Татарский) уездах (165). Перечисленные деревни были «чисто» ямщицкими. На самом деле «ямские татары» были расселены гораздо шире. Так, в Бугульминском уезде в конце XVIII в. они, кроме отмеченных, имелись еще в 12 селениях, а в Бугурусланском уезде - в 4-х (см.: 167). Необходимо специально подчеркнуть, что именно «ямские татары», населявшие главным образом западную половину Бугульминского уезда, обеспечили этнокультурную связь татар этого уезда с татарами Оренбуржья (см. на карте 6, например, выделение западного подрайона в зоне II смешанной подобласти). Фактически абдуллинский говор тянется полосой вдоль Ново-Московской дороги (мы уже указывали на близость к нему и камышлинского говора).

«Ямские» татары в своей основе состояли из казанских татар. Об этом говорят многочисленные исторические материалы XVIII-XIX вв. Так, З.Р.Садыкова приводит ряд данных, показывающих, что населенные пункты Ст.Якупово, Ст.Аширово, Ст.Кутлумбетово, Наурузово были заселены казанскими татарами с некоторым включением мишарей; деревни Оренбургского уезда - Дюсметево, Юзеево, Биккулово, Мустафино, Сарманаево были основаны также казанскими татарами (113, с.6-7). О том же говорят и другие данные (168). Следует только заметить, что ко времени переселения на Ново-Московскую дорогу многие татары уже жили в Уфимском уезде, очевидно, на территории будущего Бугульминского уезда - в качестве «тептярей», «ясачных» и «служилых» татар. Вдоль этой дороги и были поселены те «иноверцы»,

которые были «найжены...подлежащими к высылке на прежние жилища..., которые сами просили, чтобы на той дороге поселить» (164, л.413). Связь их с территорией Бугульминского уезда доказывается тем, что в 1757 г. они состояли «под ведомством бывшей Бугульминской земской конторы в Надыровской волости...» (164, л.415). Кроме того, «ямские» татары весьма часто жили рядом или в смешанных селениях с тептярями. В документе начала XIX в. про последних сказано: «...а протчие на той же дороге поселенные и в подушном окладе положенные русские и из иноверцев в тептярском окладе от содержания той почты были уволены» (164, л.415). Видимо, часть «ямских» татар с течением времени опять перешла в сословие тептярей.

Таким образом, группа татар юго-восточных районов сформировалась главным образом в XVIII в. Основную роль при этом сыграли казанские татары. Кроме того, определенные включения мишарей и касимовских татар в состав татар юго-восточной группы также нельзя отрицать. Еще одним компонентом оренбургских татар (главным образом, среди казаков) стали ногайцы. Незначительные включения имелись из среды тюркского населения Средней Азии и Казахстана.

Наконец, можно отметить еще одну сословную общность, успевшую приобрести определенную этнокультурную специфику, хотя полностью и не оформившуюся в самостоятельную этнографическую единицу. Речь идет о группе *крепостных татар*. Основная трудность при их выделении заключается в том, что крепостные татары практически перестали существовать уже к началу 60-х гг. XIX в. (169, с.68) и их приходится выявлять лишь ретроспективным путем. Более всего эта группа имеет сходство с этносословными подразделениями. Но как особая этнографическая единица она выделяется слабо. Этому способствует как давняя отмена крепостного права и развитие бывших крепостных татар в общем русле с остальным татарским населением, так и их значительное этническое единство с казанскими татарами. Тем не менее некоторое этнокультурное своеобразие, связанное с особенностями их формирования, у татар - крепостных крестьян имело место. В силу ряда исторических причин до середины XIX в. просуществовали только две относительно большие и компактные группы крепостных татар - на территории Елабужского уезда Вятской губ. и Белебеевского уезда Уфимской губ.

На территории Елабужского уезда в XVIII - середине XIX вв. татары - крепостные населяли 7 селений: деревни Терся, Балтачево, Биктово, Назяр, Туба, Мордово и Чишма (170; 171; 162). В XVIII-XIX вв. они принадлежали в основном татарским помещикам Тевкелевым (до 1718 г. владельцем татар-крепостных было семейство Яушевых) (173, с.21); в первой трети XIX в. д.Мордва принадлежала Юнусовой, а сельцо Назяр - наследникам Г.Муратовой (172, л.122).

В Белебеевском уезде в XVIII-XIX вв. крепостные татары жили в 8 населенных пунктах (Килимово, Ново-Килимово (с XIX в.), Новое Балтачево, Ахуново, Новое Ахуново (с XIX в.), Ломово, Тюрюш-Тамак, Карьявдино). В XVIII в. они полностью, а в XIX в. - частично, принадлежали тем же Тевкелевым (174). В XIX в. две деревни - Тюрюш-тамак и Ломово - принадлежали Черкасовым. Исторически более ранним является первый куст - елабужская подгруппа. Поэтому обзор начнем с этой подгруппы.

Первые достоверные сведения о татарах-крепостных на территории будущего Елабужского уезда относятся к самому началу XVII в. В писцовой книге Казанского уезда 1602-1603 гг. сказано: «...А князю Багишу (Яушеву - Д.И.) окладу с сыном...дано ему государево денежное жалование волость Терса на реке на Каме» (175, с.39). О населении «волости» там же сказано: «...а в ней чувашских и бобьльских... 28 дворов» (175, с.41). В 1640 г. население «волости Терси» и починка Туба также называется «чувашским» (176, л.6). В писцовой книге 1646 г. «крестьяне» Яушева отмечены уже в 9 селениях (деревни Терся, Назяр, Назярбаш, Аккозино, Агрыз, Ерыклы, Мордовская, Ардаш, Псеев - см.: 177). Упомянутые в документах «чуваши», по нашему мнению, не имели какого-либо отношения к этническим чувашам, представляя из себя один из этнических компонентов казанских татар (87; 178). К началу XVIII в. татарское население Терсинской волости было уже закрепощено, хотя и не смирилось с этим (173, с.56-56). В XVIII в. крепостное татарское население жило в Елабужском уезде в следующих селениях: Терся, Назяр, Мордвинково, Чишма, Болтачево, Туба, Биктово. В дальнейшем ареал расселения татар-крепостных за эти рамки не вышел.

В целом до начала XVIII в. елабужские татары-крепостные формировались на основе казанских татар (возможно, с некоторыми иноэтническими вкраплениями, на что указывает название деревни Мордвинково (Мордва). Однако после смены в начале XVIII в. владельцев, в их составе появились новые компоненты. Дело в том, что прежний помещик (Яушев) был из казанских татар, а новый - Тевкелев - из касимовских. После приобретения новых владений он перевел туда часть своих крепостных из Касимовского уезда (в частности, в д.Терся - см.: 179). Кроме того, в конце XIX в. татары из села Терся указали, что часть жителей села «более 200 лет назад» (то есть в конце XVII в.) переселилась из «деревни Ахманово Белебейского уезда» (180). Как известно, в конце XVIII в. в этом населенном пункте жили «старокрещеные казаки» - будущие нагайбаки и «новокрещеные татары» (181). Возможно, что переселенцы были из числа ясачного новокрещеного населения. Основателем другого селения елабужских татар-крепостных - Балтачево - считался «тептярин Балтач» (180).

Таким образом, этнический состав елабужских крепостных татар был довольно смешанным (казанские татары разных групп, касимовские татары, возможно, мордва). Но в целом этническую основу этого населения составляли казанские татары. Об этом свидетельствуют и языковые данные. Так, Д.Б.Рамазанова отмечает, что в ареале расселения бывших крепостных татар в Елабужском уезде говор населения очень близок к среднему диалекту и татарскому литературному языку (78, с.71; 77, с.60). Все же воздействие этнических компонентов на культуру елабужских крепостных татар прослеживается (например, наличие в ряде деревень, в том числе и в районе проживания потомков крепостных татар Елабужского уезда, обычая коллективных игрищ с чаепитием на природе, характерного и для касимовских татар - см. 182, с.68).

Формирование второй подгруппы татар-крепостных, живших в Белебеевском уезде, пока документировано плохо. Но известно, что в 60-х гг. XVIII в. на территории этого уезда уже существовало 6 селений, населенных крепостными татарами Тевкелевых (Килимово, Ахуново, Новое Балтачево, Новое Ломово, Карьядино и Устюмово -

см.: 174). Часть этого населения (например, жители д.Новое Балтачево) были переведены из среды рассмотренной выше елабужской подгруппы крепостных татар. Видимо, имело место и переселение из районов прежнего проживания Тевкелевых - Касимовского уезда. На это, как-будто, указывает название населенного пункта Ломово - так назывался уездный центр в Пензенской губ. (г.Верхнее Ломово). В документах отмечены и отдельные случаи перевода касимовских татар-крепостных в деревни Килимово и Ахуново (183). В целом, в формировании белебеевской подгруппы крепостных татар роль переселенцев из состава касимовских татар была, видимо, несколько выше.

С описанными выше подгруппами крепостных татар было связано татарское население еще одного села, находившегося на территории Оренбургского уезда. Речь идет о с.Тамгачи (Алмалы), принадлежавшего с конца XVIII в. помещикам Тимашевым. Это село (под тем же названием) с XVII в. находилось на территории Ногайской даруги Казанского уезда и принадлежало Яушевым (177). В 1744 г. село еще отмечается в Казанском уезде, но во владении Тевкелевых (184). В 1795г. владельцами села был уже Н.И.Тимашев и оно находилось в Оренбургском уезде (185, л.170). В конце XVIII в. в д.Тамгачи были переведены (куплены или получены в результате брачных связей) татары-крепостные из д.Ново-Балтачево Белебеевского уезда и д.Терся Елабужского уезда (185, л.194). После освобождения от крепостной зависимости татары в 1853 г. были изгнаны помещиком со своих земель. Часть из них поселились в Сеитовской слободе (10 семей), в Оренбурге (12 семей), в Сакмарском городке, в д.Ташла (Алмалы) (186). Переселившиеся же в 1860 г. основали д.Уранбаш (Алмалы) Оренбургского уезда (об этом см.: 186).

С XVIII в. в источниках упоминаются еще несколько населенных пунктов, основным населением которых были крепостные татары. Это д.Кадыкеево (принадлежала Тевкелевым) и Верхние Ерыклы (владение Яушевых) в Мензелинском уезде (174). В XIX в. эти селения продолжали существовать. К ним добавились еще 4 деревни Это Агирди (принадлежала Максютковым), Кугуль (владение Черкасовых), Сорокамьш (владение Байряковых) и Узытамак (принадлежала Алкиным) в Уфимском уезде (см.: 187). Формирование крепостного татарского населения этих деревень не вполне ясно. Скорее всего эти крепостные имели то же происхождение, что и рассмотренные нами подгруппы крепостных татар.

Таким образом, группа крепостных татар наиболее компактными ареалами выделяется в Елабужском уезде Вятской и Белебеевском уезде Уфимской губерний. Кроме того, отдельные селения крепостных имелись в Мензелинском и Уфимском уездах Уфимской губ., а также в Оренбургском уезде Оренбургской губ. Население многих помещичьих селений было тесно связано между собой (общее происхождение, межпоселенные миграции), что в определенной степени привело к консолидации этой группы как особой этносословной единицы. Правда, полного внутригруппового сближения не произошло, главным образом в связи с дисперсным расселением крепостных татар. Однако на уровне двух ареалов расселения крепостных татар (елабужской и белебеевской) внутригрупповые связи были весьма интенсивными (этому способствовала и принадлежность крепостных татар указанных ареалов одному владельцу). Татарское население этих ареалов выступает в некоторой степени как основная часть группы крепостных татар. В большинстве своем в этнокультурном отношении

они оказались близкими к соседним этнографическим группам (к тептярско-башкирской и юго-восточной). Хотя не следует забывать и об их особенностях формирования, наложивших отпечаток на их культуру.

Итак, в составе субэтноса казанских татар выделяются 6 этнографических групп (центральная, чепецкая, пермская, тептярско-башкирская, ичкинская, юго-восточная), а также существовавшая до 60-х гг. XIX в. группа крепостных татар. Юго-восточная группа являлась не консолидированной и состояла из ряда более монолитных подгрупп (татары-казаки, сеитовские татары, татары-ямщики). Тептярско-башкирская группа и группа крепостных татар были этносословными образованиями. К этому же типу этнографических подразделений можно отнести и подгруппу татар-казаков. Центральная, чепецкая и пермская группы относятся к типу генетических (первичных). Ряд черт генетического образования имеет и тептярско-башкирская группа, являющаяся в целом вторичным формированием. В еще большей мере к последнему типу этнографических групп могут быть причислены такие этнографические подразделения, как ичкинская, юго-восточная, крепостные татары.

Демографические параметры основных этнографических групп казанских татар приводятся в таблице 3. По имеющимся данным видно, что по численности ведущее положение в структуре субэтноса казанских татар занимала центральная группа. Весьма многочисленными были также составляющие основную часть татар Приуралья группы - тептярско-башкирская и юго-восточная.

Таблица 3. Динамика численности этнографических групп казанских татар в XVIII - середине XIX вв.

Этнографические группы казанских татар	Годы и численность, в тыс. чел.						
	1719	1744	1762	1782	1795	1833	1857
Центральная	163	153	179	217	255	413	527
Тептярско-башкирская	8,4	36,4	37	58	77	153	240
Юго-восточная	-	21	41	56	69	118	187
Пермская	3,5	4,5	6	8	9,7	15	20
Чепецкая	1,8	1,6	2,4	3,1	3,7	6,5	7,9
Ичкинская	1,9	1,2	*	*	3,6	6,7	12,5

Источники см. в: 55.

Примечание. * - нет сведений

§ 2. Этнографические группы в составе субэтноса касимовских татар

Касимовскими татарами традиционно считается татарское население г.Касимова и Касимовского уезда Рязанской губ. (29). Кроме того, еще три татарских населенных пункта (Высокое, Шильня, Толстикovo), относившихся в первой половине XVIII в. к Касимовскому уезду, во второй половине столетия стали входить в состав Елатомского уезда Тамбовской губ. (188, с.96). Население этих деревень (а в уезде имелись и другие татарские селения) является также составной частью касимовских татар (189).

При рассмотрении проблемы этнических границ субэтнуса касимовских татар обращает на себя внимание прежде всего такой аспект, как связь татар Касимовского уезда и прилегающих территорий (уезды: Елатомский, Шацкий, Тамбовский и, отчасти, Темниковский - в составе Тамбовской губ.). К концу XIX - началу XX вв. в 3-х первых уездах селений с татарским населением было уже немного. В Шацком уезде - 4 деревни - Большой и Малый Студенец, Тарханы, Татарское Тенсюпино. Кроме того, татар до середины XIX в. отмечали еще в д.Ишеева Гора. Возможно, что они там жили и в конце XIX - начале XX вв. Но в материалах переписи 1926 г. татары в этом селении уже не отмечены. В Елатомском - 7 деревень: Азеево, Бастаново, Богданово, Торопово, Высокое, Шильня, Толстикovo; в Тамбовском уезде - одна деревня - Татарщино или Тенишево. В более ранний период на территории этих уездов татарского населения было значительно больше. Например, в начале XVIII в. в составе Кадомского уезда (на его основе позже образовались уезды Шацкий, Елатомский и частью, Темниковский) насчитывалось 28 населенных пунктов с татарским населением (190). По архивным материалам за 1762 г. отмечены брачные связи татар д.Азеево с татарским населением 8 деревень Касимовского уезда и с посадскими татарами г.Касимова. Касимовские татары в XVIII в. заключали браки и с населением тех татарских деревень, которые в начале XVIII в. относились к Кадомскому, а потом - к Темниковскому уездам (это Торопово, Иванково. Молочная Гора - см.: 190). Такая же традиция была обнаружена и для конца XIX - начала XX вв. во время экспедиционного обследования в 1983 г. татарского населения некоторых из указанных выше селений (Азеево, Бастаново, Тархани, Толстикovo и Высокой). Было установлено, что между касимовскими татарами в классическом смысле (т.е. татарским населением Касимовского уезда) с одной стороны, и населением деревень Азеево, Бастаново, Тархани - с другой, издавна заключались браки (52). В плане поиска объяснения географии брачных контактов касимовских татар представляется перспективным обращение к вопросу об этническом облике татарского населения сопредельных Касимовскому уезду территорий. Такая работа была проделана нами на основе выявления фамильного состава татар Кадомского уезда по данным за 1714 г. (см. табл.4). В других селениях того же уезда с татарским населением, кроме перечисленных в таблице 4, отмечаются следующие фамилии: князья Розгильдеевы, Кашаевы, Мансуровы, Дюевы, Илышевы, Енголичевы, Кугушевы; мурзы Бактигозины, Кашаевы, Камаловы, Енголычевы, Кикичевы, Чермонтаевы; татары Алишевы, Девятовы, Рохины, Кокаевы, Борисовы, Буткины (190). По полевым данным также установлен фамильный состав 12 селений интересующего нас ареала (по некоторым населенным пунктам список неполный (см. табл.5). Как видно, наблюдается вполне определенная, хотя и далеко неполная, преемственность между данными XVIII-XX вв.

Эти сведения о татарах прилегающих к Касимовскому уезду территорий, позволяют поставить вопрос об их этнической близости (в ряде случаев - родстве) с касимовскими татарами. Татар, имеющих фамилии Маматовы, Ширинские, Чанышевы, Кашаевы, Ишеевы, Дюевы, можно прямо связывать с выходцами из Касимовского уезда и г.Касимова: их однофамильцы (фамилии подчеркнуты прямой линией) известны сре-

ди татар Касимовского уезда как по материалам XVIII в. (см.: 193; 194), так и по современным данным (53). Кроме того, еще ряд фамилий (они подчеркнуты в таблице), характерные для татарского населения деревень Азеево, Алешино (Ишеева Гора), Караулово, Бастаново, широко представлены у касимовских татар. Наконец, полученный вывод можно подкрепить и историческими материалами. Как видно из табл.5, в д. Тархани жили Гильдеевы. Не исключено, что они происходят от того мурзы Гильдеева, сын которого, князь Кугушев, отмечен в 1646 г. среди татар г.Касимова (194). В том же источнике в г.Касимове фиксируются мурза Муратов и князь Семинеев. До настоящего времени Семинеевы и Муратовы известны среди касимовских татар (первые - в д. Татарбаево, вторые - в д.Болотце). Но они же живут в деревнях Азеево и Караулово (Семинеевы). Чикеевы, живущие и сейчас в д. Бастаново, восходят, видимо, к татарину Нуралейко Чикееву из д. Собакино Касимовского уезда (отмечен в 1627 г. - см.: 195, с.142). Утяшевых (живут в Азеево) можно было бы связать с татаринцом Утешевым, отмеченным среди касимовских татар в 1627 г. (195, с.81). Скорее всего, к Давликеевым восходят также живущие в Азеево Давлеевы - в Касимовском уезде Еникей абыз Давликеев отмечен в 1627 г. (193, с.142). (Напомним, что выпадение буквы «к» характерно для касимовского говора). Мурзы Алишевы (Альшевы, Елышевы), жившие в 1714 г. в д.Атенино, могут быть связаны с князьями Алишевыми, потомки которых в 1646 г. жили в г.Касимове (194). Кстати, в Касимовском уезде вплоть до XX в. отмечались селения Алишево и Алькисево, явно названные по фамилии Алишевых.

**Таблица 4. Фамильная структура татарского населения
Кадамского уезда в начале XVIII в.***

№№ пп	Населенные пункты	Социальное положение и фамильный состав татар
1	Торопово	мурза <u>Маматов</u> ; князя <u>Алеев</u> и <u>Чанышев</u>
2	Богданово	мурза <u>Ширинский</u>
3	Азеево	мурза <u>Багишев</u> ; татары <u>Багишев</u> , <u>Бурнашев</u> , <u>Берешев</u> , <u>Курмашев</u> , <u>Абаев</u> , <u>Курманин</u> , <u>Урманин</u>
4	Атенино	мурзы <u>Альшев</u> , <u>Елышев</u> , <u>Ибышев</u> , <u>Исеев</u> , <u>Енголычев</u> , <u>Куткин</u> ; князь <u>Мансуров</u>
5	Иванково	князя <u>Дюев</u> , <u>Агишев</u>
6	Молочная Гора	мурзы <u>Кульдеяров</u> , <u>Чекаев</u> , <u>Сакаев</u> , <u>Чижаватов</u>
7	Верки	татары <u>Агишев</u> , <u>Утяшев</u> , <u>Утяганов</u> , <u>Байтеряков</u>
8	Мансурово Старое и Новое	князя <u>Мансуровы</u> , <u>Кашаевы</u> , <u>Чегодаевы</u> ; мурза <u>Хозин</u>
9	Чернышево	мурза <u>Бахтыгозин</u>
10	Кожбуктино	мурза <u>Кашаев</u> ; татары <u>Батыев</u> , <u>Битеев</u> , <u>Тютеев</u>
11	Камалово	мурза <u>Битаев</u> ; татарин <u>Кокаев</u>

* Подчеркнутые фамилии имеют отношение к касимовским татарам.
Источники: 190; 192.

Таблица 5. Фамильная структура татарского населения бывшего Кадомского уезда по современным данным*.

№№ пп	Населенные пункты	Фамильный состав татар
1	Азеево	Бурнашевы (29), Бисеровы (23), Бегишевы (23), Канцеровы (19), Урмановы (12), Каиповы (11), Табеевы (11), Бекбулатовы (8), Кожбахтеевы (7), Абаевы, Муратовы, Такташевы, Ерзины (по 5), Танеевы (4), Тагаевы (3), Семеневы (3), <u>Утешевы</u> , <u>Маматовы</u> , Колаковы, Хакимовы (по 2), Тюменевы, <u>Чанышевы</u> , Сакаевы, Исеевы, Байковы, Агиловы, Бершиевы, Енгулатовы, Беляшевы, Худяковы, Бегловы, Можаровы, Москаровы, Батраковы, Заировы, <u>Девлеевы</u> , Мусины, Кутлаевы (по 1) и др.
2	Алешино (Ишеева Гора)	Саадаевы, Тюменевы
3	Гархань	Михалевы (6), Кудяковы (5), Саадаевы (4), <u>Кильдеевы</u> (3)
4	Тенсюпино	Енгальчевы, Маматкозины
5	Студенец Большой	Сакаевы, Девлятовы
6	Студенец Малый	Енгальчевы
7	Верки	Бахтыгозины, Байтеряковы
8	Чернышево	Бахтыгозины
9	Торопово	<u>Чанышевы</u> , <u>Маматовы</u> , Сакаевы
10	Караулово	Сакаевы, Урмановы, Бегловы, Семеневы
11	Иванково	<u>Кашаевы</u> , Бахтыгозины, Тетеевы, Челяновы
12	Бастаново	Енгальчевы, <u>Борамыковы</u> , Кудяковы, Симашевы, Клевлеевы, Тынчеровы, Елинеевы, Садаевы, Канеевы, Музаффаровы, Урусовы, Тахтыгановы, Давлекамовы, Кантимировы, <u>Чикеевы</u>

* Примечание: В скобках указана частотность фамилий.

Источник: 53.

Другие топонимы в Касимовском уезде также помогают вскрыть родство некоторых фамилий, характерных, например, для татар Елатомского уезда, с касимовскими татарами. Так, в Касимовском уезде в XVIII - XX в. существовала татарская деревня Барамыково (Барамык). Нельзя не заметить, что татарская фамилия Борамыковы, встречающаяся среди татар в д.Бастаново, связана с этим топонимом. Такую же картину мы обнаруживаем при сравнении других топонимов. Так, в Касимовском уезде вплоть до начала XX в. существовала деревня Биркеево с татарским населением. Аналогичный топоним - деревня Верки (по татарски - Берке) есть в Темниковском уезде (среди жителей этого селения имелись Утешевы).

Косвенным путем связь татар Кадомского уезда (в границах XVIII в.) с касимовскими татарами, можно обнаружить и при анализе происхождения других фамилий. Так, в XVIII в. среди татар Кадомского уезда были довольно широко представлены Агишевы (князя, татары), в частности, в селениях Иванково и Верки. Эти Агишевы

происходят от Тюменевых, что отчетливо видно из материалов, относящихся к концу XVI в. (см.: 196, с.32). Фамилия же Тюменевых до сих пор бытует у касимовских татар. Кроме того, в Касимовском уезде в XVIII-XX вв. существовала д.Темгенево, населенная татарами. Происхождение названия этого села от фамилии Тюменевых достаточно прозрачно (тем более, что татарское название селения -Төмәнеү).

В общем русле анализируемого материала остановимся и на татарском населении д.Татарщино (Тенишево) бывшего Тамбовского уезда Тамбовской губ. По полевым данным, среди населения этой деревни представлены следующие фамилии (в скобках указана частотность фамилий): Милушевы (11), Енгальчевы (6), Чанышевы (5), Вишняковы (5), Девлятовы (3), Тенишевы, Сакаевы, Булушевы, Курмаевы (по 2), Белоусов (1) (53). Целый ряд представленных фамилий встречается у касимовских татар. О Чанышевых уже было сказано выше. Милушевы, вероятно, вышли из среды касимовских татар. Об этом может свидетельствовать топоним Малишево (название татарской деревни, существовавшей в Касимовском уезде в 1715 г. - см.: 197). В свою очередь, этот топоним может иметь отношение к «Казанскому князю Малиша сыну», который в первой половине XVI в. владел одним из мордовских «беяков» (197, с.75). Фамилия Курмаевых, известная среди татар д.Татарщино, до сих пор бытует среди касимовских татар (в д.Болотце). Да и Тенишевых нельзя рассматривать лишь как «мишарских» мурз. В 1627 г., например, среди приказных людей касимовского царевича, был известен Авликей мурза Тенишев (195, с.81). Кроме того, князь Кугушев (а Тенишевы происходят от Кугушевых - об этом см.: 198, с.74-75) в 1627 г. владел отмеченной нами выше д.Биркеево, а в 1629 г. Олмакай князь Кугушев назван «касимовским татаринном» (199, с.132). Поэтому браки между касимовскими татарами и населением д.Татарщино, отмечаемые в 1762 г., не являются случайными (200). По документам начала XVIII в. известно, что жители д.Тенишево на территорию Тамбовского уезда переселились из Шацкого около 1702 г. (188, с.273; 201, с.102-103).

Таким образом, анализ фамильного состава татарского населения Елатомского, Шацкого, Тамбовского и частично Темниковского уездов Тамбовской губ., позволяет говорить о формировании татар этих уездов в значительной степени за счет выходцев из состава касимовских татар. Причем выселение их на эти территории и освоение началось весьма рано. Кадомский мурза Исеней упоминается уже в 1552 г. (198, с.76). В.В.Вельяминов-Зернов отмечает «кадомских» татар в 1562 г. (200, С.453). В 1564 г. упоминаются (201, с.93) и «цненские» татары, в которых, скорее всего, надо видеть татарское население позднейшего Шацкого уезда. Да и другие данные говорят о том же. В 1515 г., например, упоминается о подготовке нападения ногайцев на «Ондреева городища да на Бостопово (вероятно, Бостоново - 203, с.194). О проживании татар на этой территории еще до основания г.Шацка (дата основания - 1551-1553 гг.) известно по преданиям (204, с.73). По мнению информаторов, д. Азеево была основана в 1575 г. (53, л.83). Документальные материалы, собранные В.В.Вельяминовым-Зерновым показывают, что в 20-х гг. XVII в. на территории Елатомского уезда находились владения касимовского царевича Сеит-Бурхана, Шакуловых и других касимовских татар и мурз (195, с.149, 175 и др.).

К этим историческим материалам можно добавить и некоторые полевые данные. По мнению информаторов из д.Азеево, местному кладбищу «лет 350»; до того, как это кладбище возникло, покойников везли хоронить в «Касимов» (рассказчики весьма красочно описывали нам, как их предкам в весеннее половодье приходилось 60 км плыть на лодках, чтобы доставить тела покойников «в Касимов» (53, лл.82,97). Население д.Бастаново до сих пор помнит, что одним из трех основателей селения был Давлекамов (53). Как мы уже отмечали, Давлекамовы живут и в селениях собственно касимовских татар (в Тарбаево и Шильня). Таким образом, рассмотренные предания подтверждают, этнические контакты татарского населения деревень Азеево и Бастаново с татарами Касимовского уезда.

Однако часть фамилий не находит аналогий среди фамилий касимовских татар. Но они хорошо представлены среди темниковских («чокающих») мишарей (см., например, материалы переписи 1715 г. по Темниковскому уезду: 205). Поэтому, рассматривать татар указанных выше уездов как «чистых» касимовских татар мы не можем; они, скорее всего, результат смешения касимовских татар с мишарским населением. Правда, необходимо подчеркнуть, что темниковские мишари имеют значительную этнокультурную близость к касимовским татарам.

По мнению диалектолога Л.Т.Махмутовой, «современные говоры села Бастаново и деревень по р.Цна (то есть Тархань, Тенсюпино, Б.Студенца, Алешино - Д.И.) могут быть объединены под общим названием бастанский говор». Кроме того, в этом же ареале выделяются мишарские говоры «чокающего» (дд.Верки, Чернышево) и «цокающего» (Азеево, Татарщино и др.) типов. Но последние говоры «в той или иной степени обладают общими с касимовскими и бастанскими говорами чертами» (205, с.30-31). Бастанский говор имеет как в фонетическом, так и морфологическом отношении сходство с касимовским говором и говорами, входящими в мишарский диалект. Причем специфические морфологические особенности бастанского говора, с одной стороны сближаясь с особенностями касимовского и близких территориально мишарских говоров, с другой - имеют общность с кумыкским и ногайским языками (206, с.47). Возникает вопрос: рассматривать ли бастанцев (воспользуемся этим термином для обозначения татарского населения прилегающих к Касимовскому уезду территорий) в структуре этнографических подразделений касимовских татар или же мишарей?

Этнокультурные материалы однозначного ответа на этот вопрос не дают. На уровне этнографических групп территории Елатомского и Темниковского уезда образуют смешанный район (темниковско-пензенский). Да и на уровне субэтническом территории Касимовского и Елатомского уездов сомкнулись в рамках смешанной подобласти. Но население Шацкого и Тамбовского уездов оказалось ближе к мишарям (южный этнокультурный район). К тому же следует помнить, что смешанность культуры темниковско-пензенского района связана и с его промежуточным положением между южным (темниковским) и северным (сергачским) районами. Языковые данные показывают примерно такую же картину: с одной стороны, бастанский говор самостоятелен (имеет одинаковый с касимовским говором статус), с другой - сближается как с касимовским, так и с соседними мишарскими говорами.

В такой ситуации полезно учесть мнение самого населения о своей этнокультурной принадлежности.

Если обратиться к мнению касимовских татар (в узком смысле) и бастанцев, можно получить следующий результат. Касимовские татары, за редким исключением, бастанцев «своими» не считают и не включают их в структуру существующих в среде касимовских татар внутригрупповых подразделений (189; 29; 53). Бастанцы (в частности, население деревень Азеево, Бастаново и Тархань) сами себя также не относят к касимовским татарам, отмечая, что касимовские татары (*кәчимнәр*) и разговаривают несколько по-другому (53, лл.31,73,95). Но в то же время они не считают себя и мишарями, относя к последним татар «со стороны» Пензы, Ульяновска, Горького, Дракино, иногда Темникова (53, лл.62,72,99). Бастанцы себя считают «настоящими татарами, мусульманами» (без татар, чын мөселман) - 53, л.92). Правда, информаторы из д.Азеево говорили о том, что население д.Бастаново называет их «мишарями». Некоторые информаторы указывали также, что касимовские татары называют их как «азеевскими татарами» (*Әҗе татарлары*), так и «азеевскими мишарями» (*Әҗе мишәрләре*) (53, лл.92,99). Как видим, картина получается несколько противоречивой, тенденция обособления бастанцев как от мишарей, так и от касимовских татар достаточно заметна.

В связи с возникшей неопределенностью в вопросе о месте бастанцев в этнической структуре средневожско-приуральских татар, обратимся к этнографическому членению собственно касимовских татар (Касимовский уезд и три селения: Высокое, Шильня, Толстиково Елатомского уезда). По нашему мнению, рассмотрение внутригруппового деления касимовских татар позволит вернуться к проблеме бастанских татар с новых позиций.

В 1920-х гг. В.А.Гордлевский выделил среди сельских касимовских татар на три подгруппы: а'аймак' (белый аймак), 'ара айма' (черный аймак) и 'ара зыбыннар (черные зипуны) (18, с.30-31). Подробно этот исследователь указанное деление не анализировал, хотя отметил, что к первой подгруппе относились «четыре села» - *дүрт сала* (Царицыно, Тарбаево, Болотце и Подлипки), а к третьей - заречные татары; всех остальных касимовцев он причислил к «черному аймаку». В то же время Б.В.Куфтин полагал, что «белый аймак» включает 7 селений (правда, он их не перечислил). На правом берегу р.Оки он локализовал деревни из подгруппы «черных зипунов». Границы «черного аймака» Б.А.Куфтиным не уточнялись, очевидно, предполагалось, что к этому подразделению будут относиться оставшиеся селения (57, с.140-141).

На внутригрупповом делении касимовских татар довольно подробно остановилась Ф.Л.Шарифуллина. Согласившись с мнением своих предшественников относительно трехчленного деления касимовских татар, она к «белому аймаку» отнесла 5 селений (Подлипки, Царицыно, Тарбаево, Болотце и Тебеньково), указав на то, что четыре первых из них в народе известны и под общим названием *дүрт сала*. В подгруппу «черных зипунов» она включила 8 селений, расположенных на правом берегу р.Оки (Толстиково, Сesitoво, Ананьино, Рудаков, Экса, Колумбердеево, Баишево, Сафоново), которые, как оказалось, в народе еще известны как у *'яр татарлары* (приокские татары). По ее мнению, в середине XIX в. в «черный аймак» входило 67 деревень. Правда, ею перечислены лишь

30 селений, причем 14 из них отнесены к числу прекративших существование как татарские поселения в середине XIX - начале XX вв. (205, с.119-120). Заслуживают внимания и некоторые другие наблюдения Ф.Л.Шарифуллиной о внутригрупповой дифференциации касимовских татар, в первую очередь, связанные с поиском истоков существовавшего у них деления на три части. Так, она выдвинула гипотезу о том, что деление на «белый» и «черный» аймаки связано с общепринятым у тюрков делением на две стороны - два крыла. Для обоснования своей позиции она привела несколько аргументов. Во-первых, термин «аймак» у касимовских татар применяется в смысле территориального объединения. Во-вторых, информаторы население «белого аймака» считали за более культурную и имеющую более высокое благосостояние, группу. В то же время у тюрков эпитет *ак* «белый» традиционно был связан с обозначением социальных верхов (207, с.99; 29, с.51). Однако при этом осталось необъясненным существование у касимовских татар в прошлом не двух, а трехзвенного деления.

С целью выяснения истоков трехчленного деления касимовских татар нами был проведен анализ имеющихся историко-этнографических материалов с привлечением полевых данных. Ниже излагаются основные итоги проведенного исследования (208).

По полевым данным, представители «белого аймака» себя чаще именуют *дурт саланыкылар* - «четырёхсельскими». Они полагают, что «черноаймачники» их именуют так же. Кроме того, население «белого аймака» определяет себя еще и как *кәчим халкы* («касимовский народ») или как *мөселманнар* «мусульмане». Себя «белоймачники» считают более культурными. Эту характеристику подтверждают и «черноаймачники», полагающие, что по сравнению с ними население из «белого аймака» в прошлом было более богатым и культурным. Было также выяснено, что «черноаймачники» представителей «белого аймака» на самом деле именуют как «четырёхсельскими» (варианты: *дурт сала* и *дурт сала халкы*), так и «белым аймаком» *а' айма'*. Некоторые же информаторы из числа лиц из «черного аймака» указывали, что «белоймачники» себя именовали и «белым аймаком» (*а' айма' дин үзләре дә әйтте*).

Теперь обратимся к характеристике «черного аймака». Сами представители этой группы считают, что их наименование связано, с одной стороны, с тем, что их «черноаймачниками» называют представители «белого аймака», а с другой - «черных зипунов». При этом название «черный аймак» они объясняют своей принадлежностью в прошлом в основном к крестьянству. Лица из «белого аймака» солидарны с такой самооценкой последних. Они прямо говорили, что «черным аймаком» рассматриваемое население считалось по нескольким причинам: они жили на «черной стороне» (*кара як*); больше занимались крестьянским трудом и перебивались на «хлебе с солью» (*ипи - тоз белән тордылар*), тогда как у «белоймачников» было больше купцов. Оказалось, что люди из «белого аймака» представителей «черного аймака» называли или «народом черного аймака» (*'ара айма' халкы*), или просто «черным аймаком» (*'ара айма'*).

Представители же «черных зипунов», население «белого» и «черного» аймаков особо не дифференцировали, склоняясь к мнению, что обе эти подгруппы образуют «касимовский народ» - *кәчим халкы* или «касимовскую сторону» *кәчим ягы*, они «черными зипунами» *кара зыбын дин* их именует именно «касимовский народ». Назва-

ние же их происходит от того, что у них, с одной стороны, по сравнению с «касимовской стороной» язык более «грубый», а с другой - по одежде из черной шерсти - черных зипунов - *кара зыбын*, которые у них бытовали в прошлом. «Белоаймачники» заявили, что «черные зипуны» были очень «темным народом» («кара тормышлы халык»). Ими отмечалась и их языковая специфика (примешивание буквы «д» к букве «з» - напр., *бодз* вместо *боз*). На этих моментах и строилось осознание «белоаймачниками» своеобразия «черных зипунов». Что касается «черноаймачников», то они в целом солидаризовались с «белоаймачниками» в оценке «черных зипунов». Но у них были и свои собственные представления о последних. Так, «черноаймачники» о «черных зипунах» высказывались в том смысле, что они были «народом» еще более темным, чем они сами (*бездэн дэ карарак халык*), отчетливо называя представителей данной подгруппы «народом черных зипунов» (*кара зыбын халкы*). Другие детали оценки «черноаймачниками» «черных зипунов» такие: фиксировались определенные различия в языке и одежде (без конкретизации); особо подчеркивалось умение «черных зипунов» обращаться с лошадьми (вплоть до того, что они, якобы, умели «разговаривать» с лошадьми - *алаша белэн сөйләшә торган булганнар*).

Полевые материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Выявлено противопоставление между «черными зипунами» и двумя остальными подгруппами касимовских татар («белый» и «черный» аймаки), воспринимаемых представителями «черных зипунов» как некая целостность - «касимовский народ». У такого противопоставления имелась и объективная культурно-языковая основа.

2. В подразделении части касимовских татар на «белый» и «черный» аймаки существенную роль играл социальный фактор: первые имели по сравнению со вторыми более высокий социальный статус. Обращает, однако, на себя внимание то, что представители обеих групп по отношению друг к другу применяли термин «*халык*» (народ), имеющий определенную этническую нагрузку.

3. Население из подгруппы «черный аймак» реально взаимодействовало с «черными зипунами», тогда как создается впечатление, что население белого аймака с «черными зипунами» взаимодействовало больше через представителей «черного аймака».

4. Социальный статус «черных зипунов» был явно ниже, чем у «черноаймачников».

Проведем четкую локализацию трех подразделений касимовских татар. Согласно сведениям, собранным нами среди касимовских татар, к «белому аймаку» в прошлом относились не только 4 крупных села (*Яубаш* - Болотце, *Татарбай* - Тарбаево, *Шырын* - Подлипки, *Бием сала* - Царицыно), но и 4 небольших селения (*Барамык* - Барамыково, *Кылчык* - Кулчуково, *Кибәнак* или *Ибәнә* - Кебеньково, Курски или Коверское).

К «черным зипунам» информаторы относили татарское население правобережья р.Оки (деревни: *Тустик* - Толстиково, *Ташлык* или Кулбердеево, *Сахун* - Сафоново, *Байыш* - Баишево). Видимо, к их числу следует отнести и татарское население селений Экса*, Сеитово и Рудаково (в начале XX в. в них татары еще жили). Кроме того,

* В работе Шарифуллиной в состав селений «черных зипунов» наряду с д.Экса включается и д.Ананьино (206, с.121). На самом деле название Экса носила татарская часть д.Ананьино (см.:189,с.20).

отдельные информаторы в число «черных зипунов» включали и жителей деревень Бастаново и Молочная Гора, относившихся вообще-то к иной группе - к бастанским татарам. Поэтому большинство информаторов это мнение отвергало.

В составе «черного аймака» перечислялись 18 населенных пунктов (*Субак* - Собакино, *Алекич* - Алькечиво, *Пулянка* - Поляны, *Тюменеу* - Темгенево, *Куснек* - Кушниково, *Чуриче* - Черечеево, *Аджурман* - Джегурманово, *Дебенэк* - Дубники, *Чуманай* - Кадышево, *Бирке* - Беркеево, *Тэнкэз* - Танкачево, *Чутай* - Четаево, *Казак* - Казаково, *Мэскәү* - Мачково, *Мынты* - Мунтово, *Шакиан* - Шегашаново, *Карлар* - Ахматово, *Әлеи* - Алишево). Кроме того, к этой же группе можно, видимо, отнести еще два селения - *Кечек* - Кучуково и *Халым* - Халымово (207, с.119). Но в последней деревне татары не жили уже в середине XIX в. (209). Поэтому отнесение ее к «черному аймаку» требует дополнительного обоснования. Ф.Л.Шарифуллина к «черному аймаку» отнесла также деревни *Түбән авыл* - Шилино и *Югары авыл* - Высокая Елатомского уезда (207, с.120). Однако наши полевые материалы не позволяют делать столь однозначного вывода. Так, население д.Шилино отрицает свое вхождение в состав «черного аймака», указывая на отдельное положение своего села - *безменең авыл аерым*. Более того, информаторы сообщили, что жители д.Шилино в случае прихода в их селение «черноаймачников», говорили: *кара айма' халкы килде* - «пришел народ черного аймака», т.е. в данном случае налицо определенное противопоставление себя сообществу «черного аймака». Представители «белого аймака» также не причисляют эти два селения к «черному аймаку». Но в то же время жители д.Шилино и д.Высокое во время праздников и свадеб тесно общались с татарами из «черного аймака», во всяком случае, с населением некоторых деревень (например, д.Ахматово) (56). Поэтому эти два селения следует рассматривать как тяготеющие к «черному аймаку».

Значительный интерес представляют данные, указывающие на существование в прошлом между разными подгруппами касимовских татар как определенного противопоставления, так и сближающих их моментов. Нам приходилось слышать от «черноаймачников», что население «белого аймака» было их «потомственными врагами». Если представители подгрупп «черный аймак» и «черные зипуны» работали вместе и первые по отношению ко вторым употребляли термин *кара зыбын*, в ответ «черные зипуны» их называли тем же именем *кара зыбын*. Наконец, удалось зафиксировать довольно любопытное явление, когда «черные зипуны» называли «черноаймачников» труднопереводимым словом *ядэшләр*. Анализ этого понятия показывает*, что применение его по отношению к «черноаймачникам» являлось выражением, с одной стороны, единства двух подгрупп, а с другой - их отличия. О некоем

* В татарском языке есть слово *ядәч* и связанная с ним игра *ядәч аеру* (210, с.628). Суть игры заключается в том, что два спорщика после заключения пари с применением специальной птичьей косточки, стремятся во что бы то ни стало выиграть (из игры выходить нельзя). При этом два спорщика становятся двумя составными одной системы. По мнению лингвиста Р.Г.Ахметьянова, высказанного автору во время личной беседы, этимология слова *ядәч/ядәш*, кроме прочего, связана и с дуальной системой организации общества (соперники одновременно выступают как элементы единой социальной структуры).

единстве «черного аймака» и «черных зипунов» свидетельствует еще один факт: татары, входящие в первую подгруппу, во время ссоры между собой - *бербере белән кырышканда* называли друг друга *кара зыбын*.

Брачные связи касимовских татар также заслуживают внимания. Так, представители «белого аймака» заключали браки с «черноаймачниками» (более распространенными были браки мужчин из первой подгруппы с женщинами из второй подгруппы), но не заключали браки с «черными зипунами». В то же время «черноаймачники» поддерживали брачные связи с «черными зипунами», а также с бастанскими татарами. С последними такие же связи были и у «черных зипунов» (207; 191; 200). Жители деревень Шилино и Высокая имели брачные контакты как с населением «белого аймака» (деревни Царицыно и Тарбаево), так и «черного аймака» (д.Темгенево). Кроме того, они были связаны через браки и с д.Азеево. Получается как бы два брачных круга, хотя и не полностью изолированные: круг «белого аймака», связанный с «черным аймаком» и круг «черного аймака» с «черными зипунами», включающий и бастанских татар.

На наш взгляд, приведенные выше факты отражают некоторые важные аспекты внутригрупповой дифференциации касимовских татар. Эта дифференциация видна и на культурологическом материале.

У касимовских татар выделяются два основных комплекса женских головных уборов - тастарный и платочный (210, с.11; 4, с.76-77). Первый из них был более характерен для «белого аймака» и «черных зипунов», а второй (со своеобразным повязыванием платков - *авыз бэйләү*) - для «черного аймака» (10, с.146; 211, с. 12-13; 29, с.76-77). Аналогичный способ повязывания платков был распространен в прошлом среди костромских татар - ногайцев по происхождению (212, с.141). Тастарный комплекс был распространен у ряда групп мишарей (темниковских, лямбирских, сергачских) и у бастанских татар (29, с.77). Однако с последним комплексом вопрос обстоит сложнее. По данным Ф.Л.Шарифуллиной, составной частью его был волосник - *солавесь, баиш 'эме*, состоящий из двух элементов - шапочки-повязки и отдельного наконсника - *чәч-кап*. Такой же волосник существовал и у мишарей д.Азеево (212, с.140). Но вот что интересно: *чәч-кап* был характерен для «чокающих» (южных) мишарей, а *солавесь/ сылауцу/солауц* - для «цокающих» - северных (сергачских) (25, с.101-102). При этом у последних он скорее всего был одним из древних элементов головного убора. Во всяком случае, у лямбирских мишарей, сохранивших культурную близость с сергачской группой, несмотря на «чокающий» говор, волосник, конструктивно близкий к *чәч-кап*, назывался *салавыч* (25, с.101-102, рис.б).

Кроме того, ряд своеобразных черт, присущих в большей степени одежде подгруппы «черный аймак», частично и «белого аймака» (наличие камзолов с отрезной спинкой, штанов с ромбовидной вставкой, нагрудников больших размеров), находят аналогии среди костромских татар (212, с.146). Таким образом, у «белого» и «черного» аймаков обнаруживается общий этнокультурный компонент, возможно, ногайского происхождения. Причем «ногайских» черт больше у «черноаймачников». Но в то же время намечается общность, основанная на существовании у «белого аймака» и «черных зипунов» «мишарского» этнокультурного компонента. Но этот этнокультурный компонент сочетает традиции двух групп мишарей, существенно отличающихся друг от друга.

Итак, внутригрупповое деление касимовских татар имеет весьма сложный характер. Несмотря на то, что «белый» и «черный» аймаки не слишком дружелюбно относились друг к другу, между ними существовали брачные и иные связи. Правда, своеобразные. То, что мужчины-белоаймачники женились больше на женщинах из «черного аймака», свидетельствует о более низком социальном статусе представительниц последней подгруппы.

Намечается определенное единство (близость) между «черным аймаком» и «черными зипунами» (через браки, этнонимии), хотя и противоречивое. Заметен феномен «скользящего» характера определения уровня «культурности» друг друга: «белоаймачники» более отсталыми считали «черноаймачников», которые в свою очередь к таковым причисляли «черных зипунов». Таковую же картину мы наблюдаем и в сфере культуры. Например, у «черного аймака», своеобразии культуры которого достаточно выражено, можно обнаружить «мишарские» элементы культуры (210, с.12). А у «черных зипунов» в культуре имеются «ногайские» черты (210, с.13). В целом эти данные говорят о том, что этнокультурное членение касимовских татар существует лишь в виде определенной тенденции. Кроме того, дифференциация касимовских татар на три подгруппы зиждется не только на этническом и культурном своеобразии, сколько на основе социальных различий.

Для лучшего понимания истоков деления касимовских татар на несколько частей, следует рассмотреть исторические материалы.

Согласно ландратской переписи начала XVIII в. татарское население Касимовского уезда делилось на 2 «стана» - «Царицынский» и «Ахматовский» (197). В первом из них насчитывалось 12 селений, названия даются по источнику (Царицыно, Торбаево, Болотце, Подлипки, Тебенеково, Немичево, Коверская, Кучукбаево, Борамыково, Сафоново, Баишево, Кулабердеево). Во втором «стане» перечислены 38 татарских селений (Чегурманово, Большое Мышаево, Алькеево, Урсаево, Темешево, Коркадышево, Полянки, Куликеево, Кучниково, Мунтово, Алишево Большое и Малое, Ахматово, Шегашаново, Высокая, Шинулаи, Тонкачево, Человеково, Собакино, Казаково, Масково, Дубниково, Дорошево, Кадишево, Темгенево, Мамишево, Четаево, Халимово, Кунчуково, Рудаково, Екса, Елмаково, Толстикова, Сеитова, Шемякино, Фроловская, Микулино, Смаиловка, Ташенка). Нетрудно заметить, что с «Царицынским станом» в основном совпадает «белый аймак», а «Ахматовскому стану» соответствует «черный аймак». В этой структуре места для «черных зипунов» не оказалось - они разделены между двумя «станами».

Двучленное деление касимовских татар можно обнаружить и в более ранних документах. Так, в 1622 г. упоминаются «касимовские князья и мурзы и татары Царево двора и Сеитова полка» (195, с.34). А в 1579 г. известны «Царев двор» и «Сеитов двор» (196, с.81). В обоих случаях они фиксируются как воинские подразделения. Деление на две части у касимовских татар восходит к начальному периоду существования Касимовского ханства. Можно высказать предположение, что «Ахматовский стан» был назван по имени одного из двух князей хана Касима - Ахмата (202, с.30). С этой личностью скорее всего связано и название д.Ахматово - *Карлар*. Более того, еще В.В.Вельяминов-Зернов установил, что в Касимовском ханстве действительно

существовало деление на два крыла (196, с.403). Поэтому подразделение касимовских татар на «белый» и «черный» аймаки в первую очередь следует увязывать с более ранним делением на два крыла, которое впоследствии приобрело социальный характер. При этом, однако, нельзя исключать из рассмотрения и вопрос об этнической основе внутригрупповой дифференциации касимовских татар.

Как было уже отмечено, в культурном отношении к мишарям ближе всего находились «черные зипуны». Этот вывод сделал еще Б.А.Куфтин, который писал, что у заокских татар «заметны некоторые мишарские черты». Он также полагал, что «настоящие касимовцы» эту подгруппу «иногда» называют «просто мишарями, несмотря на различия в языке с последними» (57, с.141). Вряд ли можно сомневаться в том, что в состав касимовских татар вошел «мишарский» компонент. Скорее всего, этнокультурную близость касимовских татар с мишарями обеспечивают именно «черные зипуны». Возможно, что эта связь проходит через бастанских татар. Но заметим, что последние сближаются с мишарями лишь частично, выступая одновременно и как представители «ногайского» этнокультурного типа. А этот тип, как мы уже видели, был характерен как для «черного» и «белого» аймаков, так и, в меньшей степени, «черных зипунов». Фактически, таким образом, обнаруживается определенное единство как субстрата так и суперстрата всех указанных групп. Очевидно, этнокультурные различия в районе г.Касимова основывались не на абсолютных различиях этнических компонентов, участвовавших в формировании касимовских татар и бастанцев, а на степени представленности этих компонентов у разных групп татарского населения.

При обсуждении вопроса об этнической основе внутригрупповой дифференциации касимовских татар нельзя пройти мимо еще одного вопроса. Дело в том, что в культуре населения «белого аймака» имеется множество параллелей с казанскими татарами (212, с.13). Отчасти, это явление можно объяснить тесными связями этой группы с казанскими татарами в XIX - начале XX вв. Кроме того, имеются и факты переселения в среду касимовских татар татарского населения из Казанского ханства в средневековье (30, с.22-23). По нашему мнению, о наличии в составе касимовских татар еще одного (кроме ногайского) общего с казанскими татарами компонента, могут свидетельствовать и некоторые другие данные. Обращает на себя внимание одно место из договорных грамот от 1483 г. великих князей Ивана Васильевича (Московского) и Ивана Васильевича (Рязанского), где сказано, что у касимовского царевича Данияра «черными людьми, которые царевичу ясак дают», были: «бесермянин, Мордвин, Мачярин» (213, с.126). В 1539 г. среди населения, живущего в Темникове» (очевидно, в Темниковском уезде), упоминаются «татары из тарханов и башкирцев и жожерянов» (214, с.31). Очевидно, что «жожеряне» и «мачяри» (от слова «мачярин») - это мишари. Под «тарханами и башкирцами», по нашему мнению, имелись в виду ногайцы (см.: 84). А вот наименование «бесермянин» требует объяснения. Оно явно не относится к мишарям. В то же время хорошо известно, что вплоть до конца одна из групп населения Казанского ханства, связанная, по мнению академика М.Н.Тихомирова, с волжскими булгарами, в русских летописях именовалась «бесермянами» (215; см. также: 87; 84). Не исключено поэтому, что в состав касимовских татар (в первую очередь в «белом аймаке») вошел и

этот «бесермянский» компонент. В таком случае наличие этого компонента могло послужить дополнительным фактором, приведшем к этнокультурному обособлению населения «белого аймака» в составе касимовских татар.

Рассмотрение вопроса об этнографических подразделениях касимовских татар позволяет сделать несколько выводов:

1. Представителями субэтноса касимовских татар в историческом плане надо признать не только татарское население Касимовского, но и ряда соседних уездов (Елатомского, Шацкого, Тамбовского, частично и Темниковского).

2. Но в этнокультурном отношении ближе всего к населению Касимовского уезда оказалось татарское население Елатомского уезда.

3. В лице касимовских татар мы имеем относительно небольшую численно и достаточно компактно расселенную локальную общность (территориально несколько оторванными были только бастанцы). Поэтому в ее пределах этнокультурные различия имели размытый характер (об этом еще в начале XX в. писал Б.А.Куфтин - см.: 56, с.140). Тем не менее, этнокультурная дифференциация, отразившаяся и на уровне группового самосознания, у касимовских татар существовала до начала XX в.

4. Субэтнос касимовских татар можно подразделить на четыре этнографические группы: «белый», «черный» аймаки, «черных зипунов» и бастанцев (бастанских татар). Согласно статистическим данным, среди касимовских татар группа «белый аймак» численно преобладала над остальными подразделениями субэтноса, хотя и незначительно (55, с.168). Но, в силу специфики общности касимовских татар, эти группы (особенно первые три) больше напоминают этнографические подгруппы, так как компактное расселение и малочисленность не позволяла им сохранять выраженную культурную отличительность. Бастанцы в составе субэтноса занимали обособленное положение, сближаясь по ряду культурных и языковых параметров с субэтносом мишарей. Но они, в то же время, сближались и с «черными зипунами». Общегрупповое самосознание (один из основных признаков субэтноса) было присуще, в наибольшей степени, в основном лишь «белому», «черному» аймакам и в меньшей мере «черным зипунам». Особое положение «бастанцев» в этом отношении свидетельствует о переходном положении данной группы между двумя субэтносами - мишарями и касимовскими татарами. А потому отнесение бастанских татар к касимовско-татарской общности в определенной мере носит несколько условный характер.

§ 3. Этнографические группы в составе субэтноса мишарей

В результате вовлечения в XVI-XVIII вв. в процесс правительственной колонизации в Волго-Уральском регионе у мишарей сложилось дисперсное расселение. При их миграциях в этот период в ряде районов произошло определенное смешение выходцев из «первичных» (генетических) подразделений мишарей, сопровождавшееся образованием их «вторичных» (территориальных) групп со своей этнокультурной спецификой. Действие указанных факторов затрудняет выявление этнографических подразделений в структуре рассматриваемого субэтноса. Решение данной проблемы возможно лишь при учете совокупности как историко-этнографических, так и языковых данных.

Разделение мишарей на две части в этнокультурном отношении проявляется еще на субэтническом уровне: в Среднем Поволжье в собственно мишарскую подобласть вошли только южные их группы; северные оказались в смешанной подобласти (см. карту 4). Когда Р.Г. Мухамедова высказывала мнение о существовании двух наиболее «самобытных» этнокультурных групп мишарей в Среднем Поволжье - сергачской и темниковской (25, с.27), она «улавливала» именно отмеченное выше их деление на две подобласти. Но саму проблему «двухчленного» подразделения мишарской общности Р.Г. Мухамедова анализирует лишь на уровне этнографических групп, как бы выводя за скобки вышестоящий - субэтнический уровень. Поэтому при рассмотрении комплексов женской одежды, выделенных на исследуемой территории, она к числу «наиболее самобытных» причисляет не только комплексы, характерные для сергачских и темниковских, но и лямбирских мишарей (население Саранского уезда Пензенской губ.) (25, с.125). А так как первые две группы квалифицируются ею в качестве двух «основных» компонентов мишарей (216, с.120), то есть объявляются фактически группами генетического типа, возникает вопрос о типологической принадлежности носителей этнокультурных особенностей, характерных для лямбирских мишарей.

Ответ на него может быть получен только при рассмотрении всех уровней этнокультурных общностей мишарей. Нами была установлена сложность структуры этих общностей (см. карты 5 и 6). Во-первых, были выделены два смешанных района, образующих переходный ареал между северными и южными мишарями (это темниковско-пензенский и средневожский районы). Во-вторых, обнаружился некоторый сдвиг границ темниковского (южного) района на север за счет смешанной подобласти. Одновременно более четко выступили границы собственно северного (сергачского) и южного (темниковского) районов. В рамках первого деления на подрайоны обнаружено не было. Иначе обстоит дело в южном районе, который подразделился на четыре подрайона (северный - лямбирский; юго-восточный - заволжский; западный; восточный - кузнецко-хвальнский). На самом деле при выделении этих четырех подрайонов оставшаяся территория южного района может претендовать на статус еще одного самостоятельного (пятого) подрайона, образующего как бы основное его ядро (очертания этого подрайона в значительной мере повторяют внешние границы темниковского района). Кроме того, и средневожский смешанный район распался на четыре структурных подразделения - подрайоны (см. карту 6). Как видно из представленных данных, в этнокультурном отношении лямбирские мишари являются не более чем подгруппой в составе южной группы. Но, тем не менее, рассматриваемое население не полностью «укладывается» в предложенную схему, имея довольно своеобразные этнокультурные параметры.

По ряду элементов традиционной культуры (25, с.100-122) эта группа сближается с сергачскими мишарями. Например, женский волосник у них назывался почти так же, как и у сергачских мишарей - *сылавыч*. Несмотря на различия в названиях*, довольно близкую форму у представителей обеих групп имели нагрудные украшения. Далее, как у сергачских, так и у лямбирских мишарей нагрудник *күкрәкчә* украшался

* У сергачских мишарей это *көмеш күкрәк*, у лямбирских - *пирта* (25, с.117.). Распространенность у лямбирских мишарей *пирта* подтверждается и архивными данными (217).

полосками разноцветной материи. Кроме того, туникообразная рубаха у лямбирских мишарей часто шилась из пестряди, как и у молодых женщин из сергачской группы. Наконец, из двух вариантов свадебной обрядности, распространенных среди татарского населения правобережья Волги, для лямбирских мишарей был характерен именно тот вариант, который близок к «сергачскому» (25, с.157).

Одновременно у них наблюдаются и некоторые этнокультурные параллели с темниковскими мишарями, повязывание нижнего платка - в *кужеш*; несмотря на название *салавыч*, их волосник по форме был близок к *чэч кап* темниковских мишарок; отсутствие у них широко распространенных у сергачских мишарей суконных чулок - *сыкна цылка*.

Следует подчеркнуть, что для лямбирской группы были характерны и некоторые специфические культурные особенности. Например, у них зафиксирован *кашпау* - «чепец, убранный серебряными монетами» (217). Р.Г.Мухамедова считает *кашпау* составной частью тастарного комплекса. Этот элемент головного убора не обнаружен ни у темниковских, ни у сергачских мишарей, хотя бытовал у соседей лямбирской группы - у мишарей Корсунского уезда Симбирской губ. В последнем случае возможно образование селений Корсунского уезда за счет переселения из Саранского уезда Пензенской губ. Правда, некоторые данные как-будто бы могут свидетельствовать о более широком распространении в прошлом *кашпау* среди мишарей. Во всяком случае, аналогичный *кашпау* головной убор был зафиксирован в XVIII в. И.Лепехиным у «татар» (мишарей), живших в бассейне р.Черемшан. Но и они могли выселиться из районов проживания лямбирской группы. Нельзя не отметить наличие «кашпау» еще и у молькеевских кряшен, но высока вероятность их этнических связей с мишарями (об этом см. далее). Конечно, следует учесть мнение Р.Г.Мухамедовой о вероятности вытеснения более широко распространенного в прошлом у мишарей *кашпау* другими головными уборами (25, с.110). Но это не более чем предположение. К тому же, при этом остается не выясненной причина сохранения *кашпау* лишь у лямбирских и, возможно, связанных с ними, корсунских мишарей.

В целом, несмотря на значительную близость элементов культуры сергачских и лямбирских мишарей - этот факт впервые четко констатировала Р.Г.Мухамедова (25, с.120), лямбирские мишари, вне всякого сомнения, являются носителями и «темниковской» культурной традиции, хотя и, быть может, в меньшей степени. Вопрос о своеобразных элементах традиционной культуры лямбирских мишарей может быть решен лишь при более широком привлечении комплекса материалов историко-этнографического и языкового плана. Поэтому в русле выяснения подходов к проблеме этнографических подразделений мишарей обратимся к данным о классификации мишарских говоров.

Большинство татар-мишарей являются носителями западного (мишарского) диалекта. Лишь в некоторых районах Южного Приуралья имеются мишари, полностью или частично потерявшие свои языковые (диалектные) особенности. Как полагает Л.Т.Махмутова, в мишарском диалекте, сформировавшемся в рамках относительно компактной территории в районе исторической Мещеры, уже к началу XVI в. были представлены говоры двух «типов»: цокающие и чокающие (42, с.16). Обращаем внимание на то, что понятие «тип» говоров у Л.Т.Махмутовой является синонимом понятия «группа»

говоров. К чокающим относятся 4 говора в Среднем Поволжье (сергачский, дрожжановский, чистопольский, мелекесский) и байкибашевский говор, распространенный в Приуралье (в Башкортостане). С определенными оговорками к чокающему «типу» можно отнести и не оформившиеся в самостоятельные говоры (подговоры) языковые ареалы, представленные жителями отдельных селений, расположенных в бассейне рек Цна и Мокша (Азеево, Сургодь, Тархань, Горенки, Тат.Лундан, Татаршино и др.) (частично указанные селения относятся к бастанской группе или подверглись их влиянию).

Классификация чокающих говоров более сложна. Этот «тип» говоров еще в ранний период своего формирования распался на темниковский и лямбирский «подтипы». Первый из них состоит из собственно темниковского говора, распространенного в западных районах Мордовии и языкового ареала, локализованного в южных районах Мордовии и на смежной территории Пензенской области (север, юго-восток). Кстати, Н.Б. Бурганова была склонна считать языковой ареал юга Мордовии самостоятельным рузаевским говором (23, с.93). Второй «подтип» представлен лямбирским говором на востоке Мордовии. Это, так сказать, типичные чокающие говоры. Кроме них имеются еще два смешанных чокающих говора: кузнецкий - на юго-востоке Пензенской обл., хвалынский - на юге Ульяновской обл. Л.Т.Махмутова предлагает рассматривать эти говоры как результат смешения двух более ранних чокающих говоров - лямбирского и темниковского. Именно этим объясняется и рыхлость границ ареалов кузнецкого и хвалынского говоров. По соседству с представителями рассматриваемых говоров чокающего «типа» расселено еще некоторое число мишарей*, также чокающих, но в силу, видимо, относительно позднего заселения, не консолидировавшихся в четкие языковые ареалы (говоры/подговоры). В языковом отношении эти группы предлагается рассматривать как примыкающие вообще к чокающему «типу» говоров (42, с.17).

Примерно такое же положение в системе чокающих говоров занимают распространенные на юго-западе Башкортостана, стерлитамакский и в смежных северо-западных районах Оренбургской области, шарлыкский говоры (43, с.114; 109, с.17-18). Данные говоры испытали значительное, хотя и не совсем равномерное, влияние среднего диалекта татарского языка и башкирского языка (42, с. 17; 43, с.17-18).

Таким образом, в составе говоров чокающего «типа» насчитывается 4 говора в Среднем Поволжье (темниковский, лямбирский, кузнецкий и хвалынский) и 2 - в Южном Приуралье (стерлитамакский и шарлыкский); имеются и языковые ареалы чокающего типа, не дифференцированные на отдельные говоры/подговоры.

Для полноты языковой характеристики мишарей следует отметить и те их группы, которые потеряли к настоящему времени свою языковую специфику. Так, Т.Х.Хайрутдинова, изучавшая распространенный на северо-востоке Башкортостана (территория бывшего Златоустовского уезда Уфимской губ.) златоустовский говор, отмечает учас-

* Речь идет, главным образом, о татарском населении Чембарского уезда Пензенской губ. (они известны как *алтавыл*), Корсунского уезда Симбирской губ. (деревни Горинки, Голышевка, Стрельниково, Дракино, Шлемас, Нагаево, Уразовка) и отдельных селений (о них см.: 145) Астраханской губ. (Малаявка, Бахтияровка, Малые Чапурники) и Самарской губ. (в Ново-Узенском и Николаевском уездах).

тие в формировании носителей указанного говора мишарей, скорее всего цокающих (117, с.7-17). Однако сейчас особенности западного диалекта в этом говоре сохранились лишь в некоторой степени; говор в целом относится к среднему диалекту при наличии существенных черт влияния башкирского языка (117, с.16-18). Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в ряде татарских селений Зауралья (расположенных на территории бывших Шадринского и Челябинского уездов). В указанном районе был описан сафакульский говор, в формировании носителей которого, как полагает Ф.Ю.Юсупов, участвовали и мишари (123, с.137). По нашим данным, эта группа целиком состоит из мишарей. Но в языке сафакульцев мишаризмы отражены слабо. Сам говор скорее характеризуется значительной близостью к башкирскому языку.

Обобщая изложенный выше материал по западному диалекту, можно высказать предположение о том, что в тот период, когда мишарская этническая общность развивалась относительно самостоятельно (до середины XVI в.) представители ее скорее всего говорили на двух близких диалектах. Позже в результате широкого расселения мишарей и в силу влияния различных, в том числе и неязыковых причин, на основе этих диалектов образовались две группы говоров с примыкающими к ним неоформившимися в четкие языковые ареалы группами. На востоке Приуралья и в Зауралье мишари вообще потеряли свою языковую специфику. Основным в языковой дифференциации западного диалекта является подразделение его на говоры цокающего и чокающего «типа». В пределах последнего заслуживает внимания выделение темниковского и лямбирского «подтипов».

Если попытаться совместить этнокультурные и диалектологические материалы, исходным можно считать следующее положение: этнокультурная традиция, наиболее ярко представленная у сергачских мишарей, в той или иной мере наблюдается, во-первых, у других групп цокающих мишарей, в той числе и у живущих по соседству с темниковской группой, во-вторых, у тех, кто несмотря на чокающий говор, в языковом отношении несколько отличается от носителей темниковского говора. Но если мы будем связывать «сергачскую» этнокультурную традицию с цокающими мишарями, возникает вопрос о причинах сохранения этой традиции у безусловно чокающих лямбирских мишарей (23, с.100; 42, с.17).

В этом плане весьма показательны некоторые особенности лямбирского говора. Как видно из анализа языкового материала, несмотря на противопоставление лямбирского говора как чокающего к цокающему сергачскому говору, между ними является и определенное единство (204, карты № 1-11 в 24 и № 1-12). Кроме того, по тем языковым явлениям, по которым рассматриваемые говоры оказываются близкими, в одну общую с ними группу включается население следующих деревень: Сургоди (Спасский уезд Тамбовской губ.); Тат.Лундана, Горинки, Тат.Шелдаиса, Тат.Никитино (Керенский уезд), Латышевки, Яндовищи, Ниж.Урледима, Тат.Пишли, Пензятки, Щербаково, Тат.Свербейки (Инсарский уезд), Лямбири (Саранский уезд), Кобылкино и Кутеевки (Чембарский уезд) - все Пензенской губ. (см.: 23; 24; 42). Такое единство вряд ли случайно, особенно, на фоне других данных.

Согласно материалам переписи 1926 г., часть татарского населения Пензенской губ. назвала себя по национальности «мещеряками» (218; 50, табл.Х; 67, с.100). Изу-

чение этих сведений показало, что в 1926 г. «мещеряками» в Пензенской губ. в большинстве случаев записались те татары, которые так или иначе среди чокающих мишарей выделялись некоторыми языковыми особенностями (часть населенных пунктов этих мишарей перечислена выше). В то же время остальные чокающие мишари назвали себя «татарами» (во всяком случае этот вывод полностью относится к носителям темниковского говора). В этом же русле можно трактовать и некоторые полевые данные. Так, касимовские и бастанские татары упорно называли «мишарями» не только татар, живущих ««в стороне» Сергача, Ульяновска, «Нижгара», но и живущих «в стороне» Пензы» (53, лл.24,62, 72,139 об.).

Опираясь на проанализированный выше материал, можно предположить, что у лямбирских мишарей обнаруживается общий с сергачской группой этнокультурный компонент. По-видимому, выделение лямбирской группы как носителей особого «под-типа» чокающего говора имеет прямое отношение к проявлению языкового своеобразия этого общего с сергачскими мишарями этнокультурного компонента.

Но для правильной интерпретации этнокультурных и диалектологических материалов по лямбирской группе необходим сопоставительный анализ выявленных в составе мишарской субэтнической общности двух основных культурно-языковых ареалов - северного - с чокающими и южного - с чокающими говорами.

Накопленный к настоящему времени этнографический материал позволяет обнаружить у сергачских мишарей определенные параллели с культурой финно-угорских народов. По мнению С.П.Толстова, нашивки на традиционной женской рубахе *юле кулмәк* сергачских мишарей восходят к угорской традиции (219, с.24). К угорской же традиции Р.Г.Мухамедова относит широкое применение представителями этой группы аппликации при украшении не только женских рубах, но и головных уборов, а также нагрудников (216, с.121). У сергачских (в некоторых случаях и у лямбирских) мишарей сохранились следы почитания медведя, также широко распространенного у угорских народов. К ним можно отнести: наряжение в начале XX в. в праздничные дни человека медведем (в более раннее время отмечалось вождение по селам дрессированных медведей); широкое бытование у мишарей патронимических прозвищ, обозначающих «людей из рода медведя» *аюныкылар*, *аю халкы*; использование у лямбирских мишарей знахарями медвежьих когтей; употребление у сергачских мишарей медвежьего сала в качестве лекарства (25, с.188-189. Подробнее о «медвежьем промысле» в Сергачском уезде и об участии в нем татар, см.: 220, с.433-434).

Нельзя не обратить внимание и на цоканье северной группы мишарей. Хотя в литературе и высказывалось мнение, что это явление «некогда...было характерно...для части тюркских племен, которые впоследствии...оказались на разных территориях» (42, с. 65), география цокания довольно узка: это явление характерно - на западе для части караимов, балкарцев, азербайджанцев и на востоке - для сибирских татар, а также представителей одного из киргизских племен (42, с.65). При этом цоканье русской мещеры (подробнее см.: 221) и соседней мордвы следует, видимо, рассматривать как результат воздействия на них исторической «мещеры» (42, с.66). Возможно, что указанная языковая особенность существовала среди этнических групп болгаро-

хазарского круга. Во-всяком случае, Э.И.Азизов считает, что «цокание было характерно для языков тюрков савиро-хазарского союза» (222, с.161). В этом же духе интерпретируется и одна из работ А.Н.Самойловича. Попытавшись наметить культурно-географические районы тюркского мира, этот исследователь выделил «окско-волжско-камско-тобольский культурно-географический район» и в его пределах обнаружил два «слоя» культуры: более древний и исторически более поздний. Первый из них им определен как «чувашско-башкирско (частично) - мишарско-финский», а второй как «татарский» (с отнесением сюда другой части башкир). Если последний пласт, по мнению рассматриваемого автора, можно связывать с «обитателями оседло-туркестанского района», то у более раннего культурного «слоя» намечается связь с карачаевцами, балкарцами, крымчаками и караимами (223, с.211). Вряд ли можно сомневаться в том, что существует определенная параллель между явлением цокания и выводами А.Н.Самойловича. Установление такой связи не противоречит имеющимся сведениям о значительности угорского и в целом достаточно раннего компонента в составе племен болгаро-хазарского происхождения. В целом напрашивается вывод о наличии в составе цокающих и некоторых чокающих мишарей (с «сергачским» вариантом культуры) одного из ранних этнических компонентов татар-мишарей. Ближайший вывод содержится и в работах Р.Г.Мухамедовой (см.: 25; 216).

Формирование второй этнокультурной группы мишарей - южной (темниковской), обычно связывается с активным участием кыпчаков. Это точка зрения заслуживает внимания. Однако приводимые в ее обоснование материалы по культуре (по одежде, головным уборам, духовной культуре, терминам родства и др. - 25, с.88-220) имеют один существенный недостаток: они имеют широкое распространение у многих тюркских народов и с трудом могут быть интерпретированы как кыпчакское наследие. Не безупречна и применяемая обычно методика выявления «кыпчакского» слоя (компонента) в культуре. Например, Р.Г.Мухамедова предлагает выявить этот слой в культуре мишарей путем установления аналогий с культурой тех тюркских народов, которые имели тесные этногенетические связи с кыпчаками (216, с.122). Такой подход, однако, имеет, по меньшей мере, два серьезных недостатка. Во-первых, кыпчаки относятся к числу весьма древних этнических образований и, по всей вероятности, участвовали в формировании многих более поздних тюркских племен, передав им некоторые собственные этнокультурные особенности. Во-вторых, в период Золотой Орды разные группы кыпчаков находились в соседстве с оседлым населением нескольких историко-этнографических областей с различным этническим составом (Волго-Уральский регион, Средняя Азия, Кавказ). Естественно, в этих условиях этнокультурные параметры кыпчаков могли трансформироваться неодинаковыми путями. Поэтому кросскультурный анализ, несомненно, имеющий большое значение, требует не только специально разработанной методики, которая еще не предложена, но и учета широкого круга исторических источников. Ниже основное внимание будет уделено анализу именно исторических материалов, свидетельствующих о проникновении поздних кыпчаков (шире - выходцев из степного ареала Золотой, Орды) в районы проживания мишарей.

Одним из важных источников по этнической истории мишарей являются исторические предания, зафиксированные среди них с конца XVIII в. К сожалению, далеко не все они, относительно места записи, точно документированы. Тем не менее, они представляют значительный интерес. Так, в наказе татарских мурз Пензенского и Саранского уездов Пензенской губ. от 1767 г. говорится: «В древние времена...предки...выходили...из Золотой Орды, что ныне именуется Акстуба» (Цитировано по: 198, с.68). Депутаты-мишари из Приуралья в 1794 г. сообщали: «мещерятский...народ...переселился в Россию...в 1482/83 гг. из Золотой Орды» (224, с.574). В конце XVIII в. мишари Екатеринбургского уезда Пермской губ. указали, что предки их «обитали прежде всего в Крыме, перешли и переселились в Шатер-Булгаре в 1484 г.» (225, с.35). Целый ряд таких преданий относительно «выхода» предков из «Ахтубы», «Касимова», «Сарая» (обобщенно - «из Золотой Орды») среди мишарей в начале XX в. записал Г.Н.Ахмаров (46, с.32-39). Заслуживает внимания и историческое предание, несомненно татарско-мишарского происхождения, попавшее в Летопись Саровской пустыни. Согласно этому преданию, в районе впадения реки Саровки в реку Сатис (описываемый район находится на смежной территории Ардатовского уезда Нижегородской и Темниковского уезда Тамбовской губерний) существовали 4 татарских города, «царственнейшим» из которых был город Сараклыча. Около 1389 г. потомок Сараклыча князь Бехан «со всем родом своим...чадцами и домочадцами» переселился из города Сараклыча и из других городов «за реку Мокшу», в Темниковскую сторону и поселился там...во вновь построенном городке» (226, л.13 об.). Вариант этого предания, включающего родословные татарских князей, обнаружен М.Г.Сафаргалиевым в фондах бывшего Саровского монастыря. О родоначальнике татарских князей Бехане говорится: «При великом князе Дмитриии Ивановиче и сыне его Василии Дмитриевиче был из Золотой Орды князь Бехан, а житие имел на устье рек Сарова и Сатиса, в которое место по запустошении ево (по другой редакции - «от мору» и от рати Рязанской), на том старом городище, а ныне на том месте построена Саровская пустынь. В то же время оный князь Бехан по власти Золотой Орды царя, владел многими окрестьинскими городами и другими жилищами татарскими и мордовскими» (198, с.69).

В первую очередь такие предания бытовали, видимо, среди потомков мурз и князей. Повышенная концентрация последних была характерна именно для районов проживания чокающих мишарей, что отчетливо видно по материалам ландратской переписи 1715 г. (см.: 190; 192; 205; 227; 228). Неудивительно, что для указанных районов М.Г.Сафаргалиев смог собрать многочисленные свидетельства (в том числе и генеалогические записи) о переселении золотоордынских феодалов в зону позднейшего проживания темниковских мишарей.

Проникновение золотоордынских тюрок на территорию формирования темниковских мишарей началось довольно рано. На этой территории в XIV в. (примерно до 70-х гг. XIV в., хотя В.Л.Егоров время полного запустения датирует началом XV в. - см.: 229, с.106) существовал золотоордынский город Мохша *Мукушы*, известный в XIX в. как Наровчатское городище (227). В русских летописях под 1361 г. отмечается миграция в район этого города выходцев из Золотой Орды: «...князь Ординский Тагай... от Бездежа и

Наручады ту страну отнял себе и ту живяше и пребываше» (228, с.71). Спустя четыре года этот князь продолжал жить в «Наручади», так как в той же летописи под 1365 г. сказано: «Того же лета Тагай князь Ординский из Наручади прииде ратию татарскою...» (230, с. 79). В исторических преданиях пензенских мишарей говорится об их былых связях с Наровчатом: они указывали, что «у них был хан Нурчат» (48, с.20).

Приведем еще один факт, подтверждающий наше мнение. В начале XVI в. на контроль за Касимовским ханством претендовали крымские ханы. При этом свои претензии они обосновывали следующим образом: в письме крымского хана Мухаммед-Гирея Василию III от 1516 г. сказано, что «князья его (крымского хана - Д.И.), а *особливо Ширинские* (выделено нами - Д.И.) и мурзы для того не соглашаются дать великому князю присягу, что на Мещерский городок, принадлежавший некогда Крыму, посажен был Ших-Али, единоплеменник Ордынским царям» (231, л.158). Возможно, тут речь идет о принадлежности этого городка и территории, «тянущей» к нему, выходцам из «рода» крымских ханов (правили в 1486-1508 гг.). На это намекает следующее место из послания крымского хана от 1518 г.: «царская фамилия не мало оскорбляется содержанием в России Ших-Алея...владеющего уделом и людьми, принадлежавшими прежде царю Нурдовлату» (231, л.164). Однако возможно и другое объяснение притязаний крымских феодалов: не исключена, например, принадлежность в более раннее время территории Мещеры Ширинам. Во всяком случае, до 1382 г. (до покупки Дмитрием Донским) Мещера принадлежала потомкам некоего князя Бахмета сына Усеинова Ширинского, завоевавшего эту территорию выйдя из «Большой Орды» (198, с.68-69). Немаловажно и то, что «род» Ширинов играл видную политическую роль в Касимовском ханстве вплоть до его ликвидации (см.: 84, с.191-193; 205). Так что особое внимание крымских Ширинов к Мещерской территории могло объясняться былыми связями района исторической Мещеры с более южными районами Золотой Орды.

В пользу данной точки зрения можно привести и некоторые косвенные соображения. По мнению А.А.Короткова, после потери значения города Укека (Увека) феодальный центр из этого города мог переместиться в Мохши-Наровчат (230). В то же время известно, что среди 10 административных единиц (иклимов), на которые делилась Золотая Орда, был и Крым «с главным городом Солхат/Сулгат или просто Крым...со включением Укека в Поволжье, важного для крымских караванных сношений...» (232, с.35). Весьма вероятно поэтому, что крымские связи с Укека перешли вначале в Мохши - Наровчат, а затем - в Мещерский городок - Касимов. Недаром в районе рек Ломово, Инсарка, Атемарка и Корсунка проходила Крымская дорога (233, с. 13) и территорию южнее города Ниж.Ломов в писцовых книгах называли «Крымскою стороною» (234, л.40).

Для XVI-XVII вв. имеются и другие сведения, свидетельствующие о наличии на территории уезда города Темникова позднезолотоордынских выходцев. Так, в грамоте князю Еникею от 1539 г. говорится: «...пожаловал князь Еникея Тенишева, сына Кугушева, велел есми татар из тарханов и башкирцев и жожерянов, которые живут в Темникове, судить и ведать по старине...как наперед сего судил и ведал отец его Тениш...» (214, с.31). Мы уже указывали ранее, что под «тарханами и башкирцами» в данном случае имеются в виду скорее всего ногайцы. О ногайцах в этом районе есть

и другие сообщения. Так, мишари из д.Митрялы Темниковского уезда Тамбовской губ. считали себя потомками трех татарских князей - Урусова, Ильшева и Нураева (235, с.51). По меньшей мере, один из этих князей - Урусов - был ногайским князем (236, с.109). В этом же уезде другое татарское селение - Княжево, носило второе название - Старое Мансурово. Оно в прошлом было центром административного деления - «Мансырова стана» (237). Тут жили князя Мансуровы (140; 192; 238).

Не исключено, что эти топонимы и сами Мансуровы имеют отношение к сыну Едигея Мансуру (умер в 1437 г.). Кроме того, к достаточно аргументированному мнению М.Г.Сафаргалиева о золотоордынском компоненте темниковских мишарей добавим еще один относительно поздний документ - жалованную грамоту от 1618 г. Согласно ему, «касимовские», «кадомские», «темниковские», «цненские» и «арзамасские» князья и мурзы названы «братьями» князей, мурз и татар «алаторских» (239, с.22). При учете приведенных выше данных о золотоордынско-тюркском, в том числе и ногайском происхождении части мишарей, особенно их социальной верхушки, значение упомянутого выше «братства» довольно прозрачно: речь, надо полагать, идет об общности этнических корней одного из относительно поздних этнических компонентов мишарей, сконцентрированного больше в районе формирования темниковской группы.

Подводя итоги изложенному материалу, достаточно уверенно можно утверждать о важности участия золотоордынско-тюркского компонента в формировании темниковской группы. Этот компонент скорее всего сложился в два этапа: на основе позднечыпчакских (XIII-XIV вв.) и ногайских (XV-XVI вв.) включений. Однако предложенный подход к этнической истории рассматриваемой группы не вполне удовлетворителен: недостаточно улавливается то обстоятельство, что золотоордынско-тюркский компонент мишарей в определенной мере мог участвовать в формировании культуры кочевого населения периода Золотой Орды в целом, включая и ногайцев. Поэтому впредь до специальных исследований, «сергачский» и «темниковский» типы культуры мишарей предлагается рассматривать больше как локальные варианты синхронного, а не диахронного порядка.

При определении статуса лямбирского этнокультурного компонента особое значение имеют исторические сведения. По данным И.Д.Воронина, населенные пункты лямбирских мишарей Черемешево, Щербаково, Лямбировь, Пензятка, Тат.Свербейка были заселены около 1640 г. мурзами и служилыми татарами, переведенными на Атемарскую черту из Темниковского уезда (240, с.186). Об этом же говорят и другие материалы. Так, население д.Щербаково в первой трети XIX в. утверждало, что из жалованной грамоты от 1686 г. видно о поселении их отцов и дедов «после Атемарских писцовых книг» (241, л.5). Если считать два поколения («отцов» и «дедов») за 50 лет, получается та же дата, что и у И.Д.Воронина. Причем, зафиксированные в конце XVIII - первой трети XIX в. фамилии Утешевых, Тонгалычевых, Абдуловых, Бичуриных, Девлеткильдеевых, Кугушевых, Шахметовых и Терегуловых были характерны и для татарского населения Темниковского уезда (см.: 241; 242). Приведем еще один ранний документ, свидетельствующий об участии выходцев из Темниковского уезда в формировании лямбирских мишарей. В 1563 г. мешчерские писцы дали земельные владения «Дивлет-

Кильдею в Мещере, в Темниковском уезде...» (243, с.2). Как мы уже видели, в XVII в. потомки Девлет-Кильдея оказались в числе лямбирских мишарей.

Справедливости ради необходимо указать, что в литературе относительно заселения района крепости Атемара существуют и другие точки зрения. Например, А.Хвощев отмечает (правда, в предположительной форме) заселение Атемара и, отчасти Саранска, переселенцами из Нижегородской губернии (244, с.46). Со ссылкой на мнение И.Д.Воронина говорит о переводе засечных сторожей Алатурской засеки на Саранскую черту и В.И.Лебедев (233, с.27). Если правильна последняя точка зрения (она, по нашему мнению, обоснована слабее), этнокультурные особенности лямбирских мишарей могли сформироваться и за счет смешения выходцев из состава носителей сергачского культурного типа с темниковскими мишарями. Но последний вывод имеет одно ограничение, связанное с проблемой определения первоначального района формирования самих сергачских мишарей. Дело в том, что в районе позднейшего проживания сергачских мишарей (бассейн р.Пьяны), татарское население фиксируется документально не ранее второй половины XVI в. (об этом писал еще А.А.Герасимов - см.: 245, с.10). Лишь в отдельных родословных содержится информация, допускающая возможность проживания татар в этом ареале в середине XVI в. (246, с.6-18; 247, с.27). Кроме того, неизвестный автор «Этнографических заметок о татарах Нижегородской губернии» (написаны около 1830-х гг.), пишет, что мишари «...здесь поселились...еще до времени Ивана Грозного; во время его походов против Казани они были уже коренными жителями на сих местах. Это видно, между прочим, из их заунывной песни на взятие Казани, где они с великой скорбью вспоминают счастливую жизнь своих предков» (49, л.1). Однако лишь на основе исторической песни такой вывод делать нельзя. Тем более, что среди татар-мишарей Нижегородской губ. были и выходцы из состава казанских татар. Переселенцы же в бассейн р.Пьяны являлись выходцами из территории исторической Мещеры, о чем свидетельствуют многочисленные документы (248, с.154; 245, с.12; 249, с.36-37, 102, 104, 180, 194, 198, 212 и др.; 250, с.183; 251, с.76; аналогичное мнение высказывала и Р.Г.Мухамедова - 25, с.18-21). Но в таком случае получается, что принципиальной разницы при расшифровке этнокультурного своеобразия лямбирских мишарей выход их из Темниковского уезда или из района Алатырской засеки не имеет: фактически происхождение этого населения, скорее всего, было общим, хотя и при разном соотношении «темниковского» и «сергачского» этнокультурного комплексов.

Итак, наиболее приемлемой представляется гипотеза о том, что на исторической территории Мещеры еще в XVI в. продолжалось взаимодействие двух этнических общностей - «можарской» и «татарской» (золотоордынско-тюркской). В результате миграционных процессов XVI-XVII вв. этот процесс географически «расщепился». В тех районах, где более сильным оказалось влияние «можарского» этнокультурного комплекса, сформировался «сергачский» культурный район, носителями которого оказались цокающие мишари; в тех ареалах, где большее значение приобрел второй этнокультурный комплекс, сложился «темниковский» культурный район, характерный в целом для чокающих мишарей. В некоторых случаях, однако, в силу, видимо, относительного равновесия двух

указанных выше составных, образовался вариант смешанного этнокультурного типа, представленный, в частности, у лямбирских мишарей. Смешанность последних и делает, по-видимому, лямбирский этнокультурный комплекс в значительной мере самостоятельным. Отсюда вывод: генетическими этнографическими группами в составе мишарей оказываются *северная (сергачская)* и *южная (темниковская)* группы. Более поздней (вторичной) является *лямбирская* этнографическая группа (она, однако, не лишена и некоторых черт формирований генетического характера).

Провести же четкую границу между северной и южной группами мишарей даже в районах, близких к исторической Мещере, довольно трудно. Тем не менее, языковые и этнокультурные особенности, наряду с некоторым своеобразием этнического самосознания («мишарское» самосознание было наиболее характерно для северной группы и для некоторых других цокающих и частью чокающих групп, а представителям южной группы было присуще в целом самосознание принадлежности к группе *тәмән*), позволяют утверждать, что подразделение субэтнуса мишарей на две основные (генетические) этнографические группы имеют основополагающее значение. Можно полагать, что в прошлом именно представители этих групп разговаривали на двух близкородственных диалектах «цокающего» и «чокающего» типов. Хотя некоторая расплывчатость границ внутренних подразделений мишарей и затрудняет их демографо-статистическую характеристику, тем не менее достаточно уверенно можно говорить о численном перевесе северной группы, сыгравшей при формировании мишарского субэтнуса роль своеобразного ядра данной этнической общности (4, с. 107).

Между северной и южной группами мишарей в Среднем Поволжье образовались еще две переходные этнокультурные общности - *темниковско-пензенская* и *средневожская смешанная*. Первая из них находится на древней этнической территории мишарей, но имеет весьма зыбкие очертания: в этом ареале нет даже особого говора. Поэтому мишарей, относящихся к темниковско-пензенскому этнокультурному району, нецелесообразно относить к самостоятельной этнографической группе. Их скорее можно считать несколько обособленной подгруппой южной (темниковской) группы мишарского субэтнуса.

Самостоятельной этнографической группой вторичного характера, несмотря на языковую неоднородность (о причинах языковой дробности будет сказано далее), является население, локализованное на территории распространения культурных особенностей средневожского смешанного района. В формировании этой группы основную роль сыграли выходцы из генетических подразделений мишарей (особенно из северной группы). Но в ее сложении участвовали и касимовские, а в контактных зонах - также и казанские татары.

Сложным является вопрос о статусе приуральских мишарей. Имеющиеся при решении данного вопроса трудности носят двоякий характер. Во-первых, мигранты в Приуралье территориально настолько оторвались от мишарей Среднего Поволжья, что не могут рассматриваться в структуре их средневожских этнографических подразделений. Тем более, что переселенцы в Приуралье испытали сильное этнокультурное воздействие казанских татар (главным образом, тептярско-башкирской группы), местами и башкир. Во-вторых, мишари с самого начала переселения на восток образовывали в Приуралье осо-

бую служилую группу полусословного характера (см. материалы по XVI - началу XVIII вв.: 123, с.72-73; 252, л.3; 224, с.574-581; 43, с.51-65; 253, с.493). С 1747 г. им было велено «служить» вместе с башкирами на Оренбургской и Сибирской линиях (123, с.73; 254, с.511-513). А указом от 10 апреля 1798 г. для башкир и мишарей была введена система управления, просуществовавшая до 1865 г. и оформившая создание башкирско-мишарского («мещеряцкого») войска (см., например: 224, с.6, 391-394, 567-568, 574-577). 5 из 16 кантонов в войске были «мещеряцкими» (255, с.307). В 1863-1865 гг. кантонная система была ликвидирована, но при этом входившие в «башкирское войско» мишари получили по 30 десятин земли на душу (как и тептяри), то есть в два раза больше, чем «гражданские» припущенники (подробнее см.: 255, с.312-313; 256, с.63-65; 257, с.165; 259, с.346; 258). Таким образом, даже во второй половине XIX - начале XX вв. сословный характер группы мишарского населения Приуралья сохранялся, хотя и в видоизмененной форме (на базе специфики землевладения). Правда, не все мишари Приуралья относились к служилым, так называемым «военным» припущенникам (этот вывод основывается на документах XVIII в. - 260, л.56; 261, л.337; 262, л.364). В то же время в сословие служилых «мещеряков» попасть было несложно: в XVIII в. для этого было достаточно показаний двух свидетелей, подтверждающих принадлежность челобитчиков к населению той или иной мишарской деревни Уфимского уезда (43, с.52). В целом специфика приуральских мишарей заключается в «стертости» у них многих, присущих мишарям в Среднем Поволжье культурно-языковых особенностей (31; 42, с.17). Данной группе поэтому не соответствует самостоятельный этнокультурный район. Очевиден и сословный характер рассматриваемой группы (этим и объясняется значительная ее территориальная распыленность, определенная языковая дробность). Поэтому *приуральских мишарей* следует квалифицировать как этнографическую *группу этносословного* типа.

Часть группы в составе мишарского субэтноса состоит из ряда этнографических подгрупп. В рамках южной (темниковской) группы выделяются 4 подгруппы: темниковская, восточная (саратовская), западная и юго-восточная (заволжская). Первой из них соответствуют темниковский, второй - кузнецкий и хвалынский (весьма близкие между собой) говоры. Язык представителей последних двух подгрупп не оформился в самостоятельные языковые подразделения (говоры или подговоры) (42, с.17).

Темниковская подгруппа является наиболее древней частью южной группы мишарей. Она во многом оказалась «материнской» по отношению к остальным подгруппам с «чокающими» говорами. Расселение мишарей из Темниковского уезда началось еще во второй половине XVI - первой трети XVII вв. Первоначально наблюдалось постепенное освоение татарами южной части самого Темниковского уезда. Так, в челобитной мурз, татар, мордвы и ямщиков Темниковского «города» на имя царя Алексея Михайловича говорится: «...до Казанского взятъя поставлен город Темников по сю сторону уезда*, в лесу, за рекою...Мокшею...для приходу казанских во-

* До 1536 г. старый г. Темников находился на месте с. Старое Городище Темниковского уезда. Точное время его основания неизвестно. Согласно русским летописям, в 1536 г. «представлен град Темников на иное место, на реце Мокше же» (263, с.89). До 1576 г. на месте брошенного уже городища находились владения татар (264, с.13).

инских людей...а уездные села и деревни и емская слобода все на напольной стороне» (265). В 1563 г. князю Девлет-Кильдею в Темниковском уезде была дана пустошь около р. Урей - там в то время начиналось дикое поле (266, с.2). С 1586 г. «по другую сторону Мокши» отмечается д. Малое Пурдышково с двором князя Кулунчака Еникеева; в 1595 г. его двор находился в починке Исеев Гильдина. Рядом имелись владения татар деревень Шешеди и Буртас (266, с.112,132). Эти селения первоначально относились к Мещерскому уезду (Замокшанский стан), а с 20-х годов XVII в. - к Аксельскому стану Темниковского уезда (267, с.123; 268, с.67).

В первой трети XVII в. в Темниковском уезде фиксируется целый ряд других татарских селений: Ардашево (1604 г.), Русаново (1614 г.), Карино, Чекаево, Урей (1611 г.), Дракино (1613 г.), Матрал, Нов.Пичиполонга (Можаровская), Лаколей, Вечкенино, Ирсит (1620-22 гг.) (268, с.175-177; 269, с.182-186; 248, с.222). Многие из этих деревень были переписаны в составе Темниковского уезда в 1614 г. (270, с. 54-55; 271). Движение мишарей в южном и юго-восточном направлениях было связано с построением между 1636-1648 гг. «на напольной стороне...за Темниковым» вала и засечных крепостей (Верхнего и Нижнего Ломова, Инсара, Саранска, Симбирска и др.). Согласно заявлению самих татар, как были построены «...в прошлых годах...за Темниковым...новые города...старые засечные крепости...оставлены и засечные сторожи сведены на вечное житье (в 1647 г.) в новые города...в новом городе Инсаре» (265). Однако выселились не все татары. В том же документе сообщается: «Темниковская старая засека еще не оставлена». Фактически именно на территории старого Темниковского уезда и были образованы позднейшие Темниковский уезд Тамбовской губ. и Краснослободской уезд Пензенской губ.

В результате миграций первой половины XVII в. была заселена территория будущего Инсарского уезда Пензенской губ. Так, в 1642 г. упоминаются «служилые атемарские татары...по Инзарской дороге» (271, с.133). Около 1646 г. была основана д.Исенские Поляны (272, с.410), отмеченная в 1671 г. в Инсарском уезде (273, с.337). Еще в 1632 г. темниковским татарам было отделено поместье на диком поле у речки Шуструе (Шекстрове) (272, с.403), где было основано селение, известное в 1675 г. (273, с.345) и входившее в более позднее время в состав Краснослободского уезда Пензенской губ. Некоторые данные о продвижении татар в направлении Инсар и Краснослободского приводит и Р.Г.Мухамедова (25, с.22). В 1663 г. была построена Пензенская слобода (233, с.93), с основанием которой связано образование татарских деревень Шелтаис и Синорово (274, с.11), последняя из которых находилась уже недалеко от территории будущей Саратовской губ. В районе расселения темниковской подгруппы наблюдается достаточная однородность культурно-языковых параметров, что связано с выселением представителей данной подгруппы с достаточно компактной территории старого Темниковского уезда.

На этом фоне несколько выделяется западная подгруппа, локализованная в Чембарском уезде Пензенской, Тамбовском и Борисоглебском уездах Тамбовской губерний. Тому были свои причины. По документам видно, что некоторые татарские деревни (например, д.Мочалейка) Чембарского уезда были основаны выходцами из «Керен-

ской округи д.Ст.Чиуш» (275, с.1). Об этом же свидетельствует существование в Керенском уезде Пензенской губ. д.Мочалейка. Кроме того, название одного из селений Чембарского уезда - Кикино, скорее всего восходит к фамилии Кикичевых, которые в 1633 г. упоминаются именно в Керенском уезде (276). А татарские селения Тамбовского и Борисоглебовского уездов Темниковской губ., образовавшиеся где-то около начала XVIII в. (277, с.288), выделились из состава Шацкого уезда (201, с.102-103). Эти данные позволяют наметить несколько иные истоки западной подгруппы. По грамотам от 1658 г. на территории Керенского уезда отмечены «кадомские мурзы» (278, с.148). В начале XVII в. в Кадомском уезде числились следующие татарские деревни: Покровское (так же называлось и татарское село в Тамбовском уезде в начале XVIII в. - см.: 277, с.288; 201, с.102-103), Чиуш (Тат.Лаколей*), Акаево, Подлесово; в 1610-1630-х гг. - Баисово, Тонеево, Кулыково, Крутец, Иванково, Торопово, Новое Еникеево, Вечкенино, Старое и Новое Мансырово, Шигалеево, Екшеево, Муратово, Микитино, Тугушево (Деребердеево), Азеево; в 1649 г. известны Сыркыды, Акбердеево, Кулаково, Куцапино и др. На территории Шацкого уезда с начала XVII в. отмечается д.Б.Студенец; с 1620-х гг. были переписаны Агламазово, Березовка, Караулово, Новоселок, Алакуш, а в 1640-х гг. - Выползово. Новинки, Лоткозино, М.Студенец (см.: 279, с.4; 273, с.304-415; 280, с.370; 281, с.194; 282, с.П; 268, с.138; 283, с.31; 284, с.85,130-131; 179, с.269; 285, с.66; 286, с.2,22,35,130,134; 287, с.66,69,119,129; 288, с.56,60-61; 275, л.3; 289, л.2-2об.; 241, л.6-13об.).

Упоминание в Кадомском уезде д.Сыркыды показывает, что там уже в первой половине XVII в. имелись «цокающие» мишари (о говоре населения этой деревни см.: 23, с.93). Они могли участвовать в формировании западной подгруппы. Но большее значение в сложении данной подгруппы сыграли Тенишевы. Мамины, Акчурины, Кудашевы, Маматовы, Темгенева, Тарбеевы, Еникеевы, Лоткозины, Кикичевы, Неверовы, Кашаевы, Ширинские, Тимиревы, Карачюрины и др. (290, с.57), часть из которых связана с касимовскими и бастанскими татарами. Заключение браков представителями рассматриваемой подгруппы в XVII в. не только с мишарями из темниковской подгруппы, но и с бастанскими татарами, говорит о том же (291).

Прежде чем обратиться к двум остальным подгруппам южной группы (саратовской и заволжской), которые сформировались относительно поздно, следует детальнее рассмотреть историю сложения отдельных подразделений средневолжской смешанной группы, состоящей из четырех подгрупп: буинско-симбирской, корсунско-сенгилейской, чистопольской и ставропольской. По языковым особенностям население, образующее эти подгруппы, является носителем 3-х говоров: дрожжановского, чистопольского, мелекесского. Вторая подгруппа по языку не выделяется.

Буинско-симбирская подгруппа складывалась с середины XVII в. и ее история во многом была связана с основанием крепости Симбирска в 1648 г. (292, с.22). Уже в

* Название д.Тат.Лаколей упоминается и в другом документе: в 1629-30 гг. царем Михаилом Федоровичем было указано на необходимость «обозреть приписанные к г.Нижнему Ломову от Красные Слободы села и деревни татарские Дивеево (Татарская Инсара тоже), Лаколей Татарский, Исангушский починок» (238, л.42).

1648 г. по «ведомству» г.Симбирска числились «служилый тархан Енубячка Бакшандин с товарищи» (293, с.206). По «Строельной книге г.Симбирска» за 1653-1654 гг. в Симбирском уезде указываются больше десятка татарских деревень (294, с.71-85). А по «Приходно-расходной книге Синбирской приказной избы» за 1665-1667 гг..в этом уезде насчитывалось около 30 татарских селений (296). Татарское население Симбирского уезда переселилось из разных районов проживания мишарей, в основном «цокающих». Об этом можно заключить не только из языковых данных (42, с.16), но и из исторических материалов. В частности, Е.А.Малов приводит предания об основании деревень Кара-Кита и Тат.Тюки Буинского уезда Симбирской губ. выходцами «из Рязани» около 300 лет тому назад (48, с.8). Действительно, около 1649 г. в д.Каракоте упоминается «Васка Богданов с товарищи» (25, с.21). Судя по фамилии Богданов, они были выходцами из Кадомского или Темниковского уездов. Селение Ст.Студенец Суук Су того же уезда было основано переселенцами (частью мурзами) «из Темникова» (45, с.36). Это подтверждает и Л.Ш.Арсланов (72, с.29).

Сюда же переселились мигранты и из среды сергачской группы. Так, с.Нов. Студенец было заселено мишарями «с реки Пьяны» в 1662 г. (72, с.26). Ими же в середине XVIII в. было основано с.Мочалей Буинского уезда (72, с.26. Одноименное селение находилось в составе Корсунского уезда Симбирской губ.). Также сергачскими мишарями были заселены деревни Шигирдан и Тат.Сугут этого же уезда (69, с.25-27). Участие северной группы мишарей в формировании рассматриваемой подгруппы обосновывается и данными из архива Баюшевых (297).

Вместе с тем, некоторые из деревень Симбирского уезда в XVII в. были основаны казанскими татарами (294, с.83). Кроме того, в ряде селений этого уезда в 1660-х гг. татары жили совместно с «чувашами» (296). Этими «чувашами» могли быть не только этнические чуваша, но и казанские татары. Например, в д.Елхово-Озерной, в которой наряду с татарами упоминались и «чуваша» (см.: 293), в начале в 1648 г. поселились выходцы из Свияжского уезда, к которым в 1664 г. добавились мишари (298, с.11). Наконец А.Н.Булатов сообщает (299, с.190), что население отдельных деревень Буинского и Симбирского уездов имеет отношение к ногайцам. В плане поисков в этом направлении отметим, что турецкий путешественник Э.Челеби в XVII в. мусульманское население Алатырского уезда, принявшее активное участие в освоении территории Симбирского уезда, делит на «хешдеков» (так он именуется и казанских татар) и на «иман садак» (300, с.133). Причем последних, называя их «татарами», он отмечает и в числе жителей окрестностей Терской крепости (300, с.128). По-видимому, в данном случае речь идет о ногайцах. Любопытно, что в Симбирском уезде существовало татарское селение «Кырык Садак». А «кырык» - это родоплеменное подразделение в составе ногайцев (301). Не исключено, что ногайский компонент буинско-симбирской подгруппы образовался за счет мигрантов из района проживания бастанских татар. Но доказать это пока не представляется возможным. Смешанность населения этой подгруппы привела к формированию ее как самостоятельного этнокультурного подразделения мишарей.

Корсунско-сенгилейская подгруппа образовалась при проведении в 1648 г. новой Корсунской засеки. В том году было велено переписать «курмышских неверстанных мурз

и татар» с тем, чтобы «взяти на службу...на вечное житье...в Корсунь и во все города и остроги, которые устроены подле Корсунской засеки». Переписанных оказалось 435 человек (292, с.22). В 1652 г. на этой «черте» служилым конным татарам д.Ногаевы (50 чел.) была отведена земля на речке Сухом Корсунове (293, с.206). В сметной росписи 1661 г. татары отмечаются по Корсунской черте в Тальском остроге и в крепости Корсун (233, с.78-80). В отказных книгах 1670-79 гг. упоминаются станичные татары д.Сенгилейки (25 чел.) (292, с.206). Судя по документам, часть этих татар были мишарями из Курмышского уезда - то есть выходцами из среды северной группы (см. также: 25, с.123).

Преобладали же, видимо, мигранты из состава лямбирской группы. Во-первых, по материалам женской одежды представители карсунско-сенгилейской подгруппы близки к лямбирским мишарям (хотя имеется и общность с сергачской группой) (25, с.123). Во-вторых, по преданиям, жители д.Тат.Голышевка (Аксу) Карсунского уезда переселились из д.Таулы (скорее всего имеется в виду д.Тавла Саранского уезда Пензенской губ.). Кроме того, некоторые из селений рассматриваемой подгруппы (Ахметли, Б.Сайман, Тат.Калда, Ст.Тимошкино), входившие в состав Карсунского уезда в конце XVIII в. (301), находились по соседству с деревнями Верх.Салман (Сайман, Идекей), Ново-Тимошкино и Мамезерово (184). Но в 60-х гг. XVIII в. известно с.Макмазарово в Темниковском уезде (302). Очевидно, из этой деревни и выселились жители д.Мамезерово Симбирского уезда. Недаром некоторые исследователи отмечали возможность участия татар из Темниковского уезда в освоении района Карсунской «черты» (265; 233, с.80). Кроме того, в Инсарском уезде Пензенской губ. существовала д.Верхняя Салмовка (Сайман). А до XVIII в. территория этого уезда относилась к Саранскому уезду, то есть население проживало совместно с лямбирской группой. По мнению Р.Г.Мухамедовой, комплекс женской одежды мишарей Инсарского уезда имеет много общего с лямбирским комплексом (25, с.122). Поэтому можно полагать, что из Темниковского уезда в направлении Карсунской крепости мигрировали больше представители лямбирской группы. Смещение выходцев из состава северной и лямбирской групп и привело к сложению специфических особенностей карсунско-сенгилейской подгруппы.

Чистопольская подгруппа начала образовываться после построения Закамской линии (по направлению Белый Яр - Тиинский острог - Кичуйский острог - Заинск - Ново-Шешминск - Мензелинск) в 1652-1656 гг. (232, с.89-92). В 1661 г. в «Казанском уезде по Ногайской дороге за Каму реку» в д.Урень (Янтудино) была дана земля 19 «мещерякам». К ним переселились татары из разных деревень Симбирского, Саранского и Свияжского уездов (294, с.160). По данным Г.И.Перетятковича, в конце 1670 – начале 1680-х гг. в верховьях р.Майны появились 28 дворов татар из Свияжского уезда (из деревень Анеут, Еркеево, Ниж.Тархан). Они затем были переведены в д.Баран, основанную татарами из Свияжского уезда. Тогда же выходцы из Саранского и Симбирского уездов основали д.Чердаклы. В начале 90-х гг. XVII в. из переселенцев Темниковского и Симбирского уездов образовалась д.Уренбаш, а из мигрантов Свияжского уезда - д.Ураево. В конце XVII в. из д. Каракит Симбирского уезда выселились жители д.Ертуганово Чистопольского уезда. Из того же уезда в конце XVII в. переселились жители д.Богдашкино. Из д.Анеут Свияжского уезда переселились татары д.Яркуль (около 1692 г.).

Еще в 1668 г. переселенцы из Симбирского уезда - ясачные татары и чувашаи основали д.Нараткуль (Еремкино). В 1680-х гг. служилые мишари положили начало д.Ахметево. Около 1668 г. в районе речек Шия и М.Черемшана упоминаются татарские деревни Долгое Озеро, Рыскино, Тюгеево. По грамоте от 1671 г. было положено начало д.Тах-тала. В 1692 г. отмечаются «старые деревни» Лебяжье Озеро и Быково Поляна (304, с.287-331). По нашим подсчетам, в итоге активной миграции татар в Западное Закамье во второй половине XVII - начале XVIII вв., к первым десятилетиям XVIII в. в этом районе насчитывалось до 70 мишарских, ясачных и крещено-татарских деревень (подсчитано по: 305). Преобладало мишарское население.

Таким образом, чистопольская подгруппа образовалась главным образом за счет переселенцев из правобережных районов р.Волги. Основную роль при этом сыграли выходцы из среды цокающих мишарей. Но имелись и мигранты из Темниковского уезда (42, с.7). Об участии в формировании этой подгруппы лямбирских мишарей свидетельствует бытование среди части их в XVIII в. головного убора «кашпау» (25, с.110). Кроме того, по некоторым преданиям отдельные села (например, д.Ст.Ибраево Чистопольского уезда) были основаны переселенцами «со стороны Пензы» (306, с.282). Наконец, одной из особенностей чистопольской подгруппы являлось длительное соседство с казанскими татарами, в итоге которой чистопольский говор испытал сильное влияние среднего диалекта (306, с.177-181). Этнокультурные данные говорят о том же (см. также наблюдения Р.Р.Мингуловой: 306, с.5).

Ставропольская подгруппа сформировалась не ранее второй половины XVII - начала XVIII вв. в основном за счет выходцев из среды мишарей Симбирского уезда; но были и мигранты из Саранского, а также Свияжского уездов (304, с.255,292,294). Таким образом, данная подгруппа образовалась из тех же компонентов, что и чистопольская. Хотя можно допустить, что в состав ставропольской группы могли войти и ногайцы с правобережья Волги (см. близость по некоторым параметрам культуры с частью кряшен Казанского и Лаишевского уездов Казанской губ. и с пермскими татарами - 307, с.113). Кроме того, на эту подгруппу большее воздействие оказали представители тептярско-башкирской группы казанских татар (территориально носители камышлинского говора близки к ней).

Вернемся к двум оставшимся подгруппам (восточной и юго-восточной) южной группы мишарей. Первая из них начала складываться не ранее второй половины XVII в., скорее всего, около 80-х гг. XVII в., то есть после проведения Сызранско-Пензенской сторожевой линии (302, с.306; 272, с.409). Ряд документов показывает, что татарское население Саратовской губернии (восточная подгруппа) образовалось из выходцев из разных уездов с мишарским населением. Так, по данным за 1745 г. видно, что деревни Адельшино, Елань Кадада, Багильдино, Новоселки, Чирикли, Индерки были основаны мишарями из Пензенского уезда (в последнем селении были и переселенцы из Саранского уезда), а д.Исекеево - из Саранского уезда (308). По II ревизии из 35 татарских деревень будущей территории Саратовской губ. 10 были образованы за счет переселенных из Пензенского, 2 - из Пензенского и Саранского, 3 - из Темниковского и 1 - из Симбирского уездов (жители остальных селений по местам выхода не определены -

см.: 308; 309). Мишарское население Петровского уезда Саратовской губ. также выселилось между 1723-1744 гг. из д.Вершаут Пензенского уезда (310). Кроме того, такие деревни как Верх.Мастяк, Ендовка, Зеленовка, Лебожайка, Кармалей, Чертанли, Кирюшкино были основаны мишарями из Симбирского уезда; Усть-Карновар - выходцами из Алатырского, Касимовского, Темниковского уездов; Озерки (Терешка) - мигрантами не только из Симбирского, Алатырского, Темниковского и Пензенского уездов, но и Казанского; выходцы из Казанского уезда имелись и в д.Лебожайка (311). Жители д.Ахметли Сенгилеевского уезда Симбирской губ., бывшие скорее всего переселенцами из Керенского уезда Пензенской губ. (312, л.5), позже имели владения и в д.Нов.Зимницы Хвалынского уезда Саратовской губ., куда, надо думать, часть их выселилась. Поэтому следует согласиться с мнением Л.Т.Махмутовой, пришедшей на основе анализа преданий саратовских мишарей к выводу, что они пришли «из Темникова» и «частью из бывшей Симбирской губернии» (42, с.126).

Таким образом, на территории Саратовской губ. столкнулись две «волны» переселенцев из среды южных и северных групп, а также лямбирских мишарей. Отсюда ясно, почему в хвалынском говоре «четче, чем в кузнецком, прослеживается общность его с лямбирским, а также в какой-то степени и с сергачским говорами», тогда как на западе ареала распространения кузнецкого говора «более четко...проявляются особенности темниковского говора, а на востоке...меньше» (42, с.17). Этнокультурные материалы дают такой же вывод. Так, по описаниям начала XX в. одежда саратовской подгруппы больше напоминала одежду темниковских мишарей (314, с.3-4). Хотя Б.М.Соколов по поводу мишарей Петровского уезда замечает, что «здешние татары... по говору и отдельным фактам быта резко делятся на две группы» (315, с.20). Несмотря на некоторое преувеличение, характеристика Б.М.Соколова должна быть признана справедливой: видимо, саратовская (восточная) подгруппа, включившая ряд компонентов, к началу XX в. еще не успела полностью сформироваться в подгруппу с однотипной культурой (см. также: 42, с.9-11).

Юго-восточная (заволжская) подгруппа возникла в результате переселения в конце XVIII в. части представителей саратовской подгруппы на левый берег р.Волги. Первое селение Ново-Узенского уезда Самарской губ. - Осинов Гай *Иске Узин* было основано в 1780 г. выходцами из Хвалынского уезда Саратовской губ. (42, с.11). К началу XIX в. в уезде существовало еще одна деревня - Алтата, которая была заселена выходцами из Кузнецкого уезда (в документе сказано: «...живущих...и наперед переводимых в оную (деревню - Д.И.) 2000 душ некрещеных татар» - 316, л.68-69). В первой половине XIX в. на территории Ново-Узенского уезда было уже 4 крупных татарских села; все они образовались за счет переселений из Саратовской губ. (42, с.12). Д.Нов.Елюзань Николаевского уезда скорее всего также возникла на основе переселения населения из Саратовской губ. (в Кузнецком уезде этой губ. имеются три татарских населенных пункта с названием «Елюзань»). В языковом отношении мигранты до сих пор не отличаются от носителей говоров, характерных для территории Саратовской губ. По-видимому, специфика их культуры сформировалась под воздействием географической среды и этнокультурных контактов с тюркским насе-

лением Нижнего Поволжья (об особенностях культуры этих групп см.: 317). В целом юго-восточную подгруппу скорее всего надо рассматривать как значительно обособившуюся часть восточной (саратовской) подгруппы.

В приуральской группе можно обозначить 5 подгрупп, правда, не имеющих ярко выраженных этнокультурных признаков. Это уфимско-бирская, белебеевско-стерлитамакская, оренбургская, северо-восточная и зауральская подгруппы. Каждой из них соответствует отдельный говор (по порядку перечисления: байкибашевский, стерлитамакский, шарлыкский, златоустовский и сафакульский - см.: 21; 43, с.114; 113, с.16-17; 117, с. 8-10; 120, с.136).

Начало группе приуральских мишарей было положено еще в 80-х гг. XVI в. Известно, что мишари участвовали в основании г.Уфы в 1586 г. В составе жителей г.Уфы «татары» упоминаются и в 1591-1592 гг. (318, с.26). Об отправлении мишарями «казацкой службы» в 1598 г. во «вновь построенном г.Уфе» сообщается в документах (252, л.3; 224, с.581; 124, с.72-73). По грамоте от 1686 г. «мещерякам» было велено «служить по городу Уфе» наряду с «тутошними дворянами и иноземцами». В 1699 г. этих служилых «мещеряков» насчитывалось 748 «человек» (то есть взрослых глав «дворов») (124, с.72). Первоначально они концентрировались на северо-западе Уфимского уезда по соседству с г.Уфой. В XVII в. в этом районе в документах упоминаются следующие селения мишарей: Тупеево (1620 г.), Янагушево (1667 г.), Тюрюшево (1680 г.), Султино (1689 г.), Байбаково (1699 г.) (319, с.319,334,336); Кулбарисово (Сабаево), Сюнеево, Иванаево, Кемеево, Бабаево, Мрясимово, Ум-кеево, Деуш, Урюш (1659-1700 гг.), Токмаклы, Мусино (начало XVIII в.). По переписи 1720 г. из 41 деревни «служилых мещеряков» Уфимского уезда 39 находились на северо-западе этого уезда (34 - по Осинской и 5 - по Казанской «дорогам» - 43, с.52). Согласно переписным книгам 1722-1723 гг., по Казанской и Осинской «дорогам» отмечены 80 деревень служилых татар и мишарей, тогда как по Симбирской «дороге» - лишь 39 (подсчитано по: 320).

Приведенные данные свидетельствуют, что наиболее ранней подгруппой приуральских мишарей является уфимско-бирская. Среди них, по-видимому, преобладали «цокающие» мишари. Во-первых, байкибашевский говор, распространенный в ареале проживания представителей этой подгруппы, относится к «цокающим» говорам (42, с.16). Во-вторых, в их исторических преданиях говорится о приходе предков из «Симбирской губернии», из района «Алатыря» и «реки Пьяны» (21, с.69-70). О том же говорится в «Записке Оренбургского правления по вопросам управления разными группами населения Башкирии» (1800 г.). В частности, в документе сказано: «Сей народ (мишари - Д.И.) не коренной Оренбургской губернии, но перешедший по нынешнему положению Симбирской губернии из Алатурского и Симбирского уезда» (224, с.581). В прошении мишарских депутатов от 1794 г. также говорится, что их предки вначале жили на Нагорной стороне Волги, а потом «были командированы...с протчими великороссийскими войсками,...сперва для смирения...ногайцев и защищению вновь пришедших тогда в подданство башкирцев, ...а потом против сих самих башкирцев в 1676 г.» (224, с.574). Именно после событий 1676 г. служилые мишари начали, видимо, расселяться дальше от г.Уфы. Во всяком случае, в упомянутом документе сообщается, что после

1676 г. предки мишарей «были оставлены между селениями их (башкир - Д.И.) для жительства и для примечания, ...и для безопасности г.Уфимска» (224, с.574).

Приток мишарей в западные и юго-западные районы Приуралья - туда, где сформировалась их белебеевско-стерлитамакская подгруппа, происходил в конце XVII - первой половине XVIII вв. Миграция сюда продолжалась и во второй половине XVIII в. (подробнее об этом см.: 43, с.19-82; 42, с.8; 67). При этом среди переселенцев оказалось много выходцев из среды южной (темниковской) группы мишарей (312, с.9,14-15; 322; 323; 43, с.321). Хотя сюда же в XVIII в. и позже мигрировали и представители уфимско-бирской подгруппы (43, с.52-53). В итоге у мишарей Стерлитамакского и смежной части Белебеевского уездов Уфимской губ. сложился самостоятельный стерлитамакский говор, носители которого и образовали отдельную подгруппу приуральских мишарей.

Образование оренбургской подгруппы мишарей было связано с началом освоения Оренбуржья в середине XVIII в. Как нами уже отмечалось, мишари вошли в состав местных групп казаков. Но массовое переселение мишарей в этот район начинается лишь в конце XVIII в. (113, с.13). В 1795г. было переписано население «новозаведенной» д.Баширово Бузулукского уезда, жители которой переселились из Буинского уезда Симбирской губ. Примерно тогда же мигранты из «Симбирского наместничества» - судя по названиям селений - мишари, основали деревни Мулюково, Биккулово и Имангулово. В 1779 и 1789 гг. в с.Чеганлы, основанное еще в 1759 г., подселились мишари из Саранского уезда Пензенской губ. Жители д.Абдрахманово являются выходцами (около 1832 г.) из д.Богдан Краснослободского уезда Пензенской губ. Миграция мишарей в Оренбуржье продолжалась и в XIX в. Так, в 1842 г. выходцами из д.Тукаево Стерлитамакского уезда Уфимской губ. была основана д.Тукаево Оренбургского уезда. Тогда же примерно возникли деревни Новомусино, Яфарово, Султакаево Оренбургского уезда Оренбургской губ. Они были заселены выходцами из Пензенской губ. Другой населенный пункт - д.Ибраевка, по соседству с указанной выше д.Тукаево, была основана в 1872 г. переселенцами из Инсарского уезда Пензенской губ. (они некоторое время жили и в Бугульминском уезде Самарской губ.). Согласно преданиям, д.Ислаевка Оренбургского уезда основана пензенскими мишарями в 80-х гг. XIX в. (подробнее см.: 113, с.13-15). В некоторых случаях мишарское население рассматриваемой подгруппы поселилось совместно с казанскими татарами (113, с.14; 322). Таким образом, данная подгруппа характеризуется как относительно поздним формированием, так и участием в ее складывании представителей разных групп и подгрупп мишарей (темниковской, лямбирской, белебеевско-стерлитамакской подгруппы приуральской группы).

История образования северо-восточной подгруппы приуральских мишарей детально исследована Т.Х.Хайрутдиновой. По ее мнению, эта подгруппа сложилась с конца XVII - по конец XVIII вв. за счет внутренних миграций самих приуральских мишарей (главным образом, путем переселений из среды уфимско-бирской подгруппы) и в результате переселений из Среднего Поволжья. Среди последних были и выходцы из состава северной (сергачской) группы мишарей. Но особенностью северо-восточной подгруппы являлось их проживание в большинстве случаев совместно с представителями тептярско-башкирской группы казанских татар (117, с.8-16), что, несомненно, оказало существенное влияние на язык и культуру мишарского населения рассматриваемой подгруппы.

Зауральская подгруппа мишарей (Екатеринбургский и Шадринский уезды Пермской губ. и Челябинский уезд Оренбургской губ.) первоначально входила в состав Исецкой провинции, где в 1739 г. насчитывалось 546 душ служилых «мещеряков» (323). Точное время их обоснования в Зауралье неизвестно. Имеющиеся в нашем распоряжении документы указывают на 1730-е годы (326, л.23 об.). По архивным делам видно также, что земли за ними были закреплены в 1748 г. по указу Оренбургской губернской канцелярии «за верную службу» (326, л.14-15 об.). Возможно, что вначале эти мишари жили в Шадринском уезде, откуда потом переселились в Челябинский уезд Оренбургской губ. (327, л.3-5 об.). По-видимому, в Зауралье мишари переселились из района проживания представителей уфимско-бирской подгруппы. Об этом свидетельствует следующий факт: в 1770-х гг. среди мишарей Челябинского уезда имелись мурзы Киреевы (326, л.13), которые известны и в составе мишарей уфимско-бирской подгруппы (в 1722 г. Киреев был сотником мишарей Осинской «дороги» Уфимского уезда - см.: 316). В пользу такого мнения говорит и вывод Ф.Ю.Юсупова о близости сафакульского говора к пермскому, бирскому и мензелинскому говорам среднего диалекта (120, с.136), характерных для татар северо-западных районов Приуралья. Нельзя не отметить и возможность участия в формировании зауральских мишарей выходцев из состава бастанской группы (такой вывод делается нами на основе обнаружения среди мишарей д.Мансурово Челябинского уезда мурз Мансуровых (326, л.14)). Последние, видимо, оказались среди мишарей еще в период их продвижения из Среднего Поволжья в Приуралье. В Зауралье мишари испытали сильное воздействие башкирского языка и культуры (120, с.135-138).

Приведенный нами анализ причин формирования среди приуральских мишарей разных подгрупп, позволяет сделать вывод о том, что с одной стороны эти подгруппы образовались за счет смешения выходцев из состава первичных и вторичных групп самих мишарей. С другой стороны, большое значение имело и этнокультурное воздействие окружающего населения, в первую очередь, казанских татар: несложно заметить (см. карту 5), что отдельные подгруппы мишарей в Приуралье расселялись в ареалах локализации этнокультурных районов казанских татар.

Таким образом, в составе субэтноса мишарей выделяются 5 этнографических групп (северная, южная, лямбирская, средневожская смешанная и приуральская). Северная (сергачская) и южная (темниковская) группы относятся к типу генетических (первичных). Некоторые черты генетического образования имеет и лямбирская группа, в целом являющаяся формированием более поздним (вторичная группа). К последнему типу относится и средневожская смешанная группа. Приуральская группа мишарей, являющаяся этносословным образованием, является вторичной.

§ 4. Этнографические группы в составе субконфессиональной общности кряшен

Крещенотатарская этнокультурная подобласть не имеет сплошной территории, образуя анклав в пределах казанско-татарской и смешанной подобластей. При этом неизбежна определенная связь этнокультурных и языковых таксонов кряшен и та-

тар-мусульман: во-первых, крещеные татары до христианизации были частью татарского населения, образующего указанные подобласти; во-вторых, если даже по тем или иным причинам (например, из-за особенностей этнической истории) будущие кряшены до обращения в православие не входили в общины с соседними татарами-мусульманами этнокультурные структуры, позже в силу длительного проживания в их окружении, они могли в определенной мере подвергнуться влиянию более многочисленных татар-мусульман. Кроме того, достаточно широкая расселенность крещеных татар, в том числе и благодаря миграционным процессам, при их этнокультурной неоднородности, делает невозможным проведение внутренней дифференциации на этнографические подразделения без предварительного выявления отношения разных групп кряшен друг к другу. При этом возникает проблема «совмещения» диалектологических и этнокультурных таксонов, причем такое «совмещение» не может быть полным - культура и язык кряшен, как и остальных групп татар, обладают относительной самостоятельностью. Тем не менее, определенная связь между этнокультурной и языковой спецификой отдельных групп кряшен может быть обнаружена.

По мнению диалектологов, языковые таксоны крещеных татар интегрированы в единую диалектную систему с говорами, характерными для татар-мусульман: к среднему диалекту относятся 3 говора - заказанских кряшен, кряшен Нижнего Прикамья и нагайбаков (73; 63; 74; 75; 120; 123; 79; 328; 329; 62); 2 говора - подберезинских (молькеевских) и чистопольских кряшен, входят в состав западного диалекта (17; 72; 328). Правда, несмотря на то, что говор подберезинских (молькеевских) кряшен в целом относится к западному диалекту, реальное его положение в диалектной системе татарского языка характеризуется более сложными связями. Ф.С.Баязитова указывает, что данный говор является «своеобразным», так как вобрал в себя черты как западного, так и среднего диалектов и испытал определенное влияние чувашского языка (62, с.194).

В некоторых случаях прослеживается глубокое единство между народно-разговорным языком татар-мусульман и соседних с ними кряшен. По мнению Н.Б.Бургановой, при изучении языковых особенностей кряшен Заказанья обнаруживается единство основных особенностей говора крещеных татар с теми диалектными особенностями, которые были, видимо, характерны для остальных татар в XV-XVI вв. (63, с.86). Несмотря на такое единство, говоры крещеных татар имеют отличия от остальных татарских говоров. Думается, что вычленение кряшенских говоров в диалектической системе татарского языка идет в основном по линии общекряшенской специфики в языке, которая, надо полагать, более всего сосредоточена в области лексики. По мнению Ф.С.Баязитовой, в говорах кряшен прослеживается два специфических слоя - древний пласт (термины родства, обрядовая терминология) и более поздний слой, связанный с обрядово-культурной терминологией православного происхождения (62, с.196-197). Далее, для отдельных подговоров кряшен Заказанья характерно сохранение ряда языковых явлений в более четком и системном виде, нежели в говорах соседних с ними татар-мусульман (75, с.11). Последнее обстоятельство позволяет поставить следующий вопрос: не является ли кряшенская специфика в языке в значительной мере следствием общей изоляции крещеных татар после их христианизации? На это прямо указывает в

своей последней работе Ф.С.Баязитова (62, с.198). Да и Н.Б.Бургановой высказывалось мнение о более позднем, по сравнению с другими татарскими говорами Заказанья, формировании говора кряшен этого ареала (75, с.11).

Два кряшенских говора (заказанский и Нижнего Прикамья) делятся еще на подговоры. Первый из них подразделяется на 7 подговоров (пришошминский, примешинский, ташкирменский, прикамский, пакшинский, вятский и кукморский - см.: 62, с.18-20. Первые четыре подговора были ранее выявлены Н.Б.Бургановой (63)). Говор кряшен Нижнего Прикамья состоит из 4-х подговоров (елабужского, челнинского, заинского и бакалинского - 62, с.29-37).

По диалектологическим данным кряшены представляются общностью, единство которой на языковом уровне обеспечивалось их специфичной лишь в определенной мере татароязычностью; дифференциация крещеных татар по языку идет в пределах диалектной системы татарского языка на 3-х уровнях: на первом - они распадаются на две диалектные группы (мишарские и казанско-татарские говоры); на втором - диалектные группы членятся на отдельные говоры (в пределах мишарского диалекта на говоры чистопольских и подберезинских кряшен, в пределах среднего - на говоры заказанских, ниже-прикамских кряшен и нагайбаков). Особое положение в диалектной системе татарского языка народно-разговорного языка локальных групп кряшен четко зафиксировано именно в их статусе отдельных говоров; на третьем - часть говоров (заказанский и нижеприкамский) распадаются на ряд подговоров.

Можно утверждать, что самостоятельного «кряшенского» варианта культуры не существует. Как было установлено еще Ю.Г.Мухаметшиным, по таким важным элементам культуры, как внутренняя планировка и убранство жилища, одежда, украшения, утварь и пища кряшены проявляют общность с остальными татарами, прежде всего казанскими, но не только. В целом же своеобразие культуры кряшен в значительной степени связано как с наличием в их культуре финно-угорского слоя, так и с существованием довольно обширного пласта, связанного с христианизацией и усилением на этой основе контактов с русским населением. Кроме того, наблюдалась и консервация в материальной культуре кряшен некоторых архаических особенностей. В конечном итоге специфика культуры кряшен объясняется в основном именно сочетанием тюркских (в том числе архаических), финно-угорских и русско-православных черт, выступавших в синтезированном виде (26, с.154-156).

Вполне определенно можно говорить и о наличии в культуре кряшен двух довольно четко локализованных этнокультурных традиций, одна из которых больше связана с субэтносом казанских татар, а другая - с мишарями. В то же время наблюдается некоторая «стертость» культурных особенностей, присущих тем кряшенам, которые являются носителями этнокультурных признаков, характерных для мишарского субэтноса. Данное обстоятельство связано, надо думать, с локализацией крещеных татар с мишарскими признаками культуры в ареале распространения культуры, относящейся к смешанной подобласти.

С казанскими татарами большую близость имеют заказанские и нижеприкамские кряшены, а также нагайбаки, которые до 40-х годов XIX в. были составной частью кря-

шен Нижнего Прикамья. Определенная близость с культурой мишарей наблюдается у кряшен чистопольских (26, с.24,39,70,109,117-121,144) и молькеевских (33; 330, с.30-31).

По этнокультурным параметрам достаточно отчетливо выделяются молькеевские кряшены и нагайбаки (им соответствуют молькеевский и нагайбакский районы). Последние вычлняются не только по особенностям культуры, но и по наличию группового самосознания.

Дифференциация остальных групп кряшен на основе этнокультурных материалов требует дополнительного анализа этих данных. Объясняется это тем, что прочие группы кряшен не имеют четко очерченных культурных ареалов, оставаясь скорее определенными «сгустками» не вполне совпадающих между собой элементов культуры. Учитывая этнокультурную близость западнопредкамских и восточнозакамских (по терминологии Ю.Г.Мухаметшина) кряшен, мы объединили их в один казанско-татарский район. Правда, при этом проблема «рыхлости» границ части указанных выше культурных ареалов сохранилась. Так, еще Ю.Г.Мухаметшиным отмечалось сходство в материальной культуре (главным образом в одежде) части западнопредкамских (север Мамадышского уезда Казанской губ.) и елабужских кряшен. У последних, в свою очередь, имелась определенная общность с культурой северной части восточнозакамских кряшен (26, с.157).

При рассмотрении вопроса о культурных ареалах кряшен необходимо учесть и существование в составе перечисленных выше районов отдельных подрайонов. Подрайонами можно считать северный, южный и восточно-закамский в составе казанско-татарского и юго-восточный - в рамках елабужского районов.

Итак, в этнокультурном плане в пределах кряшенской подобласти прослеживаются казанско-татарские (собственно казанско-татарский, елабужский и нагайбакский) и мишарские (молькеевский и чистопольский) ареалы. По определенной концентрации культурной специфики в части из этих районов обнаруживаются более мелкие подразделения, реальная связь которых между собой достаточно сложна.

В ряде случаев совмещение лингвистических и этнокультурных ареалов находят достаточно полное соответствие. Так, молькеевские кряшены и нагайбаки являются носителями самостоятельных говоров: первые - подберезинского, вторые - нагайбакского. Поэтому *молькеевских кряшен* и *нагайбаков* можно считать самостоятельными *этнографическими группами* кряшен. В лице этих двух групп мы имеем дело с кряшенами, относительно изолированными территориально. В данном случае совпадение языковых и этнографических материалов предопределено и этим обстоятельством. Но такой же результат получается и в некоторых других случаях. Так, достаточно хорошо соответствуют друг другу чистопольский этнокультурный район и ареал распространения чистопольского говора, хотя полного их совпадения и нет. Как видно из схемы распространения говоров татар-кряшен, помещенной в книге Ф.С.Баязитовой (62, с.14), чистопольский говор локализован (за исключением, видимо, одного населенного пункта) западнее р.Шешма. Между тем, этнокультурные материалы дают несколько иную картину. Согласно данным Ю.Г.Мухаметшина, элементы культуры, характерные для чистопольских кряшен, проникают в ряде случаев и в междуречье Шешмы и Зая (26, рис.19,24,28), то есть туда, где локализуется казанско-татарский район кряшен.

В шешминско-заинском междуречье обнаруживается смешение двух этнокультурных ареалов кряшен. В этой связи интерес представляет характеристика языковых особенностей этой группы крещеных татар. Именно в зоне смешения этих двух этнокультурных районов (южная часть заинско-шешминского междуречья) распространен особый - заинский подговор, входящий в нижнеприкамский говор среднего диалекта. Но несмотря на вхождение его в состав среднего диалекта, он имеет близость к другому - западному диалекту татарского языка (62, с.33-35). По мнению Ф.С.Баязитовой в некоторых селениях кряшен (деревни Савалеево и Сарапала) - носителей заинского подговора, жили не только кряшены из мишарей, но и чувашаи (62, с.34). Это подтверждается историческими документами. Согласно им, в конце XVIII в. из 5 селений этих кряшен (Ильтен-Бута, Савалеево, Светлое Озеро, Сарапала и Тюгеевка) лишь в одном (в Светлом Озере) жили «старокрещеные татары»; в других селениях население состояло из «крещеных татар» и «чувашей» (Тюгеевка, Савалеево, Ильтен-Бута) или одних «чувашей» (в Сарапала) (331). Какой же из этих двух компонентов - «татарский» или «чувашский» сближает заинский подговор с западным диалектом? По-видимому, при поиске ответа на этот вопрос нужно принять во внимание как территориальную близость носителей заинского подговора к кряшенам чистопольского ареала, так и участие в формировании молькеевских кряшен, говор которых относится к западному диалекту, «чувашского» компонента (подробнее об этом см. далее). Отсюда вывод: хотя в целом под чистопольскими кряшенами (чистопольская этнографическая группа) следует понимать население 9 селений Чистопольского и Спасского уездов (в первом - деревни Белая Гора (Покровское), Бахта, Сосновый Ключ, Тавели, Алексеевский выселок, Ишалькино, Черабатырово, во втором - Крещеный Баран и Старое Лебедино) Казанской губернии, необходимо иметь в виду, что в южной части заинско-шешминского междуречья (Мензелинский уезд Уфимской губ.) имеется переходная подгруппа от чистопольских кряшен к крещеным татарам с казанско-татарской культурной спецификой.

Совмещение лингвистических групп (казанского и нижнеприкамского говоров) с казанско-татарским этнокультурным ареалом является довольно сложной задачей. Тут мы сталкиваемся не только с культурной неоднородностью кряшен, но и с распространением одного и того же (нижнеприкамского) говора в двух этнокультурных районах (в казанско-татарском и елабужском).

По целому ряду элементов материальной культуры в Западном Предкамье выделяются крещеные татары Северного Заказанья (26, с. 179,122-123,137,139-140,143-144). В районе расселения последних диалектологи фиксируют два подговора - пришошминский и кукморский. Однако мнения исследователей относительно территории распространения первого из этих подговоров совпадают не полностью. Ф.С.Баязитова считает (62, с.27-29), что этот подговор распространен в 7 селениях (Биктяшево, Дурга, Старая Ципья, Верхняя Чура, Малая Чура, Поршур и Нусла) Малмыжского уезда Вятской губ. В то же время Н.Б.Бурганова к числу носителей данного подговора относит и жителей дд.Яныли, Субаш (видимо, д. Верх.Субаш), Сардабаш, Апазово, Урясбаш (63). По поводу последних следует отметить, что население деревень Яныли, Сардабаш,

Апазово к началу XX в. полностью отпало в мусульманство*, следовательно, может быть причислено к кряшенам лишь в историческом плане. А жители д. Урясбаш, как и дд. Нижний Уряс, Ошторма-Юмья, Сардаусь Мамадышского уезда Казанской губ. являются носителями кукморского подговора заказанского говора (62, с.26). По нашему мнению, их также можно считать северозаказанскими кряшенами.

Распространенность среди кряшен Северного Заказанья самостоятельных подговоров требует своего объяснения. Основным фактором, видимо, является некоторая территориальная оторванность указанных двух групп кряшен. Жившие в Малмыжском уезде находились в окружении татар-мусульман - носителей малмыжского говора, а крещеные татары северной части Мамадышского уезда (носители кукморского подговора) занимая ареал, переходный от зоны распространения малмыжского говора к следующему району, где для татар-мусульман был характерен мамадышский говор, испытали воздействие последнего (62, с.29; 72, с.8). Вместе с тем, в этнокультурном отношении северозаказанские кряшены характеризовались некоторыми общими чертами культуры. Например, кряшены юга Малмыжского уезда не входили в общую джиенную систему с соседними татарами-мусульманами. Возможно, что джиены вообще не были характерны для них. Хотя у этих кряшен все же зафиксировано проведение в Петров день молодежных игрищ (62, с.28), которые могут быть элементом джиенной системы, но не обязательно (см.: 182, с.56-73). Среди же кряшен севера Мамадышского уезда проведение джиена, причем совместно с татарами-мусульманами, отмечено лишь в д.Сардаусь (333, с.50).

В сложении северо-заказанских кряшен заметно участие удмуртов. Так, названия селений Дурга, Ципья, Юмья, Чура могут быть объяснены, исходя из удмуртских воршудных имен (26, с.22; 334, с.117). И по народным преданиям, деревни Биктяшево, Чура, Поршур и Яныли были основаны удмуртами (26, с.22). Тесная связь между населением деревень Малая Чура, Поршур, Кушкет-баш**, в том числе и на основе существования удмуртского компонента, в конце XIX в. еще сохранялась в памяти жителей этих деревень (335, с.129,136). В татарско-удмуртской д.Ошторма-Юмья, выселившейся из удмуртского с.Старая Юмья (335, с.134), в говоре кряшен и удмуртов не случайно имеются общие термины родства (62, с.28-29).

Следующее «сгущение» этнокультурных особенностей кряшен казанско-татарского района приходится на территорию Лаишевского уезда Казанской губ. (26, с.157). Здесь диалектологами выделяется примешинский подговор кряшен, распространенный в 11 селениях: Альведино, Крещ.Казыли, Крещ.Серда, Кибечи, Ковали, Янцевар, Нырсывар, Толкияз, Таутермень, Колкомерка и Иксуар. По их мнению, в формировании носителей примешинского подговора участвовали кыпчакско-ногайские группы (63, с.86; 62, с.20).

* Население д. Апазарово отпадало в мусульманство уже в 80-х гг. XIX в., но было принуждено к возвращению в лоно православной церкви (332, с.32-33). В д.Яныли в конце XIX в. часть населения состояла из отпадших в мусульманство татар (332, с.9).

** Кстати, вторым названием д.Верхний Субаш (Субаш) Малмыжского уезда Вятской губ. было Кушкетбаш. Как видим, это еще одно свидетельство единства северозаказанских кряшен.

Крещеных татар еще одного населенного пункта Лаишевского уезда - д.Ташкирмень Ф.С.Баязитова считает представителями отдельного подговора (ташкирменского) в составе говора заказанских кряшен (62, с.20). Однако по некоторым элементам культуры (например, головным уборам женщин - см.: 26, рис.19,24) население этого села в целом смыкается с кряшенами с примешинским подговором. В то же время заметны и своеобразия в их материальной культуре. В частности, можно указать на ношение жителями этого села носков в полоску наподобие мордовских; лапти у них также имели сходство с удмуртскими и мордовскими; наконец, сороку они носили с прикрепленными на висках утиными перьями - последний способ находит аналогии также у мордвы. Еще до революции некоторыми исследователями высказывалось мнение о частичном заселении д.Ташкирмень в прошлом мордвой - возможно, мордвой-каратаями (26, с.108-109, 113). В источниках есть данные и о другом этническом компоненте кряшен: по сведениям первой половины XVIII в. в д.Ташкирмень произошло переселение «чувашей» (336). Не исключено, что эти «чувашаи» были близки к тем «чувашам», которые вошли в состав молькеевских кряшен (см., например, некоторую близость ташкирменского подговора к мишарскому диалекту - 62, с.22-23). Однако в основе своей население с.Ташкирмень в этническом отношении было однородным с населением других кряшенских селений Лаишевского уезда. Это видно по материалам начала XVII в., в частности, по писцовой книге 1602-1603 гг. (175, с.41-42). Об этом же говорят и другие факты. Например, жители д.Ташкирмень в Троицу, как и носители примешинского подговора, проводили праздник, аналогичный джиену татар-мусульман (333, с.40; 62, с.22). Кроме того, ташкирменский подговор близок к примешинскому подговору (62, с. 20). Поэтому в состав примешинских кряшен следует включить и жителей д.Ташкирмень, не забывая, однако, что в их формировании участвовали и иные, чем при сложении основной массы примешинских кряшен, компоненты.

Довольно четко по этнокультурным данным выделяются крещеные татары центральной части Западного Предкамья - района верхнего течения р.Меши (26, с.113,117-118,121,124) - Лаишевского, Мамадышского и уездов Казанской губ., всего 18 селений: в Лаишевском уезде: Уреево-Челны, Иванаево, Алан-Полян, Старый Карабаян; в Мамадышском уезде: Никифорово, Владимирово, Кулуши, Албаево, Крещ.Пакшин, Субаш, Тямти, Большой Арташ, Верхний Арняш, Урманчеево, Малый Машляк, Шеморбаш (63; 62, с.25). Упомянутая Ф.С.Баязитовой в числе этих селений д.Б.Машляк (62, с.25), по нашему мнению, из списка должна быть исключена - она была населена татарами-мусульманами. К вышеназванным населенным пунктам следует скорее всего добавить еще 3 деревни - Юкачи, Старое и Новое Максимово Мамадышского уезда, жители которых были включены в общую систему летних праздников носителей прикамского подговора (см.: 333, с.56). Тут распространен прикамский подговор заказанского говора (62, с.25). Единство их, кроме языковых данных, доказывается тем, что крещеные татары обозначенных деревень были тесно связаны между собой проводимыми ими джиенами *чук, чук бэйрәме*. Всего у них насчитывалось 6 следовавших друг за другом летних праздников (333, с.55-56; 62, с.27).

Несмотря на существование этнокультурной специфики, кряшены с прикамским подговором имеют определенное тяготение к носителям примешинского подговора. В языке этих двух подгрупп имеются явные черты сходства (например, по применению особенно глубокозаднеязычного звука «к» - 62, с.56). Возникает вопрос, а не имеют ли прикамские кряшены общие с примешинскими кряшенами этнические истоки? Действительно, выявлены исторические факты, которые позволяют наметить направление решения данного вопроса. В частности, по преданиям, зафиксированным среди жителей с.Карабаян (Богородское) в конце прошлого столетия, их предки были, по одной версии, выходцами из села Казыли, по другой - «Из Астрахани» (337, с.98). Население д.Субаш (Дюртиле) связывало себя с этими же предками (335, с.122). Д.Казыли была населена примешинскими кряшенами. Выход «из Астрахани» может быть объяснен двояко: тут речь идет или о селе Астрахани Лаишевского уезда (русское село), или же о городе Астрахани. В любом случае, упоминание в легендах Астрахани заслуживает внимания. Дело в том, что в памяти жителей с.Карабаян (Богородское) сохранились сведения об одном из их родоначальников - Исхаке, бывшем «княжеского рода», и при «взятии Казани командовавшем арскими наездниками, казаками» (335, с.122)

Общеизвестна роль ногайской конницы в последний период существования Казанского ханства (подробнее см.: 338, с.173-175). К тому же, с «арскими татарами» были связаны именно группы кыпчакского происхождения (88). На такую связь намекает и предание об основании с.Никифорово *Чябаш* некими «Нукратау», «Кунанкози» и «Чиканай» (335, с.132). Возможно, что первое наименование связано с нукратскими татарами, вопрос о кыпчакском компоненте которых уже обсуждался. Аналогично можно трактовать и данные об основании д.Тямти (Бахты враг) татаринном, вышедшим «из Бухарии» и «крещеным в Казани» (335, с.142). Наконец, согласно рассказам жителей с.Старая Икшурма, их предки занимались некогда разбоем, причем одного из разбойников звали «Ногаем» (335, с.124). Таким образом, налицо ряд фактов, говорящих об участии ногайско-кыпчакских групп в формировании как кряшен с примешинским, так и с прикамским подговорами. По-видимому, языковые различия двух подгрупп кряшен больше связаны с воздействием соседних говоров мусульманско-татарского населения (лаишевского - на примешинский подговор и мамадышского - на прикамский подговор). Следует, однако, признать, что полной ясности в этнической истории кряшен с прикамским подговором еще нет. Так, необходимо констатировать, что прикамские кряшены были самостоятельными в культурно-бытовом отношении от соседних татар-мусульман. Во всяком случае, летние праздники (типа джиена) у них были «замкнуты» в своей среде. Правда, Н.Б.Бургановой было высказано мнение, что до крещения часть прикамских кряшен, возможно, входила в общую джиенную систему с татарами-мусульманами (333, с.55). Но эту точку зрения пока нельзя считать доказанной. Кроме того, среди прикамских кряшен население отдельных селений отличается своеобразием. Так, по языку выделяются кряшены д.Крещеный Пакшин (пакшинский подговор). Ф.С.Баязитова установила, что предки их переселились из района проживания татар-мишарей в Западном Закамье, в том числе и крещеных (чистопольская группа). Именно поэтому в языке жителей этого селения наблюдается переплетение осо-

бенностей, характерных для мишарского и среднего диалектов (62, с.24-25). В этнокультурном отношении жители д.Крещеный Пакшин несколько отличаются от остальных прикамских кряшен и имеют тяготение к кряшенам елабужского этнокультурного района. Имея в виду, что переселенцы из Чистопольского уезда Казанской губ. (крещеные мишари?) участвовали в формировании населения и некоторых других деревень прикамских кряшен (например, с.Богородского (Карабаян) - см.: 337, с.98-99), жителей д.Крещеный Пакшин мы склонны считать частью прикамской подгруппы. При этом очевидно наличие переходных черт в культуре населения д.Крещеный Пакшин.

Определенными этнокультурными особенностями отличаются и крещеные татары, населявшие часть Мамадышского уезда, прилегавшего к р.Вятка (это жители следующих деревень: Старого и Нового Мочалкино (Мочального Озера), Комаровки, Льяшия (Уткино), Зюрей, Дюсметево, Крещеной Ерыксы (Кумызанбаш), Васильево (*Әжмәк*). Упомянутая Ф.С.Баязитовой в числе селений привятских кряшен д.Нов.Кумызан (62, с.25), была на самом деле населена татарами-мусульманами. Характерной особенностью привятских кряшен является их близость в этнокультурном отношении к елабужским кряшенам (подробнее см.: 26, с.106, 108, 113-117, 124, 142, 157). В языковом отношении привятские кряшены выделяются в самостоятельную единицу - они являются носителями вятского подговора в составе заказанского говора (62, с.25). По языковым параметрам данная группа имеет некоторую двойственность. С одной стороны она обнаруживает близость с елабужскими кряшенами (например, замещением в ряде слов «g»~«з» - см.: 62, с.63). С другой стороны, привятским кряшенам присуще активное употребление интердентального «d», что не типично для елабужских кряшен (60, с.25, 31). Соответствием «g»~«з» привятские кряшены в языковом плане не выходят за рамки тех говоров (пришошминского и мамадышского) татар-мусульман, которые распространены в восточной половине Заказанья (62, с.63). Что касается активного интердентального «d», то оно относится к числу существенных признаков соседнего мамадышского говора (75, с.6). Материалы диалектологов, таким образом, могут свидетельствовать о близости этнических истоков привятских кряшен и носителей мамадышского говора. О том же, по-видимому, говорит и вхождение некоторых селений привятских кряшен (например, д.Дюсметево) в общую джиенную систему с татарами-мусульманами (333, с.47; 75, с.27), для которых характерен мамадышский говор. Исторические данные подкрепляют данную точку зрения. Так, по преданиям жителей д.Зюри, их предки выселились из д.Ст.Зюри (335, с.123). Жители последнего селения -татары-мусульмане, являющиеся представителями мамадышского говора. Другое селение привятских кряшен - Васильево, было основано выходцами из д.Ишкеево (335, с.120), тоже татаро-мусульманского селения Мамадышского уезда.

Что касается этнокультурной близости рассматриваемой подгруппы к елабужским кряшенам, она может быть объяснена историческими причинами. Например, по данным ландратской переписи 1715 г. селения привятских кряшен относились к сотне, куда входили и жители кряшенских деревень, расположенных на левом - елабужском берегу р.Вятка (339). Очевидно, с одной стороны в данном случае мы имеем результат постепенного переселения заказанских кряшен в восточном направлении (в том числе и за р.Вятку). Но

с другой стороны, ко времени переселения этого населения, территория будущего Елабужского уезда уже, скорее всего, была заселена тюркскими группами, частью со второй половины XVI в. также крещеными, которые и оказали влияние на переселенцев. Поэтому привятскую подгруппу можно считать близкой к елабужской, хотя и самостоятельной этнокультурной единицей. Эти кряшены фактически являлись переходной этнокультурной общностью от кряшен казанско-татарского района к елабужскому району.

Крещеные татары Елабужского уезда Вятской губ., несмотря на то, что по языковым особенностям они близки к восточнозакамским кряшенам (статус их языка - елабужский подговор в составе ниже-прикамского говора* - 62, с.31-33), в силу ряда этнокультурных особенностей были определены нами в качестве самостоятельной - *елабужской этнографической группы*. Исследователи подчеркивают участие в их формировании финно-угорского (удмурты, марийцы) компонента. Но не это самое главное при их характеристике. Дело в том, что эти кряшены считаются коренными жителями Елабужского уезда. Об этом можно заключить и из баитов. Так, в известном «баите о Елабуге» говорится о том, что в период присоединения «Елабуги» (*Алабуга*) к Русскому государству, были крещены Саралы и Сейтяк (или Сейтякбек) (340, с.127). Некоторые из этих антропонимов (например, Сейтяк) сохраняются до настоящего времени в виде топонимов (д.Сейтяково в Елабужском уезде, населенная крещеными татарами). Кроме того, можно предположить, что на территории Елабужского уезда жили тюркизированные угорские группы (79, с.52-54; 94, с.78-79). Возможно, именно участие этих групп в сложении елабужских кряшен и придает им этнокультурную специфику (по нашему мнению, сходство их культуры с культурой южных удмуртов связано с этим же обстоятельством - в состав последних явно вошли угры (См., например: 341; см. также дискуссию об этнониме гайна у удмуртов (342, с.40-41; 343; 105, с.341).

Восточнозакамская подгруппа крещеных татар (Мензелинский и Белебеевский уезды Уфимской губ.) в составе казанско-татарского района занимает особое положение. По языковым данным они объединяются с кряшенами елабужского этнокультурного района в одну группу с нижеприкамским говором (62, с.14). Правда, в рамках данного говора восточнозакамские кряшены обособляются как носители челнинского и бакалинского подговоров (62, с.31-33): первый распространен в 22 селениях** Мензелинского, а второй - в 7*** Белебеевского уездов Уфимской губ. (62, с.32-

* Ф.С.Баязитова отмечает распространенность данного подговора в следующих селениях: Айталан, Бол.Шурняк, Старое Утяганово, Мунайка, Старое Гришкино, Черкасово, Умяково, Порым, Тулабай (62, с.31). Кряшены, кроме того, в Елабужском уезде жили еще в деревнях Ибраш, Тогаево, Нов.Гришкино, Гаранькино, Ниж.Тыловой, Ямушан Ключ, Балдейка, Боисово, Бол.Еловое (Архангельское), Мал.Еловое, Мал. Шурняк, Ниж.Куклюк, Студеный Ключ, Атияз, Нов. и Среднее Утяганово, Максимово, Ашпайкино, Сейтяково, Шарберде, Паново, Рождественское (Мещеряково).

** Это следующие населенные пункты: Мелекес, Бурды, Сред.Пинячи, Кабан-Бастрьк, Верх., Сред. и Новый Багряж, Поповка, Большие Аты, Чабья, Мал.Ерыклы, Балчиклы, Клятлы, Кашаево, Наримановка, Байданкино, Верх.Юшады, Старый Мелькен, Кадряково, Ляки, Крещ.Шуран, Усы (последняя деревня относится к Белебеевскому уезду).

*** Бакалинский подговор охватывает следующие деревни: Старое Азмеево, Бузюрово, Нов.Балыклы, Новые Маты (Арняш), Новое Иликово.

33,35). Их специфика заключается в том, что по отношению к другим подгруппам, выявленным в рамках казанско-татарского района, они образуют вторичную подгруппу. В историческом плане они являются выходцами из районов проживания различных подразделений кряшен казанско-татарского района. Кроме того, в их формировании участвовали и переселенцы из среды елабужских кряшен. Таким образом, восточнозакамские кряшены во многих отношениях являются смешанными (характерная черта вообще всех подразделений татар в Приуралье).

По имеющимся историческим документам, наиболее раннее упоминание двух селений (деревни Ляки и Багряж) восточнозакамских кряшен в Уфимском уезде относится к 1676 г. (26, с.23; 62, с.29). Причем д.Ляки была основана переселенцами из д.Юкачи Мамадышского уезда. Миграция в Восточное Закамье вряд ли началась ранее проведения Закамской линии в 1652-1656 гг. (66, с.65-66). Некоторые другие селения, например, д.Наримановка и д.Чабья, были также основаны выходцами из Мамадышского уезда (62, с.32). Мигранты из сел Карабаян, Ст.Икшурма (Мамадышский уезд) и Янцевары (Лаишевский уезд) положили начало д.Мелькен (62, с.30). Судя по тому, что жены кряшен селений Мелекес и Айталан были из деревень Зюрейской и Арской «дорог», эти деревни также были созданы переселенцами из Предкамья (62, с.30). Ю.Г.Мухаметшин приводит предания о переселении предков кряшен в д.Налим из «Казанского царства», а в д.Ниж.Чыршылы - «из под Казани» (26, с.23). В целом о таком же направлении миграции кряшен говорят и другие факты. Так, обнаруживается повторение многих названий населенных пунктов восточнозакамских кряшен в названиях селений Предкамья: Кабан-Бастырык и деревни Кабан недалеко от г.Казани; Большие Аты и деревни Аты в Казанском уезде; Мал.Ерыклы и Ерыкса в Мамадышском уезде; Нов.-Маты (*Арняш*) и деревни Арняш в Мамадышском уезде; Утарово и д.Атар (*Утар*) Казанского уезда и т.д. Кроме того, по переписи 1715 г. Арская и Зюрейская «дороги» Казанского уезда имели продолжение в Восточном Закамье, включая и населенные пункты кряшен (344; 345). Это, по нашему мнению, связано с направлением миграционного потока из правобережья Камы в районы Восточного Закамья. Этнокультурная близость восточнозакамских кряшен к остальным подгруппам казанско-татарского района возникла именно на основе участия выходцев из Предкамья в формировании кряшен Восточного Закамья. В то же время часть восточнозакамских кряшен имеет общность и с елабужскими кряшенами, что также объясняется переселением последних в Восточное Закамье (кстати, статус двух подгрупп - челнинского и елабужского, в пределах единого - нижнеприкамского говора, свидетельствует о былых исторических связях указанных подгрупп кряшен).

Крещеные татары Белебеевского уезда Уфимской губ.* среди восточнозакамских кряшен несколько выделяются. Объясняется это, главным образом, тем, что бакалинские кряшены до 1842 г. были ближайшими соседями нагайбаков, в ряде случаев населяя с ними одни и те же деревни. В отличие от нагайбаков, которые в XVIII в.

* Кроме указанных Ф.С.Баязитовой деревень, к кряшенам бакалинской подгруппы относились и жители селений Белебеевского уезда: Бакалы, Ахманово, Курчеево, Старые Маты, Умирово и Старые Шарашлы.

назывались «старокрещеными казаками», их соседи - будущие бакалинские кряшены в XVIII в. были ясачным населением - «старокрещеным» или «новокрещеным». Они, судя по материалам XVIII в., из селений Уфимской губ. по мере крещения в ряде случаев переводились в ведомство Нагайбацкой крепости (346, л.530,657). Причем «новокрещены» часто были из тептярей; ясачных «старокрещен» иногда называли «татарами» (но не всех). В конце XVIII в. между старокрещеным служило-казачьим (будущие нагайбаки) и ясачным ново- и старокрещеным (из «тептярей» и «татар») населением поддерживались довольно интенсивные брачные связи (347). Фактически до начала 40-х гг. XIX в. в районе Нагайбацкой крепости шел процесс формирования одной из локальных групп кряшен. Однако после переселения нагайбаков на восток ситуация в этом районе изменилась. Возможно, на опустевшие земли нагайбаков были переселены крещеные татары из других районов, например, Казанской губ. (62, с.35). Но основная часть кряшен бакалинской группы отмечалась в районе Нагайбацкой крепости уже в XVIII в. (181). Причем население 5 деревень (Бузюрово, Новые Маты, Новое Иликово, Курчеево и Утарово) тогда считалось «ясачными старокрещеными татарами»; в деревнях Умирово и Ахманово совместно со старокрещеными казаками жили «новокрещеные татары»; в селениях Балыклы, Бакалы, Старые Маты и Шарашлы отмечаются «новокрещеные тептяри» (в последних трех - наряду с казаками). Лишь в двух деревнях (Старое Азмеево и Базгия) этнический состав жителей имел определенные своеобразия. Население первого селения в конце XVIII в. состояло из «башкир», тептярей и крещеных марийцев. После ухода нагайбаков сюда переселились крещеные татары и чуваша - носители челнинского подговора из нескольких селений кряшен Мензелинского уезда. А марийцы в начале XX в. выселились в отдельное село (62, с.36). Население д.Базгия в конце XVIII в. в большинстве своем считалось «новокрещеными чувашами», частично - «новокрещеными татарами». Там жили и старокрещеные казаки (181). Вплоть до начала XX в. в деревне деление на «татар» и «чуваш» сохранялось. В преданиях жителей селения отмечаются и роды «мари» и «мордва», но их было немного. Родным языком всех групп населения д.Базгия является татарский (62, с.37).

Итак, бакалинские кряшены являются довольно смешанной в этническом отношении подгруппой. Основу их, несомненно, образовали «старокрещеные татары», скорее всего, выходцы из Предкамья. Но в их состав вошли как крещеные тептяри, так и представители других народов Поволжья (главным образом, ассимилированные татарами чуваша, отчасти - мордва и марийцы). Нельзя также не отметить определенную роль в формировании группы бакалинских кряшен и мишарей (как сообщает Ф.С.Баязитова, предки кряшен из д.Нов.Балыклы считались «тюменцами» *tömännär*, то есть были мишарями - 62, с.36). Последнее указывает на возможность участия в сложении бакалинских кряшен групп, близких к чистопольским кряшенам (недаром носители заинского подговора входят в состав кряшен с нижнеприкамским говором). Но более всего бакалинские кряшены, конечно, испытали воздействие нагайбаков. Однако культура последних не выходит за рамки культуры казанских татар (и кряшен в том числе). Не исключено, что в состав группы бакалинских кряшен в дальнейшем придется вклю-

чить еще некоторое число кряшен, живущих в Республике Башкортостан. Это население 4-х селений (Надырово, Минеуз Вотский, Шидали Вотские, Юлдашево Верхнее или Новый Киргиз) бывшего Бирского уезда Уфимской губ. В формировании населения указанных деревень активную роль сыграли удмурты (по-видимому, к настоящему времени ассимилированные). Пока жители этих селений не были объектом специальных этнографических и лингвистических исследований.

Таким образом, в рамках *казанско-татарской группы* кряшен можно выделить 4 подгруппы: *северную* - Малмыжский уезд Вятской и часть Мамадышского уезда Казанской губерний; *южную* - Лаишевский и Мамадышский уезды Казанской губ.; *восточнозакамскую* - Мензелинский и Белебеевский уезды Уфимской губ.; *юго-восточную*, которая занимает переходное положение между елабужскими и казанско-татарскими подгруппами. В их формировании участвовали разные этнические компоненты: в северной подгруппе большую роль сыграли финно-угорские, в южной - кыпчакско-ногайские. Восточно-закамская подгруппа сложилась на базе смешения выходцев из этих двух подгрупп при участии елабужских кряшен, других народов Поволжья (марийцы, удмурты, чувашаи). Важно подчеркнуть, что этнографические подразделения казанско-татарской группы кряшен во многом повторяют деления, существующие в рамках субэтноса казанских татар. Так, южная подгруппа кряшен соответствует южной же подгруппе центральной группы казанских татар; восточно-закамская в целом соответствует северозападной подгруппе тептярско-башкирской группы; северная подгруппа в основном находится на территории северной подгруппы центральной группы, хотя и выходит за ее территорию (например, локализуясь частично и в ареале восточной подгруппы той же группы); юго-восточная подгруппа частично оказывается в рамках юго-восточной же подгруппы центральной группы казанских татар. Все это, на наш взгляд, говорит о генетическом единстве кряшен казанско-татарской группы с татарами-мусульманами. Наличие финно-угорского и кыпчакско-ногайского компонента в составе кряшен не противоречит нашему выводу - указанные группы вошли и в состав татар-мусульман.

Следующая группа - *молькеевские кряшены* - населяют 9 деревень - Молькеево, Хозесаново, Суринское или Янгозино, Нижний или Старый Кырбаш, Большое Тябердино, Старое Тябердино - в Цивильском и Баймурзино, Полевая Буа, Старый Кырбаш - в Тетюшском уездах Казанской губ. По вопросу об их формировании высказывались различные точки зрения. Некоторые дореволюционные авторы полагали, что представителей этой группы надо рассматривать как отатарившихся чувашей (348, с.6; 349, с.14; 350, с.127). Другие предпочитали видеть в них татар, испытавших чувашское влияние (351, с.39-40; 352, с.223-225; 353, с.245-246; 354, с.1038; 69, с.46), или считали, что в сложении молькеевских кряшен участвовали как чувашаи, так и татары (355, с.436-438). Своеобразное мнение высказал Н.И.Воробьев. Он полагал, что молькеевские кряшены возникли «из одного общего болгарского корня» - общего для татар и чувашей того периода, когда процесс этнической дифференциации этих двух этносов еще не был завершен (356, с.4).

К началу XX в. этноконфессионализм «кряшены» у представителей молькеевской группы был уже укоренившимся (349, с.14; 357, с.22-23). Даже жители 20 дворов язычников из д.Ст.Тябердино предпочитали в 1920-х гг. именовать себя «некрещеными кряшенами» (358, с.10). Однако в 70-х гг. XIX в. Н.И.Золотницкий писал, что молькеевцы «сами себя называют чувашами» (352, с.223). Да и в некоторых документах 30-х гг. XIX в. молькеевских кряшен именуют «чувашами» (359). В то же время в 80-х гг. XVIII в. молькеевцы были известны просто как «новокрещены» (354, с.1039).

В чем же причина функционирования у молькеевских кряшен разных этнонимов? Относительно появления у представителей данной группы этнонима «чуваш», Н.И.Золотницкий высказывал следующее предположение: «по...рассказу местного жителя, название этих крещеных татар чувашами произошло от того, что крестившее их духовенство, затрудняясь в истолковании им христианских догматов и в видах отчуждения их от татар-мусульман, внушало им, что посредством крещения они перестали быть татарами и обратились в чувашей» (352, с.223). Но исторические источники позволяют дать иную трактовку этому вопросу. Так, в 1762 г. группа молькеевских кряшен была зафиксирована как разноэтническое население: одна их часть - жители деревень Баймурзино, Полевая Буа, Старый Кырбаш и Молькеево была переписана как «новокрещенные татары», а другая - жители селений Хозесаново, Суринское, Нижний Кырбаш, Большое и Старое Тябердино - как «новокрещенные чуваш» (360; 361). Кроме того, 6 душ мужчин из д.Баймурзино, оставшихся некрещеными, в документе определены «ясачными татарами», а несколько семей (видимо, язычников) из Большого и Старого Тябердино именуются «ясачными чувашами». Еще более четкую картину этнического состава молькеевцев дают материалы, относящиеся к 1744 г. Эти данные ценны тем, что показывают разнокомпонентность молькеевцев в самом начале их христианизации (последняя, начавшись в 1740-х гг., завершилась к 60-м гг. XVIII в. - 354, с.1040; 361; 362). По II ревизии (1744 г.) жители деревень Баймурзино, Полевая Буа, Ст.Кырбаш, Молькеево названы «татарами» (в последнем отмечены и «новокрещенные»); в д.Хозесаново часть населения именуется «татарами», а часть «чувашами»; население Старого, Большого Тябердино, Янгозино и Ниж.Кырбаша было переписано как «чуваш» (в последних двух отмечены и «новокрещенные чуваш») (363).

Культурологические материалы подтверждают наличие у молькеевских кряшен чувашского компонента (358, с.101; 352, с.225; 350, с.126-127; 364, л.5). Но у них имеется и «татарский» компонент. Начнем с того, что молькеевские кряшены, употреблявшие те же самые вещи, что и чуваш, далеко не всегда называли их терминами, принятыми у чувашей (скажем, сходный головной убор у чувашей назывался *сарбан*, а у кряшен - *тастар* - см.: 358, с.103; 33). И «язычество» молькеевских кряшен было весьма своеобразным, о чем знаток их культуры Г.А.Филиппов писал: «...вместе с мусульманами крещеные татары праздновали пятницу, также почитали и другие их праздники и посты, по-мусульмански творили молитву, приглашали к себе мулл читать намазы, ели конину, носили на голове тюбетейки и вообще весь татарский костюм» (354, с.1039). Иногда аналогичное наблюдение делалось по отношению к жителям отдельных деревень молькеевцев (355, с.438; 354, с.1038; 364, л.6). Заслу-

живаает внимания и отношение молькеевских кряшен к мусульманским кладбищам и могилам. Известно, что поблизости от Хозесаново, Молькеево и Ст. Тябердино имеются старинные мусульманские кладбища (354, с.1038; 358, с.101). По преданиям, там похоронены основатели трех указанных выше деревень (363, с.462-464). Жители Молькеево и Хозесаново ходили на эти кладбища поклоняться могилам своих предков. Наконец, среди части молькеевцев бытует предание о существовании у них в прошлом мечетей (358, с.101; 69, с.43; 354, с.1038). Все это свидетельствует в пользу точки зрения о существовании у молькеевских кряшен татарско-мусульманского компонента. Но вопрос об этнических истоках его достаточно сложен.

Некоторые исследователи высказывали мнение, что в молькеевских кряшенах надо видеть крещеных мишарей - «мещеряков» (351, с.39-40; 355, с.438), хотя другие авторы приводили данные, которые противоречат этому мнению (352, с.226; 358, с.101; 353, с.248). Тем не менее, говор молькеевцев, по ряду признаков сближаясь со средним диалектом татарского языка и чувашским языком, в целом относится к западному (мишарскому) диалекту (17, с.43,46; 69, с.48,52,82,88,96). Существуют и другие факты, говорящие о связях молькеевских кряшен с мишарским субэтносом. С мишарской этнокультурной традицией можно, скорее всего, связывать следующие элементы материальной культуры молькеевских кряшен: оформление продольных швов рубах красными полосами (из кумача); наличие у рубах отложного воротника; применение накосника - *чэч бау*; распространенность женских головных уборов *такъя* и *тастар* (358, с.103). Кроме того, к этой же традиции, по нашему мнению, относится и характерный для молькеевских кряшен обряд свадебного причитания невесты - *кыз жырыуы* (366, с. 213; бытование этого обряда у мишарей отмечали Р.Г.Мухамедова и М.Н.Нигмедзянов - см.: 25, с.163; 367, с.100-101).

Однако вывод о мишарском происхождении татарской части молькеевцев нуждается в уточнении. Во-первых, в чувашском языке имеется древнемишарское наслоение, объясняемое Р.Г.Ахметьяновым как результат проникновения в этнический состав чувашей мишарского элемента (368, с.86,204). Следовательно, мишарское влияние на язык молькеевских кряшен могло быть оказано и через их чувашский компонент. Тем более, что поблизости от молькеевцев была д.Б.Ерыклы (второе название Можарка), с населением, представлявшим из себя не то татар, не то чувашей (350, с.127). Да и у северной группы мишарей обнаруживаются следы ее взаимодействия с чувашами (25, с.193; 368, с.234). Во-вторых, существуют факты, затрудняющие отождествление «татарского» компонента молькеевцев с позднейшими мишарями. Согласно одной из версий исторических преданий, записанных в д.Хозесаново, она была основана татарами из «породы» некоего *Ульбия~Улбия*, переселившегося «со стороны Чистая». Обращает на себя внимание имя *Ул (уль)би*. Известно, что в 1552 г. пригород Казани оборонялся под руководством ногайского военачальника *Улу-бея* (338, с.194. Возможно, что это титул). Далее. В свое время А.Пчелов зафиксировал сведения о том, что предки некоторых жителей д. Баймурзино переселились из д.Токаево Цивильского уезда Казанской губ. (350, с.126). В той же деревне и нам приходилось слышать о приходе некоего *Морза бабая (Байморзы)* из деревни *Әрә (Әрә - другое название д.Токаево)*. В то же

время в непосредственной близости от последнего селения - в д.Кугеево, обнаружено шеджере, центральная линия которого выглядит так: Казан бик - Кугай бий - Исанбулат - Сулейман - Акбатыр - Зайни - Ахмади - Султан - Амир - Хайбулла - Адиятулла (369, с.37). Обращает на себя внимание близость *Казан бика* к имени предка части молькеевцев *Кузя Хасан бия* (о последнем подробнее: 354, с.1038; 353, с.246). М.И.Ахметзянов начальную часть шеджере датирует концом XIV в. Не исключено, что эта родословная связана с кыпчакско-ногайским миром. Поэтому, «татарский» компонент молькеевских кряшен может восходить и к золотоордынско-тюркскому населению.

Необходимо учесть еще один аспект проблемы. Дело в том, что до христианизации чувашей (первая половина XVIII в.) в пограничной зоне между ними и татарами существовала весьма своеобразная этническая ситуация. К.Насыри эту ситуацию описывает так: «мусульмане (имеются в виду татары - Д.И.) были очень тесно связаны с чувашами, многие из которых впоследствии перешли в мусульманскую веру. За чувашей выдавали дочерей, у них брали девушек в жены» (370, с.46). Не исключено, что в контактной зоне этнодифференцирующим признаком выступала религиозная принадлежность: мусульмане были «татарами», а язычники - «чувашами». Следовательно, под «мусульманами» могли скрываться и мусульманизированные чувашаи. Во всяком случае, жители д.Ст.Тябердино до крещения считались «чувашами», но в своих преданиях о предках говорили как о мусульманах (354, с. 1038).

Этнические границы между «чувашской» и «татарской» частями молькеевских кряшен и даже между кряшенами и соседними чувашами в XIX - начале XX вв. были весьма размыты. В.К.Магницкий сообщает, что «татарско-чувашские девушки (молькеевские кряшенки - Д.И.) свободно выходят замуж за местных чуваш» (353, с.281). В начале XX в. А.Пчелов указывает: «...жены у многих (молькеевских кряшен - Д.И.)...чувашки из соседних чувашских приходских деревень» (350, с.127). Аналогичная картина сохраняется по настоящее время (33). Смешанные браки влияли и на этноязыковую ситуацию. Н.И.Золотницкий пишет: «...вообще чувашаи тамошней местности, как живущие смежно, а иногда и смешанно с крещеными татарами, свободно говорят по-татарски» (369, с.2). Кряшены, в свою очередь, знали чувашский язык, особенно мужчины (369а, с.2; 355, с.438; 353, с.248; 348, с.6).

Итак, группа молькеевских кряшен сформировалась на стыке этнических общностей мишарей, казанских татар и чувашей; у последних двух общностей в районе этноконтактной зоны имелся, вероятно, болгарский этнический компонент. Под мишарским компонентом, в данном случае, надо понимать, скорее всего, кыпчакско-ногайские группы. После принятия христианства создались дополнительные условия для интенсификации этнического смешения разных компонентов, что привело к внутригрупповому сплочению. Несмотря на то, что конфессиональный фактор разъединил молькеевцев с татарами-мусульманами и стимулировал их контакты с чувашами, они сохранились как часть татарского этноса. Этому способствовала как их татароязычность, так и, в большей мере, наличие собственно «татарского» компонента.

Численность молькеевских кряшен была небольшой (см. Таблицу 6).

Таблица 6. Динамика численности молькеевских кряшен в XVIII - начале XX вв.

Годы	1719	1744	1762	1796	1833	1857	1897	1907	1926
Численность, в тыс.чел.	1,8	1,9	1,7	2	2,5	3,2	5,9	7,7	7,4

Источники: см. в 33, с.17.

Как видно из таблицы, молькеевцы в XVIII - нач. XX вв. образовывали устойчивую группу. В первой половине XVIII в. «чуваши» составляли 60 %, а «татары» - 40% молькеевцев. Хотя надо признать, что учитывая тесную связь этих двух компонентов, такое деление является несколько условным. Тем не менее, лишь к середине XIX в. консолидация этих компонентов приобрела более или менее завершённый характер. Исходя из соотношения «чувашской» и «татарской» частей молькеевцев можно полагать, что татарами к началу XX в. были ассимилированы 4-5 тыс. чувашей. Но в то же время следует подчеркнуть, что процесс формирования молькеевских кряшен не сводится к ассимиляции и несколько напоминает завершающую стадию начавшихся еще в период средневековья консолидационных процессов. Поэтому, несмотря на выделение в XVIII в. у молькеевцев разных компонентов, мы сочли возможным рассматривать их как единую группу.

Начало образования группы *чистопольских кряшен* - не ранее второй половины XVII в. (26, с.24). По ландратской переписи 1715 г. упоминаются деревни Чюрабатырово, Белая Гора (поч. Куланов) и Балчиклы (Баран) (304). В материалах III ревизии (1762 г.) фигурируют еще селения Сосновый ключ, Верхняя Вахта (Багана), Тавели (370). К концу XVIII в. существовали все известные населенные пункты чистопольских кряшен (см.: 167; 371). Ю.Г. Мухаметшин отмечает, что население ряда деревень чистопольской группы (Тавели, Бахты, Крещеной Елтани) в народе называлось «мишарскими кряшенами» - *мишәр крәшеннәре* (26, с.24). Ф.С. Баязитова также сообщает об участии мишарей в сложении рассматриваемой группы (62, с.40). Однако в документах XVIII в. жители некоторых деревень чистопольских кряшен были известны и как чувашаи. Например, в 1715 г. население д. Чюрабатырово считалось чувашами (304). Несколько позже они стали записываться «новокрещеными чувашами» (371), «крещеными» (370а), а в конце XVIII в. были уже известны как «старокрещенные ясачные татары» (371). По преданиям, часть кряшен д. Ишалкино происходила также от чувашей (26, с.165). Действительно, в конце XVIII в. более половины жителей этой деревни числились «крещеными ясачными чувашами» (остальные являлись татарами) (371). Часть чувашей в д. Ишалкино сохранилась до сих пор (см.: 62, с.40). В д. Назаровка (Бугульминский уезд Самарской губ.), жителей которой наряду с населением д. Федотовка того же уезда Ф.С. Баязитова причисляет к кряшенам с чистопольским говором (62, с.40), в конце XVIII в. кроме «старокрещенных татар» также жили «новокрещенные чувашаи» (164). Не исключено, что при основании некоторых из деревень чистопольских кряшен участвовали и выходцы из среды кряшен Предкамья (26, с.24; 62, с.40). Однако, судя по языку чистопольских кряшен, в их формировании основную роль сыграли мишари или близкие им группы (например, население, идентичное «чувашскому» компоненту молькеевских кряшен).

Нагайбакская группа кряшен в конце XIX - начале XX вв. населяла 11 деревень в Оренбургской губ.: Требия, Кассельский, Остроленский, Парижский, Фершампенуаз, Астафьевский - в Верхнеуральском уезде, Поповка, Варламово, Краснокаменский, Болотово, Ключевский 2-й - в Троицком уезде. Кроме того, в селениях Нежинском, Ильинском Оренбургского и Аллабайтальском, Гирьяльском Орского уездов нагайбаки отпали в мусульманство. О происхождении нагайбаков высказывались разные мнения. Одни исследователи связывали их с крещеными ногайцами (373, с.22), а другие - с крещеными казанскими татарами (374, с.285; 64, л.3; 64, с.65-66). Но и те авторы, которые придерживаются последней точки зрения, не отрицают возможности участия ногайского компонента в формировании нагайбаков (см. также 120, с.12-13). Лишь П.И.Рычков в середине XVIII в. отметил, что нагайбаки были крещены «из магометан» и «из идолопоклонников» (148, с.381). Он же сообщил о переселении в деревни нагайбаков небольшого числа выходцев из Средней Азии и сопредельных территорий-крещеных «азиатцев» (148, с.136-137).

Первое упоминание в документах будущих нагайбаков относится к 1726 г., когда кунгурский бургомистр Юхнев сообщил, что по Казанской дороге Уфимского уезда живут «новокрещенные 25 деревень при блаженной памяти царе Иване Васильевиче» (375). О них же митрополит Сильвестер в 1729 г. указывал: «...а иные новокрещенные деревни имеются между бусурманскими деревнями и за Камаю рекою близ башкир, а иные и в селитьбах с башкирами живут» (376, с.52). Чуть позже один из чиновников Уфимской провинциальной канцелярии писал: «А издревле имелись в Уфимском уезде новокрещены около 1500 душ, жительство имели в оном уезде на Казанской, Осинской и Сибирской дорогах в разных деревнях с башкирцами и с татарами» (253, с.558). Основная часть этих кряшен, по-видимому, проживала на территории Казанской «дороги» Уфимского уезда (377, л.97-457). Кряшены были ясачным населением, но в 1736 г. их положение изменилось: согласно указу, «уфимских новокрещеных, за их верную службу» было велено «определить в службу казацкую, и служить им по Мензелинскому и по строящимся новым городкам в вершинах Ицких и между Уфы и Мензелинска и ясак с них снять» (378, с.193). Обустройство кряшен выглядело так: «...в 1736 г. Кириллов... построил на р.Ик городок называемую Ногайбацкую крепость (так в тексте - Д.И.), где имеется командир из штаб-офицеров и для обучения их священник, в котором их собрал с женами и детьми... Сложив с них положенный ясак, определил их в казачью службу и отведено им пахотных земель и сенных покосов...угодья довольно без всякой платы из башкирских земель, как служили при той крепости... После того указу...расселены из оной крепости по прежнему в разные дороги и деревни... И происком своим...выходили указ из Казанской духовной консистории и построили церковь на Казанской дороге в д.Бакалах». Далее, автор документа К.Ураков предлагал: «...помянутых новокрещеных собрать в...крепость или перевести по линии с женами и детьми и поселить в новостроящуюся с прочими...казаками, ибо из них справных, доброконных по списку состоит 800 человек» (253, с.558-559). Что и было, вероятно, сделано. Во всяком случае, П.И.Рычков уже пишет следующее: «Нагайбак или Нагайбацкая крепость...по Большой Московской дороге..., а

от Мензелинска 64 версты. ...В окружении сей крепости издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещенные и иноверцы. Что до первых..., то их...пристойнее бы старокрещеными именовать. Ибо они как сами о себе сказывают, да и по делам довольно значится, еще во время царя Иоанна Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников, восприняли святое крещение» (148, с.380-381). Тогда эти «служилые казаки» жили в Нагайбакской крепости, селе Бакалах и 11 деревнях. По данным за 1760 г., приводимым Ф.М.Стариковым, это были следующие деревни: Большие и Малые Усы, Дияшево, Новая, Балыклы, Акманово, Сарашлы, Кильво, Илечово, Кастеево, Маты - 120, с.13). По V ревизии (1795 г.) упоминаются практически те же селения (лишь написание названий некоторых деревень несколько иное): Старые Усы, Старое Зияшево, Новое Юзеево, Ахманово, Шерешлы, Старое Килеево, Старое Илеково, Старое Костеево, Старое и Новое Умерово. Население же дд.Балыклы и Маты названо просто «казаками», без указания на то, что они были крещеными (181). Очевидно, они и не были крещеными.

В этих деревнях нагайбаки жили до 1842 г., то есть до переселения их в Оренбургский, Верхнеуральский и Троицкий уезды Оренбургской губернии (62, л.1).

К середине XIX в. самоназвание «нагайбаки» уже закрепилось за представителями этой группы (373, с.22). В Оренбургском уезде нагайбаки попали в окружение татар-мусульман (в том числе и казачьего сословия) и начали быстро сближаться с ними. (62, л.53). В 1910 г. нагайбаки Оренбургского уезда, стремясь обосновать свой переход в мусульманство, писали: «...в прошлом веке прадеды мои, будучи в числе других магометан-казаков, принудительно присоединены к православию, тайно продолжали исповедовать магометанскую религию» (379, л.53). В других их прошениях о разрешении перейти в мусульманство, говорится: «предки их...были мусульмане... (или татары - Д.И.), крещенные при покорении Казани» (379, л.252-252об.). В итоге, к началу XX в. нагайбаки Оренбургского уезда отпали в мусульманство. (О переходе нагайбаков в мусульманство см. также: 380, л.129, 205). В настоящее время они практически не выделяются из состава татарского населения окрестностей г.Оренбурга, хотя память о том, что их предки были нагайбаками, сохранилась (381, с.79).

Итак, формирование нагайбаков как особой этнографической группы было обусловлено длительным пребыванием в составе казаков - то есть как самостоятельного сословного образования. Вместе с тем, в их обособлении определенную роль могла сыграть и специфика этнической истории, в частности, участие в сложении нагайбаков ногойского компонента. Впервые об этом заявил П.И.Небольсин. При этом он опирался на мнение астраханских татар, которые считали, что «нагайбаки пошли от нескольких семей ногойцев белой кости» (373, с.22). Однако это утверждение сильно напоминает результат народной этимологии, возникшей путем толкования этнонима нагайбак (*нагайбәк*, то есть ногойский князь, отсюда - знать, белая кость и т.д.). Но еще П.И.Рычков полагал, что название Нагайбакской крепости происходит от названия деревни, а последнее - от имени башкирина, у которого на месте этого селения была летовка (148, с.380). Хотя позиция П.И.Рычкова и может быть оспорена, ее мы не можем не принимать во внимание.

Другой факт, касающийся «ногайского» происхождения нагайбаков, был приведен Е.А.Бекетовой (она сама была из нагайбачек). Она, ссылаясь на документ, имевшийся на руках одного из нагайбаков, приводит отрывок из него: «Казань взята царем Иваном Васильевичем 1 октября 1552 г.; тогда *ногаи* окрестились, записались в подушный оклад и переселились на свободные башкирские земли» (64, л.1; этот документ упоминает и Ф.М.Стариков - см.: 382, с.176). Но здесь нельзя упускать из виду то, что в данном документе упоминаются Уфимская губерния, Мензелинский и Белебеевский уезды. Это означает, что документ был составлен не ранее конца XVIII в. Поэтому нельзя исключить того, что составители документа записали в него укороченный вариант уже известного им самоназвания «нагайбак» в виде «ногай» (нугай). Но тем не менее, полностью от ногайской гипотезы происхождения нагайбаков отказаться невозможно. Во-первых, М.И.Ахметзянов пришел к выводу, что предки нагайбаков были связаны с с.Апазово (Заказанье) и уже при крещении этноним «нагайбаки» был им известен. С нагайбаками он связывает и некоторые соседние с с.Апазово деревни (например, Кара-Дуван - 66, с.65), что наталкивает на мысль об их ногайско-кыпчакском происхождении. Во-вторых, говор нагайбаков сходен с говором заказанских кряшен (с примешинским и прикамским подговором), в формировании которых ногайско-кыпчакские группы, как было отмечено ранее, сыграли заметную роль. Да и неоднократно подчеркнутое в преданиях происхождение нагайбаков от «арских татар» (64, л.8; 374, с.256) не противоречит тезису об участии в сложении нагайбаков ногайского (точнее, кыпчакско-ногайского) компонента

Были и другие компоненты. Прежде всего, это - «азиатцы» («персиане»), «аравитяне», «бухарцы», «каракалпаки» - 148, с.136-137). Е.А.Бекетова с ними связывает такие известные среди нагайбаков фамилии, как Агабашев, Арапов, Карабашев (64, л.6). Возможно, что в состав нагайбаков вошли и язычники, которые были, скорее всего, финноугорского происхождения. Наконец, брачные связи нагайбаков с крещеными тептярями, башкирами также приводили к проникновению в этнический состав нагайбаков не только тюркского, но и финноугорского элемента, находившегося в их составе. На основе смешения разных по происхождению групп и образовалось, по образному выражению Е.А.Бекетовой, «как бы особое племя» (62, л.6). Усвоение нагайбаками особого этнонима (вплоть до 1939 г. нагайбаки в паспортах записывались отдельной «народностью» - 120, с.11) было связано как с этнической историей этой группы кряшен, так и длительным пребыванием их в составе казачьего войска, а после 1842 г. также и территориальным обособлением от основной массы татар, в том числе крещеных.

Таблица 7. Динамика численности нагайбаков в XVIII - начале XX вв.

Годы	1719	1744	1762	1795	1833	1857	1897	1920	1926
Численность, в тыс.чел.	1,5	1,8	2,7	2,8	5,5	6,8	8,7	8,9*	11,2

Источники: см. в 34.

*- Сведения неполные.

Численность группы нагайбаков в XVIII в. была относительно небольшой (таблица 7). Малые размеры группы позволили ей консолидироваться довольно быстро, тем более, что населенные пункты нагайбаков в XVIII в. были расположены достаточно компактно. Да и на рубеже XIX-XX вв. нагайбаки имели такую численность, которая позволяла сохранять внутригрупповые связи.

Таким образом, в составе субконфессиональной общности крещеных татар (кряшен) могут быть выделены 5 этнографических групп: казанско-татарская, елабужская, нагайбакская, молькеевская и чистопольская. Более древней (первичной) из них является казанско-татарская группа. Она имеет поэтому и сложную структуру, состоящую из 4 подгрупп (северной, южной, восточнозакамской и юго-восточной). Одна из этих подгрупп (юго-восточная) является переходной (промежуточной) между казанско-татарской и елабужской группами. Нагайбакская группа обладает некоторыми признаками этносословной общности. Молькеевская группа, несмотря на позднюю дату крещения (первая половина XVIII в.), в силу особенностей этнической истории близка к типу первичных (генетических) этнографических образований.

Но в целом, из-за относительно позднего формирования самой субконфессиональной общности кряшен, все структурные подразделения, входящие в ее состав, следует рассматривать как поздние (вторичные) этнографические формирования.

* * *

Общий итог проведенного исследования представлен в Таблице 8.

Таблица 8.

Волго-уральские татары			
Субэтносы			Субконфессиональная общность
Казанские татары	Касимовские татары	Татары-мишари	Кряшены
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ			
Казанские татары	Касимовские татары	Татары-мишари	Кряшены
Центральная	Белый аймак	Северная	Казанско-татарская
Тептяро-башкирская	Черный аймак	Южная	Елабужская
Юго-восточная	Черные зипуны	Лямбирская	Нагайбакская
Пермская	Бастанская	Приуральская	Молькеевская
Чепецкая			Чистопольская
Ичкинская			

Как из нее видно, в составе этнотерриториальной группы (общности) волго-уральских татар (она же является ядром татарской нации) выделяются три субэтноса (казанские, касимовские татары и мишари) и субконфессиональная общность крещеных татар, обладающие определенной языковой и культурной спецификой, нашедшей отражение и на уровне группового самосознания.

Субэтнический характер общностей татар казанских, касимовских и мишарей был больше характерен для *донационального этапа* этнического развития волго-уральских татар. В процессе сложения татарской нации эти субэтнические образования постепенно трансформировались в *этнокультурные (этнографические) общности*. На рубеже XIX - XX вв. этот процесс приобрел необратимый характер, хотя и не успел завершиться. Крепкие татары свою обособленность сохраняли дольше - не вызывает сомнений субконфессиональный характер кряшенского формирования даже в первых десятилетиях XX в., да и сейчас оно обладает определенным потенциалом самостоятельного развития.

Субэтноты прошли длительный путь развития и имеют сложную внутреннюю структуру, состоящую из этнографических групп, часть которых, в свою очередь подразделялась на подгруппы.

Субэтнос казанских татар состоял из 6 этнографических групп, часть которых (центральная, чепецкая, пермская) относится к числу первичных (генетических) образований (по поводу пермских татар должны быть сделаны некоторые оговорки). Рядом черт формирования раннего (генетического) типа обладала и тептярско-башкирская группа. Юго-восточная группа в силу относительно позднего сложения до конца не консолидировалась и состояла из ряда внутренних более монолитных групп (татары-казаки, сеитовские татары, татары-ямщики). Ичкинская группа, также образовавшаяся достаточно поздно, в силу малочисленности была достаточно консолидированной.

Многие из этнографических групп казанских татар состояли из этнографических подгрупп, часто весьма древнего происхождения. Так, в рамках центральной группы выделяются 6 подгрупп (северная, южная, западная, восточная, приказанская, юго-восточная); чепецкой - 2 (нукратская и верхочепецкая); пермской - также 2 (северная и южная); тептярско-башкирской - 6 (западная, северо-западная, центрально-приуральская, юго-западная, северо-восточная, верхнеуральско-троицкая).

В составе касимовских татар обнаруживаются 4 этнографические группы: «белый», «черный» аймаки, «черные зипуны» и бастанцы (бастанские татары). Однако из-за малочисленности субэтнота касимовских татар и компактности территории ее расселения, они больше напоминают этнокультурные подгруппы. Бастанская группа в этнографической структуре касимовских татар занимала обособленное положение, по ряду признаков сближаясь с мишарями. Согласно статистическим данным, среди касимовских татар группа «белый аймак» численно преобладала, хотя и ненамного.

В составе субэтнота мишарей выделяются 5 этнографических групп: северная, южная, лямбирская, средневожская смешанная и приуральская. Северная (сергачская) и южная (темниковская) относятся к типу генетических формирований. Некоторые признаки генетического образования имеет и небольшая по численности группа лямбирских мишарей. Вторична средневожская смешанная группа. Приуральские мишари, сложившиеся позже, должны быть отнесены к числу этносословных общностей. В пределах выделенных этнографических групп, не во всех, правда, очерчиваются границы ряда подгрупп: в составе южной 4 подгруппы (тениковская, восточная, западная и юго-восточная); в средневожской смешанной также 4 (буинско-симбирская, корсунско-сенгилейская, чистопольская и ставропольская); в приуральской - 5 (уфимско-бирская,

белебеевско-стерлитамакская, оренбургская, северо-восточная и зауральская). Северная и лямбирская группы более монолитны и не имеют внутренних делений.

Субконфессиональная общность крещеных татар состояла из 5 этнографических групп (казанско-татарской, елабужской, нагайбакской, молькеевской и чистопольской). Из них более многочисленной и древней является первая, включающая в свой состав 4 подгруппы (северную, южную, восточнозакамскую и юго-восточную), одна из которых - юго-восточная - имеет переходный характер. Молькеевские кряшены близки в некотором отношении к первичным образованиям, что объясняется спецификой их этнической истории. Нагайбаки больше напоминают сословное (принадлежность к казакам) или конфессионально-сословное формирование. Однако, несмотря на участие в формировании кряшен относительно ранних компонентов, практически все их подразделения имеют позднее происхождение и носят вторичный характер, что объясняется складыванием кряшенской общности начиная лишь со второй половины XVI в.

-
1. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
 2. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
 3. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и этнографии). М., 1981.
 4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
 5. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
 6. Исаков Д.М. Динамика численности татар в России в XVIII-начале XX вв. // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С.42-64.
 7. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ, 1975. № 3. С.15-25.
 8. Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987.
 9. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
 10. Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н. Ареальные методы выделения этнографических групп на территории Башкирии в XVII-XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тез. V конференции на тему: Проблемы атласной картографии. Уфа, 1985. С.98-100.
 11. Чеснов Я.В. Субэтнос и локально-этнографические группы // Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире» (май, 1981). Краткие тезисы докладов и сообщений. Элиста, 1981. С.73-75.
 12. Кузеев Р.Г. Историческая демография башкирского народа. Уфа, 1978.
 13. Никонов В.А. Оптимизация методов ареальной лингво-этнографии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С.18-24.
 14. Кузеев Р.Г. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования // Археология и этнография Башкирии. Т.3. Уфа, 1968. С.371-388.
 15. Воробьев Н.И. Этнические группы татар Среднего Поволжья и Приуралья // Итоговая сессия Казанского ИЯЛИ АН СССР за 1963 г. Краткое содержание докладов. Казань, 1964. С.44-48.
 16. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
 17. Бурганова Н.Б. Особенности говора татар Нагорной стороны ТАССР // Материалы по диалектологии. Казань, 1955. С.28-70.

18. Залялетдинов Л.З. Средний диалект татарского языка. Татар теленең урта диалекты. (на тат. яз.): дисс. ...докт. филологич.наук. Казань, 1952. Кн.1-2.
19. Юлдашев А.А. Язык тептярей: автореф. дисс....канд. филологич. наук. М., 1950.
20. Юлдашев А.А. Говор тептярей Учалинского района БАССР //Академику В.А.Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953. С.329-342.
21. Махмутова Л.Т. О татарских говорах северо-западных районов БАССР (по материалам экспедиций 1954-1957 гг.) //Материалы по татарской диалектологии. Т.2. Казань, 1962. С.57-86.
22. Махмутова Л.Т. Особенности касимовского говора татарского языка: автореф. дисс....канд. филологич. наук. Л., 1952.
23. Борханова Н.Б. Татар теленең Мордва АССР территориясендә таралган сөйләшләрә турында //Материалы по татарской диалектологии. Т.2. Казань, 1962. С.93-125.
24. Махмутова Л.Т. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области //Материалы по татарской диалектологии. Т.2. Казань, 1962. С.223-235.
25. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972.
26. Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX-начало XX вв). М., 1977.
27. Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978.
28. Пермские татары. Казань, 1983.
29. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань, 1991.
30. Шарифуллина Ф.Л. К вопросу об этнических компонентах касимовских татар //География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С.18-26.
31. Приуральские татары. Казань, 1990.
32. Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья (опыт комплексного исследования). Казань, 1991.
33. Молькеевские кряшены. Казань, 1993.
34. Нагайбаки. Казань, 1995.
35. Закиев М.З. Некоторые вопросы развития татарского языка //Проблема языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986. С.143-174.
36. Закиев М.З. Некоторые вопросы развития татарского литературного языка //Вопросы татарского языкознания. Казань, 1965. С.5-37.
37. Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1989.
38. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.
39. Валидов Дж. О диалектах казанско-татарского языка //Вестник научного общества татароведения. Казань, 1927. № 6. С.50-64.
40. Жәләй Л.Х. Татар диалектологиясе. Казан, 1947.
41. Афлетунов А. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР: дисс....канд. филологич.наук. Казань, 1960.
42. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978.
43. Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань, 1984.
44. Рамазанова Д.Б. К вопросу о роли поволжско-тюркского компонента в формировании приуральских говоров среднего диалекта татарского языка //Приуральские татары. Казань, 1990. С.110-122.
45. Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар //Пермские татары. Казань, 1983. С.137-154.
46. Ахмаров Г.Н. О языке и народности мишарей. Казань, 1903.

47. Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М., Юсупов Г.В. Историко-этнографическое исследование населения северо-западных районов Башкирии //СЭ, 1962. №5. С.124-131.
48. Малов Е.А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк. Казань, 1885.
49. Этнографические заметки о татарах Нижегородской губ. //Архив ВГО, разряд 23, оп.1, ед.хр.54.
50. Всесоюзная перепись 1926 г. Т.3, отд.1. М., 1928.
51. Гайнутдинов Ф.Н. Материалы по этнографии касимовских татар, темниковских и нижегородских мишарей (на основе поездки 1930 г.) //Архив МАЭ, ф.К-1, оп.1, ед.хр.27.
52. Шакирова Р.Ф. Говор татар Красно-Октябрьского района Горьковской области (мишарский диалект): дисс... канд. филологич. наук. М., 1949.
53. Полевые дневники Д.М.Исхакова за 1983 г. Архив отдела этнографии ИЯЛИ АН РТ, ф.25, ед.хр.2, ч.1.
54. Безсонов А. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам //ЖМНП. Ч.216. № 8. С.200-242.
55. Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII-XIX вв. (этностатистическое исследование): дисс....канд. истор. наук. М., 1981.
56. Полевые дневники Д.М.Исхакова за 1983 г. //Архив отдела этнографии ИЯЛИ АН РТ, ф.25, ед.хр.2, ч.2.
57. Куфтин Б.А. Татары касимовские и татары ЦПО //Культура и быт населения Центральной промышленной области. М., 1929. С.135-148.
58. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993.
59. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии //Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып.1. С.226-285.
60. Магницкий В.К. Елабужский уезд //Волжский вестник, 1891. №70.
61. Кряшенский вопрос (по материалам областкома) //Красная Татария, 1925. № 274.
62. Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1986.
63. Борханова Н.Б. Казан арты керәшеннәре сөйләшәп төп билгеләре буенча төркемләү // Татар теле һәм әдәбияты. Т.6, 1977. 80-88 б.
64. Бекетова Е.А. Нагайбаки. Крещенные татары Оренбургской губ. //Архив ВГО СССР. Разряд 26, оп.1, ед.хр.24.
65. Юсупов Ф.Ю. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. (Чиләбе һәм Курган өлкәләрендәге татар сөйләшләренең, фонетик һәм грамматик үзенчәлекләре). Казан, 1979.
66. Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р.Ик (по материалам шеджере) //К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.58-71.
67. Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII - начало XX вв.). Казань, 1993.
68. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
69. Фахрутдинов Р.Г. Очерки истории Волжской Булгарии. М., 1984.
70. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
71. Арсланов Л.Ш. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: дисс....канд. филологич. наук. Казань, 1966.
72. Бурганова Н.Б. Группировка говоров Заказанья по морфологическим признакам //Итоговая научная сессия ИЯЛИ КФАН СССР за 1972 г. /Тез. докладов. Казань, 1973. С.38-41.

73. Бурганова Н.Б. Из истории формирования фонетических особенностей татарских говоров Заказанья //Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С.76-95.
74. Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Заказанья //К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.3-31.
75. Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.
76. Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. //К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С.36-65.
77. Рамазанова Д.Б. Фонетические особенности говора агрызских татар. Әгерҗе татарлары сөйләшенең фонетик үзенчәлекләре. // Вопросы татарского языка и литературы. Казань, 1969. С.55-61.
78. Рамазанова Д.Б. Говоры татар Среднего Прикамья: Дисс.... канд. филологич. наук. Казань, 1968.
79. Баязитова Ф.С. Татарские говоры Нижнего Прикамья: Дисс.... канд. филологич. наук. Казань, 1973.
80. Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары (Краткий исторический очерк) //Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С.5-17.
81. Әхмәтҗанов М. Әгерҗе районы шәжәрәләре //Совет мәктәбе, 1979. № 11.
82. Рамазанова Д.Б. К вопросу истории заселения Закамья татарами и формирования некоторых прикамских говоров татарского языка //Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990. С.20-35.
83. Мухаметшин Ю.Г. Картографирование сельских жилищ татар Среднего Поволжья и Приуралья (конец XIX - начало XX вв.) //Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С.85-95.
84. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Казань, 1998.
85. Валиди Дж. Наречие каринских и глазовских татар //Труды общества изучения Татарстана. Т.1. Казань, 1931. С.135-144.
86. Бурганова Н.Б. Языковые особенности каринских и глазовских татар. Дисс....канд. филологич. наук. Казань, 1952.
87. Исхаков Д.М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов //Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С.16-38.
88. Исхаков Д.М. Нократ татарлары //Казан утлары, 1900. № 3. Б.175-180.
89. Уразманова Р.К. Татарский народный праздник сабантуй //СЭ, 1977. № I. С.94-100.
90. Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань, 1996.
91. Исхаков Д.М. К вопросу об «остяцком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры //Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С.114-122.
92. Исхаков Д.М. Расселение и численность пермских татар в XVIII - начале XX вв. //Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990. С.5-30.
93. Исхаков Д.М. Остяцкая земля: локализация и население в XV-XVII вв. //Congressus Septimus Internationalis Fennougristarum. 4. Debrecen, 1990. С.386-391.
94. Исхаков Д.М. Пермь татарлары //Казан утлары, 1991. № 8. Б.171-180.
95. Юсупов Ф.Ю. Фонетические особенности говора татар Свердловской области //Проблемы диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1981. С.68-86.

96. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII - начале XVIII вв. М., 1956.
97. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1627.
98. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1640.
99. Госманов М. Каурый кал'м эзенн'н. Археограф язмалары. Казань, 1984.
100. Вишнеvский Б.Н. Следы угров на Западном Урале //Ученые зап. Пермского гос. ун-та. Т.12. Вып.1. Пермь, 1960. С.255-270.
101. Исхаков Д.М. К вопросу об этнической ситуации на северо-западе Башкирской АССР: современные тенденции //Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР. (Тез. докл. и сообщений). Устинов, 1985. С.19-23.
102. Исхаков Д.М. Этническая история //Татары и Татарстан. Казань, 1993. С.6-32.
103. Исхаков Д.М. Этническое развитие волго-уральских татар в XV - начале XX вв. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2000.
104. Исхаков Д.М. Татары: краткая этническая история. Казань, 2002.
105. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1871.
106. ЦГА Республики Башкортостан, ф.Р-473, оп.1, ед.хр.57, т.1.
107. ЦГА Республики Башкортостан, ф.472, оп.1, ед.хр.572.
108. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
109. Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов //Материалы по татарской диалектологии. Т.2. Казань, 1962. С.7-19.
110. Исхаков Д.М. Тeптяри. Опыт этностатистического изучения //СЭ, 1979. № 4. С.29-42.
111. Исхаков Д.М. О некоторых особенностях этнического взаимодействия татар и башкир в XVIII-XIX вв. Опыт этностатистического анализа //Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979 гг. /Тез. докл. Уфа, 1980. С.67-69.
112. Список населенных пунктов Самарской губернии. С алфавитным указателем. Составлен по материалам Самарского губстатотдела согласно последней переписи. Самара, 1928.
113. Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар. Казань, 1985.
114. ЦГА Республики Башкортостан, ф.472, оп.1, ед.хр.563.
115. Әсфәндияров Э. Авылыбызга - туу турында таныклык //Агидел (на баш.яз.), 1989. № 8. Б.98-107.
116. ЦГА Республики Башкортостан, ф.472, оп.1, ед.хр.557-558.
117. Хайрутдинова Т.Х. Говор златоустовских татар. Казань, 1985.
118. ЦГА Республики Башкортостан, ф.472, оп.1, ед.хр.549-553 (Бирский кантон); ед.хр.565-569 (Уфимский кантон); ед.хр.545-548 (Белебеевский кантон).
119. ЦГА Республики Башкортостан, ф.472, оп.1, ед.хр.560-562.
120. Юсупов Ф.Ю. Татар теленен, Көнъяк Урал һәм Урал арты (Чиләбе, Курган) өлкәләрендә таралган сөйләшләрe: дисс....канд. филологич. наук. Казань, 1972.
121. Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. Ч.2. Кн.2. СПб., 1786.
122. Список населенных мест Башреспублики. Уфа, 1926.
123. Юсупов Ф.Ю. Говоры татар Южного Урала и Зауралья (на тат.яз.) Казань, 1979.
124. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии (соч. П.И. Рычкова 1762 г.). - Ч.1. Оренбург, 1887.

125. Полное собрание ученых путешествий. Т.6. СПб., 1824.
126. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1136.
127. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1886.
128. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.4, ед.хр.8799.
129. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.
130. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.
131. Населенные пункты Уральской области. Т.15. Свердловск, 1928.
132. Азнагулов Р.Г. Некоторые лексические особенности говора башкир Оренбургской области // Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1973. С.135-162.
133. Халиков Н.А., Мухаметшин Ю.Г. К истории формирования оренбургских татар // Все-союзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984-1985 гг.: Тез.докл. Йошкар-Ола, 1986. С.102-131.
134. Якупова Г.К. Некоторые морфологические особенности говора татар Куйбышевской области // Материалы по татарской диалектологии. Т.2. Казань, 1962. С.202-223.
135. Якупова Г.К. Камышлы сөйләшенен фонетик үзенчәлекләре // Материалы по татарской диалектологии. Т.3. Казань, 1974. С. 121-130.
136. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.1. Оренбург, 1903.
137. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891.
138. Байталов Ф.З., Попов С.А. Село Каргала (материалы по истории села Оренбургской области 1744-1970 гг.). Рукопись, 1973 //АОЭ.
139. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.938.
140. ГА Оренбургской области, ф.98, оп.2, ед.хр.5.
141. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.3, ед.хр.4872.
142. Южноуральский археографический сборник. Вып.2. Уфа, 1976.
143. ГА Оренбургской области, ф.98, оп.2, ед.хр.57.
144. ГА Оренбургской области, ф.123, оп.1, ед.хр.32-33.
145. Исхаков Д.М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII - начале XX вв. // Астраханские татары. Казань, 1992. С.5-33.
146. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.1, ед.хр.253.
147. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Мелодии оренбургских и ногайских татар. Введение // ИОАИЭ. Т. XII. Вып.1. Казань, 1894. С.1-67.
148. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии.- Ч.2. (Соч. П.И.Рычкова 1762 г.). Оренбург, 1887.
149. Бекетова Е.А. Нагайбаки (крещенные татары Оренбургской губернии). Очерк // Живая старина. Вып. II. СПб., 1902. С.165-181.
150. Костенко Ю. Уральское казачье войско. Исторический очерк и система отбывания воинских повинностей // Военный сборник. № 9. год.21. Т.123. 1878. С.150-257.
151. Рябинин А.Д. Уральское казачье войско // Материалы для географии и статистики России. Ч.1-2. СПб., 1866.
152. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII - 60-е годы XIX вв. М., 1980.

153. Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казахов. СПб., 1828.
154. Полевые дневники Ю.Г.Мухаметшина за 1986 г. //Архив отдела этнографии ИЯЛИ АНТ, ф.25, ед.хр.1.
155. Итоги Всесоюзной переписи 1926 г. Вып.1. Населенные пункты Оренбургской губернии. Оренбург, 1927.
156. Предварительные поселенные итоги по главным национальным группам. Вып.1. Уральск, 1927.
157. ГА Оренбургской области, ф.98, оп.2, ед.хр.65.
158. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.2450.
159. ГА Оренбургской области, ф.98, оп.2, ед.хр.4.
160. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1218.
161. РГАДА, ф.248, оп.111, ед.хр.23.
162. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.1, ед.хр.31.
163. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1881.
164. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.3, ед.хр.3074.
165. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.3, ед.хр.7082.
166. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.4, ед.хр.8880.
167. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1874.
168. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.3797.
169. Алишев С.Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVIII-XVIII вв. //Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С.53-69.
170. РГАДА, ф.16, оп.15, ед.хр.777, ч.1.
171. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.337.
172. Архив ВГО, ф.2, оп.1, ед.хр.165.
173. Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.
174. РГИА, ф.558, оп.2, ед.хр.293,294.
175. Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 гг. Публикация текста. Казань, 1978.
176. ГА Вятской (Кировской) области, ф.170, оп.1, ед.хр.32.
177. РГАДА, ф.1209, ед.хр.6444.
178. Исхаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI-XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) //СЭ, 1988. № 5. С.140-146.
179. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1301.
180. Материалы по статистике Вятской губернии. Т.6. Ч.2. Елабужский уезд. М., 1889.
181. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.929.
182. Уразман Р. Татар халкының йолалары һәм бәйрәмнәре. Казан, 1992.
183. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.3, ед.хр.4985.
184. РГАДА, ф.350, оп.3, ед.хр.1159.
185. ГА Оренбургской области, ф.98, оп.2, ед.хр.48.
186. Зобов Ю. Борьба алмалинцев за землю и волю //Прогресс, 1980. № 135.
187. Архив ВГО, ф.2, оп.1, ед.хр.179.
188. Известия ТУАК. Вып.43. Тамбов, 1897.
189. Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар (из поездки в Касимовский уезд). Рязань, 1927.
190. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.130.
191. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1250.

192. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.131.
193. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1298.
194. Труды РУАК за 1891 г. Т.6. Рязань, 1892.
195. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.3. СПб., 1866.
196. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.2. СПб., 1864.
197. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.172.
198. Сафаргалиев М.Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Серия историческая. Вып.24. Саранск, 1963. С.64-79.
199. Веселовский С. Акты писцового дела (1627-1649 гг.). Т.2. Вып.1. М., 1917.
200. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1301.
201. Известия ТУАК. Вып.40. Тамбов, 1895.
202. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.1. СПб., 1863.
203. Смирнов М.И. О князьях мещерских XIII-XV вв. //Труды РУАК. Т.18. Вып.2. Рязань, 1904. С.161-196.
204. Николаевский М.Ф. Историко-археологические наброски о Шацком уезде //Известия ТУАК. Вып.56. Тамбов. С.68-83.
205. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.414.
206. Махмутова Л.Т. Бастанский говор татарского языка //Материалы по татарской диалектологии. Т.3. Казань, 1974. С.29-48.
207. Шарифуллина Ф.Л. Поселения и жилища касимовских татар середины XIX - начала XX веков //Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С.95-121.
208. Исхаков Д.М. О внутригрупповом делении касимовских татар //Восток-Запад: диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Вып.2. Казань, 2001. С.289-298.
209. Сборник статистических сведений по Рязанской губ. Т.VII. Касимовский уезд. Рязань, 1887.
210. Татар теленең анлатмалары сүзлеге. Т.3. Казан, 1983.
211. Шарифуллина Ф.Л. Материальная культура касимовских татар (середина XIX - начало XX вв.): Автореф. дисс. канд. истор. наук. Л., 1985.
212. Шарифуллина Ф.Л. Традиционная одежда касимовских татар середины XIX - начала XX вв. //Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С.133-146.
213. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.-Л., 1950.
214. Известия ТУАК. Вып.23-25. Тамбов, 1889.
215. Тихомиров М.Н. Бесермяне в русских письменных источниках //Труды Ленинградского института Истории АН СССР. Вып.7. Л., 1964. С.50-57.
216. Мухамедова Р.Г. Основные этнические компоненты в составе татар-мишарей по данным этнографии //Итоговая научная сессия ИЯЛИ КФАН СССР за 1970 г. /Тез. докл. Казань, 1971. С.119-123.
217. ГА Пензенской области, ф.9, оп.1, ед.хр.649.
218. Перепись населения 1926 г. Поволостные и алфавитные списки населенных мест Пензенской губернии. Пенза, 1928.
219. Толстов С.П. Итоги и перспективы этнографического изучения национальных групп Нижегородской губернии //Культура и быт народов Центрально-промышленной области. М., 1929. С.149-161.
220. Фольклорный театр. М., 1988.

221. Бахилина Н.А. Мещерские говоры на территории Пензенской области: автореф. канд. филологич. наук. М., 1953.
222. Азизов Э.И. К истории цоканья в азербайджанских говорах //Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. Уфа, 1986. С.159-163.
223. Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае //Новый Восток, 1926. №18. С.210-217.
224. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.5. М., 1960.
225. Богословский П.С. История правительственного обследования в XVIII в. Пермского края в этнографическом отношении (с архивными материалами о вогулах, татарах, башкирах и мещеряках) //ИОАИЭ. Т.34. Вып.3-4. Казань, 1929. С.27-54.
226. ГА Пензенской области, ф.132, оп.1, ед.хр.457.- 4.1 («Летопись Саровской пустыни»).
227. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.270.
228. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.357.
229. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.
230. Коротков А.А. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства //Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 5. Баку, 1928. С.71-79.
231. Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год. Сочинено из старинных книг и столпцов, хранящихся в Московской государственной коллегии иностранных дел архиве 1793 года //Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, ед.хр.83. л.1-267.
232. Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе //Восточная историография по истории народов юго-восточной и Центральной Европы. М., 1964. С.21-47.
233. Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986.
234. ГА Пензенской области, № 9, оп.1, ед.хр.10.
235. Сборник статистических сведений по Тамбовской губ. Т.4 (Темниковский уезд). Тамбов, 1883.
236. Кочекаев Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1968.
237. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1074.
238. ГА Пензенской области, ф.196, оп.1, ед.хр.109.
239. Гераклитов А. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. М., 1931.
240. Воронин И.Д. Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования //Записки Мордовского НИИЯЛИ. Вып.13. Саранск, 1945. С.173-185.
241. ГА Пензенской области, ф.132, оп.2, ед.хр.502.
242. ГА Пензенской области, ф.96, оп.1, ед.хр.20.
243. Хохряков В. Материалы для истории г.Пензы //Труды Пензенской УАК. Кн.1. Пенза, 1903. С.1-64.
244. Хвощев А. Очерки по истории Пензенского края (с этнографической и двумя историческими картами Пензенского края и планом г.Пензы XVIII в.). Пенза, 1922.
245. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв. //Ученые зап. Саратовского гос. ун-та. Т.8. Вып.2. Саратов, 1930.
246. Действия Нижегородской УАК. Сборник. Т.13. Вып.3. Нижний Новгород, 1912.
247. Действия Нижегородской УАК. Сборник. Т.15. Вып.2. Нижний Новгород, 1913.
248. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т.1. Саранск, 1940.

249. Арзамасские поместные акты. М, 1915.
250. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч.II. М.-Л., 1945.
251. Курбатов А. Шадчане у государева дела в первой половине XVII столетия //Известия ТУАК. Вып.39. Тамбов, 1895.
252. РГИА. Ф.1409. оп.1.ед.хв. 2710.
253. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.3. М.-Л., 1949.
254. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.4. Ч.2. М., 1956.
255. Ден В.Э. Население России по V ревизии. Подушная подать в конце XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в. Т.1. М.,1902.
256. Тухватуллин Ф. Материалы по истории башкир. Уфа, 1928.
257. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
258. Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI-XX вв. //Археология и этнография Башкирии. Т.3. Уфа, 1968. С.327-371.
259. ЦГА Республики Башкортостан, ф.И-2, оп.1, ед.хр.9255.
260. ГПБ, Эрмитажное собрание, ед.хр.264.
261. РГАДА, ф.248, ед.хр.4342.
262. Архив ЛОИИ, ф.36, ед.хр.495.
263. ПСРЛ. Т.13, перв. пол. СПб., 1904.
264. Нарцов А.Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г. //Известия ТУАК. Вып.46. Тамбов, 1902. С.1-54.
265. Чекалин Ф.Ф. Два архивных документа к истории сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии //Пензенские губернские ведомости, 1890. № 73.
266. Хохряков В. Материалы для истории г.Пензы //Труды Пензенской УАК. Кн.1. Пенза, 1903. С.1-41.
267. Известия ТУАК. Вып.28. Тамбов, 1890.
268. Известия ТУАК. Вып.37. Тамбов, 1893.
269. Известия ТУАК. Вып.34. Тамбов, 1892.
270. Черменский П.Н. Материалы по исторической географии Мещеры //Археологический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С.43-56.
271. Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории, статистики и археологии г.Темникова и его уезда. Тамбов, 1890.
272. Опись делам Исторического архива ПУАК //Труды Пензенской УАК. Кн.1. Пенза, 1903. С.123-148.
273. Харизоменов С. Материалы по четвертному землевладению Саратовской губернии // Труды Саратовской УАК. Т.2. Вып.2. Саратов, 1890. С.409-434.
274. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т.1. Ч.II. Саранск, 1951.
275. Хохряков В.Х. Строельная книга г.Пензы 1666 г. //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Вып.IV. Пенза, 1899. С.1-22.
276. ГА Пензенской области, ф.132, оп.1, ед.хр.425.
277. ГА Пензенской области, ф.96, оп.1, ед.хр.20.
278. Известия ТУАК, Вып.39. Тамбов, 1897.
279. Труды Пензенской УАК. Т.3. Пенза, 1905.
280. Действия Нижегородской УАК. Т.II. Вып.15. Н.-Новгород, 1895.
281. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т.3. Ч.II. Саранск, 1953.

282. Известия ТУАК. Вып.47. Т.1. Тамбов, 1904.
283. Известия ТУАК. Вып.24. Тамбов, 1889.
284. Известия ТУАК. Вып.36. Тамбов, 1893.
285. Известия ТУАК. Вып.35. Тамбов, 1893.
286. Известия ТУАК. Вып.42. Тамбов, 1897.
287. Известия ТУАК. Вып.49. Т.1. Тамбов, 1904.
288. Известия ТУАК. Вып.29. Тамбов, 1890.
289. Известия ТУАК. Вып.26. Тамбов, 1890.
290. ГА Пензенской области, оп.1, ед.хр.417.
291. Проскурин А.В., Резанов М.Г. Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней // Известия ТУАК. Вып.26. Тамбов, 1890. С.34-60.
292. ГА Пензенской области, ф.60, оп.4, ед.хр.20.
293. Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII-XVIII вв. Симбирск, 1900.
294. Перетякович Г. Поволжье в XV-XVII вв. (очерк из истории края и его колонизации). М., 1877.
295. Мартынов П. Книга строельная г.Симбирска 1653-1654 гг. Симбирск, 1897.
296. Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (приходно-расходная книга Симбирской приказной избы 1665-67 гг.). Симбирск, 1896.
297. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т.1. Архив князя В.И.Баюшева. Казань, 1882.
298. Арсланов Л.Ш. Татар теленең, Идел уңьяк ярында (Татарстан һәм Чувашстан территориясендә) таралган сөйләшләр // Татар теле һәм әдәбияты. Т.Ш. Казан, 1965. Б.5-27.
299. Булатов А.Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Т.3. Казань, 1974. С.186-191.
300. Челеби Э. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.
301. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. М.-Л., 1940.
302. РГИА, ф.1350, оп.312, ед.хр.220.
303. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.3561.
304. Перетякович Г.И. Поволжье в XVII-XVIII вв. (Очерки из истории колонизации). Одесса, 1882.
305. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.157.
306. Мингулова Р.Р. Особенности чистопольского говора татарского языка: дисс. ...канд. филологич. наук. Казань, 1962.
307. Сулова С.В. Женские нагрудники татар Среднего Поволжья и Приуралья как исторический источник // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1995. С.110-128.
308. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов-Москва, 1923.
309. Хвощев А. Очерки по истории Пензенского края (с этнографической и двумя историческими картами Пензенского края и планом г.Пензы XVIII в.). Пенза, 1922.
310. Голембиовский А.А. Узинский стан Пензенского уезда по книгам П ревизии (1745-1746 гг.) // Труды Саратовской УАК. Т.4. Вып.2. Саратов, 1893. С.132-184.
311. Голембиовский А.А. Петровский уезд по переписным книгам 1723-25 гг. и генеральной ревизии 1744-47 гг. // Труды Саратовской УАК. Т.2. Вып.2. Саратов, 1890. С.252-257.
312. Голембиовский А.А. Материалы по истории колонизации Саратовской губ. // Труды Саратовской УАК. Т.3. Вып.2. Саратов, 1891. С.1-16.

313. ГА Пензенской области, ф.132, оп.1, ед.хр.327.
314. Трофимов А. Татары Саратовского края. Саратов, 1928.
315. Соколов Б.М. По Петровскому уезду //Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения (этнографический сборник). Вып.34. Ч.4. Саратов, 1926. С.7-21.
316. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1338.
317. Астраханские татары. Казань, 1992.
318. История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981.
319. Южноуральский археографический сборник. Вып.2. Уфа, 1976.
320. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.178.
321. Афлетунов А.Ш. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР: дисс....канд. филологич. наук. Казань, 1960.
322. Әфләтунов Ә. БАССРның көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнарында яшәүче татарлар сөйләшәндә фонетик үзенчәлекләр //Татар теле һәм диалектологиясе мәсьәләләре. Казан, 1959. С.96-145.
323. Рамазанова Д.Б. Некоторые вопросы формирования мишарских говоров юго-западных районов БАССР //Конференция по татарскому языкознанию (тез. докл.). Казань, 1972. С.61-69.
324. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.938.
325. РГАДА, ф.199, д.481, ч.6.
326. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.4, ед.хр.9816.
327. ГА Оренбургской области, ф.6, оп.4, ед.хр.7723.
328. Баязитова Ф.С. К истории формирования говоров крещеных татар //Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С.105-138.
329. Баязитова Ф.С. Этнические компоненты крещеных татар по данным языка //Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1982. С.22-29.
330. Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII-XIX вв. //СЭ, 1980. № 4. С.25-38.
331. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1879.
332. Бобровников Н.А. Иностранческое население Казанской губернии. Вып.1. Казань, 1899.
333. Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар (исследование и приложение) //Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С.10-68.
334. Атаманов М.Г. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов //Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 81-128.
335. Износков И.А. Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием их. Казань, 1885.
336. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1144.
337. Износков И.А. Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Казань, 1893.
338. Ischbotdin Boris. Essays on tatar history. New Delhi: New book society of India, 1963.
339. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.147.
340. Яхин А.Г., Бакиров М.Х. Фольклор жанрларын система итеп тикшерү тәҗрибәсе (Мәзәкләр, бәетләр). Казан, 1979.
341. Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии //Вопросы финно-угорского языкознания. Вып.IV. Ижевск, 1967, С.271-279.

342. Кривошекова-Гантман А.С. Откуда эти названия. Пермь, 1973.
343. Худяков М.Г. Вотские родовые деления //ИОАИЭ. Т.30. Вып.3. Казань, 1920. С.339-359.
344. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.146.
345. РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.153.
346. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.3801.
347. ЦГА Республики Башкортостан, ф.И-138, оп.2, ед.хр.34.
348. Комиссаров А. К этнографической карте Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов. Казань, 1912.
349. Пчелов А. Татары или чуваша? //Православный собеседник. Кн.1. Казань, 1912. С.14-15.
350. Пчелов А. Чуваша или татары. Несколько слов о деревне Кушелге Тетюшского уезда и других деревень Тетюшского и Цивильского уездов //Православный собеседник. Кн.2. Казань, 1913. С.125-127.
351. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Т.1. Ч.2. Казань, 1870.
352. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875.
353. Магницкий В. Несколько данных о «мишарях» (мещера, мещеряки) и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях //Известия ОАИЭ. Т.13. Вып.4. Казань, 1896. С.245-257.
354. Филиппов Г.А. Из истории христианского просвещения крещеных татар-мещеряков Цивильского и Тетюшского уездов Казанской губернии //Известия по Казанской епархии. № 37, 1915. С.1038-1043.
355. Миролобов. Из быта крещеных чувашей //Известия по Казанской епархии. № 16, 1889. С.434-439.
356. Воробьев Н.И. Кряшены и татары. Некоторые данные по сравнительной характеристике быта. Казань, 1929.
357. Список сельсоветов и населенных пунктов по районам ТАССР. Казань, 1930.
358. Воробьев Н.И. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. //Вестник научного общества татароведения. № 8. Казань, 1928. С.100-112.
359. Архив ВГО, ф.2, оп.1, ед.хр.166.
360. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.2991.
361. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.3005.
362. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.3001.
363. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.2988.
364. Отчет студентов Казанской духовной академии о наблюдении жизни крещеных татар, сделанных в вакационное время //НА РТ, ф.1, оп.2, ед.хр.322.
365. Филиппов Г.А., Катанов Н.Ф. О двух татарских памятниках, находящихся близ с.Ст.Тябердино Цивильского уезда, и одном армянском, в с.Кирьельском Тетюшского уезда //Иностранческое обозрение. Кн.6. Казань, 1914. С.462-467.
366. Бурганова Н.Б. Свадебные причитания невесты у крещеных татар Подберезинского района ТАССР //Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. № 2. Казань, 1957. С.213-216.
367. Нигметзянов М. Народные песни волжских татар (исследование). М., 1982.
368. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978.
369. Ахметзянов М. Татарские шеджере (исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX-XX вв.). Казань, 1991.
- 369а. Золотницкий Н. Отрывки из чувашско-русского словаря. Казань, 1875.

370. Насыйри К. Избранные произведения. Казань, 1977.
- 370а. ИОАИЭ. Т.18. Вып.4-6. Казань, 1908.
371. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.449.
372. РГАДА, ф.350, оп.3, ед.хр.1180.
373. Небольсин П. Путешествие в Оренбургский край //Вестник РГО. Ч.1. Кн.1-2, 1852. С.1-34.
374. Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии //Труды четвертого археологического съезда в России. Т.2. Казань, 1891. С.257-286.
375. РГАДА, ф.16, оп.1, ед.хр.993.
376. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867. М., 1880.
377. РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.3790.
378. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735-1736 гг. Т.2. Оренбург, 1900.
379. РГИА, ф.821, оп.133, ед.хр.454.
380. РГИА, ф.821, оп.133, ед.хр.455, ч.П.
381. Садыкова З.Р. Формирование говоров Оренбургских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С.73-104.
382. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1884.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.

Этнокультурное районирование

Глава 6. Этнокультурные и территориальные комплексы жилища

Одной из важнейших отраслей материальной культуры и быта татар, несущей этнокультурную и этногенетическую нагрузку, являются традиционные сельские усадьбы, постройки и жилище. По этой теме Ю.Г.Мухаметшиным подготовлен соответствующий том Историко-этнографического атласа татарского народа («Усадьбы, постройки и жилище татар Поволжья и Урала. Конец XIX – 60-80 гг. XX вв.»)*.

На протяжении 1970-80-х годов Ю.Г.Мухаметшиным в ходе работы над монографией проводился сбор и систематизация этнографического материала. Итогом тщательного и скрупулезного типологического анализа стали подготовленные им почти 130 карт по отдельным разделам и элементам сельского зодчества: усадьбам, постройкам, строительным материалам и конструктивным элементам, особенностям планировки, интерьера, декора и т.д. В силу ряда причин Ю.Г.Мухаметшин не успел провести завершающую часть исследования - создание обобщающих карт по разделам темы (усадьбы, хозяйственные постройки, жилище) и выделение на этой основе территориальных и этнокультурных комплексов традиционного татарского зодчества. Такая работа, опираясь на текстовую часть монографии и элементарные карты, подготовленные Ю.Г.Мухаметшиным, проделана Н.А.Халиковым (карта 7).

Сельское зодчество татар Поволжья и Урала отличалось высоким для своего времени уровнем развития, совершенством и многообразием видов жилых и хозяйственных построек, приемов их возведения, рациональными способами планировки усадьбы и жилища, выработанными многими и многими поколениями жителей. Основные типологические и конструктивные особенности жилища татар были сходны с традициями строительной культуры соседних народов, населяющих Волго-Уральскую историко-этнографическую область. Но домостроение татар по многим, причем важнейшим параметрам, отличалось и самобытными чертами, почти одинаково присущими представителям разных субэтнических, этнографических и локальных групп народа (планировка усадьбы с обособленным положением жилища, срубная техника возведения стен при значительной их высоте, четырехстенная изба как основной модуль жилища, конструкция и местоположение хлебопекарной печи, наличие нар, обилие матерчатых украшений и др.). Показательна и общность строительной лексики.

* Том готовится к изданию.

Наряду с этим прослеживаются ареальные и локальные особенности зодчества татар, детерминированные разнообразными причинами.

Очевидна связь между природной средой, прежде всего климатом, почвами, растительностью и строительной культурой. В частности, материал стен (дерево, саман, камень и др.) определял конструктивные особенности возведения последних (срубная, каркасная, монолитная техника). В Волго-Уральском регионе такая зависимость особенно рельефно просматривается в лесной и степной природных зонах. На этом основании выделяются северная лесная и южная степная традиции народного зодчества. Для первой показательны сгруппированные на усадьбе постройки и крытые дворы, преобладание срубной техники, дома на высоком подызбье, островерхие крыши с широкими свесами и др. В степной полосе дворы были просторные и только открытые, с разобщенными постройками, часто встречались каркасные и саманные сооружения, избы без фундамента, земляные полы, уплощенные или односкатные крыши. В лесостепной полосе в разных пропорциях сочетались элементы северной и южной традиций зодчества.

Во многих случаях влияние природной среды на усадьбы и постройки сказывалось косвенно, через посредство хозяйственных занятий населения. В северных районах стойловое содержание скота из-за снежных зим и необходимости сохранения навоза для удобрения, например, обусловило широкое распространение хлевов и конюшен. В южных степных районах, где традиция унавождения пашни отсутствовала; и практиковался вольный выпас скота, крытые постройки часто заменялись загонами-кардами.

На уровне субэтносов, этнографических групп, более мелких локальных подразделений народа прослеживаются особенности в планировке поселений и усадеб, конструкции жилища, декоративном оформлении, интерьере, обусловленные местными культурно-бытовыми и этническими традициями. Например, сельское зодчество казанских и касимовских татар испытало определенное влияние городской культуры (кирпичные и двухэтажные дома с усложненной внутренней планировкой, развитый внешний декор и др.). Вместе с тем в строительной культуре первых сохранялись довольно многочисленные архаичные черты, придававшие поселениям и жилищу Заказанья особый «восточный» облик (неупорядоченная планировка деревень, дома в глубине усадьбы и пр.). Заметно отличалось от казанских татар и домостроение татар-мишарей Окско-Сурского междуречья. В частности, внешний вид их селений, построек, планировка и интерьер жилища во многом напоминали традиции соседних народов, русских и мордвы.

На сложение территориального разнообразия зодчества татар сказались и миграции, приводившие в иных природных условиях в местах нового поселения к заметной трансформации строительной культуры. При этом прослеживается определенная инерция: явления, имевшие большую знаковую (этнодифференцирующую) или бытовую нагрузку, длительное время оставались неизменными.

В домостроении в связи с имущественным расслоением, особенно в пореформенный период, все более нарастают и к началу XX столетия становятся заметными экономические и социальные различия. Они отразились в планировке селений, размерах усадеб, типах, количестве и качестве построек, применяемых строительных материалах.

В результате рассмотренных выше процессов и действия разнообразных факторов к рубежу XIX-XX вв. складывается весьма сложная и пестрая картина сельского зодчества поволжских татар. Его элементы и явления в определенных сочетаниях вырисовываются в иерархические территориальные этнокультурные формирования, образующие (по нисходящей) ареалы, зоны, районы и локальные участки.

Основанием для выделения ареалов послужили ведущие элементы строительной культуры, составлявшие суть этнографического феномена «традиционное народное сельское зодчество»: планировка усадеб, строительный материал и типы построек, система отопления, интерьер жилища и т.п. Второй иерархический уровень – зоны – базируется на общности в важных, но не всегда основополагающих явлениях зодчества: способах огораживания селений, наличия дворовых печей, типов ворот, материала и конструкции стен бани, хранилища, хлева и т.д. Районы выделяются по сходству или различию в сумме второстепенных деталей. Четвертый и последний уровень – локальные участки – определяется при наличии одного-двух характерных, но также второстепенных элементов домостроения. В ряде случаев основанием для районирования строительной культуры служит и отсутствие в конкретном регионе черт строительной культуры, типичных для окружающего населения.

Данные картографирования и проведенный на этой основе сравнительно-типологический анализ показывают, что территория, населенная татарами в Поволжье и на Урале, исходя из особенностей жилища и строительной культуры, подразделяется на три крупных ареала:

- I. Окско-сурско-приволжский ареал;**
- II. Прикамский ареал;**
- III. Приуральско-зауральский ареал.**

I. Окско-сурско-приволжский ареал составляет основную и древнюю территорию расселения татар-мишарей. К ней, судя по данным картографирования, тяготеют районы Нижнего Предволжья и Заволжья, населенные преимущественно теми же татарами-мишарями. Усадьбы, постройки и жилища в ареале отличались характерными для мишарского субэтноса элементами (помещение кладовых вне усадьбы, четырехскатные крыши, печь с высоким опечком, топящаяся по черному и без котла, полати, расположение банной печи у передней стены и др.) (1, с.70, 81-82, 84).

В Окско-сурско-приволжском ареале выделяются зоны:

- 1. Касимовско-елатомская (азеевская);**
- 2. Сергачская;**
- 3. Темниковская;**
- 4. Кузнецко-хвалынская;**
- 5. Приволжская.**

Строительная культура в двух первых зонах некоторыми этнографическими параметрами отличалась от традиций окружающего мишарского населения ареала, но имела ряд общих черт с зодчеством казанских татар Предкамья (положение жилища в глубине двора, типы дома – крестовики и изба-сени-клеть, декоративные мезонины, белые бани, «татарская печь» с котлом, двухкамерные хлева). Заметим, что домостроение сергачских

мишарей более сходно с культурой сельского населения Заказанья (положение жилища отступя от линии улицы, круглые дома, самцовые крыши); жилище касимовских татар имело некоторые полугородские черты (кирпичные постройки и заборы, многокамерные дома сложной планировки, «городские» черты в интерьере и др.).

В строительных традициях населения темниковской и кузнецко-хвалынской зон также просматривается много общего (положение жилища, выступая за красную линию улицы, глинолитные стены и др.). Но при этом культура последней зоны, зачастую, имеет продолжение в Нижнем Заволжье (крыша из наката и дерна, например), а в отдельных случаях наблюдается сходство с районами Среднего Предволжья (полуземляные хлева, конструкция деревянного фундамента, летняя кухня с котлом и очагом).

Приволжская зона включала и Западное Закамье, кроме южных уездов Казанской губернии. Дифференцирующими признаками для ее выделения могут служить каналы в качестве ограждения усадеб, хлева-полуземлянки, положение печи в бане у передней стены устьем ко входу, двухэтажные клетки.

Внутри зон окско-сурско-приволжского ареала усматриваются несколько районов. В темниковской зоне это районы:

А. Инсарско-корсуньский (лямбирский);

В. Тамбовско-борисоглебский.

Первый отличается от соседних территорий, например, глинолитной техникой возведения стен, наличием печи в овине. Тамбовско-борисоглебский район некоторыми степными особенностями зодчества напоминает кузнецко-хвалынскую зону (часто отсутствие ограды вокруг усадьбы, более широкое применение самана и камня в строительстве, обмазка стен сруба).

В Приволжской зоне также можно выделить два района:

С. Правобережный;

Д. Левобережный.

Правобережный район имеет отдельные сходные черты с более западными уездами (ворота с глухим полотном, глинобитные постройки). Второй район отличается воротами с решетчатым полотном, каркасно-столбовыми и каменными стенами построек, как и у населения прилегающих с северо-востока и юго-востока территорий.

II. Прикамский ареал охватывает коренную территорию проживания казанских татар, где в концентрированном виде сосредоточены основные типичные черты строительной культуры представителей субэтноса, а во многих отношениях - и в целом поволжских татар. Кроме того, ареал почти полностью расположен в лесной зоне, что наложило заметный отпечаток на зодчество местного населения (северные лесные традиции домостроения).

Прикамский ареал подразделяется на зоны:

1. Заказанскую;

2. Чепецкую.

Заказанская зона была характерна развитым домостроением и в целом высоким уровнем строительной культуры. Это выражалось в многообразии типов и видов построек и жилищ, в том числе многокамерных (крестовики, двухэтажные дома, неред-

ко с жилым мезонином). Обращает внимание богатое декоративное оформление жилища при помощи архитектурных деталей, узоров, полихромной раскраски. Внутренняя планировка отличалась усложненностью, функциональным делением на кухонные, жилые, гостевые, женские, девичьи помещения, соединенные проходами. Характерным было наличие специальной комнаты для омовений, туалета. В «чистых» комнатах хлебопекарные печи сменяли голландки и подтопки. В сочетании с предметами обстановки (столы, стулья, кровати, диваны, буфеты, часы, зеркала и др.), интерьер, особенно у зажиточных хозяев, напоминал жилище горожан. Наряду с этим, уже упоминавшийся своеобразный вид деревень и усадеб, обилие матерчатых украшений, паласов и ковров, многочисленные постельные принадлежности, нары, сундуки и пр. придавали особый «татарский» колорит поселениям и жилищу. Этнически окрашенные элементы строительной культуры, как своеобразный эталон, распространялись за пределы зоны, в Пермское Приуралье, Закамье, Предволжье.

Население зоны по данным картографирования традиций домостроения выделяется в самостоятельную этнографическую группу в составе субэтнуса казанских татар.

В чепецкой зоне усматриваются черты северного лесного зодчества, имеющие существенные отличия от домостроения районов Заказанья (высокие избы, монументальность построек, приподнятый шесток печи, нередко – подвесной котел, отсутствие архитектурного декора и пр. (2, с.33-50). Очевидно, что строительное дело чепецкой группы татар испытало заметное влияние традиций зодчества русских северных уездов Вятской и сопредельных губерний. Наряду с этим прослеживаются многочисленные параллели с культурой татарского населения северных районов Заказанья и Пермского Приуралья.

В Заказанской зоне выделяются три района:

А. Центральный,

В. Южный,

С. Восточный.

Для центрального района были типичны перечисленные выше применительно к заказанской зоне и еще многие другие особенности, составлявшие лицо традиционного зодчества казанских татар.

В южном районе заказанской зоны отсутствуют многие элементы строительной культуры центрального района, но наблюдаются традиции лесостепной зоны Предволжья, Закамья (саманные, каркасно-столбовые постройки) и, наряду с этим, черты зодчества населения Елабужского уезда.

Восточный район (Елабужский и Сарапульский уезды) представляет собой переходную зону между Пермским Приуральем и Предкамьем с преобладанием черт последнего (развитое срубное домостроение, особенности внутренней планировки жилища и интерьера).

В составе чепецкой зоны достаточно отчетливо усматриваются районы:

А. Нукратский (каринский);

В. Верхочепецкий.

Основанием для их выделения служат заметные различия в домостроении. Так, в первом районе чаще сооружали многокамерные крестовики и двухэтажные дома; печь

в избе имела так называемую «западнорусскую ориентацию» (располагалась у входа, устьем направленная к противоположной боковой стене) и т.д. Жилище верхочепецких татар сохраняло значительное число архаичных черт: многокамерные дома в большинстве были представлены типом изба-сени-изба; почти обязательными были нары; печь имела «северносреднерусскую» ориентацию (располагалась у входа устьем к передней стене) (2, с.39-56).

В прикамском ареале выделяются несколько локальных участков, имевших местные особенности. В центральном районе заказанской зоны это участки:

- а. Казанский;**
- б. Западный;**
- в. Северный.**

В казанском локальном участке (северные части Казанского, Лаишевского, Мамышского, часть Малмыжского уездов) сосредоточены наиболее яркие черты строительной культуры казанских татар (типы жилища и планировка, интерьер, внешний декор и т.п.). В западном участке (Царевококшайский уезд) при общем облике строительной культуры, характерной для Заказанья, наблюдаются черты зодчества татар Предволжья. Северный участок (Уржумский и большая часть Малмыжского уездов) сочетает черты казанского, западного локальных участков, а также чепецкой зоны и восточного района (Сарапульского, Елабужского уездов).

В верхочепецком районе чепецкой зоны просматриваются два локальных участка:

- а. Кестымский;**
- б. Юкаменской,**

названные так по двум татарским волостям Глазовского уезда Вятской губернии. Основанием для их выделения послужили некоторые особенности в домостроении (расположение печи в избе, например).

В прикамском ареале расселены три группы татар –кряшен. Имея в основе общие казанско-татарские традиции, домостроение кряшен обладало и специфическими чертами. Так, зодчество молькеевских кряшен (южный район заказанской зоны) по ряду параметров построек и жилища (тип изба-сени-клеть, двухэтажная клеть; алачык; присутствие в избе полатей и лавочки-приступка у печи) близко с другими группами крещеных татар в Предкамье, Закамье, Приуралье. Наряду с этим, просматриваются параллели с домостроением татар-мишарей и чепецких татар (печь с подвесным котлом, те же полаты и др.) (3, с.35,44-48). В домостроительной культуре елабужской и западнопредкамской групп кряшен (заказанская зона) также наблюдается ряд особенностей, присущих только им (дома с полуподвальным жилым этажом, шатровые крыши, двухэтажные клетки и т.п.). Но отсутствуют многие черты, типичные для татар-мусульман Заказанья (двухэтажные дома, ниша на фронтоне, полихромная раскраска) (4).

III. Приуральско-зауральский ареал отличают две важные особенности. Это заметное разнообразие природных условий, от лесного ландшафта в приуральских уездах Пермской губернии до степного характера местности в Южном Приуралье и Зауралье. На формирование местной строительной культуры также оказал влияние ландшафт предгорий Урала. Существенную роль играл и этнический фактор, поскольку

ареал на протяжении последних столетий чересполосно заселяли и казанские татары и татары-мишари со своими, привнесенными традициями зодчества. Этими причинами, прежде всего, объясняется пестрая картина поселений, усадеб, построек и жилищ.

В приуральско-зауральском ареале выделяются зоны:

- 1. Пермско-приуральская,**
- 2. Уфимско-приуральская,**
- 3. Южная приуральская и зауральская.**

Первая зона в целом характеризовалась северными традициями домостроения, присущими казанским татарам. Строительная культура населения имела широкие параллели в Предкамье, особенно в зодчестве чепецких татар (крытые двory, жилище, связанное с постройками, клеть у ворот, господство срубной техники, высокое подызбье, тесовая кровля, отсутствие декора и др.) (5, с.46-63).

Население уфимско-приуральской зоны отличалось строительной культурой с чертами степных и лесостепных традиций (разобщенное положение построек на усадьбе, дворовые очаги, каркасно-столбовые стены, отсутствие фундамента у жилищ, земляные полы, соломенная кровля). Здесь отсутствуют многие основные конструктивные элементы, типичные для северного лесного зодчества казанских татар Предкамья и татар-мишарей северных районов Окско-Сурского междуречья. Тем не менее, некоторые этнически окрашенные черты, как положение жилищ отступая от линии улицы, имеют параллели в том же Предкамье.

Южная приуральская и зауральская зона была характерна многочисленными степными элементами (неогороженные селения и выгоны, не связанные друг с другом дворовые постройки, летние кухни, дворовые очаги, применение в строительстве самана, камня, плетня, земляные полы).

В составе пермско-приуральской зоны выделяются районы:

- А. Северный пермско-кунгурский,**
- В. Южный осинско-шадринский.**

Строительная культура пермско-кунгурского района во многом была сходна с традициями казанских татар лесного Предкамья (изгороди вокруг селений, полей, выгонов, крытые двory и токи, срубные овины, двухэтажные клетки и дома, самцовые крыши и др.). Во втором районе в домостроении заметны элементы, более характерные для населения лесостепной и степной полосы, Южного Приуралья и Зауралья (не огороженные селения, выгоны, двory, овины-шиши, тип дома изба-сени-изба, каркасно-столбовая техника возведения стен, плоская односкатная крыша и соломенная кровля). Здесь же просматриваются некоторые конструктивные особенности жилищ, присущие строительной культуре татар-мишарей Окско-Сурского междуречья и Приуралья (печь в бане у передней стены)(5,с.48-61; 6,с.95-96).

Исходя из картографического анализа, можно считать, что первый район изначально заселялся выходцами из Предкамья, в близких природных условиях Приуралья продолжавших развивать традиции северного лесного домостроительства (7,с.73-74). Но при многочисленных параллелях в строительной культуре татар пермско-кунгурского северного района и Предкамья, особенно сарапульско-елабужского района, полного

тождества не наблюдается: в зодчестве татар северных уездов Пермской губернии видны некоторые сходные черты с культурой населения Южного Приуралья и Зауралья; у татар Сарапульского и Елабужского уездов - с районами Заказанья. Следовательно, пермско-кунгурский северный район можно выделить как контактный или переходный между лесным Предкамьем и южными уездами Приуралья и Зауральем.

В строительной культуре населения осинско-шадринского южного района прослеживаются параллели с лесостепными традициями Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья. Заметны и некоторые черты традиций зодчества татар-мишарей, немногочисленные, но и их нет в северном районе пермско-приуральской зоны. Последние чаще встречаются в Шадринском уезде, поскольку эту территорию заселяли преимущественно мишари. Осинско-шадринский район отличало и появление черт, предопределенных природными условиями, например, применение в строительстве самана, камня, плетня, характерных для построек степных районов.

Сказанное выше дает основание по сумме показателей строительной культуры выделить население Пермско-Приуральской зоны в общности волго-уральских татар как этнокультурную группу в составе казанских татар, но с заметными мишарскими чертами.

Уфимско-приуральская зона по ряду параметров строительной культуры подразделяется на районы:

А. Бирско-Мензелинский;

В. Уфимский.

Элементы зодчества (материал, конструкция и т.п.) первого района тяготеют к культуре населения пермской зоны. Здесь больше черт, характерных для казанских татар (крытые токи, дома на подклети и двухэтажные срубные дома, тесовая кровля). Менее заметны, хотя и они имеются, мишарско-татарские традиции строительства, находящие параллели в Нижнем Предволжье, Заволжье и Западном Закамье (неогороженные деревни и выгоны, саманные и плетневые стены построек, печь в бане у передней стены и др.).

Уфимский район характеризует стертость этнодифференцирующих параметров строительной культуры, свойственных казанским татарам и татарам-мишарям, что определялось влиянием природной среды, приспособлением к специфическим местным условиям остепненного ландшафта (стены хозяйственных построек и жилища из самана, камня, обмазка стен сруба, летние кухни). И все же наблюдается больше черт зодчества, близких казанским татарам Предкамья, Пермского Приуралья. Элементы мишарской культуры просматриваются слабее. Можно констатировать, что к концу XIX - началу XX вв. процесс консолидации строительных культур представителей двух субэтносов в единое целое в районе не был завершен.

Внутри бирско-мензелинского района выделяются локальные участки:

а. Мензелинско-бугульминский;

б. Бирский.

В первом локальном участке усматриваются черты строительной культуры, близкой и к казанско-татарской традиции Предволжья, и к мишарской Западного Закамья, Нижнего Предволжья и Заволжья (земляные каналы в качестве ограды, полуземляные

кладовые и др.). Расплывчатые границы между двумя домостроительными традициями, очевидно, свидетельствуют о длительном и поэтапном заселении района.

В бирском участке преобладают черты лесной культуры зодчества казанских татар Пермского Приуралья (двухэтажные клетки, вход в подполье через западную) наряду с лесостепными строительными традициями (жилище со стенами из дерна, плоские крыши).

В уфимском районе выделяется

а. Стерлитамакский

локальный участок, ограниченный восточной частью Уфимского и Стерлитамакским уездами. Здесь более заметны элементы строительной культуры, характерной для татар-мишарей Окско-Сурского междуречья, Нижнего Предволжья и Заволжья (не огороженные деревни, выгоны, полуземляные кладовые).

По ряду параметров зодчества в южной приуральской и зауральской зоне выделяются районы:

А. Южный приуральский;

В. Зауральский.

В южном приуральском районе (Бузулукский, Оренбургский и Орский уезды) преобладали строительные традиции татар-мишарей, имевшие параллели в Окско-Сурском междуречье, Нижнем Предволжье и Заволжье, Западном Закамье (кладовые вне усадьбы, печь в бане у передней стены).

Зауральский район отличала значительная протяженность с севера на юг. Соответственно строительная культура, особенно в области материала и конструкций, носила лесостепной и степной характер. (Лесные и лесостепные черты: овины-шиши, отопливаемые хлева, срубные постройки, круглые дома и крестовики. Наряду с этим степные традиции просматриваются в постройках из плетня, самана, камня, в плоских крышах). Заметно преобладание мишарско-татарских черт зодчества, что объясняется заселением района преимущественно служилыми мишарями.

На территории зоны можно выделить несколько локальных участков строительной культуры. В южном приуральском районе это селения близ Оренбурга и Орска, образующие

а. Оренбургский

локальный участок, с заметным влиянием зодчества казанских татар, типичного для Заказанья (положение жилища в глубине двора, например).

В Зауральском районе выделяются локальные участки:

а. Челябинско-златоустовский;

б. Троицко-верхнеуральский.

Культура первого тяготеет к традициям населения южных районов Пермской губернии; черты казанско-татарской строительной практики выражены сильнее, чем мишарско-татарские (развитое срубное домостроение). Впрочем, и здесь этнокультурные различия в значительной степени стерты. Троицко-верхнеуральский участок отличали элементы, обусловленные степным и горным ландшафтом, а также традициями зодчества татар-мишарей (применение камня в строительстве, печь в бане у передней стены и др.).

В целом в сложении строительной культуры татарского населения южной приуральской и зауральской зоны участвовали представители обоих субэтносов, с некоторым преобладанием традиций зодчества мишарей. Процесс консолидации строительной культуры к началу XX в. был еще не завершен.

* * *

Проведенное районирование строительной культуры, выделенные ареалы, зоны, районы, в большинстве случаев, совпадают с результатами историко-этнографического исследования по другим разделам материальной культуры татар (земледелие, ткачество, особенно одежда), а также данным диалектологов. Все это можно рассматривать как свидетельство достоверности предложенного картографического деления, а также правильной методики исследования.

-
1. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.,1972.
 2. Мухамедова Р.Г., Мухаметшин Ю.Г. Жилище чепецких татар в конце XIX – начале XX вв. //Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С.30-59.
 3. Мухаметшин Ю.Г. Общее и особенное в сельских постройках молькеевских крышен (структурно-типологическое сопоставление с материальной культурой народов Среднего Поволжья) //Молькеевские крышены. Казань, 1993. С.25-53.
 4. Мухаметшин Ю.Г. Татары-крышены. Историко- этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX в. М.,1977.
 5. Мухаметшин Ю.Г., Халиков Н.А. Поселения, усадьбы, строительная техника жилища (Конец XIX – начало XX вв.) //Пермские татары. Казань, 1983. С.42-67.
 6. Мухаметшин Ю.Г. Традиционное жилище татар Среднего Поволжья и Приуралья //К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С.86-110.
 7. Мухаметшин Ю.Г. Общетерриториальные и локальные комплексы усадеб и построек приуральского региона //Приуральские татары. Казань, 1990. С.71-92.

Глава 7. Этнотерриториальные особенности ткачества

Ткани и домашнее ткачество - заметные составляющие традиционной материальной культуры. Формируясь под воздействием различных условий (природной среды, специфики быта и хозяйства, этнокультурных традиций), они обладают определенной суммой территориальных и этнографических особенностей. Поэтому изучение локального своеобразия ткачества, его трансформации во времени позволяет осветить многие аспекты развития этнической культуры и, в конечном счете, способствовать решению вопросов этногенеза и этнической истории.

С этой целью в рамках подготовки Историко-этнографического атласа татарского народа нами была предпринята работа по созданию тома атласа по ткачеству, увидевшего свет в 1996 году (1). Задачи исследования, наряду с созданием базы данных, сводились к разработке типологии и картографированию массовых материалов по тканям и ткачеству, последующему сведению элементарных карт в карту комплексную, позволившую выделить этнокультурные ареалы и локальные комплексы и определить соотношение ареалов и комплексов с теми или иными этническими и территориальными подразделениями волго-уральских татар. Результаты проделанной работы в обобщенном виде изложены в настоящей главе.

Важнейшим после земледелия видом хозяйственной деятельности татарского крестьянства были различные промыслы и ремесла, в том числе и домашнее ткачество. Развитие народного хозяйства России в пореформенное время отразилось на многих сторонах производственной деятельности народа, включая и ткачество. Этот процесс сопровождался распространением хлопчато-бумажной пряжи, химических красителей, появлением некоторых новых орудий ткачества, что обусловило усложнение технических приемов изготовления тканей. И все же основные способы и орудия, связанные с изготовлением тканей в домашних условиях в этот период остаются традиционными.

Полученный нами полевой материал, разнообразные письменные и другие источники убеждают в том, что процесс смены тканей домашней выработки фабричными в одежде сельского населения не был завершенным: еще в первых двух десятилетиях XX в. домашние ткани оставались в массе татарских сел, особенно на периферии, основным материалом для изготовления одежды.

В конце XIX - начале XX вв. на всей территории Волго-Уральского региона в одежде татар широко использовались однотонные ткани. Они ткались из фабричной тонкой пряжи, но чаще всего из домашней, кудельной пряжи. Расцветка ткани была самой разнообразной, но более распространенной была ткань синего цвета. Бытование синей холщевой крашенины фиксируется у многих групп татар Волго-Камья. Синяя

холщовая крашенина шла на мужские и женские рубахи. Преобладающее распространение синей холщовой рубахи в женской одежде было характерно для татар-мусульман Заказанья и мишарей правобережья Волги. В Приуралье и Зауралье она имела незначительное распространение.

Красный цвет ткани был также излюбленным, причем темных, приглушенных тонов. Такая крашенина шла в основном на изготовление женских рубах. В середине XIX в. большое распространение в Волго-Уральском регионе получил кумач, окрашенный в темно-вишневый цвет. Красная крашенина зафиксирована как единичное явление в Предкамье (Глазовский и Малмыжский уезды), в Заказанье (Казанский уезд), в Западном Закамье (Чистопольский уезд), в Симбирском и Буинском уездах Симбирской и Самарском уезде Самарской, Чембарском уезде Пензенской губерний.

Черный цвет для нижней одежды использовался редко. Носить черную одежду считалось даже грехом (2, с.126). В то же время, материалом для верхней одежды были шерстяные и полушерстяные ткани черного, реже серого цветов.

Еще в середине XVIII - начале XIX вв. основным материалом для пошива одежды служил белый холст. И позднее, в конце XIX - начале XX вв., те или иные компоненты одежды из белой холщовой ткани выявляются почти на всей территории проживания татар в Волго-Уральском регионе, но количественное их соотношение в видах одежды не везде было равномерным. Так, белый холст больше употреблялся для нижней одежды людей преклонного возраста у татар-мишарей Окско-Сурского междуречья, для мужских фартуков и портянок татар Заказанья.

В исследуемое время широкое распространение получило изготовление пестряди - цветного холста с рисунком в полоску или клетку. Одежда из такой ткани была характерна для всех групп татар Поволжья и Урала. Вместе с тем наблюдались территориальные различия в применении отдельных видов пестряди. Пестрядь в бело-красную полоску бытовала у татар-мишарей Окско-Сурского междуречья и Предволжья, у татар-мусульман Заказанья, Предкамья, у пермских татар.

Красно-синяя пестрядь в полоску получила распространение у татар в Глазовском уезде Вятской губ. и восточных районах Пермской и северо-западной части Уфимской губ., где эта разновидность пестряди встречалась параллельно с красно-черной. Следует отметить наличие красно-синей и красно-черной пестряди в одежде некоторых групп татар-мишарей Окско-Сурского междуречья и Нижнего Предволжья (темниковских, кузнецких), татар Бугульминского уезда Самарской губ.

Анализ же имеющихся в нашем распоряжении материалов по пестряди с рисунком в клетку позволил определить следующее: красно-синяя (красно-черная) пестрядь в четыре нити была характерна для женских рубах татар-мишарей Окско-Сурского междуречья, Предволжья, Среднего и Нижнего Заволжья, за исключением Сергачского уезда Нижегородской, Ставропольского уезда Саратовской и Чембарского уезда Пензенской губерний. В Сергачском уезде Нижегородской, в Уфимском уезде Уфимской губерний была распространена пестрядь в красно-белую клетку.

Сине-белая пестрядь большей частью отмечалась в Осинском и Красноуфимском уездах Пермской, Малмыжском и Глазовском уездах Вятской, Белебеевском уезде Уфимской губерний.

Черно-белая пестрядь была распространена среди татар Златоустовского и Бирского уездов Уфимской, Свяжского уезда Казанской и Бутульминского уезда Самарской губерний. Желто-черная пестрядь бытовала у татар-кряшен Елабужского уезда Вятской, а также у татар-мусульман Бирского уезда Уфимской, Чистопольского уезда Казанской губерний.

Для татарского ткачества весьма характерными были ткани с браными, чаще выборными узорами. Они употреблялись для женских рубах, передников, головных полотенец, отчасти и для жениховых штанов, поясов. Причем, если женские рубахи Предкамья, Пермского Приуралья были сшиты из тканей, целиком заполненных узорами (выборная техника) в виде сетки, в контуре которой были вытканы небольшие ромбики, то в Уфимском Приуралье и Зауралье женские рубахи зачастую были украшены выборными узорами не полностью, а лишь в части груди, рукавов и подола.

В комплекс одежды татарских женщин входили и фартуки, украшенные выборными узорами *аламалы альяпкыч, чэкәнле альяпкыч*. В них фон составляли красный, желтый, синий цвета; узор размещался внутри клетки. Такие фартуки нам доводилось видеть в тех регионах, где были распространены браные рубахи.

У татар-мусульман Казанского, Лаишевского, Мамадышского уездов Казанской, Малмыжского уезда Вятской, Бирского, Уфимского, Златоустовского, Мензелинского уездов Уфимской и в некоторых уездах Пермской губерний отмечены ткани с браными (выборными) узорами, из которых шили жениховые штаны *алмалы ыштан, кияу ыштаны*.

Особый интерес представляют ткацкие станы. Вопрос о происхождении (появлении) в Предволжье ткацкого стана остается пока невыясненным. Есть мнение о том, что существовали два последовательно сменяющиеся типа ткацких станов - с вертикальной и горизонтальной основой. О бытовании вертикального стана свидетельствует тот факт, что относительно недавно в Предкамье на таком архаичном типе стана производили рогожные кули. Бытование вертикального стана в древности предполагал А.Х.Халиков. Так, относительно находок в археологических памятниках грузиков, отверстия которых протерты нитками, он высказывал мысль, что это и есть ткацкие грузики, которые вместо навоя, подвязывались на концы, к нижнему навою, оттягивая ее этим вниз.

Полевые материалы, и литературные источники свидетельствуют, что в конце XIX в. на всей территории Волго-Уральского региона для изготовления тканей использовался горизонтальный стан.

Типология станов основана на конструктивных различиях в устройстве: 1) без рамы, 2) с неразвитой рамой, 3) с развитой или полной рамой.

В безрамном типе стана по особенностям конструкции подставок для крепления прищвы и конца основы выделяются три варианта: а) двухподставной, б) трехподставной, в) устанавливаемый на нарах. Первые два варианта ткацкого стана единично применялись ткачами в Восточном Закамье, причем, первый - у кряшен, второй - у татар-мусульман. Ареал распространения третьего - Предкамье, Восточное Закамье, Уфимское Приуралье. Следует заметить, что для татар-мусульман Казанского уезда (Западное Предкамье) он вплоть до начала XX в. зафиксирован как преобладающий, а в Предкамье (за исключением Глазовского и Слободского уездов) и в Восточном Закамье и Приуралье он имел бытующую градацию.

Бытование стана с неразвитой рамой, в указанных выше районах видимо, надо расценивать как рудимент, сохранившийся к началу XX в. Ранее же этого времени в традиционном ткачестве татар Волго-Уральского региона такой стан мог иметь массовое распространение. На это косвенно указывает то обстоятельство, что он известен в зонах наиболее тесного соприкосновения татар с соседними народами - южными удмуртами (3, с.25), чувашами (4, с.134-135). Показательно, что башкирскими этнографами установлено его наличие в северо-восточных уездах Уфимской губ., а также в пограничных уездах Казанской и Уфимской губ. Полагают, что его распространение на сравнительно большой территории указывает на ранние этнические и культурные связи башкир и татар.

Третий тип - ткацкий стан с развитой или полной рамой по отдельным конструктивным различиям в устройстве рамы, главным образом по устройству навоя и поднебника, подразделяются на три варианта: 1 - без заднего навоя и без поднебника; 2 - с поднебником и без заднего навоя, 3 - с задним навоем и с поднебником.

Первый вариант стана, носивший название татарского *татар киндер урны* местностях мишарского населения занимал доминирующее положение. Он преобладал в ткачестве татар южных районов Окско-Сурского междуречья, Предволжья, Нижнего Предволжья и Заволжья, Уфимского Приуралья. Бытующим явлением он отмечается в ткачестве татар-мишарей северных районов Окско-Сурского междуречья, казанских татар Предкамья, а также в местах расселения обеих этнографических групп в периферийных ареалах. Н.И.Воробьев считал, что данный тип стана создавался на базе более старинного стана на полозьях (по нашей типологии - третий вариант безрамного стана); чтобы освободить от него нары, была усвоена рама от русского стана более примитивного типа без заднего навоя (5, с.117).

Это предположение подтверждается и материалами районирования, так как большая распространенность этого типа стана отмечалась на всей территории расселения татар-мишарей в Окско-Сурском междуречье, в историческом прошлом находившихся под сильным воздействием русской культуры (6, с.17).

Второй вариант рамного стана (с поднебником) бытовал у татар-кряшен Мамадышского и Чистопольского уездов, у татар-мусульман Спасского уезда Казанской губ., а также у татар-кряшен Мензелинского, Бирского уездов Уфимской губ. В ряде уездов Симбирской, Самарской и Пензенской губ. он зафиксирован как единичное явление.

Рамный стан с задним навоем и поднебником (третий вариант), представляющий наиболее совершенную конструкцию ткацкого стана, как преобладающий зафиксирован в Пермском Приуралье, а также в Зауралье, в Елабужском и Слободском уездах Вятской губ. Его бытование зафиксировано у татар-мишарей Елатомского и Темниковского уездов Тамбовской и в Касимовском уезде Рязанской губ. Этот вариант ткацкого стана с развитой рамой и с деревянными блоками *чыгыр*, которыми регулировалось положение берда и нитченок, у татар Поволжья и Урала является сравнительно поздним и, очевидно, заимствованным от русских.

Наиболее древними и представляющими национальную специфику татарского ткачества являлись ткацкие станы без рамы и с неразвитой рамой. При этом в их деталях наблюдались черты, восходящие к традициям степного ткачества. «Татарский ткацкий станок примитивного типа, - писал Н.И.Воробьев, - вероятно, есть пере-

житок какого-то древнего станка степного типа с отдельными стойками для крепления пришвы, к которому приспособлена после оседания на месте и перенесения ткачества в избу, свитая по местному способу основа...» (5, с.117).

Должны заметить, что показатели «тюркских» черт в татарских станах, восходящие к традициям ткачества степных народов, прежде всего подкрепляются параллелями с примитивным станом башкир. У них дальнейшее развитие примитивных станов шло одинаковыми путями с татарским (7, с.34).

В конструкции безрамных и рамных станов татар заметны черты, привнесенные из практики многих других народов Поволжья и Урала, особенно - русских. Более того, анализ картографических материалов по татарским станам свидетельствует о разных путях их развития. В одних ареалах оно могло идти неразрывно от примитивных, через промежуточные этапы до совершенного типа, как это происходило, например, в Заказанье, где представлены все типы станов. Напротив, в Пермском и Южном Приуралье, эволюция станов шла от низшего к высшему типу, минуя промежуточное звено, от стана с неразвитой рамой к конструктивно совершенному - «русскому» стану. Появление русского типа ткацкого стана, видимо, обусловлено развитием мануфактурной промышленности.

Если в какой-то мере распространение тканей и даже ткацкие станы мы связываем с социально-экономическим фактором, то не в коей мере это не относится к техническим приемам ткачества.

Этнографические материалы свидетельствуют о широком бытовании у татар одноуточного (одноцветного) узорного браного ткачества, так называемого белого бранья. Татарские ткачихи в зависимости от количества бральниц, употребляемых в работе, выделяли два типа одноуточного браного ткачества: бранье на одной дощечке - *бер такталы чүпләм* и бранье на двух дощечках - *ике такталы чүпләм*. Иногда встречалось ткачество на 5 дощечках *биш такталы чүпләм*. Название узоров ткачихи дифференцировали по количеству набранных на дощечках рядов основы, поскольку от количества бральниц зависела и сложность узора. Ткань, изготовленная на одной доске, имела простой узор (квадраты, прямоугольники), на двух - уже более сложное их сочетание.

Одноуточное белое бранье со всеми его разновидностями было распространено в Предкамье, Восточном и Западном Закамье (Мамадышский, Лаишевский, Казанский, Чистопольский и Спасский уезды Казанской губ.), в Мензелинском, Белебеевском, Бирском, Златоустовском уездах Уфимской, Ставропольском и Самарском уездах Самарской, в Глазовском, Малмыжском и Сарапульском уездах Вятской губерний.

Бранье на двух дощечках в основном совпадало с территорией распространения бранья на одной дощечке, за исключением Глазовского, Малмыжского и Сарапульского уездов Вятской губ., где эта техника отсутствовала.

Одноуточная браная техника (в обеих разновидностях) является наиболее простым и, вероятно, архаичным видом узорного ткачества татар. Об этом свидетельствует, в частности, факт использования в процессе ткачества для получения добавочного зева, наряду с ремизками и подножками, специальной дощечки, которая в истории развития ткацкого стана предшествовали развитию ремизки и берда*.

* Здесь имеется в виду широкая дощечка *адырга*, которая используется у многих тюркских народов, как основоразделитель.

Двухуточная браная ткань отличается от других видов узорного тканья по ряду признаков. Прежде всего, узор в браной ткани бывает двухцветным: цвет фона - белый, цвет орнамента - красный. Чаще он проходит поперечными полосами той или иной ширины, что объясняется самой техникой исполнения. Другая важная черта, отличающая двухуточное бранье - узор с изнаночной стороны полотна, по контуру он тот же, что и с лицевой стороны, но является негативным: фон сменяет узор и наоборот.

В технике создания браных узоров наблюдалась следующая специфика: нити основы, набранные на бральницу, подвязывали к круглой палочке. Получалось нечто подобное ремизкам со свисающими петлями. У татар они назывались «задними» - *арт көре*, поскольку висели позади нитченков. Ткать на малых нитченках было удобнее и быстрее, и однажды набранный узор можно было повторять многократно, сохраняя, целиком или частично, его форму. Однако этот способ имел и свои недостатки: ткачиха механически повторяла однажды набранный узор и не могла внести в него новые мотивы.

Как полагают исследователи, переключивание выбранных нитей палочками, подвязывание их петель, наконец, применение дополнительных нитченков представляют три последовательные стадии в развитии браной техники узорного ткачества (7, с.48). Первые два способа известны восточным славянам (8, с.527-529), коми (3, с.109-111), удмуртам (9, с.333-339), карелам (10, с.114) и другим народам Восточной Европы. Что касается браных нитченков, то они встречаются только у татар и у северо-западных башкир, к которым проникли в результате этнокультурного взаимодействия с татарами (7, с.48).

Двухуточная браная техника у татар в конце XIX - начале XX вв. была наиболее распространенной формой узорного ткачества. Она встречалась на всей территории Волго-Уральского региона и почти повсеместно бытовала параллельно с многоцветным браньем.

В исследуемое время широкое распространение имели узорные ткани, выполненные многоуточной (выборной, настильной) техникой - *кырык шырпылы тукыма*. Настильная *чулэм* или, как ее еще называют, стежковая техника являлась разновидностью выборной.

Многоцветное бранье преобладало среди ц-окающих мишарей Окско-Сурского междуречья и в Зауралье. В остальных местах расселения татар она бытовала параллельно с другими видами браного ткачества.

Наиболее ранние его истоки исследователи связывают все же с ткачеством русского населения. Несколько позже оно распространилось среди финно-угорских народов. Что касается татар, время появления у них браного ткачества не ясно. Несомненно процесс распространения браного ткачества был несомненно длительным и сложным. Разнообразие видов браных изделий, отработанность многоступенчатых технических приемов, сложность создания узоров, и наконец, широкая их распространенность у различных групп татар Поволжья и Урала свидетельствует о глубокой традиционности браного ткачества в их среде.

Не меньшее место, чем браные декоративные полотнища, занимали закладные ткани. Закладная техника узорного ткачества позволяла выполнять разнообразные орнаментальные формы, начиная от самых простых и до весьма сложных. Этим она сближалась с двухуточной браной, но в отличие от последней, давала возможность создавать многоцветный узор орнамента. Цвета в нем могли располагаться свободно в любом ритме и в любом сочетании.

Проведенное нами картографирование распространения закладного узорного ткачества показало, что оно преобладало в Корсунском уезде Симбирской, Саранском уезде Пензенской, Глазовском уезде Вятской, Орском и Оренбургском уездах Оренбургской, Пермской и Уфимской губерниях. В Казанском, Лайшевском уездах Казанской губ. закладное узорное ткачество встречалось как единичное явление.

Ремизное узорное ткачество - наиболее сложное по технике исполнения и, очевидно, самое позднее по времени возникновения. Поэтому к концу XIX - началу XX вв. оно не успело получить массового распространения, о чем свидетельствуют результаты картографирования. Многоремизная техника бытовала лишь в Глазовском уезде Вятской и некоторых уездах Пермской губерний. Единично она отмечается в уездах Уфимской и Оренбургской, а также в Самарском и Ставропольском уездах Самарской губерний. Показательно, что у татар-мишарей Предволжья и Окско-Сурского междуречья эта техника не входила в систему узорного ткачества. По всей вероятности, многоремизная техника была заимствована татарами у русских крестьян не ранее XIX в.

Исследование ткачества во всем комплексе его элементов и картографирование дали возможность выявить широкий диапазон общих черт в ткачестве татар Волго-Уральского региона. К ним относятся способы и орудия обработки сырья, конструкция и названия ткацких станков, способы снования. Повсеместно распространенными являются ткани полотняного переплетения, выполненные на двух нитчатых и двух подножках, изготовление тканей при помощи браной техники. Для всей территории расселения татар характерны пестрядные клетчатые и продольно-полосатые ткани, красно-белые скатерти. Причины этой общности, по-видимому, заключаются в сходстве исторических судеб различных групп татар, в культурной близости народов, с которыми татары контактировали.

Выявленные в результате проведенного исследования многочисленные комплексы традиционного ткачества татар Волго-Уральского региона дают основание выделить **центральный, западный и восточный этнокультурные ареалы**, связанные с тем или иным структурным подразделением татарского этноса (карта 8).

Центральный этнокультурный ареал является основной этнической территорией казанских татар. Он характеризуется преимущественным функционированием в его пределах комплексов ткачества так или иначе связанных с культурными традициями казанских татар и татар-кряшен Казанской, Вятской и прилегающих уездов Самарской и Симбирской губерний.

Заказанский комплекс. Характеризуется реликтовыми, архаичными формами культуры ткачества (снование на стене, использование наиболее древней формы ткацкого стана без рамы, применение дополнительных нитчаток), которые в исследуемое время уже вышли из быта у татар-мишарей, но еще сохранились у татар-кряшен. Здесь уживаются наиболее древние и более современные формы ткачества (использование хлопчатобумажных нитей, анилиновых красителей, фабричной ткани). Заказанский комплекс включает северные уезды Казанской, Малмыжский уезд Вятской и Буинский уезд Симбирской губерний.

На северо-востоке центрального ареала компактно проживают татары, имевшие очень тесные культурные связи с татарами районов Заказанья. Влияние последних видно

в распространении двухцветного красно-белого бранья с сетчатой композицией, закладной техники. Однако здесь сохранились и наиболее архаичные элементы ткачества - льномялки из копани на двух ножках и трехподставной ткацкий станок. По некоторым параметрам в ткачестве чепецких татар различаются два комплекса.

Нукратский комплекс. Своеобразие ему придавали следующие особенности: русский тип ткацкого стана, снование на стене, двухцветное красно-белое бранье с сетчатой композицией, синяя крашенина, красно-черная в полоску и клетку пестрядь, льномялки из копани на двух ножках. Этот комплекс бытовал в Слободском уезде Вятской губ.

Верхочепецкий комплекс. Имеет свою специфику: трехподставной ткацкий стан, льномялки из копани на четырех ножках, сине-белая пестрядь в клетку, закладная техника, по характеру орнамента и композиционному решению напоминающая закладные узоры на полотенцах татар Заказанья. К местным особенностям относится многоремизная техника на четырех подножках, используемая при изготовлении шерстяных и полушерстяных тканей для верхней одежды. Широкое распространение в тканье полотенца получило белое бранье на одной дощечке, Верхочепецкий комплекс характерен для Глазовского уезда Вятской губ.

Сарапульский комплекс ткачества казанских татар локализован в Сарапульском, Малмыжском и на севере Елабужского уезда Вятской губернии. Этот комплекс имеет много общего с культурой ткачества казанских татар районов Заказанья. Это проявляется в колорите (синяя крашенина) и в технике ткачества: браная - белое бранье, двухцветное красно-белое бранье с сетчатой и линейной композицией, использование наиболее древней формы ткацкого стана, устанавливаемого на нарах, в декорировке ткани (браная одежда, браные занавеси). Своеобразие изделий этого комплекса придает широкое использование закладной техники. Самобытность проявляется в оригинальных мотивах орнамента.

Татары-кряшены, в отличие от казанских татар, ткали очень много так как вся одежда у них была домотканая. В центральном ареале выделяется несколько кряшенских комплексов: казанско-татарский, елабужский и молькеевский.

Казанско-татарский (кряшенский) комплекс. Основные характеристики этого комплекса: использование трех типов ткацкого стана, снование на стене, самопрялка-стояк, выборная техника по пестряди для пошива женских рубашек и фартуков, многоремизная техника на четырех подножках, белое бранье на одной дощечке. Комплекс охватывает Мамадышский, Лаишевский, Спасский, Чистопольский уезды Казанской, Малмыжский уезд Вятской губерний.

Елабужский (кряшенский) комплекс. Для этого комплекса характерны: русский тип ткацкого стана, многоремизная техника на 4, 8 подножках, желто-черная пестрядь. У елабужских кряшен на месте соединения стана рубашек ниже талии вшивали полосу узорного тканья (бордюра с яркими узорами) из шерсти или хлопчатобумажных нитей. Елабужский комплекс был распространен в Елабужском уезде Вятской губернии.

Молькеевский (кряшенский) комплекс. Характеризуется следующими особенностями ткачества: русский тип ткацкого стана, самопрялка - стояк, снование на стене. Выделяются особые браные узоры на концах головных полотенец *тастар*. Своеобразие этого комплекса проявляется в использовании многоцветной пестряди, кото-

рая употреблялась для пошива женских рубаш. Территориальное распространение этого комплекса: Цивильский и Тетюшский уезды Казанской губ.

Западный этнокультурный ареал расположен к западу от центрального ареала. Это территория преимущественного проживания татар-мишарей. Пензенская, Саратовская, Рязанская, Тамбовская, Нижегородская и отчасти Симбирская губернии. В нем усматриваются комплексы ткачества ч-окающих, ц-окающих мишарей. На северо-западе западного ареала выделяется касимовский комплекс.

Комплекс «ч-окающих» мишарей. Особенности этого комплекса заключаются в сновании на рамочной сновалке, в бытовании двух типов ткацкого стана («татарский» и с «поднебником»), в двухцветном красно-белом бранье. Характерны полотенца с узорами многоцветного бранья, но традиционно выполненные на белом фоне. Самобытность тканям этого комплекса придавала и закладная техника *асалап сузу*. По характеру орнамента и композиционному решению они напоминают закладные узоры на полотенцах пермских татар. Довольно широкое распространение среди мишарей этого комплекса получила красная крашенина. Своеобразие культуры ткачества «ч-окающих» мишарей проявляется и в изготовлении пестряди. Особенно красно-черная пестрядь в четыре нити. Этот комплекс бытовал в Саратовской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской и частично в Симбирской губерниях.

Комплекс «ц-окающих» мишарей. Здесь нужно отметить следующие особенности: снование на рамочной сновалке; татарский и русский тип ткацкого стана, при орнаментации полотенца у сергачских мишарей применяли настильную технику (разновидность браной техники), многоцветные узоры наносились по красному фону, причем середина полотенца делалась пестрядной. Заметное распространение у ц-окающих мишарей получила синяя крашенина, красно-белая пестрядь для женских рубаш с вытянутыми по вертикали или горизонтали клетками. Данный комплекс охватывает территорию компактного проживания так называемых сергачских мишарей - уезды Нижегородской и Курмышский уезд Симбирской губерний.

Касимовский комплекс. Имеет много общего с ткачеством казанских татар районов Заказанья: в способах снования, технике ткачества, в колорите, орнаменте. Широко было распространено двухцветное красно-белое бранье с сетчатой и линейной композицией, закладная техника, где использовались шелковые нитки. Палитра красок, пожалуй, была богаче, чем у казанских татар. Но, в отличие от последних, бытовал русский тип ткацкого стана. Комплекс распространен в Касимовском уезде Рязанской губернии.

Восточный этнокультурный ареал. Оренбургская, Уфимская и Пермская губернии. Анализ комплексов ткачества, бытуемых у татар, проживающих в этом ареале, позволяет утверждать, что абсолютное большинство их было связано и развивалось под влиянием культурных традиций казанских татар, татар-мишарей, крещеных татар и башкир. В ареале выделяются следующие комплексы.

Пермский комплекс. Ткачество здесь напоминает традиции ткачества казанских татар и татар-кряшен: в способах снования, технике ткачества, в колорите, в орнаменте, в композиции узоров. Однако имеются и заметные отличия: применение русского типа стана, широкое использование многоремизной техники, многоцветной пестряди. В Пер-

мской губернии получило большую степень распространенности высокохудожественное ткачество, применяемое при орнаментации одежды. Этот комплекс бытовал в Пермской губ., северной части Бирского и Златоустовского уездов Уфимской губернии.

Уральский комплекс. Здесь, при безусловно приоритетном влиянии казанских татар приходится констатировать наличие отдельных элементов, отражающих специфику ткачества татар-мишарей и татар-кряшен. По многим параметрам этот комплекс, безусловно, испытал также влияние башкир. Это, к примеру, использование крашенины желтого и оранжевого цветов, массивность многоцветных узоров на полотенцах и занавесях. Уральский комплекс включает Уфимскую и частично Самарскую губернии (Бугульминский и Бугурусланский уезды).

Зауральский комплекс. Это районы наиболее поздних переселений казанских татар и татар-мишарей. Сложен и многообразен комплекс элементов в ткачестве «зауральского комплекса». По многим этническим параметрам, безусловно, он испытал также влияние башкир и татар-кряшен. Для ткачества татар этого комплекса характерны русский тип ткацкого стана, широкое применение белой холщовой ткани для мужских и женских рубаш и поясной одежды *итан*, использование в качестве сырья дикой конопля, широкое применение многоцветной техники, многоцветной пестряди. Территория распространения этого комплекса - Оренбургская и отчасти Пермская губернии.

Перечисленные выше ареальные особенности формировались под влиянием различных факторов - этнических, социально-экономических и физиографических. Большое воздействие на формирование местных особенностей ткачества татар Волго-Уральского региона оказала культура окружающих народов.

-
1. Сафина Ф.Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала (конец XIX - начало XX вв): Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 1996.
 2. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
 3. Белицер В.И. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. М., 1951.
 4. Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романова Р.Р., Симонов А.Р. Чуваши. Этнографическое исследование. Ч.1. Чебоксары, 1956.
 5. Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953.
 6. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972.
 7. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.
 8. Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян. Восточно-славянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX - нач. XX вв. М., 1956.
 9. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми XIX - нач. XX вв. М., 1958.
 10. Маслова Г.С. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951.

Глава 8. Этнокультурное районирование по данным народного костюма

Этнокультурное районирование проводится на основе картографических материалов Историко-этнографического атласа татарского народа (Том «Народный костюм татар Поволжья и Урала» (1)).

Для анализа привлечены специальные научные публикации автора, связанные с поставленной проблемой, использована также соответствующая литература этнографического и общеисторического характера.

Традиционный костюм татар Поволжья и Урала отчетливо отражает этнические процессы, культурные взаимовлияния как внутри этнической общности, так и за ее пределами (в зонах контактного проживания с другими этносами), поскольку его основополагающие элементы - типы головных уборов, нижней и верхней одежды, обуви, украшений - носят, как правило, ярко выраженный этнический характер.

Районирование стало возможным благодаря тщательному анализу более 60 элементарных карт Атласа, отражающих территориальное распространение наиболее важных, «этнически окрашенных» элементов костюма и составлению на их основе комплексных карт (см. карту 9 «Территориальные комплексы традиционной одежды» и карту 10 «Территориальные комплексы женских украшений»).

Основным хронологическим периодом для выделения территориальных комплексов одежды, как и украшений, является, на наш взгляд, середина XIX в. Комплексы народного костюма в этот период времени были наиболее стабильны. В конце XIX в. и особенно в начале XX в. эта устойчивость нарушается: отчетливо сказывается влияние европейской, в том числе и русской культуры, а также процессы консолидации татар вокруг наиболее продвинутой в социальном и культурном отношениях референтной группы этноса (казанских татар основной этнической территории). Этот же период характеризуется интенсивным освоением национальной (городской) культуры населением даже весьма удаленных этно-территориальных групп народа, таких как тамбовские мишари, пермские или касимовские татары и т.д. Об этом ярко свидетельствует большинство подготовленных нами на конец XIX - начало XX вв. карт атласа.

Картографические материалы позволяют утверждать, что традиционная одежда волго-уральских татар едина. Особенно единообразны (по составу и крою) основные виды плечевой и поясной одежды, включая их нижние и верхние разновидности. Уже в середине XIX в. основу любого территориального комплекса составляла длинная, широкая, с длинными и широкими рукавами туникообразная рубашка с центральным грудным разрезом и штаны «с широким шагом». Наплечная одежда (включая и

рубашу) была исключительно с вертикальными швами. Горизонтальное членение одежды (рубаша на верхнюю и нижнюю части, верхней одежды по линии талии) представляет вторичный признак. По всему региону преобладала приталенная одежда со сплошной спинкой, двубортные полы имели запах справа налево; правая и левая полы по покрою и размерам были одинаковые. Едины по всему региону и матерчатые кушаки, традиционная кожаная обувь, а также мужские головные уборы (тюбетейка, шапка с матерчатым верхом и меховой оторочкой), типа *мескен бурек*.

Различия отмечаются прежде всего в женских головных уборах, декоративном оформлении костюма. Они касаются в той или иной степени, всех групп волго-уральских татар. Распространение отдельных типов (вариантов) традиционных женских уборов имеет довольно конкретные границы. Так, среди ранних головных уборов, дошедших до конца XIX в., значительное место занимают тастары, которые образуют крупный массив на западе региона и лишь небольшие островки в Приуралье. Основным рубежом распространения тастарного комплекса и других форм покрывал является р.Сура (1, с.178). Это рубеж, разделяющий древние районы проживания мишарей и казанских татар. Западнее Суры поселения казанских татар отсутствуют. И, наоборот, поселения мишарей, восточнее названной реки, относятся лишь к сравнительно позднему (не ранее конца XVI -начала XVII вв.) периоду.

Территориальные комплексы традиционной одежды татар Волго-Уралья в значительной степени соответствуют результатам предпринятого ранее исследования диалектологов (2). Так, на территории Окско-Сурского междуречья также определяются своеобразные зоны, соответствующие ч-окающим и ц-окающим мишарям.

Наиболее специфический элемент костюма ч-окающих мишарей составляет головной убор: волосник-чепец с узким чехлом - накосником и особый полотенеобразный тастар. Среди них выделяются своеобразные в некоторых деталях костюма группы - темниковско-азеевская, лямбирская, кузнецко-хвалынская. Например, у лямбирских мишарей (Саранский, Инсарский уезды Пензенской и Корсунский уезд Симбирской губ.) комплекс женского головного убора, кроме волосника и полотенеобразного тастара с двумя украшенными концами, включает монетную шапочку *кашпау*. Здесь бытовал и своеобразный способ повязывания тастара: его украшенный конец особым образом укладывался на голову. Также местной спецификой отличался и комплекс костюма мишарей Саратовской губ. (Кузнецкий и Хвалынский уезды), особенно в плане декоративного оформления тастаров, женских нагрудников и волосников богатой золотошвейной гладью. Эти районы проживания ч-окающих мишарей выделяются и на диалектологических картах.

Особенности костюма ц-окающей группы мишарей заключены в ранних головных уборах. Оригинальный волосник *сылпацау* был в форме небольшого платка. В комплекс головного убора молодой женщины входил волосник *башикегец*, который у ч-окающих мишарей не отмечается. Тастар ц-окающих мишарей совершенно иной, нежели у их ч-окающей группы: у него украшен лишь один конец. Его специфика в том, что составленный из разноцветных кусочков ткани конец тастара заметно шире основного полотнища. Значительные особенности в костюме мишарей прослежива-

ются и в декоративном оформлении женских рубах: ранние экземпляры женских рубах ч-окающих мишарей декорированы счетной вышивкой; а ц-окающих - так называемым, лоскутным узором.

В соседстве с темниковско-азеевскими (ч-окающими) мишарями живут касимовские татары. Их традиционная одежда, особенно женский головной убор, как по составу элементов, так и по их типологическим признакам близка одежде сопредельных мишарей. Это волосник *соловесь* или *баш 'эме* и полотенцеобразный тастар. Но при всей этой близости традиционная одежда касимовских татар из белого аймака выделяется и рядом особенностей, о которых упоминает в своих исследованиях Ф.Л.Шарифуллина (3, с.76-78). Так, их тастар заметно отличается характером используемой ткани, размерами и декоративным оформлением. Техника вышивки тамбур, орнамент и композиция узора (букет) сближают его с искусством украшения одежды казанских татар. Добавим, что комплекс женской одежды из белого аймака содержит в себе и ранние элементы костюма казанских татар, такие как шелковые трикотажные калфаки, шейно-нагрудное украшение *яка чылбыры* и др.

Распространение отдельных типов традиционной одежды на западе региона (в Окско-Сурском междуречье), как правило, имеет достаточно конкретные границы, совпадающие с территорией проживания той или иной группы мишарей. Заметим, что мишари пограничных с Казанской губ. уездов (Симбирского и Буинского уездов Симбирской губ.) постоянно испытывали экономическое и культурное воздействие казанских татар, поэтому рано потеряли те элементы традиционного костюма, которые характерны для мишарей Окско-Сурского междуречья. Здесь данные этнографии часто не соответствуют материалам диалектологического районирования. То же самое следует сказать о традиционной одежде тех мишарей, которые сравнительно рано переселились в более восточные районы (дрожжановские, чистопольские, приуральские мишари). Миграции способствовали как территориальному сближению мишарей и казанских татар, так и их культурно-бытовому сближению. Поэтому женская одежда мишарей-переселенцев в конце XIX - начале XX вв. практически не отличалась от одежды казанских татар этих территорий.

До середины XVI в. (до присоединения Казанского ханства к Русскому государству) наибольшей этнической плотностью и целостностью, как известно, отличались Предкамье и Предволжье. Эти районы, в том числе Заказанская часть Предкамья, и позже оставались основной этнической территорией казанских татар. После присоединения усилилась миграция казанских татар на север и восток, в результате чего более четкие этнокультурные формы приняли их ранние территориальные группы: нукратская, верхочепецкая, пермская, параньгинская, ижбобьинская.

Как известно, к середине XVI в. казанские татары уже представляли народность и их культура, в том числе традиционный костюм, приняла конкретные этно-специфические очертания (4, с.107-130). Поэтому миграционные процессы не могли серьезно поколебать устоявшуюся систему традиционных ценностей переселенцев, хотя новые природные, социально-экономические условия, а также этническое окружение способствовали формированию у них некоторых местных особенностей костюма.

Женская одежда казанских татар традиционно включала туникообразную рубаху с длинным и широким остовом - *буй, толын*, подолом - *итэк* и воланом талии - *өске итэк*. Большой грудной разрез рубахи украшался полосками разноцветной ткани, воротник-стойка. Необходимой принадлежностью одежды являлись штаны с широким шагом, приталенная, с цельной спинкой, верхняя одежда. Неотъемлемую часть повседневной, нередко и праздничной одежды казанских татар (мужчин и женщин) составляли передники. Головной убор молодых женщин включал прямоугольные покрывала с налобными украшениями из позумента или монет. Пожилые женщины поверх нижнего платка - *яулык* повязывали большие треугольные покрывала - *өрпәк* с налобником - *битлек* или *маңгайча*. В качестве верхних головных уборов служили шапки и полотенеобразные повязки или фабричные платки. Основной рабочей обувью были лапти. Их носили с суконными чулками - *тула оек*. Повседневной обувью у женщин являлись кожаные *кәвеш*, которые одевались с суконными и вязанными чулками, а праздничной и выходной - ичиги - *читек*, часто узорные. Пожилые женщины носили мягкие ичиги с кожаными калошами, а в обычные дни - калоши с чулками. Традиционная основа одежды присутствует на всей территории проживания казанских татар. Местные особенности касались лишь материала, иногда его колорита, деталей покроя, терминологии. Но на ранних материалах середины XIX в. северные районы Предкамья (чепецкие татары) и Приуралья (пермские татары) противопоставляются более южным районам проживания казанских татар, в частности, южной части Мамадышского уезда Казанской губ., Мензелинскому, Бирскому уездам Уфимской губ. Это районы бытования верхней одежды *чоба, жсилән*, волосника и налобника *маңгайча*. Для этой территории весьма характерно украшение женской верхней одежды и головных уборов позументом. Северная (прикамская) полоса особенностей далее тянется на восток - через Бирский уезд Уфимской в Кунгурский, Осинский уезды Пермской губернии. По ряду параметров она смыкается и с комплексом женской одежды казанских татар Заказанья. В направлении этих связей, как полагает Р.Г.Мухамедова, следует искать истоки калфачков, в том числе и в значении волосника (1, с.172).

Комплекс женской одежды казанских татар наиболее продвинут в своем развитии: не зря же Заказанье слыло как «как як» (белая сторона). Н.И.Воробьев границу этой части на севере и западе проводил от деревни Ст.Ашит, далее на Арск, Б.Сабы, Кутлу Букаш и по р.Шумбут до р.Камы (1, с.172). Эта территория соответствует поселениям болгарских переселенцев (5, с.80). Об этом, как известно, говорят намгильные камни, селища и народные предания. Располагая объективными возможностями социально-культурного развития (наличие городов с развитым ремеслом, сравнительно продвинутые масштабы производства и обмена и т.д.), татары Казани и Заказанья смогли создать множество вариаций в традиционном костюме, отличающихся совершенством декоративно-художественного исполнения. Вариативность комплексам придавали разнообразные по форме и декоративному оформлению головные уборы (особенно калфачки), узорная кожаная и бархатная обувь, многообразные изысканные ювелирные украшения. Уже в середине XIX в. основным материалом для пошива одежды здесь служили покупные ткани. Лишь для пошива нижней

одежды параллельно использовалась ткань собственного изготовления: для рубах - чаще синяя крашенина, для штанов - пестрядь в полоску. Женские передники шили из ткани с браными (выборными) узорами - *алмалы альяпкыч*. Верхнюю одежду представляли трех - и пятишовные камзолы, бишметы, казакины, сшитые из покупной фабричной ткани. Здесь больше чем в других районах проживания казанских татар были распространены разнообразные формы шапок, в том числе и *ука бурек*. В XVIII - первой половине XIX вв. отмечается наличие *такья бурек* - остроконечной, на каркасной основе шапки, украшенной ажурными бляхами и монетами (6, с.40).

Другой район раннего и компактного проживания казанских татар образует Свияжский, Тетюшский, отчасти Цивильский уезды Казанской и часть Буинского уезда Симбирской губ. По абсолютному большинству элементов традиционного костюма эти уезды на элементарных картах не дают противопоставлений другим районам проживания казанских татар, поэтому они не выделяются и на комплексной карте. Однако следует заметить, что традиционная одежда в этих уездах по ряду параметров отличается большей архаикой. В частности, здесь дольше и четче сохранялась возрастная дифференция в использовании отдельных элементов костюма. Женщина пожилого возраста не надевала ожерелья - *яка чылбыры*, а пользовалась исключительно нагрудником *изу*. Здесь в отличие от Заказанья, одновременно с *изу* из позумента, надевали и монетный нагрудник - *тэнкәле изу*. Камчат *бурек* пожилая женщина надевала поверх нижнего платка даже летом. Параллельно с камзолом, в качестве одежды женщин старшего возраста, бытовала *кәсәбикә*. Некоторые элементы костюма имели здесь иные количественные показатели по сравнению с районами Заказанья. Большая приверженность к старине сказалась в склонности к использованию для пошива одежды материалов домашнего производства. Так, в конце XIX в. для пошива женских рубах, одновременно с крашениной использовалась пестрядь в крупную клетку. Наряду со стеганым бишметом носили и приталенные, из домашнего сукна, чикмени (со сплошной спинкой). Особенно это относится к лесостепным районам Предволжья (часть Тетюшского, Цивильского уездов Казанской губернии и Буинского - Симбирской). Более широко бытовали здесь и суконные чулки. Заметим, что традиционная одежда татар Свияжского уезда, где татарское население рано втянулось в мелкую торговлю и в торговое посредничество, дает наиболее близкую к Казанским уездом картину. Важную роль в этом, вероятно, сыграло наличие в их традиционной культуре мощного субстрата культуры волжских булгар (1, с.173).

Как известно, в среде казанских татар отдельными территориальными группами проживают татары-кряшены, традиционная одежда которых представлена в основном теми же типами, что и ранняя (середины XIX в.) одежда казанских татар-мусульман. В женском комплексе - это та же рубаха с верхним или нижним воланом, штаны с широким шагом, трех-пяти шовный камзол, передник с грудкой, часто орнаментированный браными или выборными ткаными узорами. В некоторых районах проживания кряшен одновременно с камзолом бытовал также *жылән* с приталенной спинкой и длинными или слегка укороченными рукавами. В качестве демисезонной и зимней одежды одновременно с приталенными чикменами и шубой, бытовал *бишмәт*.

Общими с казанскими татарами были и девичьи уборы - это белые или матерчатые калфаки с *ука-чачак* (*калфак-чачак*) в сочетании с накосным украшением *чэчкап*. Особенно близок с одеждой казанских татар традиционный костюм кряшен Малмыжского уезда Вятской губ. Здесь женские рубахи с *өсте итэк* шили так же, как и другие татары Казанского и Малмыжского уездов, из синей, буро-красной крашенины. Камзол молодая женщина носила, как и мусульманка из верхочепецкой и некоторых других групп, в течение первого года замужества. Здесь отмечаются ранние типы верхней одежды *чоба*, *жилән*. В качестве обрядового (свадебного) элемента бытовало головное покрывало *бөркәнчек*. Бытование же специфически кряшенского женского головного убора комплекса *сүрэкә* не отмечено. Хотя следы бытования его в прошлом (по данным Р.Г.Мухамедовой) явно прослеживаются.

Более четкие комплексы костюма выделяются у других территориальных групп крещеных татар. Они различаются, в первую очередь, особыми многочастными комплексами головных уборов. В зависимости от входящих в состав элементов у волго-уральских кряшен выделяется три территориальных комплекса женских головных уборов.

Первый комплекс с покрывалом *сүрэкә* - наиболее распространенный, включал волосник - *мәләнчек* с прямоугольным или близким к прямоугольной форме налобником, прямоугольное височное украшение *жылкәлек* или *чигәчә*, покрывала *сүрэкә* и *ак жаулык*. Он бытовал на территории Казанского, Мамадышского, Лаишевского, Чистопольского уездов Казанской и Мензелинского уезда Уфимской губ. В зависимости от деталей формы налобника волосника, а также формы височного украшения этот комплекс имел некоторые территориальные особенности. Так, на территории Казанского, Мамадышского, Лаишевского уездов волосник имел прямоугольную продолговатую форму, височные украшения также были прямоугольными. А в Мензелинском уезде продолговатый налобник имел слегка закругленные верхние углы, нижний край височника имел также закругленную форму. В Чистопольском уезде волосник снабжался небольшим квадратным налобником, а височное украшение было с «крылышками». Чистопольский комплекс головного убора отличает и своеобразный способ повязывания верхнего покрывала-полотенца *хатыннар жаулыгы*.

Второй комплекс женского головного убора кряшен состоял из волосника с копытообразным налобником, височных украшений полуовальной формы. Роль постоянного компонента убора здесь выполнял *баи жаулыгы* (*чукол*) с налобной повязкой *маңгай укасы*, *маңгай тәнкәсе*. *Сүрэкә* фигурирует лишь как подвенечный убор невесты. Этот комплекс бытовал среди кряшен Елабужского уезда Вятской и отчасти Мамадышского уезда Казанской губ. (в селениях, расположенных вдоль правого берега р.Вятки).

Своеобразный промежуточный вариант между первым и вторым комплексами составляет головной убор бакалинских кряшенок (Белебеевский уезд Уфимской губ.). Здесь в качестве волосника выступает *баи жаулык*, *чукол* (без налобника), поверх которого повязывали *сүрэкә*, а поверх *сүрэкә* молодая женщина повязывала фабричный платок с кистями. Примерно такое же промежуточное положение занимает и комплекс женского головного убора нагайбачек, проживающих в Троицком и Верхнеуральском

уездах Оренбургской губ. Заметим, однако, что у последних, в отличие от бакалинских кряшен, волосник - *мәләнчек* является обязательным элементом комплекса.

Третий комплекс состоял из полотенцеобразного тастара и верхней головной повязки - *чибер жаулык* в виде короткого полотенца. Он бытовал среди кряшен Цивильского уезда Казанской губ.

Женские головные уборы кряшен, как и других структурных подразделений этноса, представляют собой наиболее важные, хотя и не единственные материалы к выделению территориальных комплексов традиционной одежды.

Территориальные комплексы одежды

На основании анализа многочисленных карт атласа и сделанного выше обобщения представляется возможным выделить у татар Поволжья и Урала следующие этнотерриториальные комплексы традиционной одежды (см. карту 9. «Комплексы традиционной одежды татар Поволжья и Урала»).

Комплекс I - темниковско-азеевский. Он включал в себя домотканую туникообразную рубаху с цельным или укороченным остовом и пришитым к его нижнему краю воланом. Архаичная рубаха шилась из белого холста и украшалась на груди и по подолу специфической вышивкой (в технике «мелкий крест», так называемая счетная вышивка по разреженному холсту). Штаны с широким шагом с большой прямоугольной вставкой и большими, доходящими до низа штанин, клиньями. Нижний нагрудник - *күкрәкчә* чаще украшался аппликацией из кусочков разноцветной ткани. Из верхней одежды сюда входили камзол и бишмет с цельной приталенной спинкой. Преобладающий комплекс головного убора состоял из полотенцеобразного тастара, концы (или один конец) которого украшались узорами строчевой вышивки «цветная перевить», которая нередко сочеталась с росписью. Другой специфический элемент комплекса - волосник-чепец с накосником в виде узкого мешочка, с отверстием для кос. Из обуви здесь преобладали, ичеги - *читек*, чулки, вязанные из белой шерсти. Основной территорией бытования комплекса являются уезды Рязанской, Тамбовской, Пензенской губерний.

Комплекс II - лямбирский. Преобладающими элементами комплекса была туникообразная рубаха с цельным или укороченным остовом и пришитым к его нижнему краю воланом, сшитая из пестряди в крупную клетку, нижний нагрудник, украшенный аппликацией, штаны с «широким шагом» с большой прямоугольной вставкой и большими, доходящими до низа штанин, клиньями, а также приталенные камзол, бешмет, тун, чикмень. Головной убор включал волосник-чепец с узким накосным чехлом и полотенцеобразный тастар, который украшался «цветной перевитью» и особым способом повязывался, когда один из наиболее украшенных концов тастара располагали на голове, а другой - на спине. Наиболее специфический элемент комплекса - женская монетная шапочка на мягкой основе *капшау*, которую одевали поверх покрывала. Из обуви преобладали *кәуш* в сочетании с вязаными шерстяными чулками, а в качестве рабочей обуви - лапти с косоплетеной головкой. Территория бытования данного комплекса - Саранский и Инсарский уезды Пензенской и Кортумский уезд Симбирской губерний.

Комплекс III - кузнецко-хвалынский. Основополагающие элементы комплекса близки к описанным выше. Это туникообразная рубашка с широким нижним воланом, нижняя поясная одежда *ыштан* с широким шагом, камзол или бустрык с короткими до локтя рукавами, *беимет*, *тун*. Это тот же в целом комплекс полотенеобразного головного убора и обувь. Его специфика заключается в особенностях декоративно-художественного оформления элементов костюма: применение высокохудожественной гладевой техники шитья золотом. В технике золотошвейной глади украшались волосники-чепцы, бархатные чехлы для волос, концы тастаров, верхние бархатные нагрудники *алынча* и др. Оригинален способ ношения кузнецко-хвалынского тастара. Поверх тастара надевалась специальная повязка, предназначенная для укрепления его на голове. Концы такой повязки завязывались на затылке. Отличается здесь и оформление нижнего женского нагрудника. Их вышивка весьма разнообразна как по технике (тамбур, гладь), так и по используемому материалу (шелк, канитель, золотые и серебряные нити), а особенно по характеру орнамента: «вихревая розетка» (соллярный знак), спиралеобразные и S-образные фигуры, розетки и т.д. Комплекс III был распространен в Кузнецком и Хвалынском уездах Саратовской губ.

Комплекс IV - касимовский. Он включает туникообразную рубашку из пестряди в клетку или фабричной ткани, штаны с «широким шагом», верхнюю одежду с приталенной спинкой (*камзол*, *бшимет*, *тун*). Спецификой отличается тастарный комплекс. Волосник состоял из двух элементов: чепца и накосника чехла - *баи'ием*. В городе вместо волосника чаще надевали большой трикотажный калфак. Поверх того и другого особым образом повязывали *тастар*. Такие тастары, предназначенные и для повседневной носки, часто имели лишь один украшенный конец, который располагался на спине, или плече (нередко его спускали через плечо на грудь). Неукрашенный конец, обернув вокруг лица, пропускали над подбородком и закрепляли у виска специальной заколкой - украшением (или просто заправляли). Концы тастара (или один конец) орнаментировались плотной многоцветной тамбурной вышивкой цветочно-растительного характера. У горожан тастары обычно изготавливались из светлой кисейной ткани фабричного производства и вышивались профессиональными мастерицами. Обувь не отличалась оригинальностью. Это ичиги, *кәуш*, часто узорные; чулки шерстяные, вязаные. Комплекс IV распространен преимущественно в Касимовском уезде Рязанской губ.

Комплекс V - сергачский. Он отличался наибольшей самобытностью. Здесь преобладала рубашка, сшитая из пестряди в клетку, которая резко отличалась от рубах других групп мишарей наличием ярких разноцветных матерчатых нашивок (лоскутный узор) на груди, плечах, рукавах и подоле. Называлась таким образом декорированная рубашка *юле күлмәк*. Однако в комплексе одежды пожилых женщин преобладала рубашка из белого холста с широким воланом на подоле и кумачным *изу* на груди. Нижний нагрудник - *күкрәкчә* также украшался аппликацией из ярких кусочков фабричной материи. Из верхней одежды преобладали летом камзолы, в межсезонье - полубешметы, зимой - длинные стеганые бешметы - *тун* или шуба - *тире тун*. Бытовал также зыбын, пошитый из домашнего сукна. Головные уборы сергачских мишарок, также весьма оригинальные, сохранили к тому же и возрастные особенности их

использования. Молодые женщины носили волосник в виде плотно облегающего капюшона *башигеч*, украшенного разноцветными кусочками ткани. Поверх него надевалась повязка - платок, сложенная на угол и повязанная узлом на затылке. Комплекс головного убора пожилых женщин включал полотенцеобразный тастар с широким и длинным концом - *тастар сапмасы*, составленным из прямоугольных, разноцветных кусочков фабричной ткани. Из обуви носили кожаные ичиги и *кәвеш* или косоплетеные лапти с суконными *тула оек* или шерстяными вязаными чулками. Территория бытования комплекса - Сергачский, Васильсурский уезды Нижегородской и Курмышский уезд Симбирской губерний.

Комплекс VI - казанско-татарский. Основополагающими элементами комплекса являлась туникообразная рубаша с верхним воланом - *өске итәкле күлмәк*, сшитая обычно из фабричной ткани, реже полотна домашнего производства (крашенины или пестряди) с нагрудником *изу*, нижняя поясная одежда *ыштан* с «широким шагом», фартук с узкой грудкой с тканым орнаментом или с богатой тамбурной вышивкой цветочно-растительного характера, приталенные *өч билле*, *биш билле камзол* (или *кәсебике*) и бешмет (или *тун*). Основными головными уборами были нижний фабричный платок, большой трикотажный или бархатный калфак, покрывало - *бөркәнчек*. У женщин старшего поколения головным убором служило белое треугольное покрывало - *өртәк* или *кыекча*, поверх которого надевали шапку *тупый* или *камчат бүрек*. Выходной обувью служили кожаные ичиги и *кәуш*, часто узорные, рабочей - лапти с прямоплетеной головкой в сочетании с суконными чулками - *тула оек*.

Комплекс VII - пермский. В общих чертах он представляет собой наиболее архаичную вариацию казанско-татарского комплекса. В костюме пермских татар сохранились те реликтовые формы и элементы народной одежды, которые раньше вышли из употребления у самих казанских татар (7, с.58). К таким элементам относятся, например, верхняя холщовая одежда *чоба*, из самодельного сукна *чикмән*, девичий головной убор *ак калфак*, женский волосник - украшение *маңгайча*. Оригинальность комплексу придавали специфические местные особенности. Особый колорит придавали ему холщовые *чыба* и *күлмәк* из ткани с цветным браным узором, верхняя одежда *букафтан*, шапочка-калфачок с плоским верхом *түбәтэй калфак* с лопастью *койрыклы калфак*, некоторые типы обуви - *бушимлы чабата*, *конжирыйк* и др. Локализация комплекса обозначена на карте 9.

Комплекс VIII - заказанско-западно-закамский (кряшены). Нижнюю одежду представляла домотканая рубаша чаще с верхним воланом, домотканый передник с узкой грудкой с богатым браным орнаментом, штаны с «широким шагом». Из верхней одежды это приталенный камзол (или *жсилән*), а также *чикмән* (или *әрмәк*) с отрезной и присборенной спинкой. Он отличался особым комплексом женского головного убора, который состоял из волосника *мәләнчек*, монетного височного украшения *жсилкәлек*, головного покрывала *сүрәкә*, полотенцеобразной повязки *ак яулык* и праздничного (свадебного) покрывала *түгәрәк яулык*. Из обуви бытовали кожаные *кәвеш*, а в качестве рабочей - лапти с прямоплетеной головкой в сочетании с суконными чулками *тула оек*. Районы преимущественного бытования см. на карте 9.

Комплекс IX - елабужский (кряшены). Основными элементами комплекса служили: туникообразная рубашка с нижним воланом-оборкой *өсте итәкле күлмәк*, сшитая из домашней пестряди в клетку или фабричной ткани, домотканый пестрядийный передник *альяпкыч* с узкой грудкой, часто с сатиновым воланом по низу, богато орнаментированный художественным полихромным браньем, штаны с «широким шагом». Из верхней одежды - это камзол с цельной приталенной спинкой или укалы *жылән* с прямой (или с боковыми надрезами и сборками) спинкой и *әрмәк* с отрезной, сильно соборенной спинкой. Женский головной убор состоял из волосника *мәләнчек*, головного покрывала *баи яулык* или *чукол*, налобной позументной или монетной повязки, монетных наушников полуовальной формы. Во время праздничных (обрядовых) торжеств - масленица, свадьба - замужние женщины вместо покрывала *чукол* надевали головное покрывало *сурәкә*, налобная часть которого была полукруглой и напоминала русский кокошник. Часто использовался фабричный платок с кистями, который повязывался «по-русски» (сложив на угол, узлом под подбородком). Обувь не отличалась особенностями: кожаные *кәвеш*, высокие ботинки, лапти «татарские» (прямоплетеные) в сочетании с суконными или вязаными чулками. Территория бытования комплекса IX ограничивается Елабужским, югом Малмыжского уездов Вятской, севером Мамадышского уезда Казанской, севером Мензелинского уезда Уфимской губерний.

Комплекс X - молькеевский (кряшены). Преобладающими элементами комплекса были туникообразная рубашка из клеточной пестряди с двумя однотонными оборками по подолу - *ике итәкле күлмәк*, запон без грудки - *ялма*, вышитый крестиком или тамбуром. Верхняя одежда (летняя - *тустау халат*, демисезонная - *чикмән* и зимняя - *тун*) обычно была присборенной - «борчатка». Комплекс головного убора состоял из двух элементов: полотенцеобразного тастара и специального платка-шарфа - *чыбар яулык*. Древними архаическими уборами являлись женский шлемообразный головной убор со спиной-лопастью *кашбу* (*кашпау*) и девичья бисерно-монетная шапочка *такъя*. Комплекс X имел узколокальную территорию бытования - Цивильский уезд Казанской губернии.

Комплекс XI - нагайбакский (кряшены). Основные элементы комплекса находят аналоги в костюмах других групп волго-уральских кряшен, кроме молькеевских. Туникообразная пестрядийная рубашка, часто с нижним воланом и передник с воланом оформлялись богатым полихромным браным орнаментом, или специфическим «сочным» аппликационным орнаментом, так называемым «лоскутным узором» в виде круговой композиции на груди и ниже талии. Штаны с «широким шагом» из пестряди в полоску были несколько длиннее обычных. Верхняя одежда - бархатные и кашмировые *жылән*, *чикмән* из сукна собственного производства были приталенными, а шубы - дубленые и крытые чаще кроились отрезными по талии и сильно присборенными - «борчатка». Верхняя одежда носилась с домотканым широким кушаком - *бильбау*. Головной убор женщин составлял комплекс *сурәкә*, поверх которого надевали фабричный платок, сложив «по-русски». У нагайбачек отсутствовало головное покрывало пожилых женщин *ак яулык*, характерное для заказанско-западно-закамских кряшен. Обувь - лыковая - плетеные калоши, лапти прямого плетения, которые одевались с вязаными или суконными чулками. Комплекс XI был распространен в Троицком, Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии.

Комплекс XII - зауральский. Зауральский комплекс во многом испытал влияние башкирского народного костюма (8, с.47,48). Здесь была характерна богатая полихромная вышивка нижней, в том числе и мужской одежды (высокий полихромный тамбур с заполнением), составляющая, как известно, и специфику башкирского костюма смежных территорий. Из верхней одежды наряду с распашной одеждой с приталенной спинкой бытовала и одежда с прямой спинкой, более характерная для башкир. То же можно сказать о женских головных уборах *кушьяулык*, *тастар*, и о специфической для башкир войлочной, часто орнаментированной обуви - *сарык*. Территория бытования комплекса XII - восточная (Зауральская) часть обследованной территории, см. карту 9.

Территориальные комплексы женских украшений

Этно-территориальные комплексы традиционных украшений содержат в себе емкую историко-генетическую информацию об их носителях.

Татарские женские украшения условно делятся на две группы, различающиеся между собой по особенностям изготовления и требующие в связи с этим различных подходов к их картографированию и соответственно анализу результатов картографирования.

Одна группа включает в себя украшения, которые изготовлялись обычно самой женщиной, исходя из территориальных и этнических традиций. Это весьма характерные для татар металлические украшения на матерчатой основе различного назначения, разнообразных форм и декоративного убранства. Сюда же входят и украшения без матерчатой основы в виде различных композиций из монет, бус, блях, цепей. Украшения этой группы обладают локально выраженной типологической вариативностью, изучение которой позволило проследить закономерности их распространения во времени и пространстве.

Другая группа - многочисленные типы сережек, наконечных украшений - *чулты*, шейных украшений - *яка чылбыры*, блях и т.д. изготовлялась профессиональными ювелирами и представляла собой своеобразный атрибут развитой городской культуры. Присутствие этой группы украшений в костюмных комплексах различных этнотерриториальных образований не всегда объясняется только местными традициями, но и отходничеством, ярмарочной торговлей и функционированием так называемых «вторичных ювелирных центров», созданных на базе казанско-татарских городских ювелирных традиций (9, с.60). География их распространения сама по себе чрезвычайно важна, поскольку является своеобразным индикатором степени влияния городской культуры.

При выделении территориальных комплексов украшений учтены следующие объективные трудности. Одна из них - отсутствие четко выраженной возрастной дифференциации в использовании украшений. Другая - связана со свободой выбора конкретного комплекта из традиционного набора украшений, составляющих данный территориальный комплекс. Женщина всегда имела возможность одеть тот комплект украшений (в рамках традиций), который отвечал ее природному вкусу, более всего соответствовал конкретной ситуации, данному наряду. Выбор комплекта украшений определялся, естественно, и материальными возможностями (у незамужних женщин в целом украшений было меньше). Кроме того, не одевались, как правило, сразу все возможные элементы комплекта.

Некоторые трудности для анализа и интерпретации материала представляли собой так называемые «неполные комплексы украшений», наличие которых приходилось констатировать у той или иной группы этноса. Последнее связано, вероятно, с трансформацией ранее устойчивых этнотерриториальных комплексов, происходящей в условиях миграций и смены этнического окружения (в частности, это касается Нижнего Предволжья, Нижнего Заволжья, ряда приуральских уездов).

В основу выделения территориальных комплексов украшений положены блочные комплексные карты середины XIX в.* (путем механического совмещения их на единую карту-основу). Это «Комплексы головных украшений» и «Комплексы шейно-нагрудных украшений» (10, с.53-63; 11, с.45-55). Заметим, что территориальный анализ типов наручных украшений показал практическое отсутствие у татар локальных и других различий в их употреблении, поэтому выделить их комплексы (блоки) не удалось. Однако наиболее общие тенденции и закономерности их территориального бытования, а также социально-классовые и возрастные особенности их использования в костюме учитывались.

У татар Поволжья и Приуралья выделяются следующие комплексы украшений женского костюма, локализация которых в целом соответствует выделенным комплексам одежды. (См. карту 10 «Территориальные комплексы женских украшений»).

Комплекс I - темниковский. Из головных украшений - это накосник (чехол) *чэчкап*, височное украшение в виде иглы с подбородочной цепочкой для крепления тастара на голове, небольшие монетные серьги. Из шейно-нагрудных украшений - оригинальная перевязь *чанук*, шейное украшение - *якалык*, нагрудник лунницеобразной формы. Как преобладающее явление в середине XIX в. этот комплекс имел компактную территорию распространения у татар Нижнего Предволжья и Окско-Сурского междуречья (за исключением касимовских татар). Как бытующее явление он отмечен и в Нижнем Заволжье.

Комплекс II - сергачский. Из головных украшений он включал в себя тот же набор, что и первый. Из шейно-нагрудных - особые типы перевязи, шейно-нагрудное украшение - *пету* и нагрудное монетное украшение. Как бытующее явление второй комплекс был распространен в уездах Нижегородской и Курмышском уезде Симбирской губерний.

Комплекс III - казанско-татарский «городской». Головные украшения: серьги, чаще миндалевидные с подвесками, накосники - *чулты* (чаще лопастной формы), выполненные в сложной ювелирной технике (скань, зернь, гравировка) в сочетании с самоцветами. Девушки (изредка и молодые женщины) вместо чулпы надевали матерчатый накосник, украшенный ювелирными поделками: бляхами, монетами. Набор шейно-нагрудных украшений состоял из позументного нагрудника *изу*, украшенного ювелирными поделками, перевязи полулунной формы, часто обшитой позументом.

* Каждая блочная карта составлялась по принципу сведения на единую основу элементарных карт. Так, блочная карта «Комплексы головных украшений» включила в себя информацию о территории распространения типов головных повязок, серег, височных и накосных украшений. Блочные карты хранятся в архиве отдела этнологии Института истории АН РТ.

том и украшенной бляхами, ювелирными поделками в виде подвесок, а также оригинального украшения *яка чылбыры*, броши в виде бляхи с подвесками, ювелирного ожерелья *сырга*. Заметим, что в Средне-Волжском регионе у татар вместо *яка чылбыры* и *сырга* функционально чаще использовалась брошь - сканая с подвесками. Этот комплекс украшений как единичное явление можно было встретить повсеместно. Активное же его бытование обнаруживается у референтной группы этноса, а также у казанских татар Вятской губ. и прилегающих к Казанской губ. уездах Симбирской губ., у сергачских мишарей и касимовских татар.

Комплекс IV - казанско-татарский «сельский». Головные украшения представляли собой различные вариации монетных серег и монетных же чулпы. Заметим, что в девичьем варианте данного комплекса, вместо чулпы одевался особый матерчатый накосник, также украшенный монетами. Шейно-нагрудные украшения состояли из монетного, обычно полуовальной формы нагрудника, монетной же перевязи полулунной формы, использовавшейся без амулета. Вместо нагрудника женщины могли надеть шейное украшение на матерчатой основе - *муенса*, монетное ожерелье, бусы или монетную брошь. Как бытующее явление этот комплекс был распространен в тех территориальных границах, что и третий (городской) комплекс, но со значительным охватом и чисто мишарских районов Окско-Сурского междуречья, Среднего и Нижнего Заволжья. У сергачских мишарей четвертый комплекс встречался обычно с неполным набором элементов.

Комплекс V - заказанско-западно-закамский (кряшенский). Набор головных украшений состоял из монетного височного украшения *жилкәлек* и крупных миндалевидных сканых, а также пластинчатых или монетных серег, нередко соединенных между собой специальной цепочкой или лентой *сырга бавы*. Шейно-нагрудные украшения состояли из украшения на матерчатой основе - *муенса* в сочетании с монетным, чаще овальной формы нагрудником и монетной же перевязью полулунной формы. Этот комплекс отличался особой устойчивостью и четкостью состава входящих в него элементов. Он характерен для большинства групп кряшен, проживающих в исследуемом регионе. Это Лаишевский, Мамадышский, Спасский, Чистопольский уезды Казанской, Малмыжский уезд Вятской губерний. У нагайбаков Оренбуржья этот комплекс бытовал с неполным набором перечисленных элементов.

Комплекс VI - елабужский (кряшены). Он состоял из монетной головной повязки - *маңгай тәнкәсе*, монетного височного украшения - *чигәчә*. Шейно-нагрудные украшения представляли широкая монетная перевязь «кольцо» и шейно-нагрудное украшение на матерчатой основе - *тамакса*. Заметим, что в данном комплексе у женщин отсутствовал монетный нагрудник, характерный здесь исключительно для девичьей одежды. Комплекс характерен для кряшен, проживающих в Елабужском уезде Вятской губ. на севере Мензелинского уезда Уфимской губ. В неполном наборе элементов он бытовал у кряшен, проживающих в уездах, примыкающих к Елабужскому: на север Мамадышского уезда Казанской и на юге Малмыжского уезда Вятской губерний. Полного аналога украшениям шестого комплекса нет у других групп народа. Отдельные же его элементы бытовали у татар Бирского уезда Уфимской губ., а также Осинского, Кунгурского, Красноуфимского уездов Пермской губ.

Комплекс VII - молькеевский (кряшены) отличался заметным своеобразием.* Практическое отсутствие в традиционном костюме серег, вероятно, объясняется плотными головными уборами, скрывающими уши. В косы, кроме монетных подвесок, вплетались раковины-каури; матерчатые накосные украшения отсутствуют. Оригинальны и схожи с чувашскими монетная перевязь и бисерное ожерелье - *кыл бау*. Как и у других групп татар, особенно кряшен, здесь широко бытовали пластинчатые браслеты и кольца, украшенные подвесками из монет.

Комплекс VIII - зауральский. Из головных украшений сюда входили подбородочно-височные украшения *сакалдрык*, *сырга* и монетные чулпы, которые соответствовали головному убору *кушьяулык*. Из шейно-нагрудных - трапециевидный монетный нагрудник *яга* или *селтер*, украшенный монетами и кораллами и таким же образом украшенная перевязь. Восьмой комплекс бытовал, главным образом, в восточной части обследованной территории, на востоке Красноуфимского и в Шадринском уездах Пермской губ., в Златоустовском, Уфимском уездах Уфимской губ. и в Оренбуржье (Челябинском, Троицком, Верхнеуральском уездах). Распространение его у татар Урала и Зауралья связано с усвоением башкирских традиций народного костюма.

* * *

Территориальные комплексы традиционной одежды и украшений дают основание выделить особые этнокультурные ареалы и своеобразные зоны и подзоны внутри их, связанные с тем или иным структурным подразделением татарского этноса.

Ареал в структурно-типологическом отношении занимает верхний таксономический уровень. Он включает в себя территорию распространения тех комплексов одежды и украшений, которые по основным типологическим показателям имеют общую основу. Зона включает территорию распространения одного конкретного комплекса внутри ареала. В ряде случаев внутри зоны выделяются подзоны на основании отдельных немногочисленных, но важных с точки зрения будущей интерпретации элементов.

I. Центральный этнокультурный ареал

Он включает уезды Казанской, Вятской, Самарской, частью Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний и характеризуется преимущественным функционированием в его пределах тех комплексов народного костюма, которые так или иначе связаны с культурными традициями референтной группы казанских татар. Этот ареал является территорией наиболее интенсивного функционирования элементов городского костюма казанских татар: городских калфаков, так называемого «городского» ювелирного комплекса украшений, мозаичной обуви и т.д., которые в конце XIX в. легли в основу формирования татарского национального костюма. Центральный ареал отличается достаточной целостностью и однородностью с точки зрения распространения в нем единообразных покровов, форм, аксессуаров, декоративно-художественных особенностей оформления костюма - всего того, что идентифицирует собой яркую этническую символику формирующейся татарской нации. Это большой городской

* Структурные элементы комплекса головных, как и шейно-нагрудных украшений молькеевских кряшен нередко выходят за рамки разработанной типологии. Объяснение этому см. (12, с.63-68).

калфак, деревенский *ак калфак*, особые покрывалообразные головные уборы - *өрпәк*, специфический приталенный *оч билле*, *биш билле* покрой верхней одежды, узорная кожаная обувь, применение для декоративного оформления женской и мужской одежды узорного ткачества и др. Достаточно четко в эти границы укладывается и казанско-татарская традиция оформления нижних женских нагрудников - *кукрәкчә* тамбурной вышивкой и многое другое.

1. Заказанская зона. Заказанье является выразителем наиболее ортодоксальных черт в костюме казанских татар центрального ареала, их основной этнической территории, откуда в последствии по разным причинам осуществлялись миграции. Именно здесь оформилось политическое, экономическое и культурное ядро этноса. Именно здесь наиболее компактно проживали казанские татары (13, с.39).

2. Северо-восточная - «пермская» зона. Особую этнокультурную зону центрального ареала по ряду параметров составляет его северо-восточная часть, условно «пермская» зона. В нее входят уезды Пермской губ. (граница проходит по Красноуфимскому уезду), и северные уезды Уфимской губ. (Бирский и часть Златоустовского). Здесь, в частности, был распространен оригинальный тип женских волосников - *мангайча*, оформился и получил распространение в Приуралье особый тип женских калфачков, так называемые шапочки-наколки (8, с.36). Именно в пермской зоне получил высокий уровень и большую степень распространения художественный текстиль - своеобразная техника орнаментации ткани (*кубәләк*), используемой для пошива нижней (обычно праздничной, свадебной) женской и мужской одежды. На северо-востоке бытовали оригинальный вариант верхней одежды *букавтан* (по материалу пошива и по покрою напоминающий кряшенский *жәлән*), весьма архаичный тип распашной холщовой одежды *чыба*, а также оригинальные виды обуви *бушимлы чабата* и *конжирыйк*. По большинству перечисленных элементов, за небольшим исключением (к такому исключению можно отнести «таежные» типы обуви *конжирыйк*, *бушимлы чабата*) к пермской зоне примыкает Сарапульский, Малмыжский и Елабужский уезды Вятской губ. Ретроспективный подход к анализу элементов этого комплекса позволяет утверждать, что он содержит в себе те реликтовые, архаические формы и элементы костюма, которые к началу XX в. уже вышли из быта казанских татар референтной группы, изредка сохраняясь (лишь фрагментарно и терминологически) в одежде кряшен, особенно елабужских. Это традиционные типы верхней и нижней холщовой одежды и способы их орнаментации, головные волосники-повязки *мангайча*, *сарынья*. В целом северо-восточная (пермская) зона по комплексу этнографических показателей отличается достаточной четкостью ее территориальных границ, особой лаконичностью и специфической завершенностью самого комплекса.

3. Юго-восточная зона. Сюда входят южные и юго-восточные уезды центрального ареала. Это центральные и восточные уезды Уфимской (Белебеевский, Уфимский, Стерлитамакский), южные уезды Оренбургской (Орский, Оренбургский) и примыкающие к ним на западе уезды Самарской (Ставропольский, Самарский, Бугульминский, Бугурус-ланский, Бузулукский) губерний. В этническом плане она отождествляет собой менее синтезированной и более конгломеративную часть этноса и это хорошо отражается на

элементах народной одежды. Здесь при безусловно приоритетном влиянии казанско-татарской культуры (как городской - в высшем сословии, так и сельской), приходится констатировать наличие отдельных элементов (порою и комплексов), отражающих специфику народного костюма окско-сурских мишарей, а также татар-кряшен.

В отличие от казанских татар центрального ареала, костюм которых в целом отличался достаточной однородностью составляющих его элементов, у проживающих здесь кряшен, вариативность в костюме была более ощутимой.

4. Заказанско-западно-закамская зона кряшен. Она имеет четкое этнокультурное содержание и идентифицирует собой основное крещено-татарское население центрального ареала, рассеянно проживающее в Спасском, Чистопольском, Лаишевском, Мамадышском уездах Казанской, а также в Малмыжском уезде Вятской, Мензелинском уезде Уфимской губерний. Она характеризуется использованием в костюмном комплексе волосника - *мәләнчек*, головного покрывала - *сүрәкә*, особым комплексом украшений, оформлением женских рубах элементами художественного тканья, аппликацией и др.

5. Молькеевская зона кряшен. Среди кряшен центрального ареала особо выделяются так называемые молькеевские кряшены или подберезинские татары, компактно проживающие в Цивильском уезде Казанской губернии. Их костюм (особенно с конца XIX в.) по ряду параметров не укладывается в рамки разработанной для волгоуральских татар типологии (12, с.63-68). У молькеевцев не только декоративное оформление, но и сами типы одежды, головных уборов отличались от «заказанских» и других групп кряшен.

6. Елабужская зона кряшен. Елабужская зона (Елабужский, юг Малмыжского уезда Вятской, север Мамадышского уезда Казанской губерний) также отличается совершенно специфическим комплексом одежды и украшений. Это особые сложные женские головные уборы с покрывалом чукол, особый комплекс украшения и многое другое (14, с.113-118, с.124).

II. Западный этнокультурный ареал

Он расположен к западу от центрального. Картина этнокультурной неоднородности проявляется здесь особенно рельефно. Это территория преимущественного проживания татаро-мишарских групп населения. Западный ареал четко подразделяется на четыре этнокультурные зоны, характеризующиеся бытованием специфических комплексов костюма.

1. Северо-западная или касимовская зона. Это район проживания касимовских татар (Касимовский уезд Рязанской губ.). Традиционную одежду касимовцев отличает особый вариант волосника *солэвес*, особые способы декоративного оформления концов женских тастаров и многое другое (3, с.66-79, 125). Отличается эта зона и наличием элементов, связанных с казанско-татарской городской культурой.

2. Северная зона - территория проживания так называемых ц-окающих сергачских мишарей (юго-восточные уезды Нижегородской губ. и Курмышский уезд Симбирской губ.). Здесь были распространены особые типы женских волосников - *сыллаңау* и *башигеч*, особый тип тастара, специфическое оформление костюма аппликацией. Комплекс женских украшений, наряду с местными, образующими «сергач-

кий» комплекс, содержал в себе элементы, характерные для казанских татар центрального ареала (11, с.49). Это может свидетельствовать об особом положении сергачских мишарей в структуре татарского этноса.

3. Центральная зона*. В языковом отношении это так называемые ц-окающие мишари, проживающие в уездах Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, частично Симбирской губерний. Особой оригинальностью здесь отличались белые вышитые рубахи, волосник с накосником-чехлом - *чэчкап*, полотенеобразный *тастар*, концы которого оформлялись кроме художественного тканья и вышивкой (тамбур, цветная перевить, гладь). По материалам женских украшений центральная зона достаточно однородна и характеризуется преимущественным бытованием здесь украшений «темниковского» комплекса.

По ряду признаков в центральной зоне выделяется три подзоны:

а) *Темниковско-азеевская*. Это основная территория проживания ч-окающих мишарей. Наиболее заметными отличиями следует назвать бытование здесь белых вышитых женских рубах, оформленных в технике «мелкий крест», цветная перевить, древнего платочного комплекса *авыз бэйләу*, особого тастарного комплекса головного убора.

б) *Лямбирская* (Саранский уезд Пензенской губ.). Основное отличие их костюмного комплекса (кроме прочего) заключается в наличии женской монетной шапочки *кашпау*. Подобного убора на момент исследования не удалось встретить у других групп мишарей.

в) *Кузнецко-хвальнская* (северные уезды Саратовской губ.). Самой яркой особенностью является специфическое использование золотошвейной глади при оформлении волосников, накосников-чехлов, тастаров, нагрудных повязок с использованием орнаментального комплекса, связанного, в частности, с мотивами вихревой розетки (15, с.124).

4. Южная (смешанная) зона. В географическом отношении это Заволжье (Новоузенский, Николаевский уезды Самарской губ.). Это зона достаточно позднего заселения, где не сформировался особый территориальный комплекс народной одежды. Ее характеризуют разные по стилю и этнической принадлежности элементы костюма - своеобразный конгломерат мишарских и казанско-татарских идентификаций. Здесь, например, бытовали и «городской», и «сельский» комплексы казанско-татарских украшений наряду со специфически мишарскими (11, с.55).

III. Восточный (зауральский) этнокультурный ареал

Сюда частью входят Златоустовский уезд Уфимской губ., Красноуфимский, Екатеринбургский, Шадринский уезды Пермской и Челябинский, Троицкий, Верхнеуральский уезды Оренбургской губерний. Комплекс одежды татар в этом ареале испытал влияние башкирского народного костюма. Это, к примеру, бытование женских головных покрывал - *кушьяулык*, *тастар*, богатой полихромной вышивки в нижней мужской и женской одежде. В этих зауральских уездах, как правило, не было узорной кожаной обуви весьма характерной для казанских татар, зато активно быто-

* В центральную зону нами включены центральные (в географическом отношении) уезды западного ареала, что оправдано единством многих основных как этнографических, так и языковых особенностей ч-окающих мишарей.

вала узорная шерстяная (войлочная) обувь - *сарык*, представляющая собой элемент башкирского костюма. Особо яркие «башкиризмы» были ощутимы в тех населенных пунктах, где основу жителей составляли переселенцы - мишари, либо татаро-тептярские группы населения. В начале XX в. в этом ареале визуально фиксируется в традиционной одежде татар наличие как бы двух начал: казанско-татарского (обычно у старшего поколения) и башкирского (у молодежи).

В целом, в Приуралье (включая восточный ареал и юго-восточную зону центрального ареала) на общем фоне выделенных этнокультурных ареалов и зон выявляются отдельные инкорпорации в виде «полных» (при полном сочетании специфических элементов), либо «неполных» комплексов народной одежды, идентифицирующих собой этнографические реалии других структурных подразделений татарского этноса. Так, этнические параметры, составляющие культурную специфику народного костюма мишарей Окско-Сурского междуречья и прежде всего ч-окающих, нами зафиксированы, в Белебеевском, Уфимском, Златоустовском уездах Уфимской губ., Красноуфимском, Екатеринбургском, Шадринском уездах Пермской и Челябинском Оренбургской губерний (см. карту 9). Количество таких специфических параметров в названных уездах было различным: от одного-двух элементов (к примеру, мишарский способ повязывания платка - *чәеп бәйләү* в Белебеевском уезде Уфимской губ.), до более множественного показателя, приближающегося к полному комплексу. Именно так в середине - конце XIX в. обстоит дело в Шадринском уезде Пермской губ., где, как известно, на основе переселенцев и преимущественно служилых «мещеряков» сформировалась особая группа ичкинских татар-мишарей.

Как показывают материалы атласа, в восточном ареале наблюдались самые разнообразные и любопытные, с точки зрения направленности этнических процессов, тенденции, в частности, ярко выраженная трансформация костюма переселенцев-мишарей либо в сторону казанско-татарской культуры, либо в сторону башкирской. Причем, в раннее время (XIX в.) эта эволюция шла в русле татарской культуры. Позднее эти ориентации смещаются с явным приоритетом в сторону башкирского костюма, что, вероятно, в какой-то степени является результатом достаточно длительного проживания бывших мигрантов в условиях башкирской автономии.

Любопытно, что прослеженные тенденции восточной («башкирской»), либо западной («татарской») ориентации в формировании и развитии костюма татар восточного ареала были характерны и для тептярских групп населения. В ряде случаев тептярями создавались и свои, специфические особенности в костюме. Так, у тептярей Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. существовали особенности в повязывании головного платка и явные особенности в декоративном оформлении нижней и верхней одежды (16, с.165-169).

В восточном ареале, весьма сложном (смешанном) в этнокультурном отношении, четко выделяется лишь одна зона.

Нагайбакская зона кряшен. Это территория проживания крещеных татар-нагайбаков (Троицкий и Верхнеуральский уезды Оренбургской губ.). Для традиционной одежды нагайбаков был характерен особый путь развития, независимый от про-

слеженных выше тенденций. Традиционный костюм соответствует общей структуре костюма татар-кряшен центрального ареала, особенно заказанских и елабужских (17, с.61). Одновременно он представляет собой оригинальную вариацию, сложившуюся в особых социально-экономических условиях, и в ином этническом окружении, с рядом специфических особенностей внутри комплекса.

Этнокультурное районирование татар Поволжья и Урала по материалам народного костюма, построенное на синхронной научно-достоверной информации, безусловно, представляет собой ценный источник к выделению этнотерриториальных, этноконфессиональных и других групп народа, а следовательно, и к решению проблем этнической истории и истории народной культуры.

-
1. Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала. Историко-этнографический атлас. Казань, 2000.
 2. Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1989.
 3. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань, 1991.
 4. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
 5. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
 6. Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844.
 7. Сулова С.В. Традиционная одежда пермских татар //Пермские татары. Казань, 1983. С.99-118.
 8. Сулова С.В. Традиционная одежда приуральских татар сер.ХІХ - нач. ХХ вв.: к проблеме этнокультурного районирования татарского этноса в Приуральском регионе //Приуральские татары. Казань, 1990. С.12-29.
 9. Сулова С.В. Новые данные об очагах ювелирного производства у волго-уральских татар: по материалам сплошного этнотерриториального обследования //Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990. С.17-29.
 10. Сулова С.В., Шарифуллина Ф.Л. Комплексы украшений женского костюма приуральских татар: опыт этнокультурного районирования //Приуральские татары. Казань, 1990. С.29-52.
 11. Сулова С.В. Опыт этнокультурного районирования татар средневожского региона (по материалам женских украшений историко-этнографического атласа татарского народа // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань, 1991. С.32-45.
 12. Сулова С.В. Традиционная одежда молькеевских кряшен //Молькеевские кряшены. Казань, 1993. С.63-68.
 13. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
 14. Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историкоэтнографическое исследование материальной культуры (середина ХІХ - начало ХХ вв.). М., 1977.
 15. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина ХІХ - начало ХХ вв.). М., 1977.
 16. Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М., 2002.
 17. Сулова С.В. Традиционная одежда нагайбаков: компонентный анализ //Нагайбаки. Комплексное исследование группы крещеных татар-нагайбаков. Казань, 1995. С.50-64.

Глава 9. Этнотерриториальные группы по данным обрядности

В данной работе изложены выводы сравнительного анализа традиционных народных (общественных) праздников и обрядов различных групп татар Поволжья. (1)

Предмет изучения был ограничен кругом праздничной обрядности как наиболее значимой для изучения народной культуры. При этом сознательно были исключены религиозные (мусульманские) праздники, проводимые по скользящему лунному календарю, поскольку их обрядовая сторона канонизирована исламом. Светские же праздники как домусульманские, так, возможно, и более позднего происхождения, развивались, продолжали бытовать вне зависимости от ислама, появившегося на территории Среднего Поволжья в X в. В этом заключается одна из особенностей праздничной культуры татар.

В этнографической литературе анализируемый в работе круг праздников принято называть календарным. Однако употребление этого термина при анализе годового цикла праздников татар, на наш взгляд, было бы не совсем точным. Это связано с тем, что хотя они и были приурочены к определенному времени года, именно отсутствие конкретной, точно установленной календарной даты является их другой особенностью.

Для большей четкости имеющиеся многочисленные описания обрядов и праздников формализованы: в них были выделены основные, наиболее часто встречающиеся обрядовые действия. Это позволило выявить как общие моменты, характерные для всего татарского этноса, так и те, которые встречались лишь у отдельных групп. При этом оказалось, что некоторые из обрядов, входящих в народные праздники сабантуй, джиен, имели более широкое распространение, чем сами праздники.

Для удобства анализа нами предпринята следующая классификация материала. По времени проведения обряды и праздники объединены в весенне-летние и осенне-зимние. По структурно-функциональным особенностям выделены виды. Они, в свою очередь, по форме проведения, элементам (конкретным действиям), входящим в обряд, подразделены на варианты. При этом выяснилось, что одинаковые по форме и времени проведения виды в отдельных районах могли называться по-разному и, наоборот, под одним названием встречались совершенно разные по форме обряды. В таком случае главным при классификации было время проведения.

Для большей четкости изложения виды обрядов пронумерованы. Отдельные виды обрядов (праздников) в годовом цикле бытовали как самостоятельные явления праздничной культуры, в то время как другие - в составе более сложных образований - праздников, таких как сабантуй, джиен. Вместе с тем, эти праздники не были единичными. В зависимости от конкретного набора видов, входящих в них, выделяется несколько вариантов сабантуя, джиена и других праздников.

В работе использован метод картографирования, позволяющий наглядно показать территориальное распространение отдельных обрядов и праздников, выделить комплексы годового цикла традиционных общественных обрядов и праздников, показать ареалы их бытования. Исходя из принципов этнографического картографирования, на карты были положены лишь те явления праздничной культуры, которые обладают признаком ареальности.

Весенне-летние обряды и праздники

Следует отметить, что наблюдается четкая приуроченность одних обрядов ко времени до сева, других - к началу сева, третьи проводились после сева.

Проводимые до сева

1. **Праздник ледохода** - *боз карау, боз азатма, ташу карау, зин киту*. Заключался в увеселениях молодежи, проводимых на берегу реки, сопровождаемых отправлением по воде на льдинах зажженной соломы. Встречался во всех без исключения татарских деревнях (являлся общеэтническим), даже в тех местах, где река протекала в двух-трех и более километрах. Например, в д. М.Елга Лаишевского уезда смотреть ледоход ехали на Каму к русскому селу Шуран (2, с.289), молодежь д. Бизяки Елабужского уезда - к селу Икское Устье, кстати, тоже русскому и т.д.

2. С началом весны и появлением первых проталинок проводились **игры с яйцами** - *күкәйле (йомыркалы) уен*. В них принимали участие как дети, так и взрослые.

В некоторых деревнях Белебеевского, Уфимского, Бирского уездов вместо яиц использовался мяч. При этом нам говорили: «Игры с яйцами - это у русских, а у нас играли с мячом» (3, с.93-94).

Игры с яйцами были характерны для всех татар. Не зафиксированы лишь у чепецких. Характерна следующая особенность: у казанских татар эти игры не были приурочены к какому-либо празднику; их время - появление сухих участков земли в проулках, на улицах, где они и проводились на протяжении одной-двух недель и дольше; у кряшен эти игры были приурочены, как правило, к пасхальным дням; у мишарей - к «дню красного яйца» - *кызыл йомырка көне*, по времени совпадающему с Пасхой (об этом ниже).

Исследователи единодушны в том, что разнообразные игровые обычаи с яйцами, в частности, пасхальными имеют аграрный оттенок: яйцо - символ новой зарождающейся жизни, и оно должно вызывать прилив растительных сил (4, с.388). Единодушны они и в том, что в XIX в. , может быть и раньше, катание яиц стало уже пасхальным развлечением преимущественно молодежи. Постепенно оно превратилось в детскую забаву (5, с.113).

3. **Коллективное угощение детей кашей, приготовленной из собранных продуктов.**

На юге Малмыжского, в некоторых деревнях Мензелинского уездов обряд бытовал под названием *дәрә боткасы*. В деревнях северной части Мамадышского уезда он известен как *зәрә боткасы* (смысл терминов не ясен); в восточных районах проживания татар - в Елабужском, Мензелинском, Белебеевском, Бирском и других уездах - *карга боткасы* - грачиная каша; в деревнях кряшен тех же уездов - *бәрмәнчек боткасы* - вербная каша, а в Мамадышском уезде так же, как и у татар-мусульман - *зәрә боткасы* (см. врезку на карте 11).

Следует отметить, что этот обряд в изучаемое время повсеместно проводился как детская забава. Вместе с тем, он являлся обязательной составной частью сабантуя и служил знаком начала подготовки к празднику.

Обращает на себя внимание компактность территории бытования обряда. Одинаковый по форме и времени проведения - весной, до сева, обряд бытовал под разными названиями в северо-восточных районах Заказанья и в восточных районах проживания казанских татар и татар-кряшен, в основном, этих же районов.

4. Сбор детьми крашенных яиц.

Бытовал у всех татар. Правда, различался день его проведения. У казанских татар его проводили в комплексе сабантуя, накануне или за несколько дней до майдана. Особого названия у этого обряда не было.

В деревнях кряшен, татар-мишарей он был приурочен к первому дню Пасхи. У основной массы мишарей обряд бытовал под названием *кызыл йомырка* - красное яйцо; в Сергачском уезде он назывался *йомырка бэйрәме*-праздник яйца.

У касимовских татар сбор яиц проводили накануне пасхи, стремясь тем самым отмежеваться от христианского (русского) праздника, «отпраздновать прежде русских» - *урыслар ашаганчы бэйрәм итәбез** - АОЭ, 1983.

Наблюдаемые различия в этом обряде, кроме указанных выше сроков, заключались в степени сохранности различных поверий, связанных с этим днем. У казанских татар, как правило, это был просто сбор яиц и гостинцев, канун праздника сабантуя. Лишь в редких деревнях информаторы отмечали, что дети, благодаря за угощение, желали хозяевам, чтобы кур было много, чтоб семье сопутствовал успех. В кряшенских же деревнях повсеместно первым вошедшего ребенка обязательно сажали на подушку, положенную либо на скамейку, либо прямо на порог, приговаривая: «...пусть легкой будет твоя нога, пусть будет много кур, цыплят». Ему давали яиц и угощения больше, чем остальным.

Это поверье было еще более массовым у татар-мишарей. Считалось, что если в этот день в дом первым войдет человек с «легкой ногой», то скотина будет хорошо плодиться, в доме будет благополучие, согласие - *тынычлык*. Заходя в дом, обязательно произносили пожелания. Интересно отметить единство содержания (вариации незначительны) этих пожеланий, записанных в Чистопольском, Спасском уездах Казанской, Ставропольском уезде Самарской губерний (дд.Кутлушкино, Ср.Тиганы, Ахметьево, Тат. Тактала, Тат.Калмаюр, Тат.Урайкино), а также в Елатомском, Темниковском уездах Тамбовской, в Инсарском уезде Пензенской, в Сергачском уезде Нижегородской губерний. Кстати, в последнем уезде в этот день было принято навестить замужнюю дочь. Мать в таком случае обязательно несла с собой «яичный узелок» - *йомырка төене*, в который складывались с десятков крашенных яиц и большой калач**.

* Татарские выражения в большинстве случаев даны в литературном варианте.

** В этой связи заслуживает внимания наблюдение В.К.Соколовой, отметившей, что в Нижегородской губернии весной, в пасхальные дни, у русских проводились вьюнины - поздравления молодоженов. Окликальщики - и взрослые, и дети, обязательно требовали, чтобы им дали яйцо (5, с.140-141).

Не так ярко была выражена праздничность этого дня в большинстве деревень че-пецких татар. Хотя там и красили яйца, но не было обычая массового хождения детей по домам для их сбора. Их раздавали своим детям и детям родственников, если те заходили к ним (6, с.87). То же самое было у пермских татар, правда, у них это было в день Пасхи (7, с.120). Не было подворного обхода и в отдельных деревнях Казанского уезда, в частности, в д.Кульбаш: дети заходили лишь в дома своих родственников (АОЭ, 1974).

Таким образом, по конкретному времени проведения и сохранности поверий в этом виде обряда можно выделить 3 варианта: 1 - казанско-татарский, 2 - кряшенский, 3 - мишарский.

5. Сбор яиц юношами.

Этот обряд зафиксирован в деревнях казанских татар. Он проводился после того, как дети завершали обход домов. Обряд бытовал лишь в тех районах, где проводился обряд 3 - приготовление каши из сборных продуктов. Заклучался он в сборе яиц юношами, разъезжающими по деревне на украшенных конях (8, с.98-100).

Во всех деревнях казанских татар, где зафиксирован этот обряд, он назывался *сөрән, сөрән чабу, сөрән сугу** (*чабу* - скакать, бежать; *сугу* - ударять, стучать). Лишь в д.Асян Бирского уезда обряд описан под названием *тәгәрмәчкә барабыз* - идти на колесо; в д. Ст.Куктово того же уезда обряд бытовал под названием *сабантуй күжә жыю* - сбор яиц сабантуя.

Подобный обряд под тем же названием и проводимый также до сева яровых, но, как правило, в пасхальные дни, зафиксирован у кряшен тех же уездов, в которых бытовал у казанских татар.

Имеющиеся описания свидетельствуют о большом веселии, праздничности этого обряда. В ряде кряшенских деревень юноши во время *сөрән* исполняли лирические куплеты на особую мелодию - *сөрән көе*.

6. Подготовка коней к предстоящим состязаниям - ат аягы кыздыру. Как только стаявал снег и подсыхала дорога, по вечерам юноши выезжали верхом на конях и устраивали подобие скачек. Это продолжалось дней десять. Таким образом, они не только тренировали коней (хотя далеко не все собирались участвовать в состязаниях), но и общались, демонстрировали свою удаль, сноровку. Обряд зафиксирован в северо-западном районе проживания казанских татар, на территории стыка четырех уездов: Казанского, Царевококшайского, Уржумского и Малмыжского.

7. Сбор подарков для победителей предстоящих соревнований.

В большинстве случаев бытовал под названием *бүләк жыю* - сбор подарков; в отдельных деревнях - *бирнә жыю; сөлге (бөстәр, яулык, чөй яулыгы) жыю* - сбор полотенец. Зафиксированы и другие названия, в частности, *бәйге (бәү, бәүге) жыю; кыйби жыю* (9, с.29); *ат аягы кыздыру* - разогрев конских ног.

Анализ материалов позволяет выделить как общие моменты, характерные для всех деревень, где этот обряд бытовал, так и локальные различия. К общим относится

* Следует иметь в виду, что в отдельных районах проживания татар *сөрән йөрү, сөрән сугу* имело и другие значения: в одних случаях так называли поочередное угощение, в других - пустое времяпровождение и т.д.

единый перечень даров. Повсеместно самым ценным подарком считалось полотенце, которое получали с каждой молодухи - *яшь килен*, вышедшей замуж после предыдущего сабантуя. Она специально для этих целей готовила одно из лучших, богато орнаментированных полотенец из своего приданого*. В некоторых деревнях Заказанья обязательным подарком молодухи в исследуемое время стали мужская рубашка и *намазлык* или рубашка и два вышитых носовых платка - *күпертеп чиккән яулык*.

Общим является и принцип сбора подарков. В обязательном порядке требовали подарок только с молодухи, в то время как все остальные выделяли подарки добровольно: отрезки материи, головные, вышитые носовые платки, полотенца, скатерти, салфетки и т.д. Несмотря на добровольность, в большинстве деревень подарки выделяли все хозяйки. А вот в большинстве деревень чепецких татар вообще не было обряда сбора подарков: там каждая молодуха готовила по несколько полотенец, которые на место состязаний выносили либо муж, либо свекор (6, с.87).

Различия же заключались в способе сбора подарков. Его проводили либо юноши, либо пожилые мужчины (причем, этот обычай стойко сохранялся), что позволило нам выделить два варианта.

Вариант 1. Сбор подарков проводят юноши, в одних районах пешие, в других - конные. Отсюда - два подварианта: подвариант «а» - сбор подарков проводят юноши конные. Если деревня была большая, наездники группировались человек по 10-15 и собирали подарки в своем конце деревни: подъезжали под окна домов, а хозяйки выносили подарок. Подарок привешивали к уздечке, гриве лошади.

Подвариант «б». Сбор подарков проводят юноши пешие. Они также группировались по несколько человек, также собирали подарки в своем конце деревни. Подарки вешали на шею, обвязывались полотенцами крест-накрест.

Для этого варианта характерно обилие песен, музыки. Среди сборщиков обязательно были гармонисты. Иногда их угощали пивом, орехами.

Вариант 2. Сбор подарков проводили двое-трое (иногда больше) пожилых мужчин. Один из них нес шест, к которому привязывались подарки, а на самом верху красовалось лучшее полотенце. Они заходили в дом; получив подарок, благодарили хозяев. Песен, музыки не было, поэтому не было и особой праздничности, хотя сборщиков подарков поджидали, готовились к их приходу.

Для обоих вариантов был характерен и сбор яиц. Для этого выделяли особого человека - иногда это был подросток, иногда, наоборот, старик.

Сбор подарков конными (подвариант «а») преобладал в Уржумском уезде, бытовал в Лаишевском, Уфимском и, как единичное явление - в Казанском, Чистопольском, Малмыжском и Мензелинском уездах. Сбор подарков пешими юношами (подвариант «б») преобладал в Мамадышском, Свияжском, Тетюшском, Спасском, Чистопольском уездах Казанской губернии. Бытовал в Лаишевском уезде Казанской, Елабужском уезде Вятской, Белебеевском уезде Уфимской губерний.

* Кстати, стоимость одного узорного полотенца равнялась стоимости барана. (д.Ниж.Ош-ма Мамадышского уезда. АОЭ, 1974).

Преобладание сбора подарков пожилыми мужчинами было характерно для Казанского, Малмыжского, Царевококшайского уездов - они граничат друг с другом, то есть наблюдается четко очерченный регион бытования этого варианта. Кроме того, он преобладал во всех уездах Уфимской, а также в Ставропольском, Бугульминском уездах Самарской губерний. В целом же, преобладающим был сбор подарков юношами, в основном, пешими, хотя широко распространенным был и сбор подарков пожилыми мужчинами.

8. Состязания в силе, ловкости, конные скачки.*

Характерной их особенностью является унифицированность формы проведения. Повсеместно они включали в себя одинаковые виды состязаний, состоящие из скачек, бега, прыжков в длину и национальной борьбы - *көрәш*.

Состязания проводились по веками выработанному распорядку. Начинали их скачки. Участие в них считалось престижным, поэтому на деревенские скачки выставляли коней все, кто мог. Наездниками были мальчики лет 8-12. Проводились скачки следующим образом. Участники, собравшись вместе, отправлялись к месту старта, расположенному, как правило, в 5-8 км от селения. Их сопровождал один из руководителей состязаний. По его сигналу все конники мчались в опор по полевой дороге в сторону деревни, к финишу, где их поджидали участники праздника. Интересно отметить, что такой вид скачек был характерен для всех кочевых народов Средней Азии и, например, у туркмен-йомудов назывался *улу байрак* (10, с.69). Кстати, у них эта форма была одной из разновидностей состязаний, у татар же - единственной.

В то время, когда наездники отправлялись к месту старта, на майдане проводились другие состязания, в частности, бег. Участники подразделялись по возрасту - мальчики, мужчины, старики. Принцип организации состязаний был тот же, что и скачек: старт устраивали в отдалении, а финиш - на майдане. Дистанция была не длинная - на 1-3 км и короче.

Одновременно приступали к проведению состязаний по национальной борьбе - *көрәш* на кушаках. В качестве кушака используется полотенце. Батыр - сильнейший борец - так же как и победитель скачек, получал одно из лучших полотенец, один из главных призов праздника.

После завершения состязаний люди расходились по домам. В этот день в каждом доме стремились приготовить праздничные кушанья.

9. Молодежные игрища.

Их проводили в течение нескольких дней подряд, начиная со дня сбора яиц. Они были обязательными и в день состязаний. Игрища устраивали либо на месте майдана, либо на традиционных местах игрищ - за околицей, на лугах, на поляне. В них принимали участие нарядно одетые юноши и девушки, которым родители в день праздника, как правило, не чинили препятствий. До глубокой ночи звучали гармони, скрипки; парни и девушки пели песни, водили хороводы, плясали. Было много игр, сопровождаемых пением - *жырлы-биюле уеннар* (11).

* Следует отметить, что одинаковые по форме состязания в отдельных деревнях проживания татар проводились летом, после сева.

Следует отметить, что эти игрища как бы открывали, начинали время весенне-летних игрищ и хороводов, проводимых на природе. Более подробно о них речь пойдет дальше.

10. Поочередное угощение разных категорий жителей села. Характерной их чертой являлось то, что проводились они весной до сева, как правило, в дни сабантуя. В большинстве случаев это поочередное угощение в домах группы юношей, в основном, рекрутов. В других - семейных групп.

Обращает на себя внимание название этого угощения - *сөрән, сөрән сугу*, то есть такое же, как и обряда сбора яиц юношами.

Наиболее широко эти угощения сопутствовали сабантуям в Казанском и Лаишевском уездах. Единично встречались в Мамадышском, Елабужском, Сарапульском уездах.

Таков перечень наиболее значимых видов обрядов, проводимых в деревнях татар до начала сева. Как отмечалось выше, отдельные виды обрядов бытовали и как самостоятельные явления праздничной культуры, так и в составе более сложных образований - праздников. Одним из таких праздников, включающих в себя, в частности, большинство перечисленных видов обрядов, является сабантуй, в традиционном быту - весенний праздник, проводимый перед севом яровых культур.

Сабантуй не имел не только точной календарной даты, но и определенного (установленного) дня недели. Все зависело от погодных условий, интенсивности таяния снега и, соответственно, от степени готовности почвы к севу яровых культур. Вместе с тем в деревнях одной округи старались проводить состязания (кульминацию праздника) в разные дни, чтобы желающие могли посетить их праздник. Как правило, старейшины деревень - аксакалы, договорившись между собой, о конкретных сроках оповещали сельчан на одном из базаров. Подготовка к сабантую начиналась заранее. Хозяйки мыли, чистили, убрали в доме. Мужчины наводили порядок во дворе, на улице - подметали, убрали мусор и т.д. Как правило, готовили пиво, съестные припасы. Сабантуй был своим, деревенским праздником. На него не было принято приглашать гостей из других деревень. Желающие посмотреть или принять участие в состязаниях, прибывали без приглашения. Родственники или друзья приглашали их на обед или ужин. В целом же сабантуй - не время гостеваний.

Форма проведения праздника в разных районах имела свои особенности в зависимости от набора тех видов обрядов, которые он в себя включал.

Анализ обрядов, входящих в праздник сабантуй, позволяет объединить их в две группы. Первая группа - функционально как бы не связана с праздником. Сюда относятся приготовление каши из сборных продуктов (вид 3), различные сборы яиц (вид 4, 5) и др. Вместе с тем, по данным информаторов, эти обряды являлись составной частью сабантуя, рассказ о котором они начинали именно с этих моментов. По их словам, это зачин праздника, его подготовительная часть.

Вторая группа обрядов (действий) составляла суть праздника, его кульминацию. Это - скачки и различные состязания с предварительным сбором подарков для одаривания их участников и победителей, а также молодежные игрища (виды 7, 8, 9).

Характерной особенностью бытования тех или иных обрядов первой группы являлась их приуроченность лишь к определенным районам проживания татар. Обряды же второй группы были повсеместными там, где праздновали сабантуй.

Это позволило выделить 4 варианта сабантуя и их ареалы (см. карту 11).

Первый вариант включал в себя самое большое количество обрядов первой группы, поэтому он был растянут по времени. Это - приготовление каши (вид 3), сбор детьми крашенных яиц (первый вариант вида 4), сбор яиц юношами (вид 5). Также обязательными были виды обрядов второй группы - сбор подарков, состязания и молодежные игрища (виды 7, 8, 9). Этот вариант сабантуя преобладал в южной части Малмыжского и северной части Мамадышского, южных частях Елабужского, Сарапульского уездов, а также в Мензелинском уезде. Бытовал в Белебеевском, Бирском, Бугульминском уездах, то есть имел довольно четко очерченный ареал.

Второй вариант. Из обрядов первой группы включал в себя обряд вида 6 - *ат аягы кыздыру*, вид 4 - сбор детьми крашенных яиц. Затем следовал сбор подарков (в 8 случаях из 13 зафиксированных, участниками сбора были мужчины, в остальных - юноши, конные), состязания, молодежные игрища. Преобладал в деревнях северной части Казанского, Царевококшайского и Уржумского уездов, а также встречался в примыкающих к ним деревнях южной части Малмыжского уезда, то есть имел компактную зону распространения в северо-западном районе проживания казанских татар.

Третий вариант. В нем еще меньше обрядов первой группы, которые представлены лишь сбором детьми крашенных яиц (вид 4). Сбор подарков в большинстве случаев проводили юноши пешие; далее следовали состязания и молодежные игрища. Вместе с тем, в ряде деревень, празднующих сабантуй этого варианта, бытовал обычай поочередного угощения (вид 10; зафиксирован в 12 из 32 обследованных деревень).

Его ареал - южная, юго-восточная часть Казанского, юго-западная часть Лаишевского, Тетюшский, Свияжский уезды Казанской губернии. Как видим, это также довольно компактная зона. Можно говорить еще об одной, правда, небольшой по площади зоне бытования этого варианта - это восточные волости Мамадышского и примыкающие к нему волости Елабужского уездов. На других территориях он встречался вкраплениями.

По форме к этому варианту близок сабантуй, проводимый в деревнях татар-мишарей Чистопольского, частично, Спасского уездов. Однако там не всегда строго придерживались традиционных сроков его проведения. В случае ранней весны, быстрого таяния снега сабантуй могли провести после сева. Кроме того, сбор детьми крашенных яиц проводился обязательно в дни Пасхи под названием *кызыл йомырка көне* - день красного яйца, то есть не в комплексе сабантуя.

Четвертый вариант. Он имел ряд существенных отличий от вышеописанных. Другими были обряды, предваряющие состязания (кульминацию праздника). Так, утром, накануне или в день сабантуя все старики собирались на деревенском кладбище. Каждый приносил с собой узелок с куриными яйцами, который отдавал мулле, надеясь обеспечить себе благополучие в новом хозяйственном году. На кладбище совершали коллективное моление (*намаз*). А женщины в это время поздравляли своих соседок с

началом весны и потчевали друг друга сметаной, яйцами и другими угощениями. Не было массового сбора крашенных яиц, хотя яйца красили. Их в день сабантуя хозяйка раздавала детям своих родственников. Подарки для победителей каждый желающий (а *яшь килен* обязательно) выносили прямо на место состязаний.

Этот вариант сабантуя был характерен для Глазовского уезда Вятской губ.

У основной массы крышен встречались почти все обряды, действия, входящие в сабантуй, но чаще всего они проводились не в едином комплексе особого праздника, с особым названием, как у казанских татар, а были приурочены к дням весенних праздников христианского календаря - Вербному воскресенью (коллективное угощение кашей из сборных продуктов, например) и Пасхе. К пасхальным дням относился сбор крашенных яиц, сбор подарков и устройство состязаний (как бы праздник в празднике).

Интересно отметить, что в ряде районов проживания крышен появление самого термина сабантуй для обозначения праздника с состязаниями было сравнительно поздним явлением (в советское время). Например, в Троицком уезде Оренбургской (дд. Варламово, Попово и др. - АОЭ, 1987), в Цивильском уезде Казанской губерний (дд. Хозесаново, Молькеево и др. (12, с.82) сбор подарков и сами состязания проводились на второй и третий день Пасхи под названием *сөрән*. Иногда же состязания устраивались в комплексе другого обряда, проводимого под названием *шыйлык*. (Об этом смотри ниже).

Нельзя не сказать еще об одной группе деревень казанских татар и крышен. Там под названием сабантуй, а иногда и без названия, до сева проводились обряды лишь первой группы - виды 4,5 - сбор яиц детьми и юношами; в некоторых деревнях еще и обряд вида 10 - коллективное угощение группы людей.

Ареал такого сочетания весенних обрядов - часть территории Лаишевского и примыкающие к нему волости Мамадышского уездов, вкраплениями - в Елабужском уезде.

Таким образом, анализ материала позволяет сделать вывод о том, что сабантуй в исследуемое время являлся народным праздником казанских татар, имеющим четко установленное время и форму проведения. Он имел лишь для него присущий набор (комплекс) видов обрядов, атрибутов, увеселений, ставший для татар традиционным. Стойкими, ясно очерченными были и ареалы праздника. Вместе с тем, он стал народным и для татар-мишарей, проживающих в контактных зонах с казанскими татарами, то есть являлся интегрирующим фактором при сложении татарского народа, активно функционирующим явлением этнической культуры.

Обряды, связанные с началом сева

1. **Общественное моление (освящение семян), сопровождаемое коллективным угощением - *шыйлык*.** Чаще всего проводили его в установленном (обычном) месте - в центре деревни, на лугу, у часовни после обряда *сөрән* - сбора яиц верховыми юношами. Собирались в назначенный день и час нарядно одетыми. Взрослые члены семьи участвовали в молении о благополучии, хорошем урожае, после которого устраивалось коллективное угощение. В нем принимали участие все, в том числе и дети.

Кроме моления и коллективной трапезы, *шыйлык* включал в себя и обрядовую запашку (13, с.54-57).

После этого в некоторых деревнях кряшен проводились состязания, сходные с вышеуказанными состязаниями на сабантуе. В других же деревнях, празднующих шыйлык, их не было. Это позволило выделить два варианта шыйлык. В целом же обряд зафиксирован в отдельных деревнях татар-кряшен Мамадышского, Лайшевского уездов Казанской, Белебеевского, Бирского, Мензелинского уездов Уфимской, Верхнеуральского уезда Оренбургской, Бугульминского уезда Самарской губ (13, с.137).

2. Обрядовые действия, предваряющие начало сева. В той или иной форме они были характерны для всех татар: у казанских татар под названием *орлык чыгару* - вынос семян. У мишарей же особого (единого) названия не было.

Выделено 2 варианта этого обряда. Вариант 1 включал следующие элементы: при выезде на сев обсыпание гривы лошади мукой, в которую положены яйца; передача яиц первому встречному; высевание яиц вместе с зерном; совместное угощение всех присутствующих в поле. Бытовал в деревнях кряшен. В этом варианте уместно выделить как подвариант *орлык чыгару* в ряде аулов татар-мусульман, у которых отсутствовал обряд освящения семян. Вариант 2 состоял из проведения домашнего моления по мусульманскому обряду, раздачи подаяния бедным в виде испеченных хлебцев или муки, зерна, яиц. Характерен для татар-мишарей.

3. Только в деревнях татар башкирского Приуралья и, особенно, Зауралья, в том числе кряшен (нагайбаков) особо отмечали **день завершения сева**. Возвращающихся с поля мужчин встречали с полными ведрами воды и обливали. Да и сами сеятели, как правило, везли с собой бочонок. Начиналось массовое обливание, шутки, смех. Старики говорили, что это делалось с пожеланием дождя в нужное для роста хлебов время (3, с.99). В других районах подобных действий по случаю завершения сева не зафиксировано.

Обряды и праздники, проводимые после сева

1. Одним из самобытных праздников этого времени является праздник, проводимый под названием *май тавы* - гора мая или *май баишы* - начало мая*, который записан нами в Тептяро-Учалинской вол. Верхнеуральского уезда. Это женское празднество. Во всех деревнях он проводился одинаково. 1 мая по старому стилю (день недели мог быть любым) вся женская половина деревни отправлялась на одну из окружающих деревню гор. Они брали с собой еду, самовары, или чай кипятили в котлах. После коллективного угощения начинались игры.

В других районах проживания татар сведений о празднике *май тавы* не имеется. Но подобный праздник бытовал в больших и малых городах Урала (14, с.161) и юга Западной Сибири (15, с.28).

2. В годовом цикле общественных обрядов и праздников татар особое место занимали **летние обряды пожелания благополучия, хорошего урожая, сопровождаемые жертвоприношением, обрядовым поеданием пищи и обрядовым обливанием водой** (карта12).

* Нельзя отождествлять (и путать) этот праздник с другим, имеющим сходное название - *Май чабу*. У кряшен, в том числе нагайбаков, так называли масленицу - *май* - масло; в Учалинской же волости - это календарная дата - 1 мая.

Помимо мусульманского обряда жертвоприношения и особого праздника по этому поводу - *Корбан гаете*, проводимого соответственно по скользящему лунному календарю, в ряде регионов проживания татар бытовал еще обряд коллективного жертвоприношения, проводимого в установленном месте и в определенный день (16, с.86-87).

Представляет интерес терминология обряда и территория его бытования. Татары-мишари, у которых обряд был повсеместным, называли его *Корбан* - жертвоприношение. Исключение составляли жители Ставропольского уезда. Они обряд называли *яңгыр келәве* - моление дождя. Среди пермских татар он бытовал под названием *корбәннек*, *корбәнлек*, среди чепецких - *уҗымга корбан чалу* - приносить жертву озымым, *әүлия корбан* - жертва святым.

Кроме этих групп татар обряд был характерен для большинства кряшен. У казанских татар он бытовал лишь в отдельных деревнях Лаишевского уезда, единично встречался в Казанском, Тетюшском уездах.

Ареал бытования: Нижнеомовский, Керенский, Краснослободский, Инсарский, Городищенский уезды Пензенской, Елатомский уезд Тамбовской, Ставропольский уезд Самарской, Кузнецкий, Сызранский уезды Саратовской, Троицкий уезд Оренбургской, Кунгурский, Красноуфимский, Осинский уезды Пермской, Уфимский, Златоустовский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский уезды Уфимской, а также Глазовский, Елабужский уезды Вятской, Лаишевский, Казанский, Чистопольский, Тетюшский, Мамадышский уезды Казанской губерний.

3. Обряды вызывания дождя (карта12).

Они были характерны для всех татар, но бытовали в разных формах. Организаторами и основными участниками обряда выступали либо взрослые, либо дети.

В какой бы форме обряд ни проводился, он обязательно завершался массовым обливанием водой не только участников, но и всех жителей деревни.

В конце XIX - начале XX вв. обряд вызывания дождя бытовал в трех вариантах.

Вариант 1. Включал в себя коллективное угощение кашей, приготовленной из подворно собранных продуктов, предваряемое общинным молением: у татар-мусульман - совершением *намаз*, у кряшен - молением «перед кашей». Завершался обряд массовым обливанием водой. Организаторы и основные участники - взрослое население. Этот вариант преобладал в Лаишевском, Мамадышском, Чистопольском, Спасском, бытовал в Мензелинском, Белебеевском, Ставропольском, встречался единично в Уржумском, Елабужском, Малмыжском, Златоустовском уездах.

Вариант 2. Состоял также из коллективного угощения кашей, приготовленной из сборных продуктов и обливания водой. Основные ее участники - дети и подростки. Преобладал в Казанском, Малмыжском, бытовал в Мамадышском, Лаишевском, Свияжском, Чистопольском, Елабужском, Сергачском уездах; в Уфимском, Уржумском, Спасском, Тетюшском уездах - встречался единично.

Вариант 3. Его основные моменты - общинное моление в поле, на лугах и обливание водой в деревне. Преобладал в Мензелинском, Елабужском, Касимовском, бытовал в Мамадышском, Малмыжском, Белебеевском, Уфимском уездах; в Лаишевском, Глазовском, Сарапульском, Бирском, Краснослободском, Инсарском, Чембарском, Елатомском, Ставропольском уездах встречался единично.

Несмотря на то, что по форме проведения выделено 3 варианта, обращает на себя внимание разнообразие их названий. Нами зафиксировано их около 30.

4. Народный праздник Джиен.

Джиен являлся праздником казанских татар.* Исследования показали, что праздник проводился по-разному, однако форма проведения была устойчивой - деревня проводила джиен так, как было принято в данном населенном пункте. Праздник проводился группой деревень в строго фиксированное для них время, начиная с конца мая - начала июня в течение четырех-шести недель. Фиксированность времени заключалась не в определенности календарной даты, она была разной и, как правило, связана с определенными фенологическими наблюдениями. Уточняя время джиена, например, говорили: *арыш серкә очырганда* - когда рожь отцветает, или когда скворцы выпускают из гнезд птенцов. Фиксированность заключалась в очередности проведения - начинала определенная группа деревень, продолжала другая и, наконец, завершала третья. Продолжительность праздничного времени в каждом случае была от 3-4 до 5 дней отведенной недели.

Праздник каждой группы носил название одной из деревень, как правило, наиболее древней, например, *Ашыт жыены, Му жыены* и т.д. Некоторые джиены имели название той местности, где проводилось праздничное гулянье - *Кала тау жыены, Биек тау жыены, Яссы болын, Куш Капка, Казы, Базы жыены* (по названию рек - Бирский уезд) и т.д. В некоторых случаях слово джиен к названию праздника не присоединялось, да и вообще не употреблялось в значении праздника. Это характерно, главным образом, для Тетюшского уезда, где были следующие названия праздника - *Шыкма, Чабыр, Куш Капка, Кэлти, Жуа, Каравыл тавы*. Часть джиенов, в общей массе сравнительно небольшая, носила название христианских праздников - *Микола жыены* (Никола - 9 мая ст.ст.), *Тройча жыены* (Троица), *Тикен жыены* (Тихон или Тихвинская божья мать) и др.

Основные моменты (виды обрядов, действий) этого праздника следующие:

- Традиционный прием гостей, сопровождаемый своеобразными молодежными играми. Прием гостей из других деревень, празднующих свой джиен не в эту неделю, проводился по четко выработанному гостевому этикету (17, с.390; 18, с.45).

- Молодежные гулянья и игры начинались с пятницы и проводились днем и вечером во все праздничные дни, даже в день проводов - в понедельник.

- Переезд молодушек на место постоянного жительства - дом мужа. Участие в нем довольно большого количества родственников, наличие обрядовых действий зрелищного характера, музыки. Все это приносило в деревенский праздник свою специфику.

- Посещение ярмарки, проводимой в одном из сел. Таким селом нередко было близлежащее русское, а ярмарка там - праздничной (престольной), соответственно с конкретной датой проведения. Такие джиены нередко носили название этих праздников - *Микола жыены, Тройча жыены* и др. Иногда местом проведения ярмарки

* Следует иметь в виду, что кроме собственно праздника под названием джиен проводились и молодежные игры, годичные поминки в виде домашнего застолья с чтением Корана (касимовские татары) и др.

являлась татарская деревня, причем не обязательно крупная. Так, д. Ямбай, где проводилась большая ярмарка в конце мая сразу после сева гречихи, конопли (20-22 мая, самое позднее - 27 мая по старому стилю), в конце XIX в. насчитывала всего 7-8 домов. Тем не менее, по названию этой деревни назывался первый, довольно крупный джиенный округ - *Ямбай жыены*, который праздновали около 10 деревень Мамадышского уезда. Посещение этой ярмарки вместе с гостями, приехавшими на джиен, было составной частью праздника.

- Сбор подарков для одаривания победителей и состязания, аналогичные состязаниям сабантуя.

Конкретное сочетание вышеперечисленных обрядов (действий) позволило выделить два варианта праздника джиен с четкими ареалами бытования (см. карту 13).

Первый вариант включал в себя первые два вида обрядовых действий, а именно: традиционный прием гостей, сопровождаемый своеобразными молодежными игрищами, и переезд молодухек на место постоянного жительства. Кроме того, в некоторых крупных торговых аулах в первый день праздника проводился базар с продажей более широкого ассортимента товаров, чем обычно.

Исключительно этот вариант джиена был характерен для Казанского, Царевококшайского, Свияжского уездов Казанской, Уржумского, Малмыжского, Сарапульского уездов Вятской губерний. Преобладающим был в Мамадышском уезде Казанской, Мензелинском уезде Уфимской, Елабужском уезде Вятской губерний. Бытующим - в Белебеевском, Бирском уездах Уфимской, Тетюшском уезде Казанской губерний.

Второй вариант включал в себя все 4 вида обрядовых действий. Этот вариант джиена преобладал в Лаишевском, бытовал в Мамадышском, Тетюшском уездах Казанской, Белебеевском, Бирском уездах Уфимской, единично встречался в Елабужском уезде Вятской, Мензелинском уезде Уфимской губерний. Следует отметить, что праздновали по такой форме как татары-кряшены (в преобладающем большинстве), так и мусульмане этих уездов, точно так же, как первый вариант джиена встречался и у кряшен (в основном, в Мамадышском, Белебеевском уездах).

Вместе с тем, для некоторых районов (Тетюшский уезд Казанской и Бирский уезд Уфимской губерний) было характерно сочетание (переплетение) обоих вариантов джиена. По структуре, функциональному назначению летний праздник пермских татар, проводимый под названием сабантуя, относится к джиену второго варианта (7, с.120-124).

К этому же варианту джиена может быть отнесен летний (после сева) праздник *Майдан* татар Ставропольского уезда Самарской губернии, кстати, бытовавший лишь у этой группы мишарей.

5. Молодежные игрища.

Помимо праздничных игрищ молодежи в дни сабантуя и джиена в летнее время проводились и другие. Их систематизация позволила выделить следующие варианты.

Вариант 1. Вечернее игрище - *кичке уен*. Устраивали его в погожие вечера в период более или менее свободный от полевых работ - после сева до сенокоса. Этот вариант вечерних игрищ бытовал во многих районах проживания татар, однако, собранные материалы не позволяют конкретизировать ареалы отчасти и потому, что сами

информаторы не придавали им большего значения. Они, очевидно, не были явлением особо значимым в жизни молодежи.

Вариант 2. Игрища молодежи, устраиваемые на лугах во время половодья (конец апреля, начало мая). Характерная особенность этих игрищ заключалась в том, что в них, как правило, принимала участие молодежь нескольких деревень, хотя инициатором, организатором традиционно выступала молодежь одной деревни, на лугах которой они и проводились. Как показал анализ, география распространения таких игрищ связана со сравнительно крупными реками: Камой, Вяткой, Окой, Мокшей, р.Пожар, что в Сергачском уезде и др.

Обращает на себя внимание их бытование и в деревнях мишарей, у которых в другое время молодежные игрища были редки.

Вариант 3. Еженедельные пятничные игрища (в д.Карино Слободского уезда проводили по четвергам). В большинстве деревень их устраивали после полудня. В них участвовала вся деревенская молодежь. Чтобы не вызывать недовольства религиозных людей, игрища проводили в укромных местах, на окраине села, на лугу.

Подобные игрища устраивали почти во всех деревнях татар, за исключением деревень татар-мишарей Пензенской, Тамбовской губ. и касимовских татар (Касимовский уезд Рязанской губ.). По крайней мере, там не удалось их зафиксировать. Нередко информаторы категорично отрицали их бытование в дореволюционное время. А вот в Сергачском уезде Нижегородской губ. они были традиционными, как и у казанских татар.

Вариант 4. Совместные, также пятничные игрища молодежи нескольких соседних деревень, проводимые в определенное традицией время после завершения сева яровых. Определенным было и место проведения. Нередко их называли *каршы уен* - встречные игрища. Возможно потому, что их организаторами поочередно являлась молодежь той или другой деревни, ведь говорят же в народе «*кунак ашы - кара-каршы*», что означает обязательность поочередных взаимных угощений. Иногда слово *каршы* включалось и в само название игрища, указывая в таком случае конкретное место проведения - «напротив такой-то деревни», например, *Шода каршы*, *Өстеял каршы*, *Тазлар каршысы* и др.

Обращает на себя тот факт, что в деревнях татар Среднего Предволжья - *Тау ягы* эти совместные игрища имели свои особенности. Так, в Цивильском уезде Казанской губ. (татары-кряшены) поочередные девичьи игрища - *уен* - устраивались с участием девушек из соседних чувашских деревень (12, с.84-85). В Тетюшском же уезде эти игрища были приурочены к конкретной дате (не пятнице) и проводились лишь раз в году. Например, 19 мая по старому стилю под названием *Олы болын* - большой луг совместные игрища проводила молодежь дд.Шемяково и Кулларово, а 1 июня по старому стилю под названием *Сулып жыены* молодежь дд.Б.Салтыки, Б.Янасалы, Даньшево, Б.Кляри.

Этот вариант бытовал в деревнях Глазовского уезда под названием *карга боткасы*, а в д.Бастаново Елатомского уезда *сәер иту*, в д.Абалач Елабужского уезда *кызлар ашы* - девичье угощение.

Интересно отметить, что совместные угощения устраивали и девочки. Например, в д.Арбор Малмыжского уезда оно называлось *чарлыкка чыгу*.

Осенне-зимние обряды и праздники

1. Осенне-зимние гостевания.

Бытовали в двух вариантах.

Вариант 1. С установлением устойчивых холодов начинался период заготовки мяса впрок. Каждая семья специально для этого откармливала бычка, телку, лошадь. День закалывания животного превращался в небольшой семейный праздник, на угощение приглашали и близких родственников. Позднее же, в удобное для себя время, приглашали в гости более широкий круг родственников и друзей, в том числе из других деревень. Такие гостевания характерны для большинства татарских деревень.

Вариант 2. Гостевания проводились под определенным названием и были приурочены ко времени престольной ярмарки (базара) в соседнем, как правило, русском селе, куда хозяин вез своих гостей, приехавших из других деревень. Вернувшись с ярмарки, устраивали застолье, шли в гости к родственникам, друзьям. Угощения были поочередными. Зафиксирован у татар, проживающих в Глазовском уезде Вятской (чепецкие татары) (6, с.90-91), а также Пермском, Кунгурском, Осинском, Красноуфимском уездах Пермской губерний (пермские татары) (7, с.124-127).

К этому варианту относятся осенне-зимние престольные праздники кряшен. В некоторых из них в эти дни молодежь проводила особые игрища, называемые *жамшау* (Елабужский уезд), *чипчинэ* (Чистопольский уезд). Среди других татар-мусульман встречался лишь в отдельных деревнях Лаишевского, Мензелинского, Тетюшского, Елабужского, Елатомского уездов.

2. Помочи.

В осенне-зимних общественных обрядах и праздниках особое место занимали помочи - *эмэ*, устраиваемые для быстрого проведения особо трудоемких работ в крестьянском хозяйстве, таких как обмолот хлеба, заготовка древесины, постройка дома и т.д.

Исходя из направленности данного исследования, предусматривающего анализ праздничной культуры, из всех помочей нами выделены молодежные. Следует отметить, что на коллективные работы молодежь, как правило, шла охотно, умела труд, порой нелегкий, сделать праздником, в завершение заданного объема работ устраивая свои игрища.

Среди татарской молодежи наиболее ожидаемыми, значимыми были помочи по обработке заколотых гусей - *каз эмэсе*. Проводили эти помочи поздней осенью с наступлением устойчивых холодов. Приглашали на них девушек.

Анализ материала показал, что подобные помочи были характерны для деревень казанских татар Казанской, северо-западных районов Уфимской губерний, а также Глазовского, Слободского, Елабужского, Малмыжского, Сарапульского уездов Вятской губернии, за исключением кряшенских деревень. Не зафиксировано бытование этой помочи среди пермских татар.

В деревнях татар-мишарей Пензенской, Тамбовской губерний проведение помочи по обработке гусей также не было традиционным.

А вот в деревнях мишарей Ставропольского, Чистопольского, Спасского, а также Белебеевского, Бирского, Уфимского уездов эти помочи были аналогичны с казанско-татарскими.

Помимо *каз өмәсе* в XIX в. широко распространенными были помочи по изготовлению войлока - *тула өмәсе*, помочи по обработке холстов - *киндер тукмаклау*. По сведениям информаторов, эти помочи также сопровождались исполнением песен, завершались устройством игрищ. Однако имеющиеся о них сведения не позволяют выделить ареалы их бытования.

3. Новогодние обряды и праздники (конец декабря - начало января).

Не у всех татар это время было праздничным. Основная масса казанских татар специального праздника, игрищ в это время не проводила. Вместе с тем, особо отмечалось оно у кряшен, татар-мишарей и чепецких татар, хотя форма празднования не совпадала. В это время проводились следующие обряды (действия).

Хождение ряженых. Ряжеными, как правило, ходили юноши, иногда девушки. Они скрывали лицо, меняли голос, стремились быть неузнанными. Входя в дом, они плясали, но никогда не пели, не высказывали каких-либо пожеланий. Иногда ряженных угощали.

Хождение ряженых было характерно для кряшен всех уездов их проживания, а также татар в Глазовском и Слободском уездах Вятской губернии.

Гадания на кольцах - йөзек салу.

Как правило, проводились в новогоднюю ночь или 2-3 раза в период Нардуган. Такие гадания бытовали у всех кряшен и во многих деревнях татар-мишарей. Вместе с тем, у кряшен в них активное участие принимали как девушки, так и юноши, причем последние нередко выступали их инициаторами, в то время как у мишарей это были сугубо девичьи гадания. Кроме того, у кряшен сама процедура этого гадания была более таинственной. Так, воду для гадания обязательно приносили из проруби, причем за ней отправлялись выборные девушки и парни (3-4 чел.) из числа тех, кто был первенцем, средним и последним ребенком в полной благополучной семье. За водой и обратно шли молча. Придя к проруби, парень топором очерчивал ее кругом. Зачерпнув ведром воду, в него опускали монету и перстень, называемый царским, покрывали белым полотенцем и в таком виде несли в дом, где их ожидали.

Принцип же гадания был одинаков. Все собравшиеся опускали в воду свои кольца, загадав какое-нибудь желание. Ведущая мешала в воде кольца. Одно из них надевалось на мизинец. Чьим было кольцо, той предназначались произносимые в это время слова, исполняемый куплет.

Девичьи гадания.

В деревнях кряшен и татар-мишарей записано около двадцати способов гаданий о суженом, предстоящем замужестве и др., которыми девушки занимались во время рождественско-новогодних посиделок, игрищ, причем многие из них с вариантами.

4. Обряды, отмечающие день Нового года - 1 января.

Вариант 1. Мальчики (мужчины) ходили по домам соседей, родственников с пожеланием благополучия в Новом году, богатого урожая, хорошего приплода скоту. Бытовало поверье, что посещение человека с «легкой ногой» принесет удачу. Пришедшего с пожеланием угощали: для мужчины накрывали стол, юношу угощали домашним пивом, а детям давали конфеты, немного денег, пряники, яйца. Кроме того, в этот день обязательно что-нибудь стряпали с пожеланием, чтобы год был спокойным.

Этот вариант обряда был характерен для Слободского и Глазовского уездов Вятской губернии.

Вариант 2. В день Нового года (или Рождество) пекли специально для раздачи детям небольшие булочки из ржаного теста - *чигелдэк*, *шишири*. Бытовало поверье: это необходимо сделать, чтобы было много овец, чтоб скотина хорошо плодилась, не болела. Хозяйки скармливали эти булочки и овцам, корове, чтобы у них были двойни. Обряд бытовал в деревнях татар-мишарей (Ставропольский уезд Самарской, Инсарский, Саранский уезды Пензенской, Касимовский уезд Рязанской, Елатомский уезд Тамбовской, Кузнецкий уезд Саратовской, Сызранский уезд Симбирской губерний).

У казанских татар ни период зимнего солнцестояния (Рождество), ни 1 января как день Нового года не праздновался, хотя в ряде деревень информаторы указывали на то, что в этот день «печь не оставляли пустой» - что-нибудь пекли, с пожеланием, чтобы год был сытым, чтоб мороз избу не выстудил и т.д.

По сочетанию вышеуказанных обрядов (действий) выделяется 3 варианта празднования периода зимнего солнцестояния и начало Нового года.

Первый вариант. Празднование длительное (с 25 декабря по 5 января по старому стилю). Составные части: хождение по домам отдельных групп ряженных, гадание на кольцах и различные девичьи гадания. Ареал: все уезды, в которых проживали кряшены.

Второй вариант. Празднование не длительное, 2-3 дня с начала нового года. Основные действия: хождение по домам ряженных, девичьи гадания, хождение по домам с пожеланиями благополучия. Ареал: Глазовский, Слободской уезды Вятской губернии.

Третий вариант. Празднование также не длительное. Заключалось в проведении девичьих игрищ (посиделок), гаданий на кольцах, других гаданий, раздача детям *чигелдэк*. Ареал: Елатомский уезд Тамбовской, Касимовский уезд Рязанской, Нижне-ломовский, Керенский, Чембарский, Краснослободский, Городищенский уезды Пензенской, Сызранский уезд Симбирской, Кузнецкий уезд Саратовской, а также Сергачский уезд Нижегородской губерний.

5. Массовые катания на санках с гор, на подводах вдоль деревни, в отдельных деревнях с элементами карнавала, приуроченные к масленице. Ареал: деревни кряшен всех уездов их проживания. Кроме того, зафиксированы в Сергачском (мишари), в Глазовском (чепецкие татары), в Касимовском (касимовские татары) уездах.

Сводные комплексы годового цикла традиционных обрядов и праздников, ареалы их бытования (карта 14).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что годовой цикл традиционных общественных обрядов и праздников татар не является единым. Это и понятно. Дело в том, что в формировании и развитии обрядности большое значение имеют причины генетического порядка, связанные с этнической неоднородностью древних корней, а также особенности расселения, в частности, дисперсного в иноэтнической среде. Кроме того, нельзя упускать из виду и такой важный момент, как объективные закономерности функционирования обрядов и праздников. Одна из них - вариативность

как способ существования традиции, в том числе праздничной. «Этническая традиция, тем более до периода урбанизации, существовала как вариационное множество местных традиций, сближавшихся и выработавших общие черты в ходе своего развития и в процессе этнокультурной консолидации той или иной этнической общности - племени, союза племен, народности, нации» (18, с.118-120).

В праздничной культуре татар Поволжья и Урала выделяется два довольно ярко выраженных сводных комплекса обрядов и праздников. Определяющими при выделении комплексов явилось наличие или отсутствие традиционных народных ((помимо двух общемусульманских) праздников, имеющих на всей территории бытования набор одинаковых по форме элементов. В праздничной культуре татар Поволжья и Урала выделяется два ярко выраженных комплекса. Особенность первого заключается в том, что он включает в себя два таких праздника: Сабантуй и Джиен. Второй комплекс характеризуется отсутствием именно этих праздников. Первый комплекс назван казанско-татарским, так как он был абсолютно преобладающим, во многих случаях - единственным на территории проживания субэтнической группы татарского этноса - казанских татар. Вместе с тем он бытовал и среди других этнических групп татар, проживающих в контактных зонах с казанскими татарами.

По этому же принципу второй комплекс назван мишарским, хотя он был преобладающим и среди касимовских татар.

Комплекс I - Казанско-татарский.

Определяющим при выделении локальных территорий в этом комплексе является наличие того или иного варианта сабантуя. Анализ показал, что каждый вариант сабантуя, как правило, имел четко очерченный ареал (см. карту 11). При этом варианты I, II, III бытовали в сочетании с джиенами варианта I. Ареалы их совпадали. (см. карту 13). Другие же обряды годового цикла либо являлись общими для всех казанских татар (обряды, связанные с ледоходом, с выходом на сев, вызывания дождя и др.), либо были более вариативны по деревням и не всегда имели такую компактную территорию, как эти праздники, хотя в целом вносили определенную специфику в праздничную культуру каждой группы.

Исходя из этого, среди казанских татар выделяются следующие ареалы (см. карту 14).

Ареал I. Занимает обширную область, включающую в себя Предкамье, в том числе северо-восточное Заказанье (южная часть Малмыжского и примыкающая к нему северная половина Мамадышского уездов), Восточное Закамье, а также Башкирское Приуралье (уезды Мензелинский, Белебеевский, Бирский, Бугульминский). Характеризуется проведением сабантуя первого варианта, джиена первого варианта и отсутствием обряда летнего жертвоприношения.

Следует отметить, что эта территория несравненно шире, чем ареалы говоров, выделяемых по языковым данным. Более того, ареал одного говора, может иметь различия в обрядности. Так, выделенный Н.Б.Бургановой мамадышский говор не полностью входит в выделяемую нами зону I, которая в свою очередь включает в себя территорию малмыжского и других говоров (19, с.13-28). Вместе с тем, представляет несом-

ненный интерес указание языковедов на то, что малмыжский говор имеет продолжение в Восточном Закамье. Это подтверждают и материалы по обрядности.

Ареал II. Занимает северную половину Казанского и примыкающие к нему территории Царевококшайского, Уржумского и частично Малмыжского уездов. Это территория распространения сабантуя второго варианта, первого варианта джиена. Здесь так же, как и в ареале I не зафиксирован обряд летнего жертвоприношения. Эта территория в основном совпадает в выделенным Н.Б.Бургановой ашитским говором (подговоры парангинский, ашитский, арский), за исключением дубъязского подговора. Заслуживает внимания и ее вывод о том, что по своим ведущим особенностям ашитский и мамадышский говоры различались с самого начала (19, с.13).

Ареал III. Охватывает Свияжский, Тетюшский, частично Буинский, Симбирский уезды, а также южную, юго-восточную часть Казанского (территория распространения дубъязского подговора) и юго-западную часть Лаишевского уездов. Характерной особенностью праздничного комплекса является бытование третьего варианта сабантуя, первого и частично второго (но главного в конкретной округе) вариантов джиена, а также обряда летнего жертвоприношения, правда, не повсеместно. Заслуживает внимания вывод Н.Б.Бургановой о том, что в формировании дубъязского подговора основную роль в XV-XVI вв. сыграл ногайский этнос (19, с.15). Во многом сходный с данным комплекс обрядности характерен и для северной части Елабужского и отдельных деревень Сарапульского уездов.

Ареал IV. Занимает бассейн р.Чепцы в Глазовском и Слободском уездах Вятской губ. Здесь в обрядовом комплексе основными являются праздник сабантуя четвертого варианта, летний обряд жертвоприношения, а также типа джиенных осенне-зимние гостевания, в то время как летний праздник джиен - отсутствует. Особый колорит ему придают летние девичьи гостевания, угощения и молодежные игрища. Кроме того, традиционным был цикл новогодних обрядов.

Языковеды отмечают, что некоторые признаки здешнего говора, безусловно, восходят к диалектным особенностям болгарского языка XIII-XIV вв. и находят параллели в огузских, западно-кыпчакских и в диалектах чувашского языка (19, с.18).

Ареал V. Включает большую часть Лаишевского и примыкающую к нему южную половину Мамадышского уездов. Характеризуется отсутствием весеннего (до сева) народного праздника сабантуя, хотя бытовали отдельные его обряды, в частности, такие как сбор детьми крашенных яиц, сбор яиц юношами, поочередное угощение разной категории жителей села. При этом встречалось бытование и термина сабантуя, правда, не повсеместно.

Состязания же устраивались во время летнего (после сева) праздника (джиен варианта II). Довольно широко встречался обряд летнего жертвоприношения. Следует отметить, что значительную часть населения данного ареала составляли татары-кряшены.

Н.Б.Бурганова подчеркивает сложность формирования говора данной территории. По названию джиенов *Ямбай*, *Мамалай*, *Төбәк*, восходящим к болгаро-татарским именам (все джиены второго варианта), она делает предположение о заселении этой территории собственно болгарским населением, переселившимся сюда начиная с XIII в.

(19, с.26). Кроме того, в ряде деревень этого региона, судя по легендам (историям) их образования, первопоселенцами были чуваша, например, в д.Янчиково (19, с.15).

Подобный комплекс обрядов зафиксирован в отдельных районах Елабужского, Мензелинского уездов.

Ареал VI. Занимает Пермский, Кунгурский, северную половину Осинского и Красноуфимского уездов. Здесь также отсутствует весенний праздник сабантуй. В целом обряды весеннего (до сева) цикла выражены довольно слабо. Хотя и проводился сбор крашенных яиц, но был приурочен к пасхальным дням и являлся детским занятием. Вместе с тем летний праздник джиен (здесь преобладал второй вариант) почти повсеместно назывался *сабантуй*, а сбор подарков, проводимый под названием *сөрән сузу* только у них сопровождался исполнением специальных песен. Большое место в праздничном комплексе занимали обряды летнего жертвоприношения, сопровождаемые коллективным угощением, а также типа джиенных осенне-зимние гостевания. Таким образом, одни элементы обрядового комплекса типологически близки к таковым в ареале V, другие в ареале IV. В этом плане заслуживают внимания выводы лингвистов об общности говора пермских татар с реликтовыми говорами среднего диалекта татарского языка - нукратским (чепецким), касимовским, крешенотатарским (20, с.189).

Ареал VII. Включает в себя, главным образом, восточные районы Белебеевского, Бирского, южные районы Красноуфимского, Осинского, Шадринского уездов, а также Уфимский, Златоустовский, Верхнеуральский, Троицкий уезды (21). Специфика праздничного комплекса этого ареала заключается в том, что наряду с общими, характерными для всех или большинства татар Волго-Уральской историко-этнографической области, у татар данного региона в общественных обрядах и праздниках наблюдались определенные отличия, позволяющие с одной стороны говорить о вариантах однотипных явлений, с другой - о бытовании моментов, характерных лишь для этих районов. К таким, в частности, относятся встречающийся лишь на этой территории праздник 1 мая - *май тавы*, различные коллективные выходы на природу, в том числе женские; обычай массового обливания водой в день завершения сева и др.

В целом, в данном ареале наблюдалась смешанность вариантов разных типов народных праздников, таких как сабантуй и джиен. Однако это не было механическим смешением, которое, естественно, могло возникнуть при заселении территории выходцами из разных областей, продолжающими сохранять свои обряды и праздники на новом месте жительства. Тогда бы они воспринимались населением как этнодифференцирующий фактор: «у нас - так, у них - по-другому», что привело бы к четкому разграничению «мы - они». На самом деле этого не было. Здесь можно говорить о сложении своеобразного синтеза (сплава) местных и привнесенных переселенцами обрядов и праздников.

Интересно отметить, что даже в селах, заселенных мишарями (*тәмәннәр*), бытовал тот же цикл общественных обрядов и праздников, что и у казанских татар, хотя в основных районах их проживания (Пензенская и другие губернии) он заметно различался. Кстати, на это обратили внимание и лингвисты (22, с.16-18). Более того, анализ материала свидетельствует о том, что в этой же системе праздновали и башкирские деревни данного региона.

К первому комплексу относится и **годовой цикл общественных обрядов и праздников крещеных татар (кряшен).**

Анализ свидетельствует о следующем.

1. Время их проведения стало приуроченным к праздникам христианского календаря. Более того, в одних случаях они и бытовали под аналогичным названием, лишь измененным согласно фонетическим особенностям татарского языка. Например, Троицу называли *Тройча, Тройса, Тручин*, Покров - *Пукрау*, День Николая Чудотворца - *Микола* и т.д. В других - в форме перевода. Так, Пасху (Велик день) кряшены называли *Оло кән* - «большой день», Масленицу - *Май бәйрәме* - «праздник масла», *Май чабу* - «скатать масло», *Рус мае* - «русское масло». Отдельные же праздники имели оригинальное название. В частности, время от Рождества до Крещения - период святок кряшены называли *Нардуган*, хотя хорошо знали, выделяли и день Рождества - *Раишва, Раиштау*, Новый Год - *Яңа ел*, Крещение - *Кач ману*.

2. В форме проведения многих из них не были (не стали) обязательными, значимыми отсюда и массовыми религиозные (христианские) моменты, такие как богослужения, литургия, крестные ходы и т.д. Нередко они вообще отсутствовали.

3. Вместе с тем стали действительно народными те праздники, которые оформляли переломные моменты в природе, а они, в свою очередь, влияли на хозяйственную деятельность крестьян: зимнее солнцестояние - *Нардуган*, весеннее равноденствие - *Май бәйрәме*, летнее солнцестояние - *Тройча, Яфрак бәйрәме* и т.д. Правда, соответствие не календарное. Тем не менее мы можем говорить о времени, близком к этим датам.

4. По форме проведения весенне-летние обряды и праздники кряшен во многом были аналогичными таковым у казанских татар. Так, до сева проводился сабантуй, причем преобладающим был в форме первого варианта, единичным - второго и третьего. Однако в большинстве случаев он стал приуроченным к пасхальным дням, о чем было сказано выше. Кроме того, во многих деревнях он потерял (не имел?) единое название сабантуй. В частности, у кряшен Троицкого (нагайбаки), а также Цивильского и Царевококшайского уездов состязания в пасхальные дни проводились под названием *сәрән*. В ряде же случаев они бытовали под названием *шыйлык*. Мало чем отличался и обряд «выноса семян», хотя сохранились и более древние формы (*шыйлык*).

Летний праздник кряшен несмотря на то, что, как правило, также был приурочен ко времени одного из праздников христианского календаря, по форме проведения напоминал тот или иной вариант джиена в деревнях казанских татар. В виде джиена первого варианта (гостевания, молодежные игрища на природе) бытовал в Заказанье, занимающая следующий ареал: запад, северо-запад, север и северо-восток Мамадышского уезда (д.Ошторма-Юмья, Сардаусь, Уресь-Баш, Зюри, Дюсьметьево и др.), а также примыкающую к этим районам часть Малмыжского уезда (д.Носла и др.), хотя по особенностям языка Ф.С.Баязитова на этой территории выделила три подговора - Кукморский, Вятский и Пришошминский (23, с.24, 27-29). Интересно отметить, что здесь характерно употребление как самого термина джиен, так и названия христианского праздника, к которому был приурочен праздник данной деревни (или группы деревень). Например, на территории распространения Кукморского подговора джиен начинали

праздновать в дд.Кумазан, Дусметьево. Называли его либо *Троица бэйрэме* либо *Яфрак бэйрэме* - праздник листьев. В Петров день - *Питрау бэйрэме* такой же по форме праздник проводили в д.Уресь-Баш, а чуть позже - *Казанский бэйрэме* праздновали деревни Сардаусь, Ст.Мочалкино (*Чэше баишы*) и др. Кстати, в этих же деревнях до сева проводился праздник, по форме сходный с сабантуем вариантов I, II и III.

Таким образом, годовой цикл общественных обрядов и праздников кряшен в данном случае во многом совпадал с таковым в ареалах I, II и III, выделенных у казанских татар.

Кроме того, этот вариант зафиксирован в западной части Елабужского уезда (д.Б.Шурняк, Ниж.Куклюк, Айталан, Черкасово и др.), в центральной и восточной частях Мензелинского уезда (д.Ср.Пенячи, Ляки), западной части Бирского уезда (Нов.Услы и др.), а также в деревнях кряшен Троицкого уезда (д.Попово, Варламово и др.).

В виде джиена второго варианта (ярмарка, майдан, гостевание, молодежные игрища) бытовал в деревнях, расположенных в ареале Пришешминского (д.д.Альведино, Крещ.Казыли, Ковали и др.), Прикамского (д.д.Никифорово, Кулуши, Машляк, Шеморбаш, Тямти, Б.Савруши и др.) подговоров в Заказанье, то есть в северной части Лаишевского и южной - Мамадышского уездов. И в данном случае этот ареал совпадал с территорией бытования джиена варианта II у казанских татар (см. ареал V). Этот вариант был характерен также для центральных районов Елабужского (д.Тагаево и др.), Чистопольского (д.д.Бахта, Белая Гора, Тавели и др.), западных районов Мензелинского (д.д.Кадырово, Сарапала и др.) и Белебеевского (территория распространения Бакалинского подговора - д.д.Курчеево, Бузюрово, Утарово, Ст.Азмеево и др.), Верхнеуральского (нагайбаки д.д.Париж, Фершампенуаз и др.) уездов.

5. Вместе с тем, в праздничной культуре ряда кряшенских деревень вообще отсутствовали эти характерные для татар моменты празднований. У них не было не только праздников под названиями сабантуй, джиен, но и характерных для них состязаний.

Летний праздник, приуроченный к Троице, назывался *Каен бэйрэме* - «праздник березы». По форме проведения, как отмечалось выше, напоминал троицко-семикские обряды русских (5, с.190-196). К таким деревням, в частности, относятся Крещ. Пакшино Мамадышского, Ташкирмень Лаишевского, Елтань Чистопольского уездов. В этой связи представляют интерес выводы лингвистов, которые в говорах этих деревень отмечают наличие особенностей западного (мишарского) диалекта (23, с.20-25, 43).

6. Летнее общественное жертвоприношение хотя и занимало существенное место в годовом цикле, однако было не повсеместным. Вместе с тем преобладал обряд вызывания дождя, сопровождаемый коллективной трапезой, главными участниками которой были взрослые (мужчины и женщины).

Таким образом, несмотря на наличие особенностей, привнесенных христианством, причем, как было показано выше, не ортодоксальным, а «бытовым», во многом одинаковым с бытующим у местных славянского (русского) и финно-угорского народов края, для общественных обрядов и праздников кряшен характерны те же основные элементы праздничной культуры, которые являются этнически специфичными для казанских татар. Эти выводы совпадают с точкой зрения современных исследователей языка и материальной культуры кряшен (24, с.154-156).

Комплекс II - мишарский.

Главным в этом комплексе является отсутствие двух народных праздников - сабан-туя и джиена, составляющих стержень всего комплекса годового цикла общественных обрядов и праздников казанских татар. Вместе с тем в праздничной системе татар-мишарей были свои, единые для всех, элементы. К таковым относятся следующие.

Почти повсеместно было традиционным особо отмечать день Нового Года и в целом период святок. При этом преобладала одинаковая форма их проведения в виде устройства посиделок, девичьих гаданий (третий вариант), единое название, заимствованное у русских - *Раитва* - Рождество, хотя встречалось и аналогичное крымскому - *Нардуган*.

Из весенних обрядов также повсеместно бытовал праздник под названием *Кызыл йомырка*, *Йомырка көне*, сопровождаемый крашением яиц, подворным сбором их, который проводили дети, а затем устраивали игры с ними. Все это было приурочено к пасхальным дням. Отличались от казанско-татарского обряды, сопровождающие начало (первый день) весеннего сева. Для мишарей был характерен их второй вариант.

Среди летних обрядов особое место занимало коллективное жертвоприношение, сопровождаемое молением по мусульманскому обряду - *намаз*. Оно встречалось во многих районах проживания татар-мишарей. Причем в отдельных деревнях наблюдалась тенденция превращения их в народный праздник. Кстати, это же было характерно и для порядка проведения сугубо мусульманских праздников - *Ураза гаите* по случаю окончания поста, и *Корбан гаите* - праздника жертвоприношения. Информаторы отмечали, что в эти дни молодежь устраивала совместные или девичьи игрища (д.Танкеевка Нижнеломовского, Тат.Никольское Керенского уездов). Организовывали катание на лошадях - катали детей, катались взрослые, устраивали скачки. На площадь к мечети выходили торговцы со своим товаром - продавали семечки, пряники и прочее.

Таким образом, мы можем говорить о сложении (бытовании) единой системы праздничной обрядности татар-мишарей. В этой связи заслуживает внимания заключение диалектолога Л.Т.Махмутовой, которая также отмечает «... единство диалекта, общность субстратных элементов в говорах, сравнительно незначительные расхождения между говорами, носящие в большинстве своем локальный характер» (25, с.16-17).

Типологическая разница в обрядности мишарей, относящихся как к ц-окающей, так и ч-окающей группам говоров, незначительна, хотя и наблюдаются некоторые отличия. В целом в ней заметно влияние календаря христианских праздников, а также внесение в мусульманские праздники элементов народных гуляний, чего не было у казанских татар.

Имеющиеся материалы по общественным обрядам и праздникам, за редким исключением, не позволяют выделить ярко выраженные локальные группы*. Исключения же эти следующие. Так, по экспедиционным данным, у мишарей, проживающих в Сергачском уезде в годовом комплексе не было (не удалось зафиксировать?) обряда летнего жертвоприношения. Там проводили лишь обряд вызывания дождя, правда, с участи-

* Трудность выделения, возможно, связана с недостаточной полнотой собранного материала: обследованием охвачены одна-две мишарские деревни на уезд.

ем взрослых (первый вариант). В некоторых же деревнях других регионов эти жертвоприношения были не ежегодными, а проводились с определенным интервалом. Например, в д.Тат.Юнки Краснослободского уезда, проводили раз в семь лет (АОЭ, 1981).

Своеобразный комплекс обрядности был у мишарей, проживающих в Ставропольском уезде. Это единственная группа, у которой традиционным был праздник, бытовавший под названием *Майдан*, составной частью которого являлись различные состязания. По времени проведения (летом после сева) его можно было бы отнести к джиенам (вариант II). Вместе с тем, он заметно отличался от них по своей продолжительности: в каждой деревне *Майдан* праздновали только один день, а джиены - от 3 до 5 дней. Далее. В соседние деревни на празднование ездили не семьями, а в основном только мужчины. Эта черта несколько напоминала сабантуй.

У этой группы не был особо выделяемым и новогодний период: не было ни посиделок, ни девичьих гаданий. Правда, в День Нового года каждая хозяйка готовила в большом количестве *чигелдэк*. Так называли мелкие булочки из ржаного теста, обжаренные на сковороде на углях, в печи. Их раздавали детям. Бытовало поверье, что это принесет хороший приплод овец. Подобное встречалось и у казанских татар.

В этом плане интересно отметить, что при перечислении районов проживания татар-мишарей В.В.Вельяминов-Зернов не упомянул в их числе проживающих в Самарской губ. (26, с.303). Возможно, это не случайно. Иногда и информаторы отделяли себя от мишарей. Например, в д.Елховой Куст один из них, рассказывая об осенних семейных годовых поминках, бытовавших под названием *умак*, отметил: «Их проводили мишари. У нас же - не было» (АОЭ, 1982).

-
1. Подробное изложение материала см.: Р.Уразман. Татар халкының йолалары һәм бәйрәмнәре. Казан, 1992; Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX - нач. XX вв). Казань, 2001.
 2. Следует отметить, что в прошлом (до взятия Казанского ханства) это было татарское селение. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства //Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.289.
 3. Подробнее см.: Уразманова Р.К. Особенности годового цикла общественных обрядов и праздников татар Приуралья //Приуральские татары. Казань, 1990. С.92-110.
 4. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977.
 5. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
 6. Уразманова Р.К. Календарный цикл обрядов чепецких татар //Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С.86-94.
 7. Уразманова Р.К.. Традиционные общественные праздники и свадебные обряды //Пермские татары. Казань, 1983. С.118-136.
 8. Уразманова Р.К. Обряд сөрән у народов Среднего Поволжья и Приуралья (конец XIX - начало XX вв.) //Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990. С.94-110.
 9. Интересно отметить, что слово *киби* встречается и в чувашском языке в сходном значении. См.: Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978.

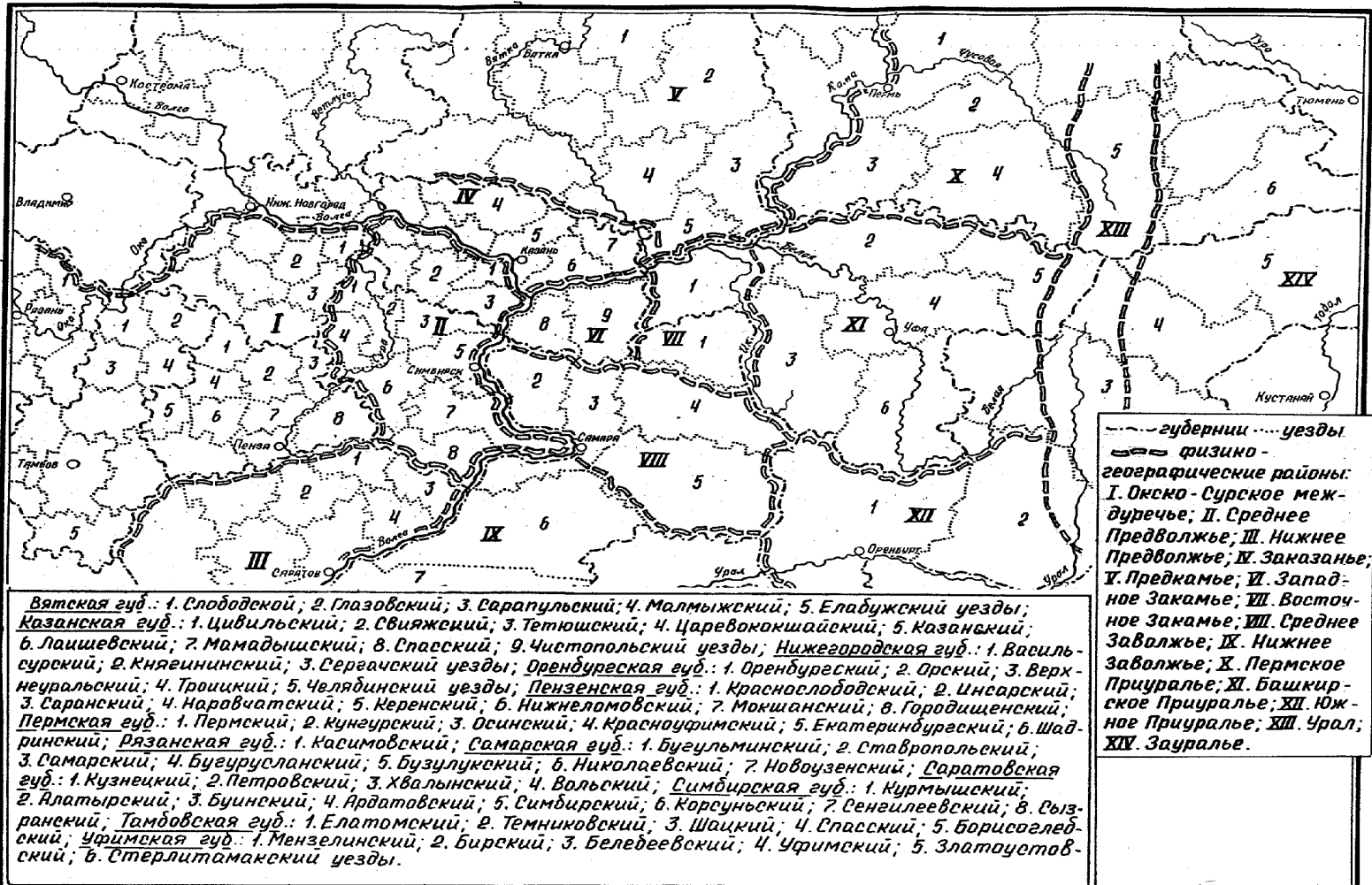
10. Симаков Г.Н., Ботяков М.Ю., Смирнов Ю.Г. Некоторые итоги поездки в Туркмению и Казахстан //Полевые исследования института этнографии, 1982. М., 1986. С.69.
11. Жырлы-биюле уеннар (народные игры и игровые песни). Казань, 1968.
12. Уразманова Р.К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников молькеевских кряшен //Молькеевские кряшены. Казань, 1993. С.77-91.
13. Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. (Годовой цикл XIX - нач. XX вв.). Казань, 2001.
14. Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX -нач. XX вв. М., 1971.
15. Куприянов А.И. Праздничные общественные обряды и развлечения городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. //Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987.
16. Уразманова Р.К. Особенности традиционных народных праздников татар Среднего Поволжья (К вопросу этнического районирования культуры) //Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань, 1991. С.78-104.
17. Татары. М., 2001.
18. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. М., 1986.
19. Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Заказанья //К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.13-28.
20. Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар //Пермские татары. Казань, 1983. С.137-154.
21. Отсутствие материалов по обрядности по другим уездам Уфимской и Оренбургской губ. не позволяет автору судить об этих территориях.
22. Хайрутдинова Т.Х. Говор Златоустовских татар. Казань, 1985.
23. Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1986.
24. Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. М., 1977.
25. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. М., 1978.
26. Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863.

ПРИЛОЖЕНИЯ

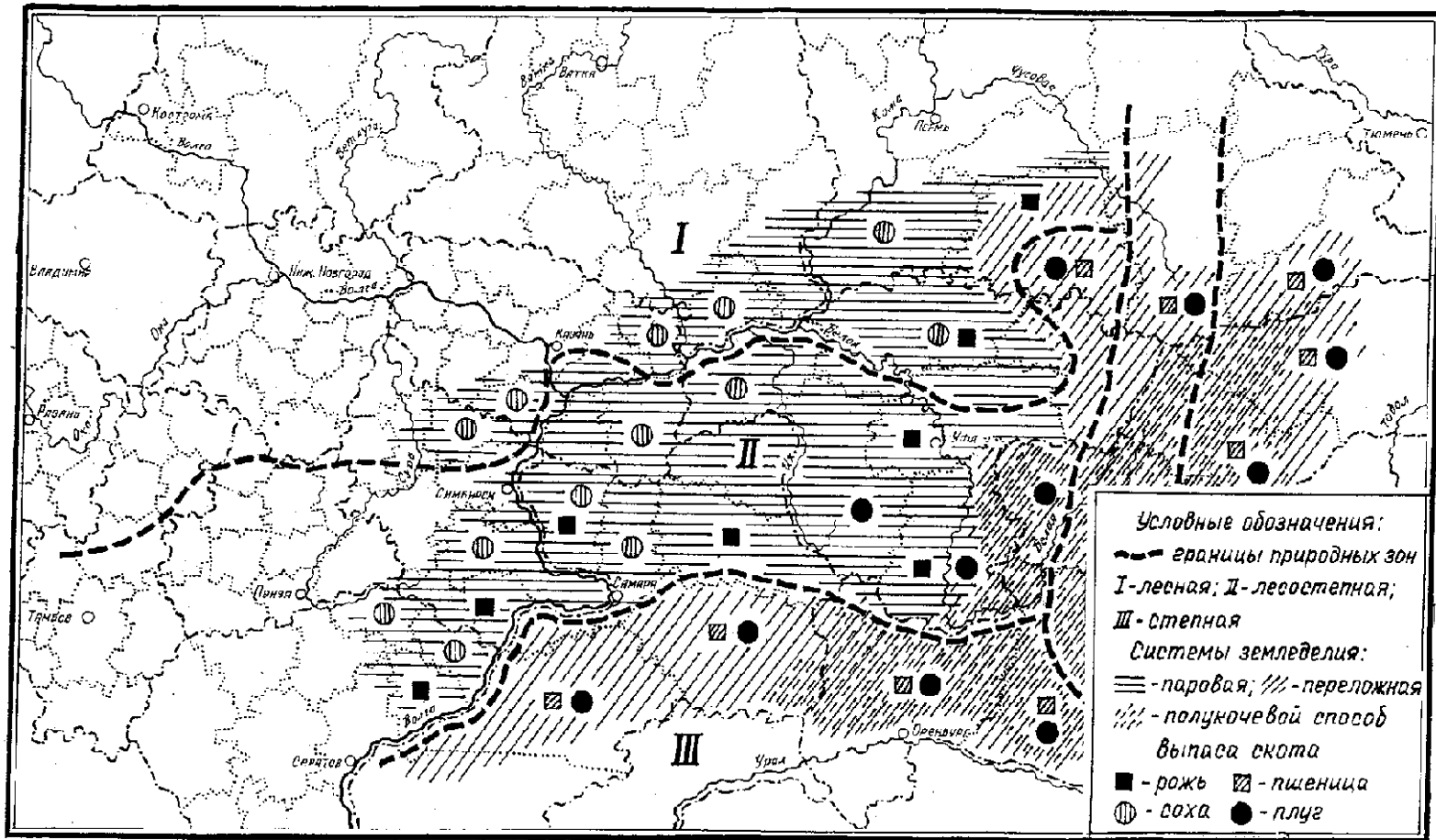
Список сокращений

АОЭ	Архив отдела этнологии Института истории им.Ш.Марджани АН РТ
ВГО	Всероссийское географическое общество
ГА	Государственный архив
ГПБ	Государственная публичная библиотека им.М.Е.Салтыкова-Щедрина
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИОАИЭ	Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРГО	Императорское Русское географическое общество
ИЭО	Историко-этнографическая область
ИЯЛИ	Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КФАН СССР	Казанский филиал АН СССР
ЛОИИ	Ленинградское отделение Института истории
МАЭ	Музей антропологии и этнографии
НА РТ	Национальный архив Республики Татарстан
НИИЯЛИЭ	Научно исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГО	Русское географическое общество
СЭ	Советская этнография
УАК	Ученая архивная комиссия (Н - Нижегородская; П - Пензенская; Р - Рязанская; С - Саратовская; Т - Тамбовская)
ХКТ	Хозяйственно-культурный тип
ЦГА	Центральный государственный архив

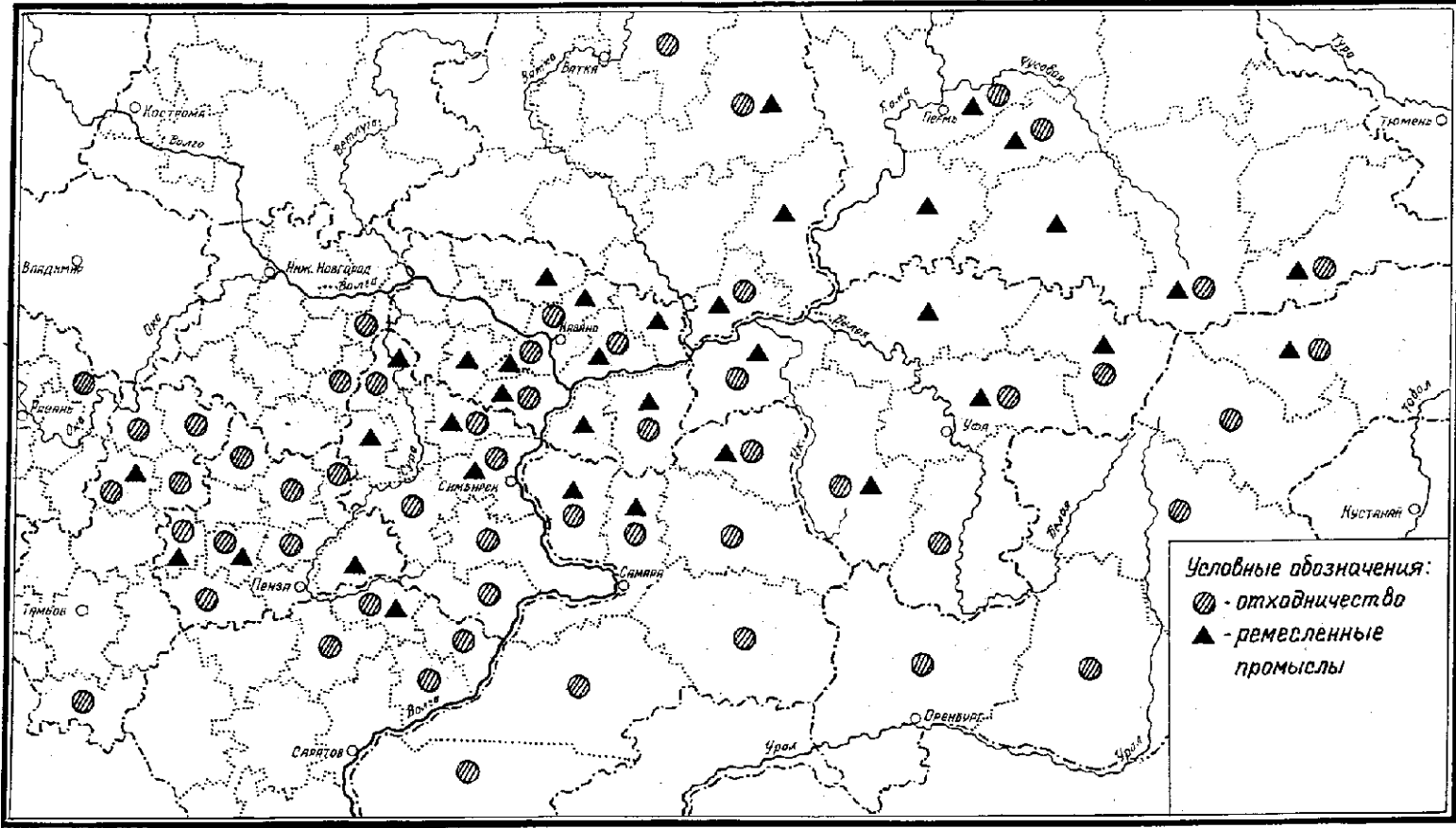
Карта 1. Административное деление Поволжья и Урала начала XX в. Физико-географические районы.

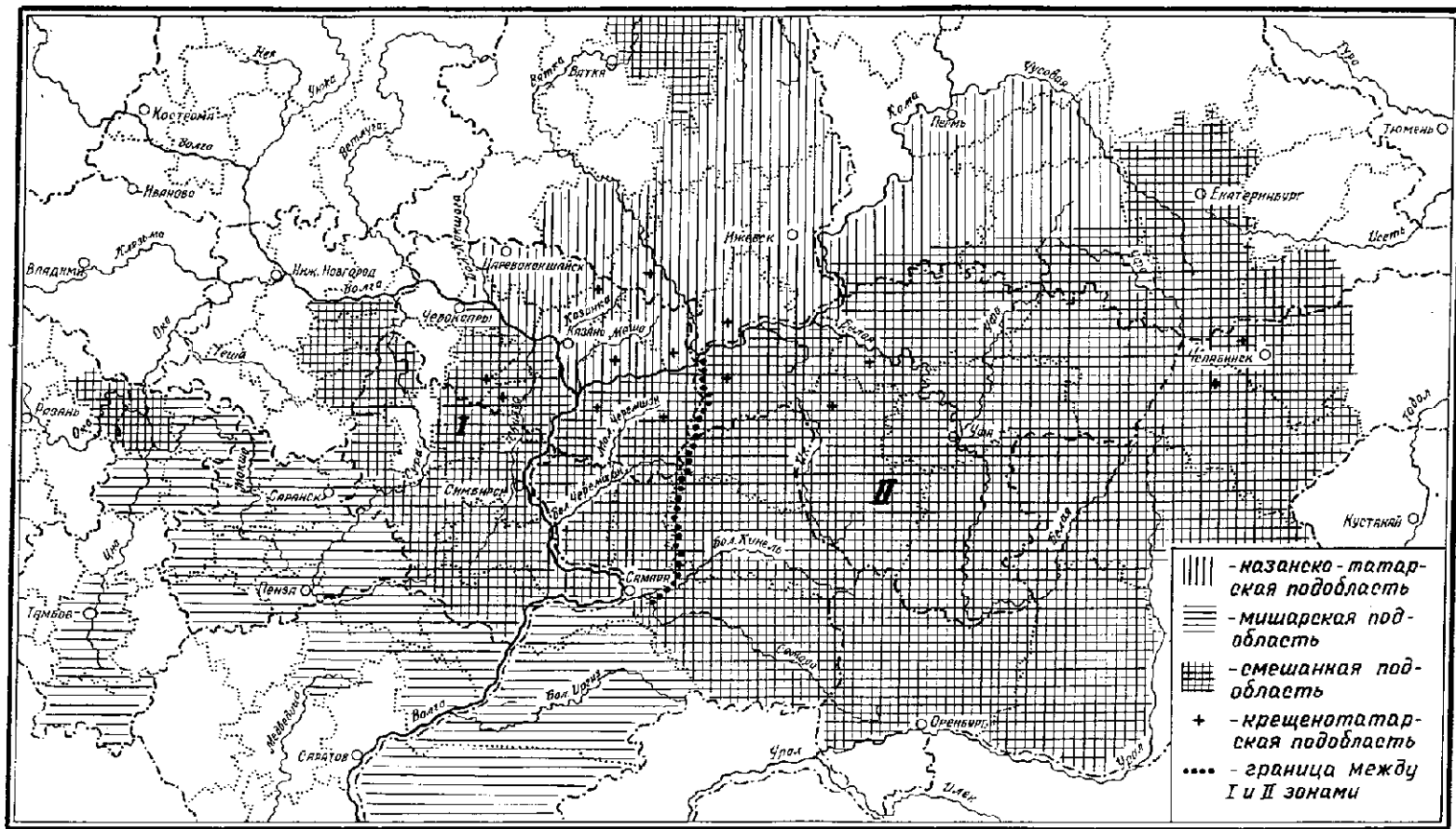
Карта 2. Природные зоны и особенности хозяйственной деятельности.

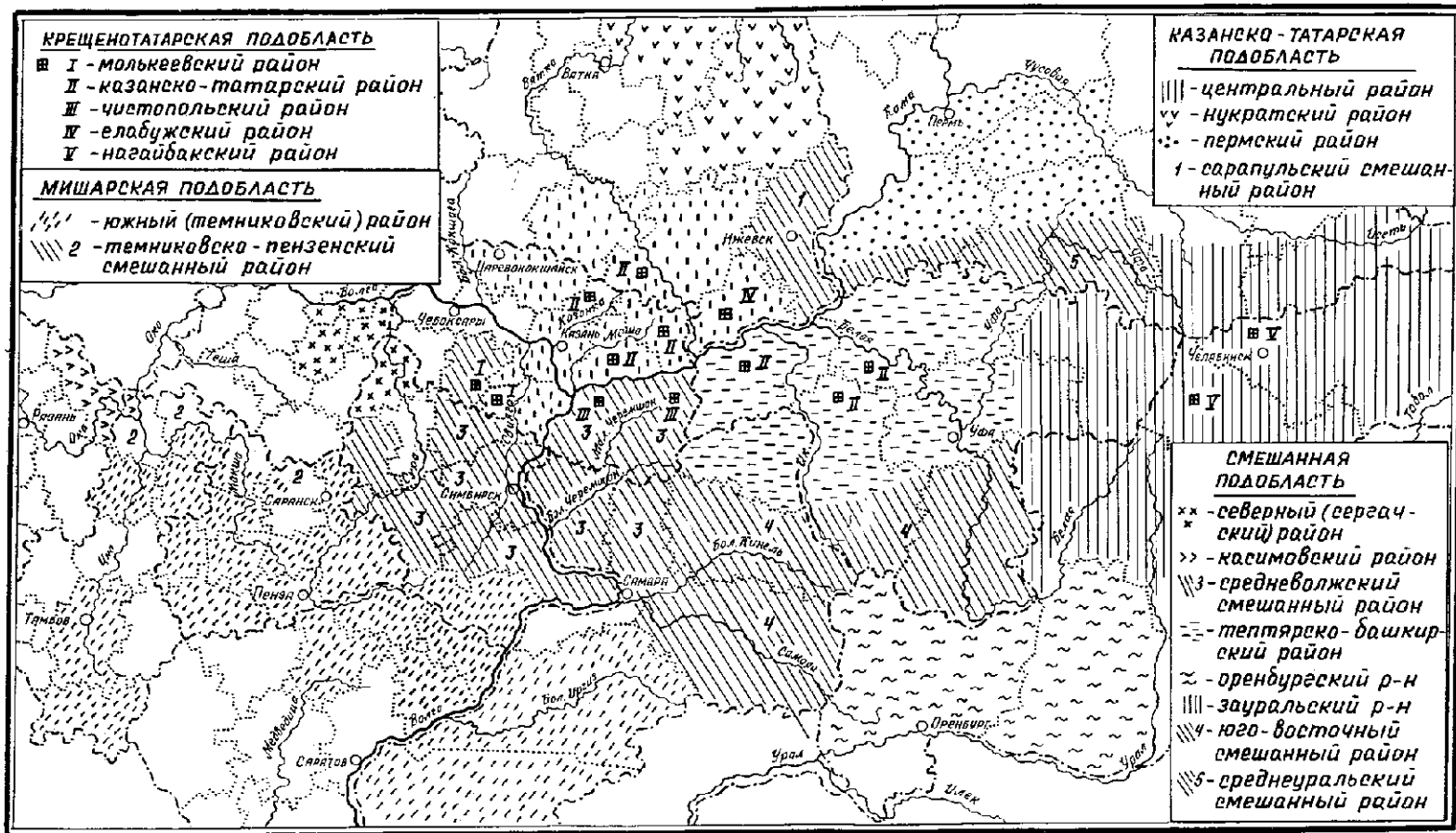
Карта 3. Виды промысловой деятельности.

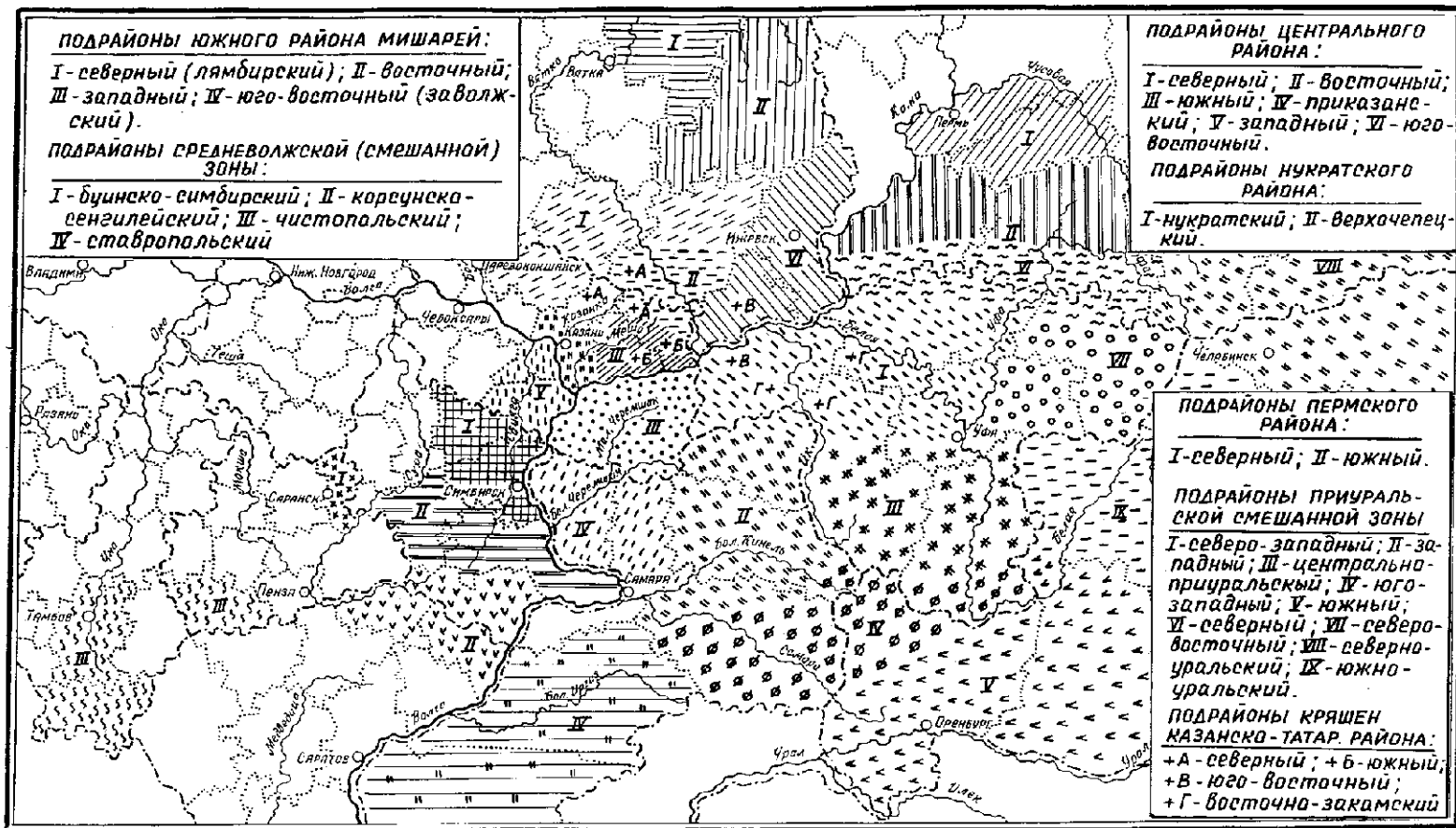
Карта 4. Этнокультурные общности волго-уральских татар субэтнического уровня.

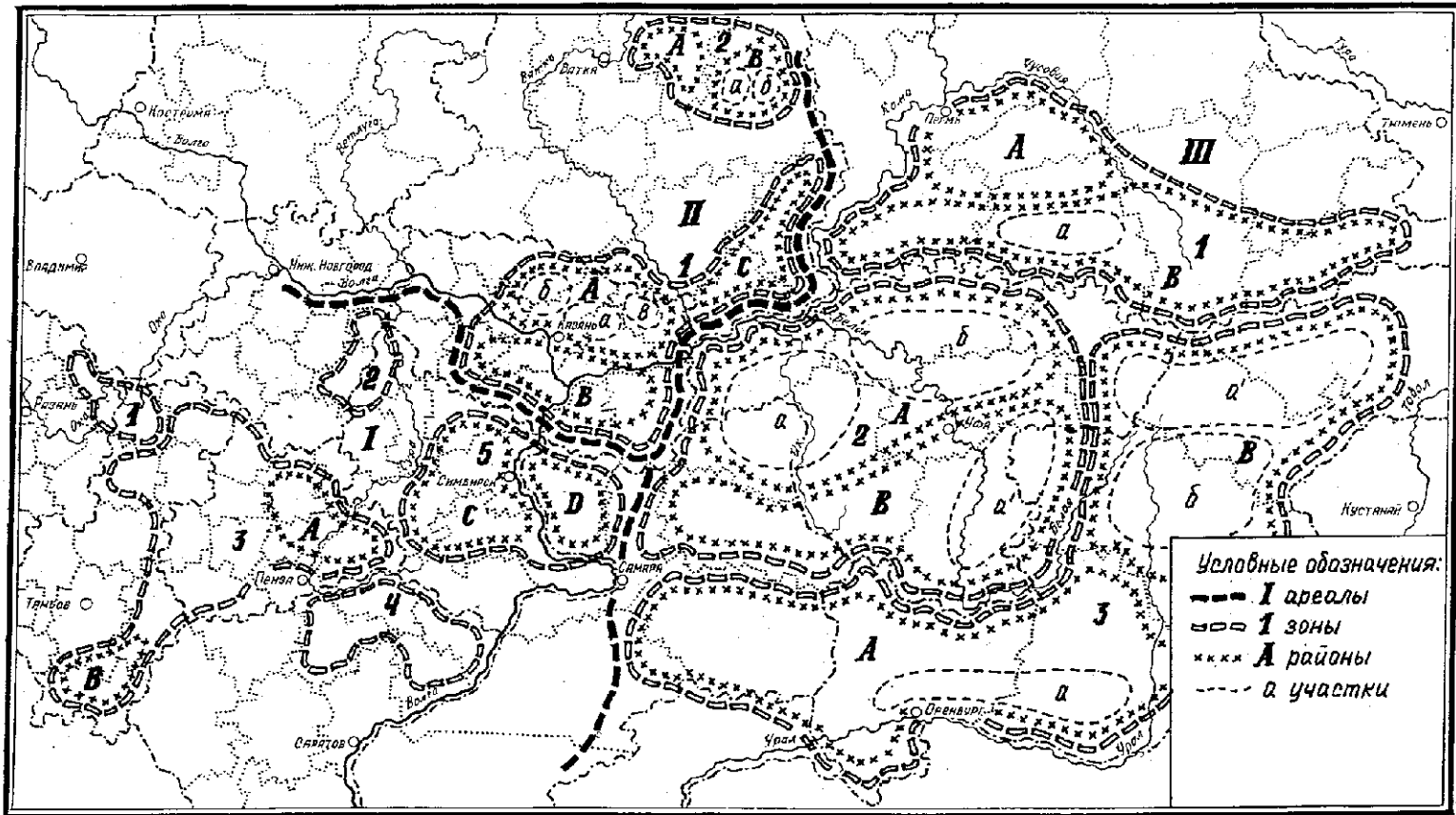
Карта 5. Этнокультурные общности волго-уральских татар уровня этнографических групп.

Карта 6. Этнокультурные общности волго-уральских татар уровня этнографических подгрупп.

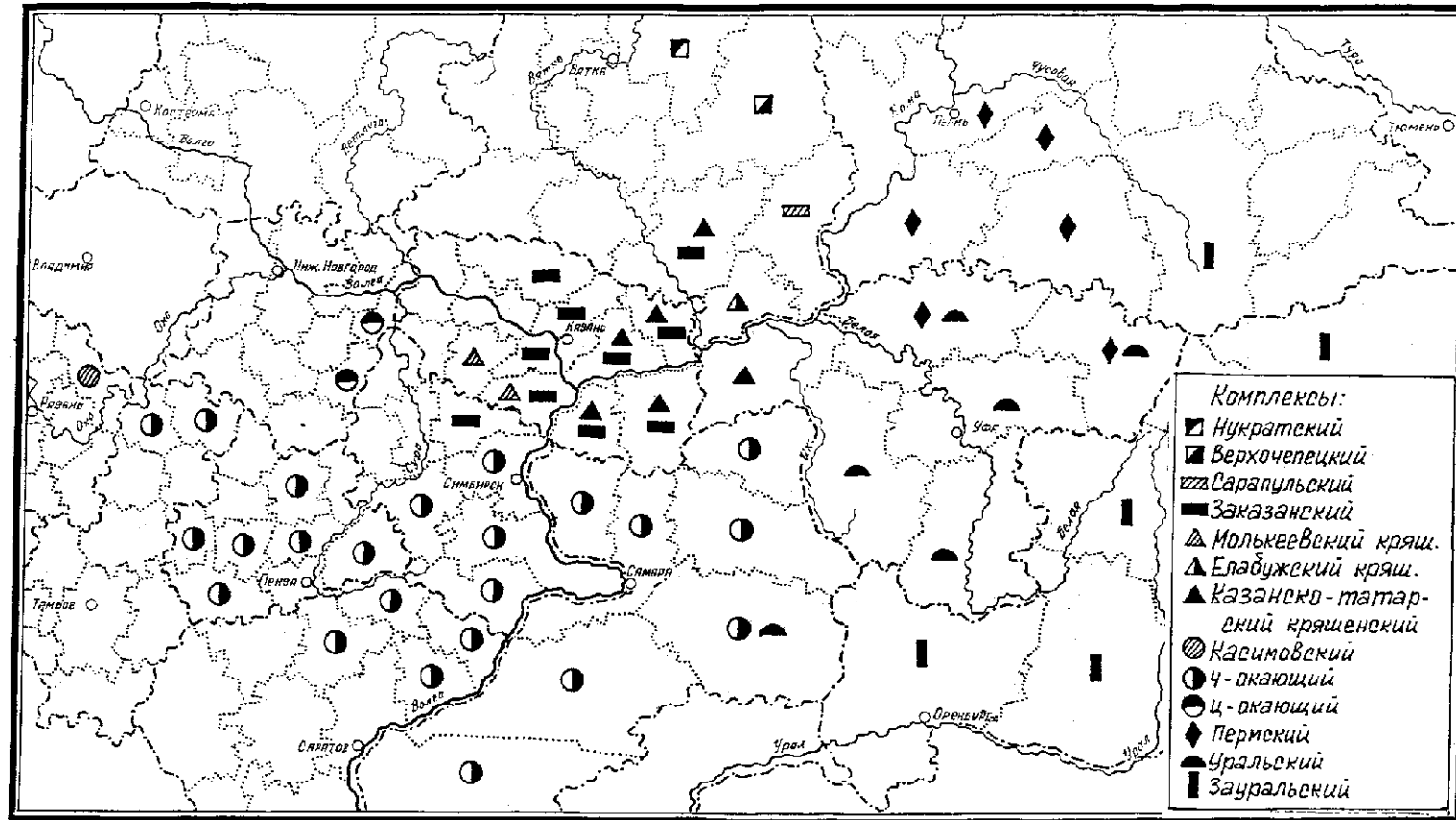

Карта 7. Этнокультурное и территориальное деление по материалам жилища.

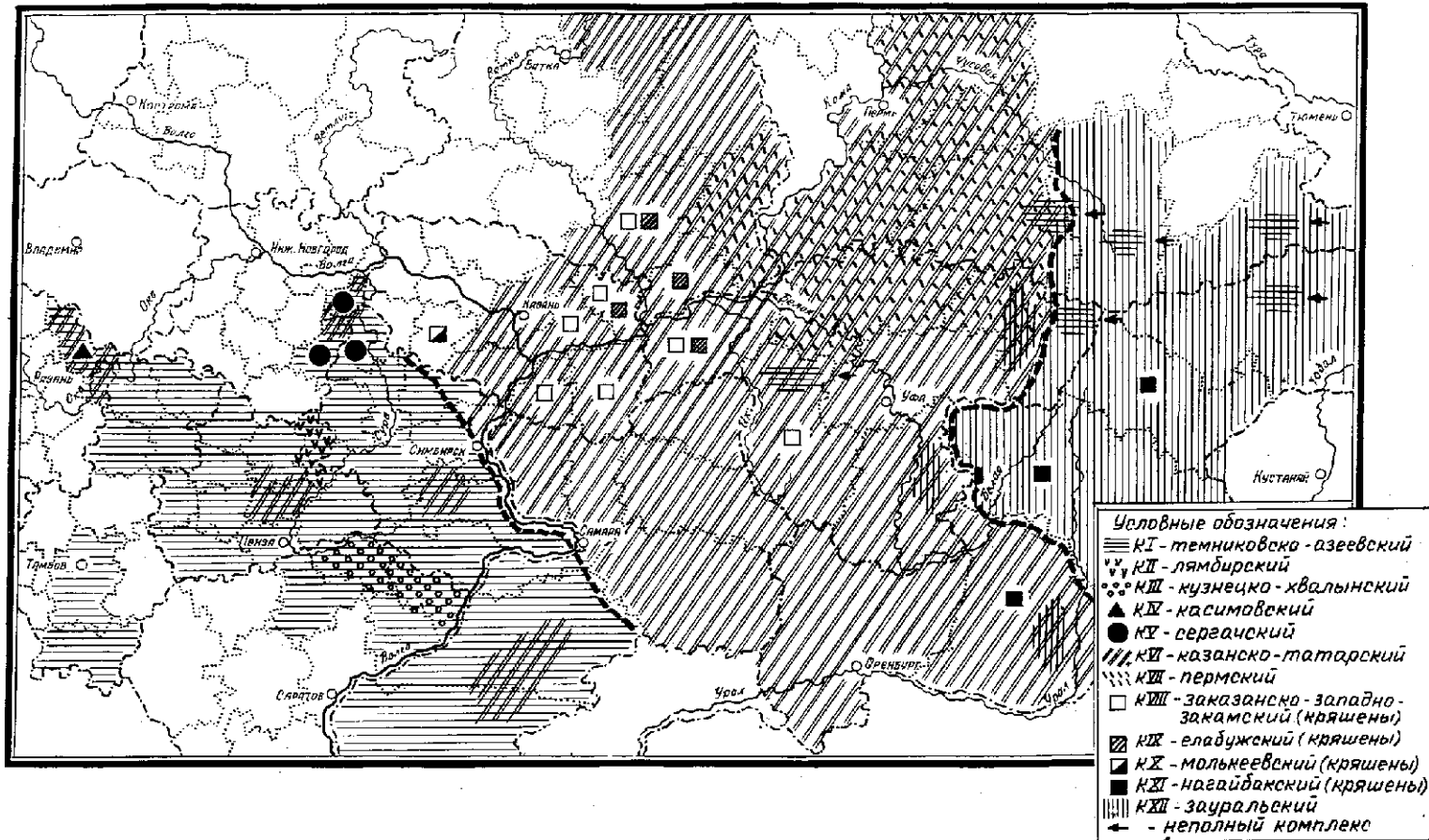

I. Окско-сурско-приволжский ареал. Зоны: 1. Касимовско-елатомская; 2. Сергачская; 3. Темниковская; 4. Кузнецко-хвалынская; 5. Приволжская. Районы: А. Саранско-инсарско-корсунский; В. Тамбовско-борисоглебский; С. Правобережный; Д. Левобережный. II. Прикамский ареал. Зоны: 1. Заказанская; 2. Чепецкая. Районы: А. Центральный; В. Южный; С. Восточный. Участки: а. Казанский; б. Западный; в. Северный. Районы: А. Нукратский; В. Верхочепецкий. Участки: а. Кестымский; б. Юкаменский. III. Приуральско-зауральский ареал. Зоны: 1. Пермско-приуральская; 2. Уфимско-приуральская; 3. Южная приуральская и зауральская. Районы: А. Пермско-кунгурский; В. Осинско-шадринский. Участок: а. Красноуфимский. Районы: А. Бирско-мензелинский; В. Уфимский. Участки: а. Мензелинско-бугульминский; б. Бирский; а'. Стерлитамакский. Районы: А. Южный приуральский; В. Зауральский. Участки: а. Оренбургский; а'. Челябинско-златоустовский; б. Троицко-верхнеуральский.

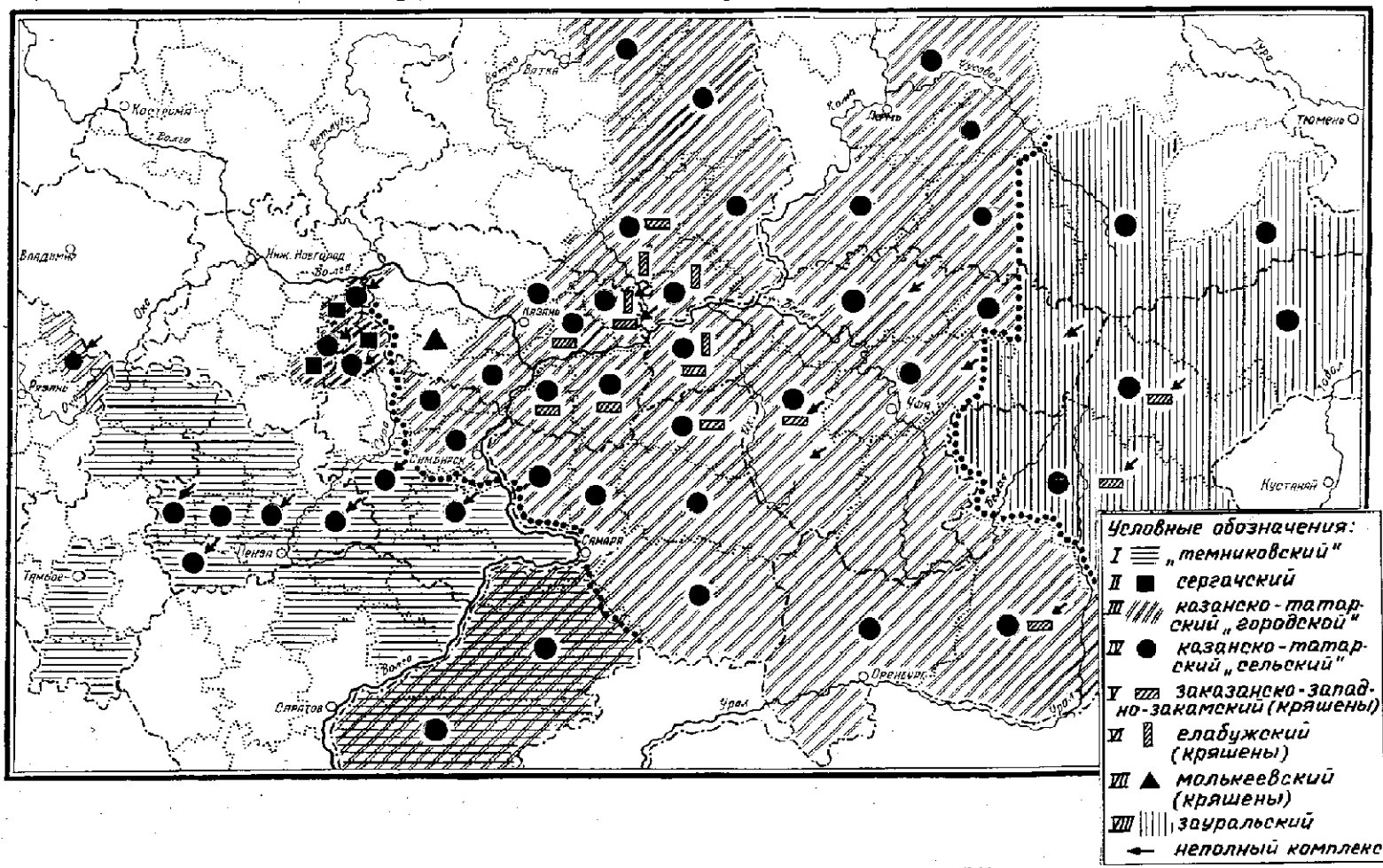
Карта 8. Этнокультурное районирование по материалам ткачества.

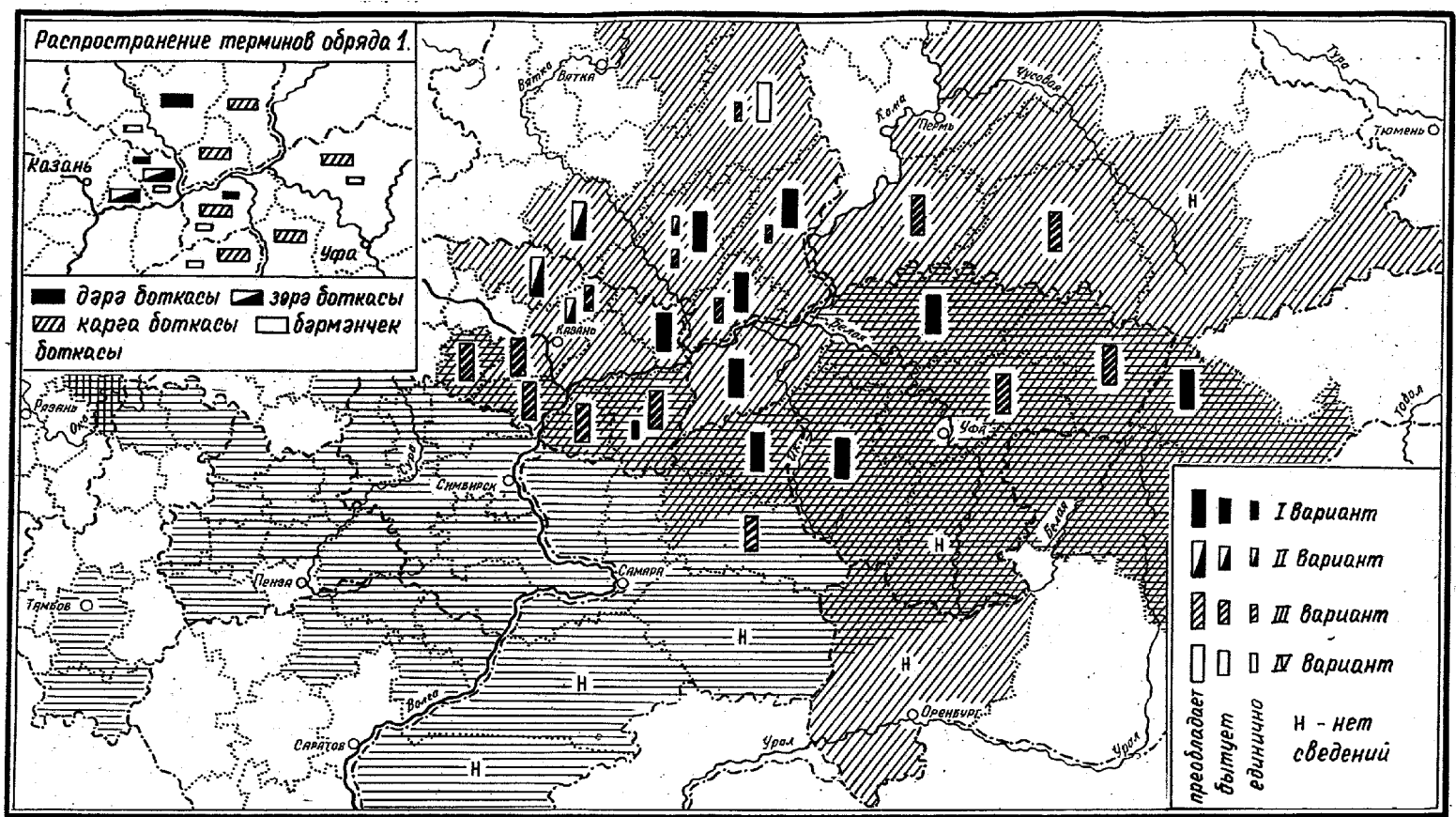
Карта 9. Комплексы традиционной женской одежды.

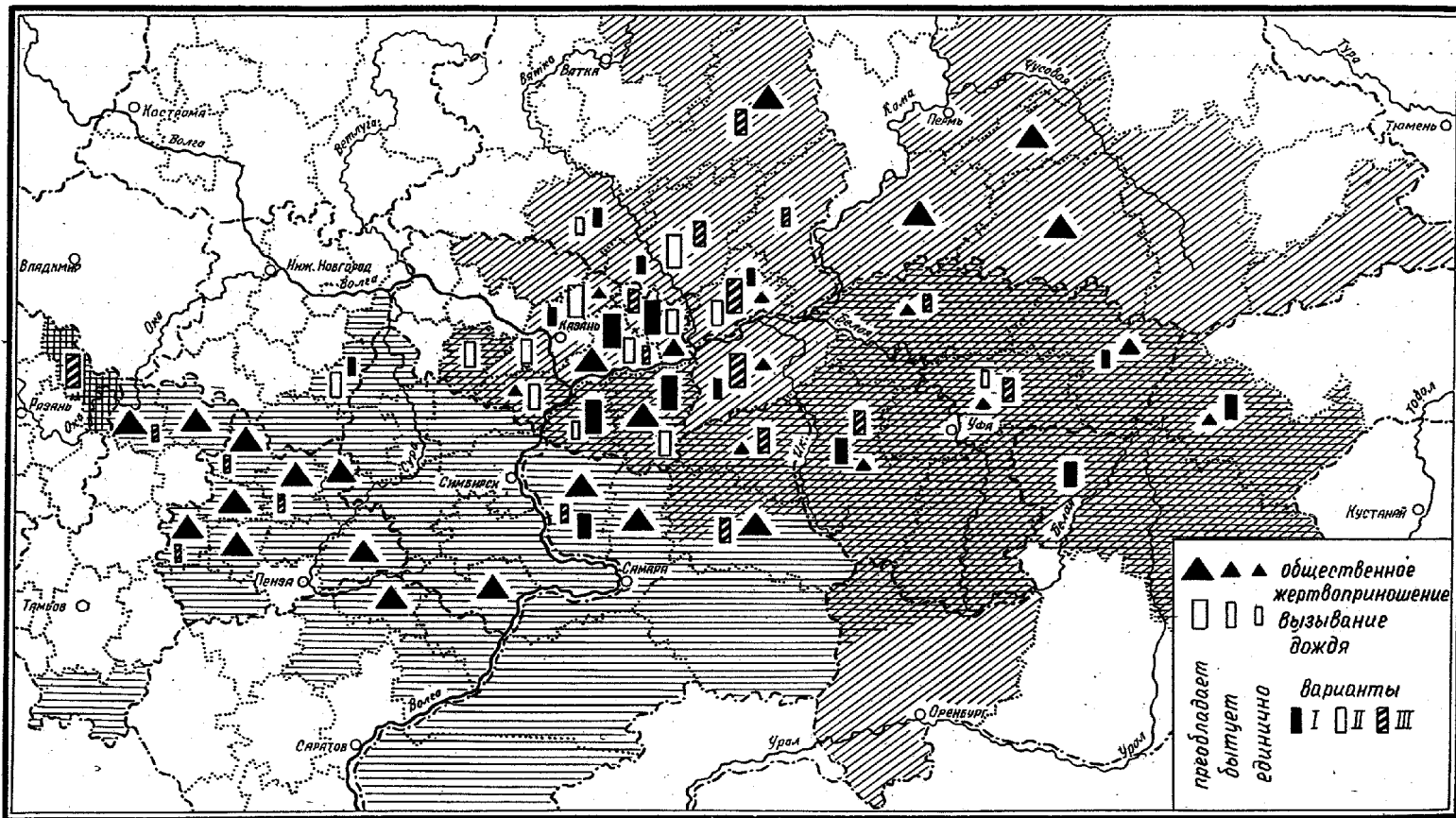
Карта 10. Комплексы украшений женского костюма.

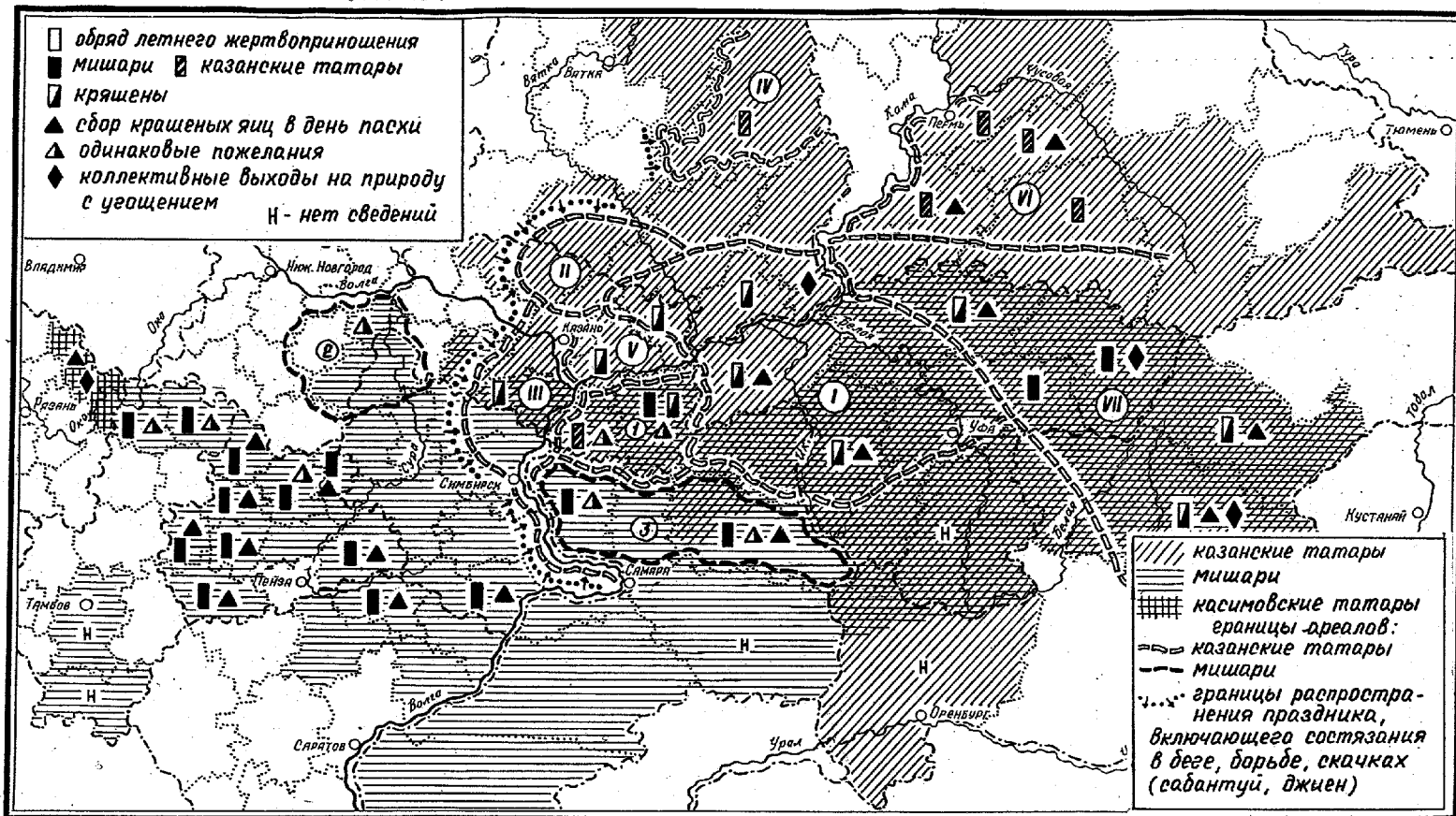
Карта 11. Сабантуй и его варианты.

Карта 12. Обряды летнего общественного жертвоприношения и вызывания дождя.

Карта 14. Комплексы годового цикла традиционных обрядов и праздников. Зоны их бытования.

Содержание

От редакторов 5

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава 1. Экологическая среда и традиционная культура татар Поволжья и Урала (Ю.Г.Мухаметшин, Н.А.Халиков) 8

Глава 2. Этносоциальные особенности хозяйственных традиций волго-уральских татар (Н.А.Халиков) 28

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава 3. Общие методологические аспекты проблемы структуры этноса (Д.М.Исхаков) 52

§1. Теоретико-методологические аспекты. Понятийный аппарат 52

§ 2. Историографический обзор 55

Глава 4. Проблемы этнокультурной дифференциации волго-уральских татар (Д.М.Исхаков) 63

§ 1. Основные принципы этнокультурного районирования 63

§ 2. Этнокультурные общности татар Волго-Уральской историко-этнографической области 69

Глава 5. Этнографические группы волго-уральских татар: опыт системного анализа (Д.М.Исхаков) 75

§ 1. Этнографические группы в составе субэтноса казанских татар 75

§ 2. Этнографические группы в составе субэтноса касимовских татар 97

§ 3. Этнографические группы в составе субэтноса мишарей 110

§ 4. Этнографические группы в составе субконфессиональной общности кряшен 131

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. Этнокультурное районирование

Глава 6. Этнокультурные и территориальные комплексы жилища (Н.А.Халиков) 167

Глава 7. Этнотерриториальные особенности ткачества (Ф.Ш.Сафина) 177

Глава 8. Этнокультурное районирование по данным народного костюма (С.В.Суслова) 187

Территориальные комплексы одежды 193

Территориальные комплексы женских украшений 197

Глава 9. Этнотерриториальные группы	
по данным обрядности (Р.К.Уразманова)	206
Весенне-летние обряды и праздники	207
Осенне-зимние обряды и праздники	220
Сводные комплексы годового цикла традиционных обрядов и праздников, ареалы их бытования	222
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Список сокращений	231
Карты	232

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ
ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
И ВОПРОСЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Историко-этнографический атлас
татарского народа

Компьютерный набор: *Л.Ф.Айдарова, З.Н.Яруллина*
Компьютерная верстка: *Л.М.Зигангареева*

Изд. лицензия № 0258 от 19.04.99

Отпечатано с оригинал-макета. Формат 70´108¹/₁₆.
Бумага ВХИ. Усл.печ.л. . Уч.-изд.л. .
Тираж экз. Заказ

ГУП «Полиграфическо-издательский комбинат».
420503, г.Казань, ул.Баумана, 19.